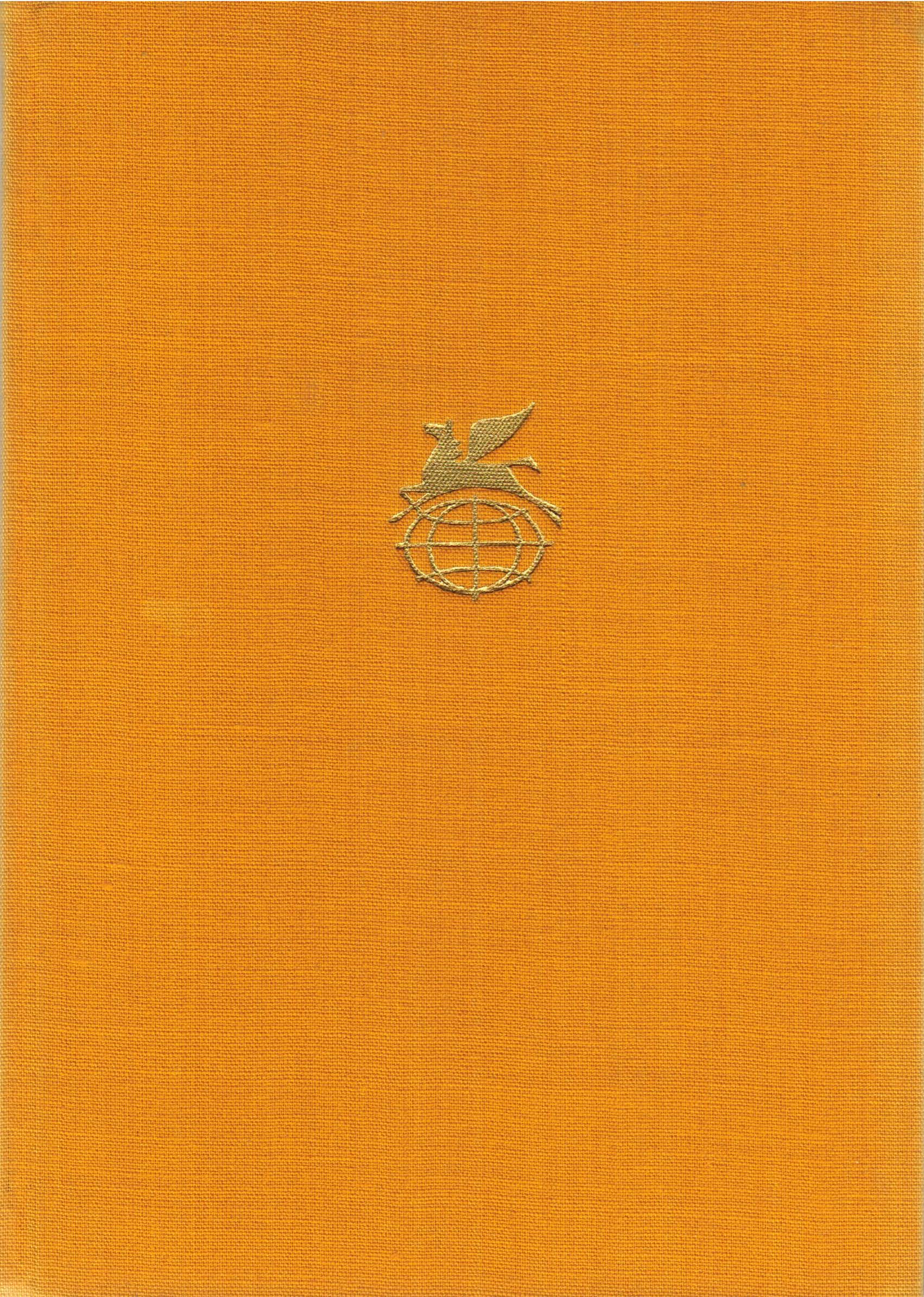
КАЛЕВАЛА



Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

КАЛЕВАЛА

ПЕРЕВОД С ФИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1977

Вступительная статья
Мариэтты Шагинян

Перевод
Л. Бельского

И(Фин)
К 17

Иллюстрации
А. Галлен-Каллелы

К $\frac{70404-224}{028(01)-77}$ подписное

КАЛЕВАЛА

I

Свыше ста лет назад по глухим деревушкам российской беломорской Карелии бродил страстный собиратель народных песен — рун. И манерами и одеждой он мало отличался от крестьян. Современники описывают его неуклюжим и добродушным человеком в длинном сюртуке из грубого сукна, в дешевой крестьянской обуви, с багрово-красным, обветренным от постоянного пребывания на свежем воздухе лицом. На портрете он уже старик — весь в крупных, натруженных морщинах, лучами расходящихся вокруг больших, прекрасных, полных доброты и сердечного простодушия глаз. Человек этот, доктор Элиас Лённрот, вышел из финской крестьянской семьи. Отец его, деревенский портной, был так беден, что мальчику приходилось и в пастухи наниматься, и с сумою ходить по большим дорогам.

Вспоминая детство, Лённрот говорит о себе:

Я учился только дома,
За своим родным забором,
Где родимой прялка пела,
Стружкой пел рубанок брата,
Я ж совсем еще ребенком
Бегал в рваной рубашонке.

(«Калевала», руна 50-я)

Но если у прялки и рубанка маленький Лённрот учился пению, у отца ему пришлось пройти суровую школу ремесла. Отец хотел сделать из него такого же, как сам он, деревенского портного. Однако будущий создатель эпоса «Калевалы» портным не стал. Еще маленьким мальчиком, для того чтобы приготовить свои школьные уроки без помехи, он просыпался до свету, брал учебники и залезал на дерево, где и занимался до той поры, покуда не просыпалась деревня и не начинались вокруг него утренние деревенские шумы.

Сохранился рассказ о том, как одна из соседок Лённротов будила своих детей: «Вставайте, Лённрот давно уже слез с дерева со своими книжками!» [1]

Ценою великого и упорного труда, всевозможных лишений, сурового терпения и настойчивости Лённрот добился высшего образования и получил звание врача-хирурга, а позднее стал одним из крупнейших филологов своей родины. Глубокое знание крестьянского быта и характера, страстный интерес к народному творчеству влекли Лённрота к странствованиям по родной земле, к собиранию памятников народной поэзии.

Он шел в глухие, болотистые, подчас едва проходимые дебри Карелии, доходил до берегов Ледовитого океана, жил в нищих избах карельских крестьян, питавшихся в голодные годы лепешками из сосновой коры, ночевал в лапландских юртах на оленьей шкуре, коротая с лапландцами долгую, темную полярную ночь и деля с ними скудную их пищу, такую скудную, что подчас и соль была у них роскошью. Разложив на коленях, на деревянной дощечке, которую он всюду брал с собой, свои письменные принадлежности, Лённрот записывал народные сказания, выискивая стариков, знаменитых на деревне своим исполнением рун. В то же время во всех этих скитаниях Лённрот не был праздным человеком в глазах крестьян. Профессионально он отнюдь не прожил свой век «только» фольклористом, филологом и этнографом. Лённрот долго работал окружным врачом в глухом провинциальном городке Каяны; он тотчас при вспышке холеры в Финляндии уехал как врач «на холеру» и, борясь с эпидемией, самоотверженно оказывая помощь больным, сам заразился и переболел холерой. Во время своих скитаний он нес крестьянам врачебную помощь, а работая врачом, не пренебрегал и своим отличным знанием кройки, полученным от отца: по просьбе крестьян частенько, например, заменял хирургические ножницы обыкновенными портняжными, раскраивая материю под крестьянское платье. Да и свою одежду, тот самый «грубый сюртук», о котором писали современники, Лённрот кроил и шил сам.

В сороковых годах прошлого столетия в Финляндии официальным языком в школе и в литературе был шведский. Но пробуждавшееся у передовых общественных деятелей национальное самосознание заставляло их прислушиваться к тому языку, на котором говорил с древних времен народ, говорило крестьянство. И эти передовые деятели буквально «открывали» для себя и родной народ, и его язык.

Еще в двадцатых годах издатель еженедельной газеты в финском городе Або Рейнгольд Беккер начал печатать в своей газете записи народных рун, певшихся крестьянами. Губернский врач Захария Топелиус издал в 1822—1836 годах несколько записанных им рун. Финское студенчество и передовая часть интеллигенции с огромным интересом встретили это обращение к народному творчеству.

---

[1] В. А. Гордлевский. Памяти Элиаса Лённрота. М., 1903, с. 8. Оттиск из журнала «Русская мысль», кн. V, 1903.

Топелиус первый заметил, что искать надо руны на востоке, в российской Карелии, Viena, как ее называют финны, среди общительных, живых, веселых тружеников, карельских крестьян. Беккер первый высказал догадку, что древние руны — это разрозненные части первоначального целого, связанные общностью темы и героев. И Элиасу Лённроту в его странствиях по глухим карельским деревушкам часто приходилось вспоминать эти два указания его предшественников.

Российская Карелия — древняя Олония, в самом имени которой для нас заложено множество волнующих исторических воспоминаний Петровской эпохи,— была, да и сейчас осталась, страною исключительных поэтических народных дарований. Именно среди восточных карелов зародились и выношены были творческой связью из поколения в поколение чудные древние руны о стране богатыря Калевы, о приключениях его сыновей, о мудром старом песнопевце Вяйнямёйнене, о молодом чудодее-кузнеце Ильмаринене, о веселом бабьем угоднике и неисправимом драчуне и забияке Лемминкяйнене, о злой старухе Лоухи, хозяйке северной страны Похъёлы и матери красивых дочек, за которых сватались герои «Калевалы», и о многом другом, поражающем воображение слушателя.

Вдохновенно-прекрасные и в то же время удивительно точные картины северной природы; тонкий рисунок человеческих характеров — от маленькой девочки-рабыни, «наймычки из деревни», до легкомысленной красавицы из богатого дома — Кюлликки, от насмешливого запечного мальчишки, вставляющего свое острое словцо в свадебные причитания взрослых, до «верховного бога» Укко, созданного фантазией народной по образу и подобию деревенского деда; поистине потрясающие сцены разыгравшихся стихий — мрака, мороза, ветра, сцены открытия железа, начала сваривания железной руды в железо и сталь, выковывания первых предметов труда, наконец, полная глубокого смысла центральная эпопея создания мельницы-самомолки, чудесного Сампо, приносящего народу благоденствие,— обо всем этом пели руны из века в век, преимущественно в российской Карелии, где их услышал и записал Элиас Лённрот.

Совершив свое первое путешествие в 1828 году, он повторил его в 1831 году, выйдя на границу тогдашней российской Карелии, затем продолжил в 1833 году уже в самой российской Карелии и, наконец, увенчал в 1834 году наиболее удачным и плодотворным сбором рун в округе Вуоккиниеми тогдашней Архангельской губернии (ныне Калевальский район Карельской АССР), где познакомился с восьмидесятилетним старцем Архипой Перттуненом, «патриархом певцов рун», спевшим для него много песен и рассказавшим ему, как дед его со своим другом рука об руку пели руны у костра все ночи напролет... Как счастлив был Элиас Лённрот, слушая этого старика, так отчетливо помнившего старые песни! Чем быстрее бегало его перо по бумаге, тем явственнее проступали перед собирателем рун общие для всех них черты и темы, словно бродил он между драгоценных обломков разбившегося когда-то единого целого. И вот уже творческая фантазия собирателя, живое

воображение сына народа, делившего со своим народом с детских лет его простую и тяжкую судьбу, начали само собой складывать и связывать эти обломки, составлять из них единую эпопею.

Лённрот не сразу опубликовал «Калевалу». Он издал сперва в 1835 году всего 32 руны (12 078 стихов). То был еще не совершенный, как бы черновой набросок будущего эпоса. Спустя четырнадцать лет он добавил к нему 18 рун, изменил чередование отдельных рун и строф, и в таком виде (50 рун —22 795 стихов) «Калевала» была закончена в феврале 1849 года. Она вышла в декабре того же года, и это явилось событием не только для финского народа: «Калевала» как бессмертный памятник народного творчества вошла в сокровищницу мировой литературы. Свежесть и своеобразие мира, открывшегося в «Калевале», захватили читателей многих стран, где появились переводы этого замечательного эпоса.

Огромное впечатление произвела «Калевала» и у нас в России. Передовая русская интеллигенция с сердечным сочувствием и вниманием следила за пробуждающимся в Финляндии интересом к языку и творчеству народа. Когда появилось первое издание «Калевалы», русский ученый Я. К. Грот перевел несколько рун и в 1840 году напечатал их в «Современнике». Была сделана попытка (правда, неудачная) перевести «Калевалу» языком русского былинного эпоса (Гельгрен); в сокращенном изложении издал «Калевалу» на русском языке Гранстрем; знакомил русского читателя с «Калевалой» и Ф. И. Буслаев. Но по-настоящему узнал русский читатель «Калевалу» лишь тогда, когда ученик Буслаева, филолог Л. П. Бельский, перевел ее со второго издания Лённрота. Труд Бельского был высоко оценен: ему была присуждена малая Пушкинская премия. Перевод вышел в конце восьмидесятых годов, а через двадцать пять лет, значительно исправленный, он был снова переиздан [1]. Несмотря на оставшиеся и после исправления ошибки и неточности, этот труд Бельского не потерял своего значения и теперь.

Русскому читателю восьмидесятых и девяностых годов «Калевала» не только открывала мир высокой поэзии и огромной художественной силы: «Калевала» была голосом народа, рвавшегося к национальному самосознанию, искавшего в прошлом моста к будущему. Именно так прочитал в те годы «Калевалу» великий русский писатель Алексей Максимович Горький.

Трудно переоценить впечатление, полученное им от «Калевалы». Горький не раз и не два упоминает об этом эпосе на протяжении всей своей жизни. Он пишет о нем в 1908 году: «...Индивидуальное творчество не создало ничего равного Илиаде или Калевале...» [2]. Он называет «Калевалу» в 1932 году «мону-

---

[1] «Калевала». Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. В советское время «Калевала» в переводе Л. П. Бельского появлялась в печати неоднократно: в издательстве «Academia» в 1933 г., в Карело-Финском Государственном издательстве в Петрозаводске в 1940 г. и в 1956 г., в Гослитиздате в 1949 г. и в 1956 г.

[2] «Очерки философии коллективизма», сборник первый. «Знание», 1909.

ментом словесного творчества»[1]. Он сравнивает ее в 1933 году с бессмертными созданиями античной греческой скульптуры: «Грубый материал, но древние греки создали из него образцы скульптуры, все еще не превзойденные по красоте и силе... «Калевала» и весь вообще эпос создан тоже на грубом материале»[2].

Горький упоминает о «Калевале» и во втором томе «Клима Самгина», уже в последнее десятилетие своей жизни: «Самгин вспомнил, что в детстве он читал «Калевалу», подарок матери; книга эта, написанная стихами, которые прыгали мимо памяти, показалась ему скучной, но мать все-таки заставила прочитать ее до конца. И теперь, сквозь хаос всего, что он пережил, возникали эпические фигуры героев Суоми, борцов против Хийси и Лоухи, стихийных сил суровой природы, ее Орфея Вяйнямейнена, сына Илматар, которая тридцать лет носила его во чреве своем, веселого Лемминкяйнена,— Бальдура финнов, Илмаринена, сковавшего Сампо, сокровище страны».

Через десятки лет пронес Горький память об этих эпических героях, заставив их ожить в воображении Самгина именно тогда, когда тот очутился среди реальной природы, одинаковой и для Финляндии и для Карелии. И дальше, на той же странице, коротенькое — в три строчки — не столько описание, сколько ощущение этой северной природы, показывающее, как крепко и нежно запомнил ее сам писатель: «Удивительна была каменная тишина теплых, лунных ночей, странно густы и мягки тени, необычны запахи...»

Вот так, с живым народом, на реальной земле, воспринимал Горький бессмертные образы эпоса, показывая и нам верный путь к пониманию народного эпического творчества.

Почти одновременно с великим русским художником, лишь на три-четыре года раньше его первого высказывания о «Калевале», заложил научные основы понимания «Калевалы» и русский ученый, действительный член Академии наук СССР В. А. Гордлевский. Написанная в 1903 году небольшая, но содержательная работа его о Лённроте, отражающая настроения передовой части русской интеллигенции того времени, не устарела и сейчас[3].

В. А. Гордлевский родился в Финляндии (в Свеаборге), он знал финский язык и был лично знаком со многими финнами — учеными и писателями. Различные взгляды на «Калевалу», высказывавшиеся в те дни и в Финляндии и у нас, были хорошо ему известны. Взгляды эти в основном делились на два течения,— и оба течения из XIX века перешли в XX, развиваются и высказываются и поныне. Для нас знакомство с этими взглядами интересно не только из-за самого предмета спора — поэмы «Калевала», национальной ценности и финнов, и народа Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Оно интересно для нас и тем, что вскрывает очень глубокие корни политического использования художественного наследства,

---

[1] «Наступление», 1932, № 2. Л., с. 1.
[2] «Год шестнадцатый». Заметки. М., 1933.
[3] Уже упомянутая выше статья «Памяти Элиаса Лённрота».

влияния взглядов и социальной позиции ученого на, казалось бы, чисто научные выводы по таким далеким от всякой политики вопросам, как вопрос о давности происхождения и целостности эпической поэмы или вопрос о трактовке образа тех или иных ее героев.

Для одной группы ученых, продолжающих традиции Беккера, Топелиуса и Лённрота, «Калевала» — это великий и цельный памятник народного творчества. Образ ее героя Вяйнямёйнена понимается ими в духе сказанного о нем Лённротом: «В этих рунах о Вяйнямёйнене говорится обычно как о серьезном, мудром и полном провидения, как о работающем для блага грядущих поколений, всеведущем, могучем в поэзии и музыке герое Финляндии. Больше того, хотя его называют старым, однако возраст не очень мешает ему при сватовстве (при ухаживанье, courting)» [1].

Вечно молодой старец Вяйнямёйнен — любовь и надежда простого народа, «работающий для блага грядущих поколений», это одна версия. Во множестве народных рун он отразился именно таким. И Лённрот, сын своего народа, никогда не отрывавшийся от него не только в мышлении, но и в труде и в жизни,— слил эти разбросанные по рунам черточки в один образ, дал им преобладающее значение. Лённрот сам был народным певцом, когда создавал из разнородных рун одно целое. После того как «Калевала» была напечатана, читатель получил в руки памятник народного творчества, уже неделимый и неразнимаемый по частям, поскольку его целостность — дело индивидуального творчества Лённрота. Хотя противоречия и многослойность рун (по времени их создания) и не были сглажены или уничтожены Лённротом,— но в этом кажущемся поэтическом конгломерате читатель воспринимает великое внутреннее единство. Эпос вращается почти всеми своими лучами-рунами вокруг одной темы — вокруг борьбы за таинственное Сампо, в котором олицетворено благосостояние народа. Каждый образ поэмы, помимо центрального, Вяйнямёйнена,— живет своей яркой индивидуальной жизнью. Насколько вообще органичен этот памятник, где слиты воедино творчество народа и талант сына народа, Лённрота,— доказывает сильнейшее воздействие «Калевалы» на поэзию других стран. Она вызвала к жизни знаменитую поэму Лонгфелло «Песнь о Гайавате», ритм и язык, строфика и образность которой в огромной степени определены влиянием «Калевалы» Лённрота.

Для ученых, рассматривающих «Калевалу» именно как памятник, цельность которого спаяна еще и самим временем,— происхожденье его рун тоже не представляет сомнений. Они видят доминирующее начало именно в тех рунах, которые полны деталями эпохи родового строя и, следовательно, зародились еще в глубокой древности. Такой крупный прогрессивный финский ученый, как профессор Вяйно Кауконен, изучая, например, отдельные, не вошедшие в «Калевалу» руны, отнюдь не стремится расшатать единство

[1] Перевожу с английского издания труда современного финского исследователя рун профессора Мартти Хаавио: «Väinämöinen eternal sage», «Porvoo-Helsinki», 1952, с. 5.

собранного и созданного Лённротом памятника. Исследования его идут в направлении общечеловеческих мифологем в рунах, их сказочно-легендарного богатства, присущего многим народам. Он прислал мне, например, в 1955 году интереснейшую обширную запись финской народной руны об эпическом богатыре «Калевалы» кузнеце Ильмаринене, похожей на запись кавказской легенды об Амиране-Прометее, закованном в кавказскую скалу... Руна эта, несомненно перекликающаяся и с образом Прометея, и с образом Мгера,— расширяет содержание образа Ильмаринена, но не посягает на тот характер этого героя «Калевалы», каким он изображен в поэме Лённрота.

Иное мы видим у представителей второго течения. Для них сказочное творчество народа в рунах, всегда имеющее морально-смысловой характер и выражающее жизненные чаянья и мечты народа, не представляет интереса. Они обращают весь пыл своих исследований на историческую сторону, причем выдвигают как основные именно те руны, которые носят на себе черты средневековья. Отсюда теории аристократического происхождения рун, их близости не к восточной Карелии (Viena), а к шведскому Западу, к эпохе викингов. Для ученых, придерживающихся таких взглядов, руны — это порождение феодального замка, детище придворных певцов. «Сампо» — не имеет ничего общего с народным благосостоянием, а поход за ним в Похъёлу — это «крестовый» поход на остров Готланд (концепция К. Крона, видящего во всех героях «Калевалы» исторических викингов и так рассматривающего поэму в своей работе «Калевала» и ее раса»). Подчеркиваются, с помощью этимологического разбора отдельных слов, скандинавские элементы в рунах, а нахождение их именно в русской Карелии приписывается эмиграции туда западных финнов в средние века. Даже в блестящей работе Мартти Хаавио, цитированной мною выше, где сравнительная часть (аналогии с греческими и другими древними мифами, изложение космогоний и т. д.) читается с огромным интересом, отрыв карельских и финских рун от их народного, жизненного содержания и абстрактный метод изучения их, к сожалению, очень силен.

Вот почему беспристрастное слово большого русского ученого, хорошо знавшего финскую литературу,— слово, высказанное им свыше полувека назад, приобретает для нас особо важное значение. Я приведу длинную цитату из упомянутой мною выше работы В. А. Гордлевского, сразу вносящую ясность в вопрос о «Калевале»:

«Что такое «Калевала»? Представляет ли она *народную поэму,* созданную пером Лённрота, в духе народных певцов, или это искусственная амальгама, слепленная самим Лённротом из разных обрывков?.. Лённрот бережно сохранил все свои рукописи, и не так давно доцент А. Ниеми произвел кропотливое исследование, которое обнаружило, что огромное большинство стихов (по крайней мере 94%) вышло из уст народа. Может быть, греческий эпос созидался так же... В своей основе «Калевала» — *народное произведение, запечатленное демократическим духом...* Западное финское наречие, на которое в XVI столетии епископ Агрикола перевел Библию, потускнело от

общения с шведским языком, оно утратило, одним словом, силу и гибкость восточного карельского наречия. «Калевала», народная поэма, собранная главным образом в русской Карелии, так ярко выделилась своей звучностью от сухого, церковного языка, что у ее друзей возникла мысль избрать в светской литературе карельское наречие. Между приверженцами западного и восточного наречий возгорелся спор, который мог расколоть финский литературный язык на два различных диалекта. Разгадав тайники народного языка во всем его диалектическом разнообразии, Лённрот предотвратил распадение, искусно вводя меткие слова и формы из необъятного запаса, хранящегося в народе. От него идет современный финский язык, достигающий под пером Юхани Ахо художественной виртуозности» [1].

Итак, «Калевала» — народный эпос, собранный в российской Карелии, скомпонованный и как бы воссозданный Элиасом Лённротом, *демократический* в своей основе, подобный «Илиаде» и «Одиссее» по характеру своего возникновения и помогший народам Карелии и Финляндии благодаря неисчерпаемому богатству и свежести речи своей и при помощи мудрых усилий сына народа Лённрота выработать современный финский литературный язык.

Следуя за указаниями А. М. Горького и В. А. Гордлевского, обратимся теперь к страницам самой «Калевалы».

II

Перед нами разворачивается необычайный мир, полный первобытной прелести.

Северная его точка — мрачная страна Похъёла, где еще свежи черты древнего матриархата, материнского права: там царствует злая старуха Лоухи, хозяйка Похъёлы. Неподалеку от нее, под землей или под водой, лежит странное царство мертвых — царство Туони, Туонела, в черных реках которой люди находят свою кончину. Это — первобытное представление о «том свете», об аде.

Южная точка этих северных пространств — светлая страна Ка́левы, Ка́левала, где живут герои эпоса: старый, верный Вяйнямёйнен, «вековечный песнопевец», кузнец Ильмаринен, весельчак Лемминкяйнен. Где-то, по бесконечным озерам-морям, лежат острова Саари, и на одном из них еще сохранился древнейший обычай родового строя — групповая любовь. Тут же, в чащобах могучих скал и лесов, среди водопадов и рек, живет род Унтамо, уничтоживший в братоубийственной войне род своего брата Ка́лерво (чудесные руны о сыне Калерво, юноше Куллерво, проданном в рабство, и о его мести)...

Все это Север, но как разнообразен этот Север! Казалось бы, между Похъёлой и Калевалой не может быть географически очень большой разницы:

---

[1] В. А. Гордлевский. Памяти Элиаса Лённрота, с. 22—23 и 26. (Курсив везде мой.— *М. Ш.*)

тот же скудный растительный мир, тот же суровый северный климат. Но народные певцы находят целую гамму красок для оттенения разницы между ними.

Похъёла и ее жители описываются так, что до вас как бы доносится ледяное дыхание полюса:

Приходи, о дочка Турьи,
Из Лапландии девица,
В лед и в иней ты обута,
В замороженной одежде,
Носишь с инеем котел ты
С ледяной холодной ложкой!..
Если ж этого все мало —
Сына Похъёлы зову я.
Ты, Лапландии питомец,
Длинный муж земли туманной,
Вышиной с сосну ты будешь,
Будешь с ель величиною,—
У тебя из снега обувь,
Снеговые рукавицы,
Носишь ты из снега шапку,
Снеговой на чреслах пояс!
Снегу в Похъёле возьми ты,
Льду в деревне той холодной!
Снегу в Похъёле немало,
Льду в деревне той обилье:
Снега реки, льда озера,
Там застыл морозный воздух;
Зайцы снежные там скачут,
Ледяные там медведи
На вершинах снежных ходят,
По горам из снега бродят;
Там и лебеди из снега,
Ледяных там много уток
В снеговом живут потоке,
У порога ледяного.

(Руна 48-я)

Но стоит только передвинуться от Похъёлы в сторону Калевалы, как эта ледяная корка земли раскалывается. Шумные реки и водопады, озера, полные окуней и лещей, сигов и щук, веселые острова на озерах, покрытые зелеными рощами, и, наконец, самый лес с его непроходимыми топями и болотами, лес, где светятся гнилушки в старых пнях, где скачет искра, упавшая с неба, зажигая бушующие пожары, где

...росла сосна в лесочке,
Елка там была на горке,
Серебро — в ветвях сосновых,
Золото — в ветвях у елки.

(Руна 46-я)

И где хозяин леса — добродушный, сговорчивый Тапио, а хозяйка леса — ласковая Миэликки, сама словно пахнущая земляникой и медом.

И вместо снежных медведей Похъёлы здесь скачет уже совсем другой мишка, вожделенный предмет охоты и в то же время любимый, уважаемый зверь, носящий следы тотемизма, родового культа, нежно называемый:

Отсо, яблочко лесное,
Красота с медовой лапой!

(Руна 46-я)

Хозяйка леса отправляет своего пушистого любимца на лесную, сладкую жизнь:

Чтоб бежал он на болота,
Чтобы бегал он по рощам,
Чтоб бродил опушкой леса,
Чтобы прыгал по полянам.
Но идти велит пристойно,
Подвигаться осторожно,
Жить в веселье постоянном,
Золотые дни лелея,
На полях и на болотах,
На полянках, полных жизни,
Башмаков не зная летом
И чулок не зная в осень,
Отдыхая в непогоду,
Укрываяся зимою
Под навесом из черемух,
Возле крепости иглистой,
У корней прекрасной ели,
В можжевельника объятьях...

(Руна 46-я)

Но когда этот любимец леса, Отсо с медовой лапой, понадобился сынам Калевы, добрая Миэликки сама отдает его им. И охота на медведя описана в рунах так удивительно любовно, с таким теплым ощущением благоволения природы к человеку и уважения к убитому зверю, что читатель не сразу даже и понимает, идет ли речь о торжественном приводе живого мишки в гости к людям на свадьбу или о доставке в избу его туши.

Лес для героев «Калевалы» — не только лес и не просто лес: в нем заключено их будущее. Лес — это земля для посева. Кроме лесных чащоб да болот, в Карелии нет клочка земли, годного для обработки. Примитивное подсечное земледелие, когда подсекают, валят и сжигают лес, чтобы отвоевать у него пашню, заставляет жителя Калевалы тяжко трудиться и остро чувствовать важность леса. Ароматным запахом деревьев полна 44-я руна, где рассказывается, как Вяйнямёйнен, потерявший свой музыкальный инструмент — кантеле,— который он сделал из щучьих костей, решает изготовить новое кантеле, уже из дерева, и ведет беседу с березой. Светло-зеленое, с белым станом, кружевное дерево Карелии, березка, так и вошедшая в ботанику под названием карельской, жалуется на свою судьбу. Вяйнямёйнен спрашивает ее:

Что, краса-береза, плачешь?
Что, зеленая, горюешь?..
Не ведут тебя на битву
И к войне не принуждают.

Береза отвечает ему:

Может, многие наскажут,
Может, кто и насудачит,
Будто весело живу я,
Шелестя, смеюсь листвою...
Я же, слабая береза,
Я должна терпеть, бедняжка,
Чтоб с меня кору сдирали,
Эти ветки обрубали.
    Часто к бедненькой березе,
К этой нежной очень часто
Дети краткою весною
К белому стволу приходят,
Острый нож в него вонзают,
Пьют из сердца сладкий сок мой!
Злой пастух в теченье лета
Белый пояс мой снимает,
Ножны он плетет и чаши,
Кузовки плетет для ягод.
    Часто под березкой нежной,
Часто под березкой белой
Собираются девицы,
Вкруг ствола красотки ходят,
Листья сверху обрезают,
Вяжут веники из веток.
    Часто тонкую березку,
Горемычную частенько
При подсечке подсекают,
На поленья расщепляют.
Вот уж трижды в это лето,
В эту солнечную пору,
У ствола мужи стояли,
Топоры свои точили...

(Руна 44-я)

Вяйнямёйнен тоже срубает ее, но он делает из нее кантеле, и береза получает бессмертный голос.

Не только лес превращается в пашню, но и самый посев зерна связан с памятью о лесе, о лесном звере: ведь драгоценные посевные семена хранятся у сеятеля в мешочках из лесных шкурок, добытых охотой:

    Старый, верный Вяйнямёйнен
Все шесть зерен вынимает,
Семь семян берет рукою,
Взял из куньего мешочка,
Взял из лапки белки желтой,
Летней шкурки горностая.

(Руна 2-я)

Читатель, может быть, обратил внимание на странную арифметику «Калевалы»: Вяйнямёйнен в одном стихе говорит о шести зернах, а в следующем стихе зерен оказывается уже семь.

Превосходный знаток и исследователь «Калевалы» О. В. Куусинен, касаясь этих строк, указал на то, что здесь перед нами прием древнейшего первобытного человеческого мышления, еще не умеющего обобщить накапливаемый опыт в едином понятии или образе, но в то же время стремящегося выразить свое представление о предмете не на основе одного его признака, а на основе рассматривания движущегося предмета, рассматривания накапливающегося числа его признаков. Если первый стих у древнего певца говорит о шести зернах, а второй — о семи, то второй вовсе не «дублирует» первый, «нечаянно» давая неточную цифру. Оба стиха должны выразить многочисленность зерен, и, характеризуя их по счету «шесть, семь», поэт хочет дать представление о множестве. Кроме цифровых несовпадений в двух параллельных строчках, в «Калевале» есть и другие несовпадения, иногда противоречия в эпитетах, замены подлежащих, замены глаголов. Иногда такие параллелизмы раскрывают свой познавательный смысл при помощи движения.

В руне 5-й есть прелестное место, где погибшая девушка Айно, превратившаяся в рыбку, уплывает от своего преследователя Вяйнямёйнена:

Подняла из волн головку,
Правым боком показалась
На волне морской, на пятой,
При шестом станке у сети.
Правой ручкой потянулась
И сверкнула левой ножкой
На седьмой полоске моря,
На валу зыбей девятом.

Пусть читатель представит себе это перечисление цифр: на пятой волне, у шестого станка рыбачьей сети, на седьмой полоске моря, на девятом гребне волны. Что это, как не чудесное, высокохудожественное изображение уплыванья рыбки все дальше, дальше от кормы лодки, где сидит ее похититель? Вы как бы чувствуете волнообразный перенос с одной волны на другую удивительной рыбки-русалочки. А певец прибавляет еще и другой цифровой образ, правда, не выраженный в прямом счете, но все же подразумевающий «первое», «второе»:

Правой ручкой потянулась
И сверкнула левой ножкой,—

образ последовательного движения рукою и ногою при плавании. И так осязаемо, так ярко и точно уходит от вас чудесная русалочка Велламо в этом совершенном по лаконизму и выразительности поэтическом отрывке!

В живом чувстве природы, с каким раскрывается перед нами земля Калевы, есть одно постоянное слагаемое: природа воспринимается и изобража-

ется певцом не сама по себе, не изолированно, а одновременно с хозяйством, как место труда и работы человека, борьбы и преодоления. Чувство природы связано в «Калевале» с чувством хозяйничанья, работы на земле.

Лес, как мы видели,— это отец древнего землепашества; деревья и звери его вносят свою долю и свой голос в труд человека. Но лес с его молчаливыми озерами и непроходимыми болотами, с его проточными водами и мшистыми гранитными скалами — отец не только древнего землепашества, но и первой человеческой промышленности: мясо зверя образует «пищевую промышленность», а звериные и рыбьи кости идут на изделия, шкура — на одежду, жилы — на веревки, самое дерево используется, начиная от первобытной гнилушки — источника огня,— кончая тонким инструментом — кантеле,— созданным из карельской березы. Дерево идет и на постройку главного средства сообщения в родовом обществе — лодки. В девственных чащах Карелии, где озеро перекликается с озером, протоки связывают озера друг с другом, а там, где нет воды, человек протаскивает лодку до следующего озера волоком,— в этих чащах постройка судна — важнейшее дело. Когда Ильмаринен говорит Вяйнямёйнену, задумавшему строить корабль: «Путь по суше безопасней»,— старый певец отвечает:

Путь по суше безопасней,
Безопасней, но не легче,
Он извилистей и дольше.

(Руна 39-я)

Лодка, судно — более передовой, технически более культурный способ передвижения, нежели собственные ноги. Когда лодка построена, Ильмаринен сам уселся грести, и лодка — изделие человеческих рук — заговорила с людьми, заражая путешественников все тем же слитным, могучим, единым в многообразии чувством природы, каким дышала речь березы под руками мастера и музыканта Вяйнямёйнена. Это место одно из наиболее поэтичных в поэме:

Побежал челнок дощатый,
И дорога убывает.
Лишь звучат удары весел,
Визг уключин раздается.
Он гребет с ужасным шумом,
И качаются скамейки,
Стонут весла из рябины.
Ручки их, как куропатки,
Их лопатки, как лебедки,
Носом челн звучит, как лебедь,
И кормой кричит, как ворон,
И уключины гогочут.

(Руна 39-я)

Но в лесу, в озерах, кроме охоты и древесных богатств, человек находит еще и железную руду. «Калевала» рассказывает об одном из важнейших пере-

воротов, пережитых человечеством,— о переходе из бронзового века (верней, из каменного, поскольку в Карелии почти не знали бронзы) в железный век, об овладении железом. Каждому, кто проедет сейчас по лесам Карелии, непременно попадутся старинные металлургические заводики, остатки кирпичных стен и ям с почерневшим вокруг лесом. В Карелии на дне озер много железной руды, которую здесь успешно плавили еще в Петровы времена. Но и за тысячу лет до Петра, в эпоху распада родового строя, население знало о железе, знало о власти над ним, и певцы «Калевалы» поют об этом.

В замечательной 9-й руне рассказывается о происхождении железа и стали из женского молока, истекшего на землю. Железо, младший брат огня, захотело познакомиться со своим старшим братом, но, испугавшись его шумной ярости, бежало от него под землю:

И бежит оно далеко,
Для себя защиты ищет
В зыбких топях и болотах
И в потоках быстротечных,
На хребте болот обширных
И в обрывах гор высоких,
Где несут лебедки яйца,
Где сидят на яйцах гуси.
И в болоте, под водою,
Распростерлося железо...

Но ненадолго спаслось железо от огня. Когда подрос Ильмаринен, он построил себе кузницу возле озера и пошел по следам волчьим и медвежьим. Видит, на этих следах «отпрыски железа» и «прутья стали»:

Он подумал и размыслил:
«А что будет, если брошу
Я в огонь железо это,
Положу его в горнило?»

(Руна 9-я)

Глинистая земля уже обжигалась на огне,— а что будет в огне с этой странной железной землей? И дальше в «Калевале» идут поистине бессмертные стихи, проникнутые глубокой человечностью. Они заставляют задуматься о многом, о самом современном, хотя это древние стихи, сложенные древним человеком, на заре человеческой культуры.

Открытие железа — огромное событие в истории человечества.

С железом руки первобытного человека неизмеримо удлинились: он стал глубже вспахивать землю (железный плуг), он стал далеко закидывать свои стрелы, он подковал коня, скрепил гвоздем доски, получил первого механического помощника в труде. Вся технология, основанная на камне, на выдалбливании ствола, на округлых формах дерева, сменилась новой,

бесконечно более совершенной. И человек получил в руки могучее оружие: он выковал острый, разящий меч.

Войдем под сень дремучего, сказочного леса, в закопченную кузню первого кузнеца Ильмаринена, оказавшегося перед лицом величайшего, эпохального открытия, нового фактора культуры. Как он повел себя с железом? И как повел себя народ, безыменный составитель рун, в своих песнях поведав нам об открытии железа?

Расплавившись в горниле, железо стало просить Ильмаринена выпустить его из горна. Но кузнец ответил железу:

Коль тебя отсюда выну,
Может, станешь ты ужасным,
Станешь слишком беспощадным,
Своего порежешь брата,
Сына матери поранишь.

(Руна 9-я)

И железо дает клятву Ильмаринену, что не будет служить братоубийству, не будет резать человеческое мясо, когда есть для резания и дерево и камень:

Есть деревья для пореза,
Можно сердце рвать у камня...
Сына матери не трону...
Послужу ручным орудьем...

(Руна 9-я)

Тогда Ильмаринен берет покорное железо из горна на наковальню и пробует его ковать. Но железо еще не совершенно, и, добавляя в него щелоку и разных снадобий, кузнец решил влить в железо еще один крепчайший, благородный состав — сладость пчелиного меда:

Вот с земли пчела взлетела,
Синекрылая из травки...
И кузнец промолвил слово:
«Пчелка, быстрый человечек!
Принеси медку на крыльях,
Языком достань ты сладость
Из шести цветочных чашек,
Из семи верхушек травных,
Чтобы сталь мне изготовить,
Чтобы выправить железо!»

(Руна 9-я)

Но слова Ильмаринена услышал слуга злого бога Хийси — шершень. Перегнав пчелу, он принес кузнецу на крыльях вместо меда яд ехидны, шипенье змей, скрытый яд лягушки и все это бросил в горнило. Ильмаринен

обманут. Он принял злого шершня за «пчелку, быстрого человечка», как всюду в рунах ласково именуется эта маленькая крылатая труженица. В горниле сварился убийственный сплав:

Вышла сталь оттуда злою,
Злобным сделалось железо
И нарушило присягу,
Как собака, съело клятвы;
Без пощады режет брата
И родных с ужасной злобой,
Заставляет кровь струиться
И бежать из раны с шумом.

(Руна 9-я)

Так образно, с таким наивным простодушием сказки, раскрывается в «Калевале» — этом бессмертном памятнике народного творчества — противоречие между мирным назначением железа и его разрушающей силой.

III

Рассказ о происхождении железа приведен в руне с особою целью. Дело в том, что «вещий, верный Вяйнямёйнен», желая добыть себе в жены дочь Похъёлы, взялся сделать по ее просьбе лодку. Но, когда он вырубал ее топором, бог зла Хийси (он же Лемпо) направил этот топор против Вяйнямёйнена и нанес ему глубокие раны. Певец истекает кровью. Надо заклясть кровь. И Вяйнямёйнен начал заклинания. Но вот беда: все слова он помнит, а слово, заклинающее железо, он забыл. Вяйнямёйнен едет за помощью к хозяину «верхнего строенья», древнему старцу. Он просит его заклясть кровь. Старец охотно готов заклясть ее, ведь *творческие слова* всесильны:

И не то еще сдержали,
И не то остановили
Три могучих божьих слова —
Повесть о вещей начале;
Так утихли водопады,
Реки бурные смирились,
Также бухты у мысочков
И за косами заливы.

(Руна 8-я)

Однако и сам «старец верхнего строенья» оказывается бессильным, потому что он позабыл то, что необходимо знать для нахождения заклинательного слова,— позабыл историю происхождения железа и стали. Выше я подчеркнула в цитате из «Калевалы» стих «повесть о вещей начале». Секрет заклинания, то есть власти над вещью, по древнему представлению

творцов эпоса, заключается в знании истории происхождения этой вещи. Чтоб заклясть железо, надо узнать, как оно произошло; чтоб заклясть мороз, начавший пребольно щипать Лемминкяйнена в пути, Лемминкяйнен говорит морозу:

Иль сказать твое начало,
Объявить происхожденье?

(Руна 30-я)

И начинает заклинать его, повествуя о происхождении мороза. Когда дочь Калевы сварила пиво и оно вытекло из кадушки, краснохвостый дрозд начинает петь на дереве историю пива; его слышит и хозяйка Похъёлы:

Тут хозяйка Сариолы,
Услыхав начало пива,
Собрала воды в кадушку,
Налила до половины,
Ячменя туда наклала,
Хмелевых головок много,
Начала готовить пиво
И кругом мешает воду,
Там, на новом дне сосуда,
Средь березовой кадушки.

(Руна 20-я)

Начало железа, начало мороза, начало пива открывают людям власть над этими предметами — вот откуда культ магического слова, да и сама магия слова. История вещи — кратчайший путь к ее познанию; познание вещи — кратчайший путь к власти над ней. Но история закрепляется в слове, без слов ее невозможно передать, слова — это закрепленный опыт, закрепленное знание. Можно без конца философствовать на тему о наивном первоначальном материализме в первобытном мышлении народа, где слово еще не оторвано от породившего это слово факта, но дело не в отвлеченных выводах, а в живом, творческом ощущении нами народного искусства, в получении нами через сотни лет реального и мудрого опыта народа, заключенного в сказочной, пленительно-прекрасной оболочке. Народ как бы говорит через сказку: каждая вещь делалась не сразу; узнай, как делалась людьми эта вещь,— и твое знание прошлого станет мостом в будущее, поможет тебе управлять этой вещью в настоящем.

Особенно *нашим* дням служит опыт тысячелетий, а для этого надо иметь ключ к нему. Вот почему глубоко волнует нас рассказ о Сампо, ядро «Калевалы», в котором как бы дается этот ключ, синтезируются все живые черты народной психологии, все горячие чаяния и ожидания народные.

Что такое Сампо? Пытаясь расшифровать это слово, хотя бы в звуковой его ассоциации, Лённрот думал, что оно могло сложиться из русского «сам бог». Выражение это могло указывать на самопроизвольное могущество изобретенной впервые машины.

Сыны «Калевалы» упорно сватали красивых, но злых дочерей Лоухи, хозяйки Похъёлы. И вот Лоухи объявила, что отдаст свою дочь тому, кто *выкует* для нее волшебную мельницу-самомолку Сампо, иначе «пеструю крышку». Лоухи делала свой заказ совершенно точно и приложила к нему рецепт его изготовления:

Ты сумеешь сделать Сампо,
Крышку пеструю *сковать* мне,
Взяв конец *пера лебедки*,
Молока коров нетельных,
От *овечки* летней *шерсти*,
Ячменя зерно прибавив?

(Руна 10-я)

Рецепт этот повторяется в поэме не один раз и явно носит не случайный характер. Разобрав его, видим, что Лоухи упоминает о четырех основных видах тогдашнего хозяйства. *Перо лебедки* означает охоту; *молоко коровы* и *шерсть овцы* — два вида животноводства; *зерно ячменя* — земледелие. И кузнец должен эти символы лесного и сельского хозяйства положить на наковальню, сковать из них чудесную машину, то есть соединить с понятием железа, с понятием механизма. Если все описания природы в «Калевале» — описания леса, болот и утесов — предстают перед читателем связанными с хозяйством, с ручным трудом человека, то здесь, в образе Сампо, ручной труд и хозяйство предстают уже связанными с металлом, с наковальней и горнилом кузницы, с первой машиной. Лоухи стремится получить Сампо не для забавы: оно нужно ей для поднятия благоденствия в Похъёле, для облегчения труда, для накопления богатства. И как бы для того, чтоб показать читателю (слушателю) нелегкий труд изготовления такой волшебной машины, руна подробно рассказывает о ходе работы кузнеца Ильмаринена над нею. Приготовив все, что нужно, кузнец со своими рабами (которые в параллельных стихах называются одновременно и поденщиками, работающими за поденную плату) становится у горнила:

И мехи рабы качают,
Сильно угли раздувают;
Так три дня проводят летних
И без отдыха три ночи;
Наросли на пятках камни,
Наросли комки на пальцах.

(Руна 10-я)

Нагнувшись к огню, Ильмаринен стал смотреть, что получилось. И тут из пламени вышел лук для стрел. Он был чудесен на вид, «с золотым сияньем лунным», но «имел дурное свойство»:

Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое.

(Руна 10-я)

Кузнец Ильмаринен не обрадовался делу своих рук. Он сломал его, бросил назад в пламя и велел рабам снова поддувать. Опять они трудятся изо всех сил. И вот второй раз нагибается кузнец к горнилу. Теперь оттуда вышла лодка, прекрасная с виду: с золотым бортом, с медными уключинами. Но прекрасная лодка имела крупный порок:

Был челнок прекрасен с виду,
Но имел дурное свойство:
Сам собою шел в сраженье,
Без нужды на битву рвался.

(Руна 10-я)

Кузнец Ильмаринен не обрадовался делу своих рук, он изломал челнок в щепки и бросил их в пламя.

Опять поддувают и стараются рабы. Опять, в третий раз, смотрит кузнец — из пламени выходит корова. Все как будто хорошо, корова красива с виду:

Но у ней дурное свойство:
Спит средь леса постоянно,
Молоко пускает в землю.

(Руна 10-я)

Снова изломал кузнец свое детище. В четвертый раз из огня выходит уже плуг, но он не совершенен: он забирается на чужие земли, бороздит чужой выгон. Кузнец сломал и его.

В этих образах лука, лодки, коровы и плуга с «дурными свойствами» народный гений показывает еще не полное подчинение вещи своему творцу, еще тяготение орудий к старому, привычному, примитивному образу действий, к старым, прежним формам хозяйства — к войне как грабежу, к произвольным завоеваниям, к посягательствам на чужое добро, к некультурному животноводству (ленивая корова, пускающая молоко в землю). А Лоухи хочет именно Сампо, хочет машину, которая поднимет ее хозяйство.

И наконец, в пятый раз, Ильмаринен выковывает мельницу-самомолку, чудесное Сампо, которое сразу делает три больших дела:

И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — на пирушки.

(Руна 10-я)

Сампо, по представлениям народа-крестьянина,— орудие мирного труда, оно дает пищу и создает запас.

Но Сампо приносит с собою вместе с зажиточностью и культуру. На

вопрос Вяйнямёйнена, что делается в Похъёле, Ильмаринен, обманутый и высмеянный людьми Севера, горько отвечает:

Сладко в Похъёле живется,
Если в Похъёле есть Сампо!
Там и пашни и посевы,
Там и разные растенья,
Неизменные там блага.

(Руна 38-я)

И когда все три богатыря Калевы, завершая эпос, отправляются отобрать у Лоухи назад Сампо и похищенная ими мельница разбивается на тысячи осколков, падает в море, которое выбрасывает часть этих осколков на берег Калевалы,— Вяйнямёйнен доволен и этими осколками. Он говорит о них:

Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало,
Выйдут пашни и посевы
И различные растенья!
Блеск луны отсюда выйдет,
Благодетельный свет солнца
В Суоми на больших полянах,
В Суоми, сладостной для сердца.

(Руна 43-я)

Для историка и филолога, а местами и для внимательного читателя, различие возраста отдельных рун и даже различные исторические напластования в одних и тех же рунах очень ясны.

В самом деле, мы встречаем в рунах отголоски таких древнейших форм родового общества, как матриархат и групповой брак, а в то же время в них попадаются упоминания о деньгах (и притом конкретных — пфеннигах и марках), о поземельных налогах, о замках и крепостях (отзвук средневековья); постоянно упоминаются в рунах рабы: Унтамо продал в рабство сына своего брата, побежденного в бою; кузнец Ильмаринен, построив свою кузню у Лоухи, хозяйки Севера, пользуется в работе помощью рабов, а в то же время эти рабы называются в рунах «поденщиками»; реже упоминается наемный труд — «наймычка из деревни». В предисловии к петрозаводскому изданию «Калевалы» 1940 года сказано, что этот эпос, «бесспорно, мог возникнуть лишь на стадии родового строя в эпоху его разложения. Не борьба феодалов и рыцарей изображается в поэме, как лживо представляет дело буржуазная наука, а борьба одних родов с другими. Но мы знаем, что в каждой общественно-экономической формации сохраняются пережитки пройденных ступеней развития и вызревают ростки последующей формации, зарождающиеся в недрах предыдущей... Наряду с обломками раннеродового общества мы находим в рунах «Калевалы» и элементы, правда не особенно многочисленные, распадения рода (рабство, частная собственность, деньги, товарообмен) и патриархата (власть родовладыки Унтамо)».

А вот и вековые напластования на свадебной руне, еще поющейся, еще не потерявшей своего бытового, злободневного значения. «Старый, верный Вяйнямёйнен, вековечный песнопевец» начинает петь величальную песню в доме Ильмаринена, где хозяйка только что приняла приехавшего с дороги сына с молодою невесткой. Вот он славит свата:

Хорошо наш сват оделся:
Шерстяной на чреслах пояс,
Что сработала дочь Солнца,
Дивно кольцами расшила
В дни, когда огня не знали
И огонь не появлялся...
Хорошо наш сват оделся:
Башмаки на нем от немцев...
Голова у свата в шлеме,
Поднялся тот шлем до тучи,
Вышиной с верхушку леса,
За него заплатишь сотни,
Марок тысячи заплатишь.

(Руна 25-я)

В одном и том же славословии непринужденно притянуты и древнейшая эпоха, когда еще не было огня, и современность с ее немецкими башмаками и шлемом, стоящим тысячи марок. В той же величальной есть упоминание и о феодальной эпохе. О подружке невесты спрашивается, не живет ли она:

Там, за Таникой, за замком,
Там, за крепостью, за новой.

Но мешают ли эти противоречия при чтении, не воспринимаются ли они как нечто несуразное, разрывающее общую картину?

Народное творчество растет из поколения в поколение, устная речь передается от отцов к детям, и дети прибавляют к ней свое историческое самосознание, свой опыт, так же как сделают позднее дети их детей. Хронология устного творчества не имеет ничего общего со скромными цифрами одного человеческого века; она считает сотнями, тысячами лет, и читатель всегда чувствует это *ощущение* протяженного *времени* в народных былинах, в эпосе, в сказках. Сам Лённрот прекрасно понимал поэтическое единство собранного им материала и невозможность делить его «по возрасту»:

«Подобные руны,— говорит он о более современных бытовых песнях,— употребляются и теперь в обыденной жизни карелов, как финляндских, так и российских... В эти руны, как, вероятно, и в прочие, вошло много нового и в содержании и в языке; однако их очень трудно и даже почти невозможно отличить от древнейших рун «Калевалы». Поэтому предпочитают не делать строгого различия между первоначальными и позднейшими рунами и считать

древнейшие руны семенами, из которых в течение столетий, а может быть, и тысячелетий, выросла нынешняя жатва рун»[1].

Автор «Калевалы» один — это трудовой народ, трудящаяся часть общества, которая всегда была и остается подлинным творцом величайших памятников искусства, как и всей материальной культуры. Трудясь над первобытной пашней, валя и сжигая лес, проходя первым железным плугом скудные поля, выковывая в горне орудия труда, выделывая из драгоценной березы тонкое тело музыкального инструмента, вытесывая лодки, закидывая сети в глубины озер и рек, защищая родные избы, недосыпая ночей, недоедая куска,— народ в могучей своей работе и борьбе слагал песни и пел их, оставляя в наследство детям. Кое-где он воспользовался в песнях названиями и понятиями того класса, который сидел на его горбу, как своеобразным, подчас не лишенным иронии «украшением» своих песен. Он величает жениха князем (это и в русских песнях, как и в карельских), он спрашивает, не из замка ли подружка невесты; но все это не затемняет подлинно крестьянских образов действующих лиц эпоса.

Вся «Калевала» — неумолчное, неустанное восхваление человеческого труда. Нигде, ни в одном стихе ее не найти и намека на «придворную» поэзию. «Калевала» сделана, как сказал Горький, «из грубого материала», из тех бессмертных северных гранитов, среди которых жили и трудились упорные труженики — карельские и финские крестьяне, но сделана с тем исключительным искусством, на которое способно только величавое творчество народа.

«Мощь коллективного творчества всего ярче доказывается тем,— писал Горький в 1908 году,— что на протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного «Илиаде» или «Калевале» и что индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне коего не лежало бы народное творчество, ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах»[2].

Ритм «Калевалы» благодаря особенностям финского языка, обязательному ударению на первом слоге, наличию долгих и коротких слогов чрезвычайно гибок и, разумеется, не укладывается в двухсложные русские хореи. Нельзя, кроме того, забывать, что это древний песенный ритм, связанный с естественной строфикой, создавшейся при исполнении песен вдвоем. Финский поэт Рунеберг так рассказывает о древнем обычае петь руны: «Певец выбирает себе товарища, садится против него, берет его за руки, и они начинают петь. Оба поющие покачиваются взад и вперед, как будто попеременно притягивая друг друга. При последнем такте каждой строфы настает очередь помощника, и он всю строфу перепевает один, а между тем запевала на досуге обдумывает следующую»[3].

---

[1] «Калевала». Изд-во М. и С. Сабашниковых. М., 1915, с. XXVII.
[2] «Очерки философии коллективизма», сборник первый. «Знание», 1909.
[3] «Калевала». Изд-во М. и С. Сабашниковых. М., 1915, с. XXIII.

Отсюда структура руны. Состоит она из непременных двустиший, носящих большею частью такой характер: строка и за нею параллельная строка, развивающая с некоторым добавлением смысл первой строки. Вся строфа поэтому всегда имеет четное количество стихов; Лённрот завершил это симметрическое здание, построенное из двустиший, одним лишним стихом в конце, сделав это, по-видимому, сознательно.

Понятно, насколько важно при переводе «Калевалы» сохранить и точную строфику, и точное количество стихов оригинала. Перевод Л. П. Бельского при всех своих исключительных и неоспоримых достоинствах отступает, однако же, от точности. Сличая его, строку за строкой, с оригиналом Лённрота, я обнаружила несколько существенных ошибок Бельского и отклонений от оригинала. Отказавшись от счета пятистиший на полях и от точного указания на количество стихов в подзаголовках к каждой руне, принятых у Лённрота, Бельский тем самым облегчил себе некоторые вольности, например,— пропуск нескольких стихов. Нам думается, такое отношение к эпосу, а также принципиальный характер допущенных в переводе ошибок возникли у Бельского под влиянием работ о «Калевале» определенной группы тогдашних финских ученых (во главе с К. Кроном). Сомненья и выводы этих ученых, основанные на анализах разнослойности и разновременности собранных Лённротом рун, поколебали единство и цельность «Калевалы» как совершенного произведения в глазах и читателей и переводчика. Это отрицательное влияние можно наглядно увидеть из предисловия самого Бельского ко второму изданию перевода. Если в первом предисловии, в конце восьмидесятых годов, Бельский еще весь во власти открытого Лённротом бессмертного источника народной поэзии карелов и финнов, если он захвачен единством и цельностью самой поэмы, над переводом которой потрудился, то уже спустя двадцать пять лет, в 1915 году, не чувствуя антинародного смысла происходящего, Бельский рассказывает о том, как «потрудились» за истекшие годы финские филологи над бессмертным наследием Элиаса Лённрота:

«Все эти труды, выясняя состав финской эпопеи, разрушили взгляд на нее как на цельное произведение финского народа... Лённрот связал органически несвязуемое, прибегая к очень наивному способу... Таким образом, по позднейшим исследованиям ясно, что цельной эпопеи Калевалы у финского народа не существует» [1].

Естественно, что при «искусственно связанных» стихах, не представляющих собой цельного произведения, простительны известные вольности перевода.

В наше советское время бессмертной карельской и финской поэме возвращено ее настоящее значение в числе крупнейших памятников народного творчества. Перевод Л. П. Бельского был поэтому существенно исправлен.

---

[1] «Калевала». Изд-во М. и С. Сабашниковых. М., 1915, с. XXIII.

В первую очередь восстановлены опущенные стихи и правильная транскрипция имен.

В финском языке ударение падает на первый слог. Бельский, оговариваясь необходимостью выдержать размер, ставил произвольные ударения. Так, вместо По́хъёлы, Ме́тсолы, Ма́налы, Ве́лламо и т. д. у него всюду Похъёла, Метсо́ла, Мана́ла, Велла́мо и проч.

В финском языке две гласные буквы, стоящие рядом, произносятся в некоторых случаях соединенно, как один слог: Суоми, Тиэра, Туони — это двусложные имена. Между тем у Бельского эти имена читаются как трехсложные, с неверными ударениями; трехсложная Ту́онела (с ударением на *о*) превращается в четырехсложную Туоне́лу, где ударение падает на *е*, а буква *у* получает значение отдельного слога.

В финском языке имен Вейнемёйнен и Юкагайнен нет; есть Вяйнямёйнен и Еукахайнен. Но Бельский надолго утвердил своим переводом неверное произношение этих имен. Все это было исправлено.

Не лишен перевод Л. П. Бельского и смысловых ошибок.

В «Калевале», где речь идет о родовом строе, важно было сохранить упоминание о военных рабах, выполняющих различные работы. У кузнеца Ильмаринена работают в кузнице рабы. Слово «раб» — orja — постоянно встречается в рунах, слово «слуга» не встречается. Между тем Бельский почти везде ставит «слуги» вместо «рабы».

В руне 10-й, например, когда Ильмаринен выковывает Сампо, он велит рабам накачивать воздух, и рабы раздувают огонь мехами:

Laitti orjat lietsomahan...
Orjat lietsoi löyhytteli...

(Руна 10-я)

Л. П. Бельский всюду переводит:

Поддувать велит он слугам...
И мехи качают слуги...

В руне 37-й Ильмаринен выковывает себе жену из золота и серебра. Опять раздувают для него горн рабы. Но здесь, как более позднее наслоение, к словам «рабы» прибавляется, как выше отмечено, неизменная фраза «работающие за поденную оплату», «поденщики». Эти любопытные противоречия, нередкие в «Калевале», говорят о древнейшей основе эпоса, получившей позднейшие добавления, тоже уже настолько старые, что параллельные стихи, говорящие о другой исторической эпохе, поются народными певцами как нечто традиционное, отнюдь не противоречивое:

Pani orjat lietsomahan,
Palkkalaiset painamahan.

(Руна 37-я)

Эти места, приковывающие внимание исследователей, повторяются в руне 37-й несколько раз. И всюду Бельский, обходя слово «раб», пишет о «работниках поденных», о «слугах»:

Раздувать мехи поставил
Слуг, работников поденных.

В цикле рун о Куллерво такие неточности ведут к прямому искажению социального смысла. Два брата, Унтамо и Калерво, поссорились; Унтамо пошел войной на брата, истребил весь его род, лишь одну беременную женщину захватил в рабство, и она родила в рабстве ребенка. Мать дала своему сыну имя Куллерво; но для Унтамо он только солдат. В этих двух стихах народный певец лаконично и сильно говорит о том, что у победителя для своего раба нет имени, он смотрит на него только как на нового солдата для войска:

Emo kutsui Kullervoksi,
Untama sotijaloksi.

(Руна 31-я)

Перевод Бельского как будто точен, но у читателя не создается того впечатления, какое он получает от оригинала:

Называет мать: Куллерво,
А Унтамо прозвал: Воин.

Ослабленное впечатление получается оттого, что переводчик поставил не только слово «прозвал», но и двоеточие перед «воином», между тем Унтамо никак не прозвал ребенка, наоборот, он оставил его без имени, потому что ребенок рабыни был для него только новым солдатом. В двух последующих изданиях это место окончательно потеряло свой социальный смысл,— слово «воин» в них уже пишется с большой буквы и как бы становится именением собственным:

А Унтамо прозвал: Воин.

Неверное понимание этого места ведет Бельского к другой ошибке. Вся трагедия Куллерво в том, что он вырастает у Унтамо в рабстве. Когда Унтамо, боясь вырастить будущего мстителя, делает несколько попыток погубить Куллерво и они не удаются, он решает воспитывать дитя, как своего раба. Бельский совсем не упоминает о рабе и переводит, искажая смысл оригинала:

Он воспитывать решился,
Как свое дитя, Куллерво.

В оригинале сказано сильно и ясно:

Kasvatella Kullervoinen
Orja Poikana omana.

Казалось бы, мелочи, но мелочи, изменяющие социальный смысл оригинала и ослабляющие художественный образ мстителя Куллерво.

В руне 2-й есть строфа, состоящая из четырех двустиший (стихи 301—308). Л. П. Бельский, переводя эту строфу, пропустил в ней один стих:

Pane nyt turve tunkemahan.

Редактор издания «Academia», а за ним и составитель петрозаводского издания пропускают в этой строфе уже целых два стиха:

Pane nyt turve tunkemahan,
maa väkevä vääntämähän!

Речь идет при этом не о каких-нибудь «повторных» или «несущественных» стихах (хотя, на наш взгляд, в «Калевале» вообще нет ни одного несущественного стиха),— речь идет об очень важном месте. Вяйнямёйнен взывает к «старице земли», «матери полей», прося ее дать плодородие почве, которую он только что засеял зерном. Но плодородие земли он представляет себе в действии, в признаках: в туке, в дерне, в «переворачивании зарубки» на земле. Но как раз в этих вещах — туке, дерне, переворачивании земли под вырубленными деревьями — и раскрывается конкретная особенность подсечного земледелия. Убирая эту строку, переводчик уничтожил живые, реальные образы поэмы и оставил лишь молитву к мифическим божествам.

В руне 49-й Вяйнямёйнен решает выведать, куда злая Лоухи запрятала украденное ею солнце и месяц. Для этого он гадает, согласно древнему обычаю, на лучинах. Но Л. П. Бельский переводит это место непонятно для наших дней, заставляя Вяйнямёйнена вместо гадания «кидать жребий», «вертеть жеребья»:

Надо, видно, кинуть жребий...
Жеребья вертеть он начал...
Молви правду, жребий божий...

Нельзя архаизировать слово «жребий», которое для современного читателя имеет определенный и только единственный смысл.

Еще два примера из 2-й руны. В стихах 157 и 158 Л. П. Вельский допустил две неправильности. В оригинале сказано «между глаз косая сажень», а Бельский перевел «каждый глаз длиною в сажень». Дальше в оригинале речь идет о штанах, которые внизу, у пят, шириной в сажень, повыше, на коленях, шириной в полторы сажени, а еще выше, на бедрах, в две сажени. Между тем Л. П. Вельский перевел слово «штаны» словом «шаровары», перенеся чисто локальное понятие, возникшее в Азербайджане в IX веке от названия горы Саровиль (в районе этой горы жили крестьяне, носившие широкие штаны; отсюда Саровиль — шаровары), к древним финнам, никогда шаровар не носившим. Не говоря уже о произвольности такого перенесения, оно само по себе разрушает создаваемый в оригинале образ: шаро-

вары, как юбка, расширяются книзу, тогда как в оригинале говорится именно о штанах, узких книзу и расширяющихся кверху.

Пропала в переводе Л. П. Бельского и чудесная игра слов с «Куманичкой» (руна 11-я, стихи 261—272).

Лемминкяйнен, веселый искатель приключений, везет домой похищенную им девушку Кюлликки. Девушка боится, что ее похититель — бедняк, не имеющий даже коровы. Лемминкяйнен, посмеиваясь, утешает ее тем, что у него очень много коров:

На болоте Куманичка,
На пригорке Земляничка,
В-третьих, Клюква на полянке,—

которые очень удобны тем, что «хороши они без корму и красивы без надзора; их не связывают на ночь, не развязывают утром, не кладут пред ними корму, им не сыплют утром соли». Игра слов тут заключается в сходстве названий ягод с обычными в «Калевале» кличками коров (Muuriki — Muurikki),— поэтому названия ягод в этом месте оригинала напечатаны с большой буквы. Но в переводе Бельского исчезли большие буквы, исчезли ласкательные окончания (как и в двух последующих изданиях), и игра слов, тонкий юмор этого места пропали для читателя.

Возможно, в переводе есть и другие неточности, но это не умаляет огромного значения труда Л. П. Бельского.

Мощные образы людей, навсегда вам запоминающиеся, грандиозные картины природы, точное описание процессов труда, одежды, крестьянского быта — все это воплощено в рунах «Калевалы» в высокую поэзию.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

РУНА ПЕРВАЯ

Вступление (1—102).— Дочь воздуха опускается в море, где, забеременев от ветра и воды, становится матерью воды (103—176).— Утка свивает гнездо на колене матери воды и кладет там яйца (177—212).— Яйца выкатываются из гнезда, разбиваются на кусочки, и кусочки превращаются в землю, небо, солнце, луну и тучи (213—244).— Мать воды сотворяет мысы, заливы, берега, глубины и отмели моря (245—280).— Вяйнямёйнен рождается от матери воды и долго носится по волнам, пока, наконец, не достигает суши (281—344)

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,—
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.
На устах слова уж тают,
Разливаются речами,
На язык они стремятся,
Раскрывают мои зубы.

Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобой промолвим слово.
Наконец мы увидались,
С двух сторон теперь сошлися!
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу
На пространстве этом бедном,
В крае севера убогом.

Так давай свои мне руки,
Пальцы наши вместе сложим,
Песни славные споем мы,
Начиная с самых лучших;
Пусть друзья услышат пенье,
Пусть приветливо внимают
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе.
Я собрал все эти речи,
Эти песни, что держали
И на чреслах Вяйнямёйнен,
И в горниле Ильмаринен,
На секире Каукомъели,
И на стрелах Ёукахайнен,—
В дальних северных полянах,
На просторах Калевалы.
Их певал отец мой прежде,
Топорище вырезая;
Мать меня им научила,
За своею прялкой сидя;
На полу тогда ребенком
У колен их я вертелся;
Был я крошкой и питался
Молоком еще, малютка,
Пели мне они о Сампо
И о чарах хитрой Лоухи,
И старело Сампо в песнях,
И от чар погибла Лоухи,
С песней Випунен скончался,
В битве умер Лемминкяйнен.
Слов других храню немало
И познаний, мне известных:
Я нарвал их на тропинке,
Их на вереске сломал я,
Их с кусточков отломил я,
Их набрал себе на ветках,
Их собрал себе я в травах,
Их я поднял на дороге,
Пастухом бродя по тропкам,
И на пастбищах мальчишкой,
Где луга богаты медом,
Где поляны золотые,
Вслед за Мурикки-коровой
И за пестрой идя Киммо.

Насказал мороз мне песен,
И нанес мне песен дождик,
Мне навеял песен ветер,
Принесли морские волны,
Мне слова сложили птицы,
Речи дали мне деревья.
Я в один клубок смотал их,
Их в одну связал я связку,
Положил клубок на санки,
Положил на сани связку
И к избе привез на санках,
На санях привез к овину
И в амбаре под стропила
В медном ларчике их спрятал.
Долго песни на морозе,
Долго скрытые лежали.
Не убрать ли их с мороза?
Песен с холода не взять ли?
Не внести ль ларец в жилище,
На скамью сундук поставить,
Под прекрасные стропила,
Под хорошей этой кровлей;
Не открыть ли ларчик песен,
Сундучок, словами полный,
За конец клубок не взять ли
И моток не распустить ли?
Песню славную спою я,
Зазвучит она приятно,
Если пива поднесут мне
И дадут ржаного хлеба.
Если ж мне не будет пива,
Не предложат молодого,
Стану петь и всухомятку
Иль спою с одной водою,
Чтобы вечер был веселым,
Чтобы день наш был украшен
И чтоб утренним весельем
Завтра день у нас начался.

* * *

Я, бывало, слышал речи,
Слышал, как слагались песни.
По одной идут к нам ночи,
Дни идут поодиночке —

Был один и Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,—
Девой выношен прекрасной,
Он от Ильматар родился.
Дочь воздушного пространства,
Стройное дитя творенья,
Долго девой оставалась,
Долгий век жила в девицах
Средь воздушного простора,
В растянувшихся равнинах.
Так жила — и заскучала,
Странной жизнь такая стала:
Постоянно жить одною
И девицей оставаться
В той большой стране воздушной,
Средь пустынного пространства.
И спустилась вниз девица,
В волны вод она склонилась,
На хребет прозрачный моря,
На равнины вод открытых;
Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны.
Ветром деву закачало,
Било волнами девицу,
Закачало в синем море,
На волнах с вершиной белой.
Ветер плод надул девице,
Полноту дало ей море.
И носила плод тяжелый,
Полноту свою со скорбью
Лет семьсот в себе девица,
Девять жизней человека —
А родов не наступало,
Не зачатый — не рождался.
Мать воды, она металась
То к востоку, то на запад,
То на юг, а то на север
И ко всем небесным странам,
Тяжко мучимая болью,
Полнотой в тяжелом чреве —
А родов не наступало,
Не зачатый — не рождался.

Тихо стала дева плакать,
Говорить слова такие:
«Горе мне, судьбой гонимой,
Мне, скиталице, бедняжке!
Разве многого достигла,
Что из воздуха я вышла,
Что меня гоняет буря,
Что волна меня качает
На морской воде обширной,
На равнинах вод открытых.
Лучше б в небе на просторе
Дочкой воздуха осталась,
Чем в пространствах этих чуждых
Стала матерью воды я:
Здесь лишь холод да мученья,
Тяжело мне оставаться,
Жить, томясь, в холодных водах,
По волнам блуждать бессменно.
О ты, Укко, бог верховный!
Ты, всего носитель неба!
Ты сойди на волны моря,
Поспеши скорей на помощь!
Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева!
Поспеши, не медли боле,
Я в нужде к тебе взываю!»
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Вот летит красотка-утка,
Воздух крыльями колышет,
Для гнезда местечка ищет,
Ищет места для жилища.
Мчится к западу, к востоку,
Мчится к югу и на север,
Но найти не может места,
Ни малейшего местечка,
Где бы свить гнездо сумела
И жилище приготовить.
Полетала, осмотрелась,
Призадумалась, сказала:
«Коль совью гнездо на ветре,
На волне жилье поставлю,
Мне гнездо развеет ветер,
Унесут жилище волны».

Мать воды то слово слышит,
Ильматар, творенья дева,
Подняла из волн колено,
Подняла плечо из моря,
Чтоб гнездо слепила утка,
Приготовила жилище.
Утка, та красотка-птица,
Полетала, осмотрелась,
Увидала в синих волнах
Матери воды колено.
Приняла его за кочку
И сочла за дерн зеленый.
Полетала, осмотрелась,
На колено опустилась
И гнездо себе готовит,
Золотые сносит яйца:
Шесть яичек золотые,
А седьмое — из железа.
Вот наседкой села утка,
Греет круглое колено.
День сидит, сидит другой день,
Вот уж третий день проходит —
Ильматар, творенья дева,
Мать воды, вдруг ощутила
Сильный жар в своем колене:
Кожа так на нем нагрелась,
Словно в пламени колено
И все жилы растопились.
Сильно двинула колено,
Члены сильно сотрясает —
Покатились яйца в воду,
В волны вод они упали,
На куски разбились в море
И обломками распались.
Не погибли яйца в тине
И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращенью:
Из яйца, из нижней части,
Вышла мать—земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;

Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились.
И вперед уходит время,
Год вперед бежит за годом,
При сиянье юном солнца,
В блеске месяца младого.
Мать воды плывет по морю,
Мать воды, творенья дева,
По водам, дремотой полным,
По водам морским туманным;
И под ней простерлись воды,
А над ней сияет небо.
Наконец, в году девятом,
На десятое уж лето,
Подняла главу из моря
И чело из вод обширных,
Начала творить творенья,
Создавать созданья стала
На хребте прозрачном моря,
На равнинах вод открытых.
Только руку простирала —
Мыс за мысом воздвигался;
Где ногою становилась —
Вырывала рыбам ямы;
Где ногою дна касалась —
Вглубь глубины уходили.
Где земли касалась боком —
Ровный берег появлялся;
Где земли ногой касалась —
Там лососьи тони стали;
И куда главой склонялась —
Бухты малые возникли.
Отплыла от суши дальше,
На волнах остановилась —
Созидала скалы в море
И подводные утесы,
Где суда, наткнувшись, сядут,
Моряки найдут погибель.
Вот уж созданы утесы,
Скалы в море основались,

Уж столбы ветров воздвиглись,
Создались земные страны,
Камни ярко запестрели,
Встали в трещинах утесы,
Только вещий песнопевец
Вяйнямёйнен не рождался.
Старый, верный Вяйнямёйнен
В чреве матери блуждает,
Тридцать лет он там проводит,
Зим проводит ровно столько ж
На водах, дремотой полных,
На волнах морских туманных.
Он подумал, поразмыслил:
Как же быть и что же делать
На пространстве этом темном,
В неудобном, темном месте,
Где свет солнца не сияет,
Блеска месяца не видно.
Он сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Месяц, солнце золотое
И Медведица на небе!
Дайте выход поскорее
Из неведомой мне двери,
Из затворов непривычных
Очень тесного жилища!
Дайте вы свободу мужу,
Вы дитяти дайте волю,
Чтобы видеть месяц светлый,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба!»
Но не дал свободы месяц,
И не выпустило солнце.
Стало жить ему там тяжко,
Стала жизнь ему постыла:
Тронул крепости ворота,
Сдвинул пальцем безымянным,
Костяной замок открыл он
Малым пальцем левой ножки;
На руках ползет с порога,
На коленях через сени.
В море синее упал он,
Ухватил руками волны.

Отдан муж на милость моря,
Богатырь средь волн остался.
Пролежал пять лет он в море,
В нем пять лет и шесть качался,
И еще семь лет и восемь.
Наконец плывет на сушу,
На неведомую отмель,
На безлесный берег выплыл.
Приподнялся на колени,
Опирается руками.
Встал, чтоб видеть светлый месяц,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба.
Так родился Вяйнямёйнен,
Племени певцов удалых
Знаменитый прародитель,
Девой Ильматар рожденный.

РУНА ВТОРАЯ

Вяйнямёйнен выходит на пустынный берег и велит Сампсе Пеллервойнену сеять деревья (1—42).— Вначале дуб не всходит, но, посеянный вновь, разрастается, распространяется по всей стране и загораживает своей листвой луну и солнце (43—110).— Маленький человек поднимается из моря и срубает дуб; луна и день опять становятся видны (111—224).— Птицы поют на деревьях; травы, цветы и ягоды растут на земле; только ячмень еще не растет (225—236).— Вяйнямёйнен находит несколько ячменных зерен на прибрежном песке, вырубает лес под пашню и оставляет только одну березу для птиц (237—264).— Орел, обрадованный тем, что для него оставлено дерево, высекает Вяйнямёйнену огонь, которым тот сжигает свою подсеку (265—286).— Вяйнямёйнен сеет ячмень, молится об его хорошем росте и выражает пожелание успеха на будущее (287—378)

Вот поднялся Вяйнямёйнен,
Стал ногами на прибрежье,
На омытый морем остров,
На равнину без деревьев.
Много лет затем он прожил,
Год за годом проживал он
Там на острове безлюдном,
На равнине без деревьев.

Он подумал, поразмыслил,
Долго голову ломал он:
Кто ему засеет землю,
Кто рассыпать может семя?
Пеллервойнен, сын поляны,
Это Сампса, мальчик-крошка,
Он ему засеет землю,
Он рассыпать может семя!
Засевает он прилежно
Всю страну: холмы, болота,
Все открытые поляны,
Каменистые равнины.
На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,
На полянах сеет вереск,
Сеет кустики в долинах.
Сеет он по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуху во влажной,
На местах пониже — иву,
На святых местах — рябину,
На болотистых — ракиту,
На песчаных — можжевельник
И дубы у рек широких.
Высоко растут деревья.
Потянулись вверх побеги:
Ели с пестрою верхушкой,
Сосны с частыми ветвями,
Поднялись по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуха во влаге;
Также вырос можжевельник,
Ягоды его красивы,
Плод черемухи прекрасен.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Поднялся: хотел он видеть,
Как у Сампсы сев удался,
Пеллервойнена работу.
Увидал он рост деревьев,
Их побегов рост веселый;
Только дуб взойти не может,
Божье дерево не всходит.
Дал упрямцу он свободу —
Пусть свое узнает счастье;

Ждет затем подряд три ночи,
Столько ж дней он ожидает.
Так проходит вся неделя,
Посмотреть тогда идет он:
Все же дуб взойти не может,
Божье дерево не всходит.
Вот четыре девы вышли,
Вышли пять девиц из моря.
Занялись они покосом,
Стали луг косить росистый
На мысочке, скрытом мглою,
На лесистом островочке
Косят луг, сгребают сено,
Все в одно сгребают место.
Тут из моря вышел Турсас,
Богатырь из волн поднялся.
Запалил огнем он сено,
Ярко сено запылало,
Все осыпалось золою,
Потянулось тучей дыма.
Вот зола застыла кучей,
Пепел лег сухой горою;
В пепел нежный лист кладет он,
Вместе с ним дубовый желудь.
Дуб из них былинкой вырос,
Стройно стал побег зеленый,
Стал на почве плодородной
Дуб развесистый, огромный,
Дал широких веток много,
Веток с зеленью густою,
До небес вершину поднял,
Высоко он вскинул ветви:
Облакам бежать мешает,
Не дает проходу тучам,
Закрывает в небе солнце,
Заслоняет месяц ясный.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Так подумал и размыслил:
Кто бы с силою собрался,
Кто бы дуб свалил ветвистый?
Жизнь людей идет печально,
Плавать рыбе неудобно,
Если солнце не блистает,
Не сияет месяц ясный.

Не нашлося человека,
Богатырь не находился,
Кто бы дуб свалил ветвистый,
Сто вершин его обрушил.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам слова сказал такие:
«Каве, ты меня носила,
Мать родная, дочь творенья!
Из воды пошли мне силы —
Много сил вода имеет —
Опрокинуть дуб огромный,
Злое дерево обрушить,
Чтоб опять светило солнце,
Засиял бы месяц ясный!»
Вот выходит муж из моря,
Богатырь из волн поднялся;
Не из очень он великих,
Не из очень также малых:
Он длиной с мужской был палец,
Ростом — в меру женской пяди.
Был покрыт он медной шапкой,
Сапоги на нем из меди,
Руки в медных рукавицах,
Чешуей покрытых медной,
Медный пояс был на теле,
И висел топор из меди:
С топорищем только в палец,
С лезвием в один лишь ноготь.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Так подумал и размыслил:
Видом он похож на мужа
Богатырского сложенья,
А длиной в один лишь палец,
Вышиной едва с копыто!
Говорит слова такие,
Молвит сам такие речи:
«Что ты, право, за мужчина,
Что за богатырь могучий?
Чуть покойника ты краше,
Чуть погибшего сильнее!»
И сказал морской малютка,
Так морской герой ответил:
«Нет! Я муж на самом деле,
Богатырь из волн могучих.

Дуба ствол пришел срубить я,
Расщепить здесь дуб высокий».
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Но, как видно, ты не создан,
Сотворен не для того ты,
Чтоб сломать здесь дуб огромный,
Злое дерево обрушить».
   Но едва сказал он это,
Взор едва к нему направил:
Как малютка изменился,
Обратился в великана!
В землю мощью ног уперся,
Головою держит тучи;
С бородою по колено,
Волосы висят до пяток;
Между глаз косая сажень,
Шириной штаны у бедер —
В две сажени, у коленей —
В полторы, у пяток — в сажень.
   Великан топор свой точит,
Лезвие острит острее
На шести кусках кремневых,
На семи точильных камнях.
Вперевалку зашагал он,
Тяжкой поступью затопал,
Он шагал в штанах широких,
Развевавшихся от ветра.
С первым шагом очутился
На земле песчаной, рыхлой,
Со вторым он оказался
На земле довольно черной,
Наконец, при третьем шаге,
Подошел он к корню дуба.
Топором он дуб ударил,—
Лезвием рубил он гладким.
Раз ударил и другой раз,
В третий раз он ударяет;
Искры сыплются с железа,
А из дуба льется пламя;
Гордый дуб готов склониться,
Вот уж громко затрещал он.
   И вот так при третьем взмахе
Смог он дуб свалить на землю,

Смог сломать он ствол трещавший,
Сто верхушек опрокинуть.
Положил он ствол к востоку,
Бросил к западу верхушки,
Раскидал он листья к югу,
Разбросал на север ветки.

Если кто там поднял ветку,
Тот нашел навеки счастье;
Кто принес к себе верхушку,
Стал навеки чародеем;
Кто себе там срезал листьев,
Взял для сердца он отраду.
Что рассыпалось из щепок,
Из кусочков что осталось
На хребте прозрачном моря,
На равнине вод открытых,
То под ветром там качалось,
На волнах там колыхалось,
Как челнок в воде открытой,
Как корабль в волнистом море.

К Похъёле понес их ветер.
В море Похъёлы девица
Свой большой платок стирала,
Платья в море полоскала,
Там на камне их сушила,
На краю большого мыса.

Увидала щепку в море;
Забрала себе в кошелку,
Принесла домой в кошелке,
Перевязанной ремнями,
Чтоб колдун оружье сделал,
Заколдованные стрелы.

Только дуб свалился наземь,
Только гордый ствол был срублен,
Снова солнце засияло,
Засветил прекрасный месяц,
В небесах простерлись тучи,
Снова весь простор открылся
Над мысочком, скрытом мглою,
Над туманным островочком.

Густо рощи разрослися,
Поднялись леса на воле,
Распустились листья, травы,
По ветвям порхали птицы,

Там дрозды запели песни
И кукушка куковала.
Вышли ягоды из почвы
И цветочки золотые;
Разрослись густые травы
И цветами запестрели.
Лишь один ячмень не всходит
И не зреет хлеб прекрасный.
Старый, верный Вяйнямёйнен
К морю синему подходит
И у моря размышляет,
На краю воды могучей.
Там шесть зернышек находит,
Семь семян он поднимает
С берега большого моря,
С отмели песчаной, мягкой;
Спрятал их в мешочке куньем,
Сунул в лапку желтой белки.
Он пошел засеять землю.
Он пошел рассыпать семя
Возле речки Калевалы,
По краям поляны Осмо.
Вот поет синица с ветки:
«Не взойдет ячмень у Осмо,
Калевы овес не встанет,
Не расчищено там поле,
Там не срублен лес под пашню,
Хорошо огнем не выжжен».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут топор устроил острый,
Вырубать леса принялся,
Побросал их на поляне.
Посрубил он все деревья;
Лишь березу он оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб кукушка куковала.
Вот орел летит по небу,
Прилетел издалека он,
Чтоб увидеть ту березу:
«Отчего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза,
Стройный ствол ее не срублен?»
Вяйнямёйнен отвечает:
«Оттого она осталась,

Чтоб на ней дать отдых птицам,
Чтоб орел слетал к ней с неба».
И сказал орел небесный:
«Хороша твоя забота,
Что березу ты не тронул,
Стройный ствол ее оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб я сам на ней садился».
И огонь орел доставил,
Высек он ударом пламя.
Ветер с севера примчался
И другой летит с востока;
Обратил в золу он рощи,
В темный дым леса густые.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Все шесть зерен вынимает,
Семь семян берет рукою,
Взял из куньего мешочка,
Взял из лапки белки желтой,
Летней шкурки горностая.
Вот идет засеять землю,
Он идет рассыпать семя.
Говорит слова такие:
«Вот я сею, рассеваю,
Сею я творца рукою,
Всемогущего десницей,
Чтоб взошло на этом поле,
Чтоб росло на этой почве.
О ты, старица земная,
Мать полей, земли хозяйка!
Дай ты почве силу роста,
Дай покров из перегноя!
И земля без сил не будет,
Не останется бесплодной,
Если ей даруют милость
Девы, дочери творенья.
Ты вставай, земля, проснися,
Недра божьи, не дремлите!
Из себя пустите стебли,
Пусть поднимутся отростки!
Выйдет тысяча колосьев,
Сотня веток разрастется,
Где вспахал я и посеял,
Где я много потрудился!

О ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты, отец небесный,
Ты, кто правит туч грозою,
Облаками управляет!
Ты держи совет на тучах,
В небесах совет правдивый!
Ты пошли с востока тучу,
Тучу с севера большую,
А от запада другую,
Тучу с юга побыстрее!
Ниспошли ты дождь небесный,
Пусть из тучи мед закаплет,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба здесь зашумели!»
Укко, этот бог верховный,
Тот отец небесный, мощный,
Совещанье держит в тучах,
В небесах совет правдивый.
Вот с востока шлет он тучу,
Тучу с севера другую,
Гонит тучу от заката,
Посылает тучу с юга;
Бьет он тучи друг о друга,
Край о край их ударяет.
Посылает дождь небесный,
Каплет мед из туч высоких,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба там зашумели.
Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы
Вяйнямёйнена трудами.
Вот проходит день ближайший,
Две и три проходят ночи,
Пробегает вся неделя,
Вышел старый Вяйнямёйнен
Посмотреть на всходы в поле,
Где пахал он, где он сеял,
Где он много потрудился:
Видит он ячмень прекрасный,
Шестигранные колосья,
Три узла на каждом стебле.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Осмотрелся, оглянулся.

Вот весенняя кукушка
Видит стройную березу:
«Для чего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза?»
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Для того одна осталась
Здесь береза, чтоб расти ей,
Чтобы ты здесь куковала.
Ты покличь на ней, кукушка,
Пой, с песочной грудью птица,
Пой, с серебряною грудью,
Пой ты, с грудью оловянной!
Пой ты утром, пой ты на ночь,
Ты кукуй в часы полудня,
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом!»

РУНА ТРЕТЬЯ

Вяйнямёйнен постигает мудрость и становится знаменитым (1—20).— Еукахайнен идет состязаться с ним в знаниях и, не победив, вызывает его биться на мечах; разгневанный Вяйнямёйнен песней гонит его в болото (21—330).— Еукахайнен, попав в беду, обещает, наконец, выдать свою сестру замуж за Вяйнямёйнена, который, смилостивившись, выпускает его из болота (331—476).— Огорченный Еукахайнен уезжает домой и рассказывает матери о своих злоключениях (477—524).— Мать радуется, узнав, что Вяйнямёйнен станет ее зятем, но дочь опечалилась и начинает плакать (525—580)

Старый верный Вяйнямёйнен
Проводил покойно время
В чащах Вяйнёлы зеленых,
На полянах Калевалы,
Распевал свои он песни,
Песни мудрости великой.
День за днем все пел он песни
И ночами распевал их,
Пел дела времен минувших,
Пел вещей происхожденье,
Что теперь ни малым детям,

Ни героям непонятно:
Ведь пришло лихое время,
Недород, и хлеба нету.
Далеко проникли вести,
Разнеслась молва далеко
О могучем пенье старца,
О напевах богатырских,
И на юг проникли вести,
И дошла молва на север.
В Похъёле жил Ёукахайнен,
Тощий молодой лапландец.
Как-то раз пошел он в гости,
Речи странные там слышит,
Будто можно петь получше,
Песни лучшие составить
В чащах Вяйнёлы зеленых,
На полянах Калевалы,
Чем те песни, что певал он,
У отца им научившись.
Рассердился Ёукахайнен:
Зависть в сердце пробудили
Вяйнямёйнена напевы,
Что его всех лучше песни.
К старой матери идет он,
К предводительнице рода.
Говорит, что в путь собрался,
Отправляется в дорогу,
В села Вяйнёлы он едет,
В пенье с Вяйнё состязаться.
Но его не отпускают
Ни отец, ни мать-старуха
В села Вяйнёлы поехать,
С Вяйнё в пенье состязаться:
«Нет, тебя там околдуют,
Околдуют и оставят
Голову твою в сугробе,
Эту руку на морозе,
Чтоб рукой не смог ты двинуть
И ногой ступить не смог бы».
Молвил юный Ёукахайнен:
«Мой отец во многом сведущ,
Мать намного больше знает,
Но всех больше сам я знаю.

Если я хочу поспорить
И с мужами состязаться,
Посрамлю певцов я пеньем,
Чародеев зачарую;
Так спою, что кто был первым,
Тот певцом последним будет.
Я его обую в камень,
Ноги в дерево одену,
Наложу на грудь каменьев,
На спину дугу из камня,
Дам из камня рукавицы,
Шлемом каменным покрою!»
   Так, упрямый, он решает
И берет коня в конюшне:
Из ноздрей огонь пылает,
Брызжут искры под копытом;
Он взнуздал коня лихого
И запряг в златые сани.
Сам уселся он на сани,
Сел удобно на сиденье
И коня кнутом ударил,
Бьет кнутом с жемчужной ручкой.
Лошадь добрая рванулась,
Конь помчался по дороге.
   Вот уж дом родной далеко,
Скачет день, другой день скачет,
Третий день он быстро мчится;
А когда прошел и третий,
Прибыл к Вяйнёлы полянам
И просторам Калевалы.
   Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Был как раз на той дороге,
По пути тому он ехал
Среди Вяйнёлы полянок,
По дубравам Калевалы.
Ёукахайнен юный, буйный,
На него наехал быстро;
Зацепилися оглобли,
И гужи переплелися,
Хомуты вдруг затрещали,
И дуга с дугой столкнулась.
   Тут они остановились,
Стали оба, размышляя...

Из двух дуг сочилась влага,
От оглобель пар поднялся.
   И промолвил Вяйнямёйнен:
«Ты откуда это родом,
Что так скачешь безрассудно,
Не спросяся, наезжаешь?
Ты зачем разбил хомут мой
И дугу из свежей ветки,
Ты зачем сломал мне сани,
Изломал мои полозья?»
   Молвил юный Ёукахайнен,
Сам сказал слова такие:
«Молодой я Ёукахайнен,
Но теперь и ты скажи мне:
Ты, дрянной, откуда родом,
Из какой семьи негодной?»
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Называет свое имя,
Говорит слова такие:
«Так ты — юный Ёукахайнен!
Уступи-ка мне дорогу,
Ты годами помоложе».
   Молодой же Ёукахайнен
Говорит слова такие:
«Тут важна не наша старость,
Наша старость или юность!
Кто стоит в познаньях выше,
Больше мудрости имеет —
Только тот займет дорогу,
А другой ему уступит.
Так ты — старый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,—
Приготовимся же к пенью,
Пропоем мы наши песни,
Мы прослушаем друг друга
И откроем состязанье!»
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Что ж, певец я безыскусный,
Песнопевец неизвестный.
Жизнь я прожил одиноко
По краям родного поля,
Посреди полян родимых,
Слышал там одну кукушку.

Но пусть будет, как кто хочет.
Ты дозволь себя послушать;
Что ты знаешь больше прочих,
Чем ты прочих превосходишь?»
   Молвил юный Ёукахайнен:
«Я всего так много знаю;
Но вот это знаю ясно
И прекрасно понимаю:
В крыше есть окно для дыма,
А очаг внизу у печки.
   Жить тюленю превосходно,
Хорошо морской собаке:
Ловит он вблизи лососей,
И сигов он поглощает.
   Сиг живет на плоскодонье,
А лосось — на ровном месте.
Класть икру умеет щука
Средь зимы, средь бурь свирепых.
Но горбатый окунь робок —
В омут осенью уходит,
А икру он мечет летом,
Берег плеском оглашая.
   Если ж ты не убедился,
То еще я много знаю,
Рассказать могу, как пашут
Северяне на оленях,
А южане на кобылах,
За Лапландией — быками.
Знаю я леса на Писе,
На утесах Хорны сосны:
Стройный лес растет на Писе,
Стройные на Хорне сосны.
   Страшных три есть водопада
И озер огромных столько ж;
Также три горы высоких
Под небесным этим сводом:
Хялляпюёря у Хяме,
Катракоски у карелов,
Вуокса неукротима,
Иматра — непобедима».
   Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Ум ребячий, бабья мудрость
Не приличны бородатым
И женатому некстати.

Ты скажи вещей начало,
Глубину деяний вечных!»
   Молвил юный Еукахайнен,
Говорит слова такие:
«Я вот знаю про синицу,
Что она породы птичьей;
Из породы змей — гадюка;
Ерш в воде — породы рыбьей;
Размягчается железо,
А земля перекисает;
Кипятком обжечься можно,
Жар огня — весьма опасен.
   Всех лекарств — вода старее;
Пена — средство в заклинаньях;
Первый чародей — создатель;
Бог — древнейший исцелитель.
Из горы вода явилась,
А огонь упал к нам с неба,
Стала ржавчина железом,
На утесах медь родится,
   Всех земель старей — болота;
Ива — старше всех деревьев;
Сосны — первые жилища;
Камни — первая посуда».
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Может, что еще припомнишь
Иль уж высказал всю глупость?»
   Молвил юный Еукахайнен:
«Нет, еще немного помню.
Помню древность я седую,
Как вспахал тогда я море
И вскопал морские глуби,
Выкопал я рыбам ямы,
Опустил я дно морское,
Распростер я вширь озера,
Горы выдвинул я кверху,
Накидал большие скалы.
   Я шестым был из могучих,
Богатырь седьмой считался.
Сотворил я эту землю,
Заключил в границы воздух,
Утвердил я столб воздушный
И построил свод небесный.

Я направил ясный месяц,
Солнце светлое поставил,
Вширь Медведицу раздвинул
И рассыпал звезды в небе».
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Лжешь ты свыше всякой меры!
Никогда при том ты не был,
Как пахали волны моря,
Как выкапывали глуби
И как рыбам ямы рыли,
Дно у моря опускали,
Простирали вширь озера,
Выдвигали горы кверху
И накидывали скалы.
И тебя там не видали,
Тот не видел и не слышал,
Кто тогда всю землю создал,
Заключил в границы воздух,
Утвердил и столб воздушный
И построил свод небесный,
Кто направил ясный месяц,
Солнце светлое поставил,
Вширь Медведицу раздвинул
И рассыпал звезды в небе».
Молодой же Ёукахайнен
Говорит слова такие:
«Коль рассудок мой потерян,
Так мечом его найду я!
Ну-ка, старый Вяйнямёйнен,
Ты, певец со ртом широким,
Станем меряться мечами —
Поглядим, чей меч острее!»
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Не страшат меня нисколько
Ни мечи твои, ни мудрость,
Ни оружие, ни хитрость.
Но пусть будет, как кто хочет,
И с тобой, с таким несчастным,
Я мечей не стану мерить:
Ты — негодный и противный!»
Обозлился Ёукахайнен,
Рот от гнева искривился,
Головой трясет косматой,
Говорит слова такие:

«Кто мечи боится мерить,
Осмотреть клинки боится,
Я того моею песней
Превращу в свиное рыло.
Я таких людей презренных
По местам упрячу разным:
Уложу в навозной куче
Иль заброшу в угол хлева!»
   Омрачился Вяйнямёйнен
И разгневался ужасно.
Сам запел тогда он песню,
Сам тогда он начал речи.
Не ребячьи песни пел он
И не женскую забаву —
Пел геройские он песни.
Не поют их вовсе дети,
Мальчики наполовину,
Женихи лишь в третьей части:
Ведь пришло лихое время,
Недород, и хлеба нету.
Начал мудрый Вяйнямёйнен.
Всколыхнулися озера,
Горы медные дрожали,
Камни твердые трещали,
Со скалы скала свалилась,
Раздроблялися утесы.
   Он запел, и разрослися
На дуге лапландца ветки,
На хомут насела ива,
На шлее ветвится верба.
Позолоченные сани
Стали тальником прибрежным;
Кнут жемчужный обратился
Камышом на побережье;
Конь лапландца белолобый
Стал скалой у водопада.
   Меч с златою рукоятью —
Яркой молнией на небе;
Из раскрашенного лука
Вышла радуга над морем;
Стрелы легкие лапландца
Ястребами полетели;
Тупомордая собака
Валуном огромным стала.

Превращает старец шапку —
Стала шапка длинной тучей;
Рукавицы водяными
Вдруг становятся цветами;
Шерстяная куртка ходит
Облаком в высоком небе,
А из пояса лапландца
Звезды в небе запестрели.
Он поет — и Ёукахайнен
По бедро ушел в болото,
И до пояса в трясину,
И до плеч в песок сыпучий.
Вот тогда-то Ёукахайнен
Мог своим умом постигнуть,
Что пошел не той дорогой
И предпринял путь напрасный
Состязаться в песнопеньях
С Вяйнямёйненом могучим.
Хочет он ногою двинуть —
И поднять ноги не может;
Повернуть другую хочет —
Но она обута в камень.
Испытал тут Ёукахайнен
Сильный ужас, страх великий,
Увидал свое несчастье
И сказал слова такие:
«О ты, мудрый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель!
Ты верни слова святые
И возьми назад заклятья!
Отпусти меня отсюда,
Дай свободу от несчастья!
Принесу тебе я выкуп,
Дам я все, что пожелаешь!»
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Что ж ты дать мне обещаешь,
Коль верну слова святые
И назад возьму заклятья,
Отпущу тебя отсюда,
Из беды освобожу я?»
Молвил юный Ёукахайнен:
«У меня два славных лука,
Пара луков превосходных,
Бьет один со страшной силой,

А другой стреляет метко.
Выбирай, какой захочешь».
  Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Не хочу твоих я луков;
Глупый ты: на что мне луки?
У меня их дома столько,
Что увешаны все стены,
Ими заняты все гвозди;
Сами луки в лес уходят,
Без меня они стреляют».
Он запел, и Еукахайнен
Погрузился в топь поглубже.
  Молвил юный Еукахайнен:
«У меня две славных лодки,
Челноков чудесных пара;
И одна летит как птица,
А другая грузы возит.
Выбирай, какую хочешь!»
  Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Не хочу твоих я лодок,
Челноков твоих не нужно!
У меня их дома столько,
Что весь берег ими занят,
Все заливы ими полны,
И одни по ветру ходят,
А другие против ветра».
Вновь запел, и Еукахайнен
Погрузился в топи глубже.
  Молвил юный Еукахайнен:
«Два коня в моей конюшне,
Жеребцов прекрасных пара;
И один летит как ветер,
А другой силен в запряжке.
Выбирай, какого хочешь».
  Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Мне коней твоих не нужно,
Жеребцов твоих хваленых;
У меня их дома столько,
Что стоят при каждых яслях
И стоят во всяком стойле
На хребтах с водою чистой,
На крестцах с пудами жира».
Вновь запел, и Еукахайнен
Погрузился в топь поглубже.

Молвил юный Ёукахайнен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Поверни слова святые
И возьми назад заклятья!
Шапку золота доставлю,
Серебром насыплю шапку,
Их с войны принес отец мой,
С поля битвы их доставил».
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«В серебре я не нуждаюсь,
Твое золото на что мне!
У меня его довольно,
Кладовые им набиты,
Сундуки набиты ими:
Золото — луны ровесник,
Серебро — ровесник солнцу».
Вновь запел, и Ёукахайнен
Погрузился в топи глубже.
Молвил юный Ёукахайнен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Отпусти меня отсюда,
Дай свободу от несчастья!
Весь мой хлеб тебе отдам я,
Все поля я обещаю,
Чтобы голову спасти мне,
От беды себя избавить!»
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Мне полей твоих не нужно,
В хлебе вовсе не нуждаюсь!
У меня его обилье,
Где ни глянешь, там и поле
И скирды стоят повсюду.
А мои поля получше,
Мне скирды мои милее».
Вновь запел, и Ёукахайнен
Погрузился в топи глубже.
Наконец уж Ёукахайнен
И совсем перепугался:
Он до рта ушел в трясину,
С бородой ушел в болото,
В рот набился мох с землею,
А в зубах кусты завязли.
Молвил юный Ёукахайнен:
«О ты, мудрый Вяйнямёйнен!

Рековечный прорицатель!
Вороти назад заклятье,
Жизнь оставь мне дорогую,
Отпусти меня отсюда!
Затянула топь мне ноги,
От песку глазам уж больно!
Если ты возьмешь заклятье,
Злой свой заговор воротишь,
Дам сестру тебе я Айно,
Дочку матери любимой.
Пусть метет твое жилище,
В чистоте полы содержит,
Будет кадки мыть и парить,
Будет мыть твою одежду,
Ткать златые одеяла,
Печь медовые лепешки».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Просиял, развеселился,
Рад он был, что Ёукахайнен
В жены даст сестру родную.
На скале, веселый, сел он,
Сел на камень и распелся;
Спел немного, спел еще раз,
В третий раз пропел немного —
Повернул слова святые,
Взял назад свои заклятья.
Вышел юный Ёукахайнен:
Из болота тащит шею,
Тащит бороду из топи;
Вновь конем скала предстала,
Сани вновь из веток вышли,
Стал камыш кнутом, как прежде.
Он спешит усесться в сани;
Опустился на сиденье,
Уезжает с тяжким сердцем,
Грустный едет он оттуда,
К милой матери он едет,
Он к родителям стремится.
Он помчался с страшным шумом,
К дому бешено подъехал;
Об овин сломал он сани
И оглобли о ворота.
Мать не знает, что подумать,
А отец промолвил слово:

«Глупо сделал, что сломал ты
Эти сани и оглобли!
Что ты едешь, как безумный,
Словно бешеный, примчался?»
И заплакал Ёукахайнен.
Плачет горькими слезами,
Головой поник уныло,
Шапка на сторону сбилась,
Губы сжаты, побледнели,
Нос повесил он печально.
Мать узнать, в чем дело, хочет,
Хочет дело поразведать:
«Ты о чем, сыночек, плачешь,
Чем, мой первенец, расстроен,
Губы сжаты, побледнели,
Нос повесил ты печально?»
Молвил юный Ёукахайнен:
«Ох ты, мать моя родная!
Ведь со мной беда случилась,
Ведь со мной несчастье было,
Не без повода я плачу,
Есть причина для печали!
Век свой слез не осушу я,
Буду жизнь вести в печали:
Ведь сестрицу дорогую,
Дочь твою родную, Айно,
Вяйнямёйнену я отдал,
Чтоб певцу была женою,
Старцу слабому опорой,
В доме хилому защитой».
Мать захлопала в ладоши
И всплеснула тут руками;
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, мой сын родимый,
Нет тебе причины плакать,
Нет причины для печали.
Я жила надеждой этой,
Много лет я ожидала,
Чтоб герой могучий этот,
Песнопевец Вяйнямёйнен,
Стал моим желанным зятем,
Мужем дочери родимой».
Слышит то младая Айно,
Плачет горькими слезами,

Плачет день, другой день плачет,
На крыльце сидит, рыдая;
Плачет жалобно от горя,
От сердечной злой печали.
Говорить тут мать ей стала:
«Что ты плачешь, дочка Айно?
У тебя жених могучий;
К мужу сильному идешь ты,
Чтоб сидеть там под окошком,
У забора тараторить».
Дочь на это молвит слово:
«О ты, мать моя родная!
Есть о чем, родная, плакать:
Жаль мне кос моих прекрасных
И кудрей головки юной,
Жаль волос девичьих, мягких,
Мне так рано их закроют,
С этих лет мне их завяжут.
И всю жизнь жалеть я буду
Это солнце дорогое,
Этот месяц ясный, тихий,
Этот синий свод небесный,
Если мне их бросить надо,
Если надо мне забыть их,—
Братца — у станка с работой,
Под окном — отца родного».
Мать же дочери сказала,
Молодой старуха молвит:
«Брось ты, глупая, печали,
Горемычная,— стенанье!
Плачешь ты без основанья
И тоскуешь без причины.
Божье солнце дорогое
Озаряет всюду землю,
Не одно отца окошко,
Не одну скамейку брата.
Есть повсюду много ягод,
На полянах — земляники.
Ах ты, доченька! Ты можешь
Там набрать их, а не только
По лесам отца родного,
На полях родного брата».

РУНА ЧЕТВЕРТАЯ

Вяйнямёйнен встречает сестру Ёукахайнена в лесу и просит ее стать его женой (1—30).— Девица в слезах бежит домой и рассказывает об этом своей матери (31—116).— Мать запрещает ей печалиться, велит радоваться и нарядно одеться (117—188).— Девушка продолжает плакать и говорит, что не хочет идти замуж за старика (189—254).— Опечаленная, она уходит в лес, заблудилась и попадает на безлюдный берег моря, хочет выкупаться в море и тонет (255—370).— Мать дни и ночи оплакивает свою утонувшую дочь (371—518)

Айно, дева молодая,
Ёукахайнена сестрица,
В лес пошла нарезать веток,
В роще веников наделать.
Для отца связала веник,
Веник матери связала,
Наконец, и третий веник
Крепышу связала братцу.
И идет, спеша из лесу,
Прямо к дому меж ольхами.
Вот подходит Вяйнямёйнен.
Он девицу в роще видит
На траве в нарядном платье,
Говорит слова такие:
«Не носи ты для другого,
Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
На груди носи ты крестик,
Для меня плети ты косы,
Перевязывай их лентой!»

Так ответила девица:
«Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
В волосах ношу я ленту.
Не ищу привозных платьев,
Белых хлебов мне не нужно;
Я ношу простое платье,
Ем я черную краюшку;
Я сижу в отцовском доме,
Вместе с матушкой родимой».

Вот с груди бросает крестик,
С пальцев кольца золотые,
С шеи жемчуг побросала,
Ленту красную швырнула,
Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их,
И в слезах пошла дорогой,
С горьким плачем в дом отцовский.
У окна отец работал,
Вырезал он топорище:
«Что ты, дочь-бедняжка, плачешь,
Что, девица молодая?»
«Есть, отец, причина плакать,
Есть для слез и для рыданья;
Вот причина, что я плачу,
Что я плачу и рыдаю:
Потеряла с шеи крестик,
С пояска мои застежки;
Был серебряный мой крестик,
Были медные застежки».
У калитки брат работал,
Вырезал дугу искусно:
«Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?»
«Есть причина, братец, плакать,
Есть для слез и для рыданья;
Вот причина, что я плачу,
Я и плачу и рыдаю:
Потеряла кольца с пальцев,
С шеи жемчуг драгоценный;
Золотые были кольца,
Серебрист на шее жемчуг».
Вот сестра сидит у двери,
Ткет из золота здесь пояс:
«Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?»
«Есть, сестра, причина плакать,
Есть для слез и для рыданья;
Вот причина, что я плачу
И горюю, что пропали
И подвески золотые,
И серебряный кокошник,
Синий шелковый налобник,
Лента красная из шелка».

В кладовой, у самой двери,
Мать снимала ложкой сливки:
«Что ты, дочь-бедняжка, плачешь?
Что, девица молодая?»
«О ты, мать моя родная!
Ты меня, дитя, кормила!
Плачу, матушка, от скорби
И, несчастная, горюю.
Вот причина, что я плачу
И пришла домой, рыдая:
В лес пошла я резать ветки,
В роще веников наделать.
Веник батюшке связала,
Для тебя связала веник,
Наконец, и третий веник
Крепышу связала братцу.
Уж домой идти хотела,
Шла поспешно по дубраве,
И сказал мне так Осмойнен,
Калевайнен так промолвил:
«Не носи ты для другого,
Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
На груди носи ты крестик,
Для меня плети ты косы,
Перевязывай их лентой!»
Я с груди швырнула крестик,
С шеи жемчуг побросала,
Синий шелковый налобник,
Ленту красную швырнула,
Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их.
А сама ему сказала:
«Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
В волосах ношу я ленту.
Не ищу привозных платьев,
Белых хлебов мне не нужно;
Я ношу простое платье,
Ем я черную краюшку;
Я сижу в отцовском доме,
Вместе с матушкой родимой».
Мать девице отвечает,
Молодой старуха молвит:

«Перестань ты, дочка, плакать,
Не горюй, моя родная!
Целый год ты кушай масло:
Ты тогда красивей станешь;
На другой ты ешь свинину,
И еще статнее будешь;
А на третий — хлеб молочный,
И красавицею станешь.
На горе есть кладовая:
Там в прекрасном помещенье
К сундуку сундук поставлен
И шкатулка на шкатулку.
Ты открой сундук там лучший
И найдешь под пестрой крышкой
Золотых шесть подпоясок,
Семь прекрасных синих платьев.
Мне дочь Месяца ткала их,
Солнца дочь их мне нашила.
    В годы юности прошедшей,
В молодых летах, бывало,
Я в лесу рвала малину,
Там однажды увидала
    Дочку Месяца за станом,
Дочку Солнышка за прялкой
На краю поляны ровной,
На опушке синей рощи.
    Подошла я боязливо,
Подле них я тихо стала,
Начала просить смиренно;
Так я девам говорила:
«Девы Месяца и Солнца!
Дайте мне сребра и злата,
Дайте девочке-бедняжке,
Дайте бедному ребенку!»
    Серебра дала дочь Солнца,
А дочь Месяца мне злата.
Золотой кокошник вышел
И серебряный налобник.
Как цветок домой пришла я,
В дом отца вошла веселой.
    День, другой я их носила,
А на третий поснимала;
Золотой сняла кокошник
И серебряный налобник,

Унесла на горку в домик,
Спрятала под крышку в ящик;
Там лежат они доселе,
Я их больше не видала.
   Ты надень из шелку ленты
И из золота налобник.
Ты надень блестящий жемчуг,
Золотой на шею крестик,
Полотняную сорочку.
Шерстяное вынь ты платье
Из тончайшей мягкой шерсти,
Пояс шелковый наденешь,
Там возьмешь чулки из шелку,
Башмаки из тонкой кожи.
Заплети получше косы,
Лентой шелковой свяжи их;
Не забудь на пальцы кольца,
Золотые вынь запястья!
   Вот тогда домой придешь ты,
В кладовой принарядившись,
И родителям на радость,
И родным всем на утеху.
Как цветочек, ты пройдешься,
Как малинка, по дорожке,
Станешь ты стройней, чем прежде,
И красивей несравненно».
   Так ей матушка сказала,
Так промолвила девице.
Но она словам не внемлет,
И речей она не слышит.
Вышла быстрыми шагами,
По двору идет, рыдает,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Что такое мысль блаженных,
Помышления счастливых?
Ведь не то ли мысль блаженных,
Помышления счастливых,
Что вода при колыханье,
Что волна воды в ведерке.
Что такое мысль печальных,
Помышленья бедной утки?
Ведь не то ли мысль печальных,
Помышленья бедной утки,

Что весенний снег в овражке,
Что вода в колодце темном.
Ах! как часто мысль девицы,
Дума девушки несчастной,
Боязливо полем ходит,
Пробирается лесочком,
По траве ползет тихонько,
По кустам, по мхам засохшим!
Дума та смолы чернее,
Дума та угля темнее.
Мне б гораздо лучше было,
Если б я не родилася,
Если б я не подрастала,
Не видала бы на свете
Дней печали и несчастья,
Если б я жила немного;
На шестую ночь скончалась,
На восьмую умерла бы;
Мне б тогда не много нужно:
Чуть холстины на рубашку
Да под дерном уголочек.
Мать поплакала б немножко,
А отец еще поменьше,
Брат совсем не стал бы плакать».
День, другой девица плачет.
Мать опять ее спросила:
«Ты о чем, девица, плачешь,
Дочка бедная, горюешь?»
«Оттого, бедняжка, плачу,
Горевать всю жизнь я буду,
Что меня ты обещала,
Отдала ты дочь родную
Старику тому утехой,
Быть для старого защитой,
Быть для дряхлого опорой
Да в избе его охраной.
Лучше б дочь ты обещала
В глубину морей холодных,
Чтоб сигам была сестрицей
И подругой быстрым рыбам,
Лучше мне там в море плавать,
Проживать в волнах глубоких,
В море быть сигам сестрою

И подругой быстрым рыбам,
Чем быть старому защитой,
Старцу слабому подмогой;
Он о свой чулок споткнется,
Упадет, чрез сук шагнувши».
Вот идет она к постройке
И проходит в кладовую;
Там открыла лучший ящик
И нашла под пестрой крышкой
Золотых шесть подпоясок,
Синих семь прекрасных платьев.
Одевается богато,
Выбирает, что получше:
И подвески золотые,
И серебряный кокошник,
Синий выбрала налобник,
Ленту красную на косу.
Так пошла она оттуда
По лугам и по полянам,
По болотам и равнинам,
По лесам прошла дремучим.
А сама поет тихонько.
Проходя, она запела:
«Тяжелы мои печали,
И тоска на бедном сердце.
Пусть тоска сильнее будет,
Тяжелей печали станут,
Как скончаюсь я, бедняжка,
Так с мучением покончу,
С этой тягостной печалью,
Бесконечной, горькой скорбью!

Да, теперь настало время
Навсегда с землей проститься,
В Маналу пора сойти мне,
В Туонелу пора спуститься.
Обо мне отец не плачет,
Мать родная не жалеет,
У сестры лицо не мокро,
И глаза у брата сухи,
Хоть уж в воду я спускаюсь,
В море к рыбам направляюсь,
В глубину пучины темной,
В тину, смешанную с илом».

День она идет, другой день,
Наконец, уже на третий
Достигает края моря,
Берегов, травой поросших.
Начинало уж смеркаться,
Небо темным становилось.
Там проплакала весь вечер
И всю ночь протосковала,
На прибрежном сидя камне
У широкого залива;
Дождалась она рассвета,
Поглядела: там три девы
По волнам морским стремятся.
Айно легким, тихим шагом
Хочет к ним идти четвертой,
Подойти к ним пятой веткой.
Быстро сбросила рубашку,
На осину скинув платье
И чулки свои на землю,
Башмаки свои на камень,
На песок свой крупный жемчуг,
На прибрежный камень кольца.
Там надтреснутый утес был,
Он блестел в далеком море;
И к нему плывет девица,
До скалы доплыть стремится.
Но едва туда ступила,
Отдохнуть присесть хотела
На растрескавшемся камне,
На скале, блестевшей в море,
Как упал вдруг в воду камень,
Та скала на дно морское,
А с тем камнем и девица,
С той огромной глыбой Айно.
Так та курочка упала,
Так погибла та бедняжка
И сказала, умирая,
С белым светом расставаясь:
«К морю я пошла купаться,
На волне морской качаться.
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда, отец мой милый,
Никогда в теченье жизни

Не лови в волнах здесь рыбы
На пространстве вод широких!
Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться:
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда ты, мать родная,
Никогда в теченье жизни
Не бери воды в заливе,
Чтоб месить для хлеба тесто!
Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться:
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда, мой брат любимый,
Никогда в теченье жизни
Не пои коня ты в море
На песчаном этом месте!
Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла ку́паться;
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда, моя сестрица,
Никогда в теченье жизни
Ты не мой лицо здесь в море,
Не мочи водою здешней.
Ведь все волны в этом море —
Только кровь из жил девицы;
Ведь все рыбы в этом море —
Тело девушки погибшей;
Здесь по берегу кустарник —
Это косточки девицы;
А прибрежные здесь травы
Из моих волос все будут».
Так та девушка скончалась,
Так та курочка исчезла...
Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?
Не медведь то слово скажет
И возьмется весть доставить!
Он доставить весть не может:
На коров он нападает.

Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?
И не волк то слово скажет
И возьмется весть доставить!
Он доставить весть не может:
На овец он нападает.
Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?
Не лиса то слово скажет
И возьмется весть доставить!
Весть лиса подать не может:
Лишь гусей подстерегает.
Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?
Это заяц слово молвит
И возьмется весть доставить!
Заяц так и отвечает:
«Да, за храбрым речь не станет».
Вот бежит, несется заяц,
Поспешает длинноухий,
Скоро скачет кривоногий,
Быстро мчится косоротый
К дому славному девицы,
Ко двору ее родному.
Подбежал он быстро к бане,
У порога приютился.
А в той бане все девицы,
И в руке у каждой веник:
«Что, косой, в котел собрался?
Лупоглазый, не попался ль
Ты хозяину на ужин,
А хозяюшке на завтрак,
Милой дочке на закуску,
На обед хороший сыну?»
Но ответил заяц девам,
Молвил громко пучеглазый:
«Пусть сюда приходит Лемпо,
Пусть себе в котле варится!

Я пришел, чтоб вам поведать,
Чтоб сказать такое слово:
Ведь красавица погибла
С оловянным украшеньем
И с серебряной застежкой,
С пояском, обшитым медью,
Погрузилась в волны моря,
В глубину морей обширных,
Чтоб сигам там быть сестрою
И подругой быстрым рыбам».

Мать тогда по милой дочке,
По исчезнувшей девице
Горько, горько зарыдала,
Говорит слова такие:
«Матери! Вы не качайте
Никогда в теченье жизни
В колыбели ваших дочек,
Не воспитывайте деток,
Чтоб насильно выдать замуж,
Как, бедняжка, я качала
В колыбели мою дочку,
Дорогого мне цыпленка!»

Мать заплакала, а слезы,
Слезы горькие сбегают
Из очей старухи синих
На страдальческие щеки.

Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От щеки ее опавшей
До груди, дышавшей тяжко.

Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От груди, дышавшей тяжко,
На подол нарядный платья.

Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От краев нарядных платья
На чулок с прошивкой красной.

Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От чулка с прошивкой красной
На башмак, что вышит златом.

Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся

С башмака, что вышит златом,
Прямо под ноги старухи.
Слезы в землю — ей на благо,
В воду — и воде на благо.
Как стекли они на землю,
Три ручья образовали;
Потекли тремя реками
Слез печали материнской,
Из очей они бежали,
От висков они стремились.
На реке такой, на каждой,
Водопады огневые,
А средь пены водопадов
Три скалы там поднялися;
На верху скалы на каждой
Золотой поднялся холмик;
На верху холма на каждом
Вырастало по березке;
На березках тех сидели
Золотые три кукушки.
Все три вместе куковали:
Та: «любовь! любовь!» кукует,
Та: «жених! жених!» покличет,
Третья кличет: «радость! радость!»
Что «любовь! любовь!» кукует,
Так три месяца все кличет
Той девице, что погибла
Без любви в волнах глубоких.
Что «жених! жених!» кукует,
Та шесть месяцев все кличет
Жениху тому, который
В одиночестве остался.
А что кличет: «радость, радость!»,
Та всю жизнь кукушка кличет,
Кличет матери несчастной,
Что все дни в слезах проводит,
И сказала мать сквозь слезы,
Услыхавши клич кукушки:
«Мать несчастная! не слушай
Слишком долго клич кукушки.
Как раздастся клич кукушки,
Сердце горестно забьется,
На глаза выходят слезы,

По щекам вода струится,
Как горох, бегут те капли,
Как бобы, идут большие;
Становлюсь на локоть старше,
Делаюсь на четверть ниже,
Тело все мое трепещет,
Лишь услышу клич кукушки».

РУНА ПЯТАЯ

Вяйнямёйнен идет к морю, чтобы поймать сестру Ёукахайнена, и ловит ее, превратившуюся в рыбу, на удочку (1—58).— Он пытается разрезать ее на куски, но рыба выскользает из рук в море и объясняет, кто она такая (59—133).— Напрасно старается Вяйнямёйнен словами и сетями поймать рыбу снова (134—163).— Огорченный, возвращается он домой и получает от своей матери совет идти свататься за дочь Похъёлы (164—241)

Вот домой доходят вести,
Вот дошел рассказ печальный
О погибели девицы,
О кончине юной девы.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Все узнавши, стал унылым,
Плакал вечер, плакал утро,
Ночи целые проплакал
О красавице погибшей,
О девице утонувшей
В волнах вод широкошумных,
В темноте морей глубоких.
Вот со вздохами, с заботой,
Он пошел с тяжелым сердцем
К морю синему на берег,
Говорит слова такие:
«Спящий Унтамо, скажи мне,
Сны свои открой, ленивец:
Где живут родные Ахто,
Девы Велламо таятся»?
Спящий Унтамо ответил,
Сны свои открыл ленивец:
«Вот родные где у Ахто,
Девы Велламо таятся:

На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке,
В темноте морей глубоких,
В тине илистой и черной.
Там живут родные Ахто,
Девы Велламо таятся,
Там сидят в каморке узкой
Посреди избушки тесной,
Под скалою полосатой
И под выступом утеса».

Вышел старый Вяйнямёйнен,
Стал на лодочную пристань,
Взял он удочку тихонько,
Осмотрел он тихо лески,
Положил в мешок крючочки
И уду в карман запрятал.
Вот грести он сильно начал,
Лодку к острову направил,
На мысок туманный вышел,
Мглою скрытый островочек.
Приготовился к уженью,
Леску длинную расправил,
Повернул уду рукою.
Вот крючок закинул в воду,
Стал удить, таща за леску:
Медь удилища дрожала,
Серебро шуршало в леске,
И в шнурке шумело злато.
Рассветать на небе стало,
Зорька утренняя вышла,
За крючок схватилась рыбка,
За крючок железный — семга.
Тащит он ту семгу в лодку
И на дно кладет тихонько.
Пристально глядит на рыбку,
Говорит слова такие:
«Удивительная рыбка!
Никогда таких не видел,
Сиг столь гладким не бывает,
Не пестреет так пеструшка,
Щука — та не столь седая,
Чешуи у самки меньше,
У самца ж ее побольше.

Девушки повязки носят,
А русалки носят пояс,
А у курочки есть уши;
Эта ж рыба — точно семга,
Точно окунь вод глубоких».
    Был на поясе у старца
Нож в серебряной оправе.
Нож он с пояса снимает,
Вынул нож из светлых ножен,
Распластать он хочет рыбку
И разрезать эту семгу,
Из нее чтоб сделать завтрак,
Закусить пораньше ею,
На обед себе сготовить
И оставить часть на ужин.
    Вот пластать он хочет рыбку
И брюшко пороть ей начал:
Вдруг из рук скользнула семга,
В море бросилася рыбка,
С края лодки красноватой,
Из ладьи широкой Вяйнё.
    Подняла из волн головку,
Правым боком показалась
На волне морской, на пятой,
При шестом станке у сети.
Правой ручкой потянулась
И сверкнула левой ножкой
На седьмой полоске моря,
На валу зыбей девятом.
    Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ой ты, старый Вяйнямёйнен!
Не затем я вышла в море,
Чтоб меня, как семгу, резал,
Чтоб распластывал, как рыбку,
Из меня готовил завтрак,
Закусил пораньше мною,
На обед себе сготовил
И оставил часть на ужин».
    Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Так зачем ты вышла в море?»
«Для того я вышла в море,
Чтобы курочкой спокойной
На руках твоих садиться,

Быть всю жизнь твоей женою,
Чтоб тебе постель готовить,
На постель взбивать подушку,
Убирать твое жилище,
Подметать полы в покоях;
Чтоб дрова носить в избушку,
Раздувать большое пламя,
Печь тебе большие хлебы
Да медовые лепешки,
Подносить и кружку пива,
Угощать тебя чем хочешь.
Я совсем не семга моря
И не окунь вод глубоких:
Я девица молодая,
Ёукахайнена сестрица;
Ты меня искал так долго
И желал в теченье жизни.
Ох, старик ты неумелый,
Вяйнямёйнен безрассудный!
Не сумел меня поймать ты,
Деву Велламо, русалку,
Дочь единственную Ахто».
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Молвил грустный и унылый:
«Ёукахайнена сестра ты?
О, вернись ко мне скорее!»
Не придет она обратно
Никогда в теченье жизни.
Быстро в волны погрузилась.
Сразу в море опустилась
Вниз, к каменьям полосатым
И к расщелинам гранитным.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Поразмыслил и подумал:
Как же быть и что же делать?
Потащил свои он сети
Из конца в конец чрез волны;
Через бухты, чрез заливы,
По воде спокойной тащит,
Тащит чрез лососьи рифы,
Через Вяйнёлы потоки.
Через рифы Калевалы,
По бездонным черным безднам,
Беспросветным глубям моря,

Ёуколы прозрачным рекам,
Чрез лапландские заливы.
Много всяких рыб поймал он;
Но из рыб, живущих в море,
Не поймал он милой рыбки,
Той, о ком он только думал,
Что у Велламо русалкой,
Что у Ахто всех прекрасней.
Тут-то старый Вяйнямёйнен
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась;
Сам сказал слова такие:
«О я, глупый и безумный!
Человек я без рассудка!
Был мне дан и ум здоровый,
И рассудок был дарован,
И отзывчивое сердце.
Прежде я имел все это,
А теперь уж все исчезло
В хилой старости печальной
И в упадке сил бывалых;
Мой рассудок точно умер,
Прозорливость отлетела,
Стал я вовсе бестолковым.
Ту, к которой я стремился
И искал в теченье жизни,
Ту у Велламо русалку,
Дочь волны широкошумной,
Чтоб иметь подругой жизни
На всю жизнь моей супругой,—
В море удочкой поймал я
И втащил на лодку быстро:
Но ее не удержал я,
Не принес в мое жилище,
Упустил обратно в море,
В глуби темные морские!»
И пошел он по дороге,
Озабоченно вздыхая,
Шел домой прямой дорогой,
Говорил слова такие:
«Пели некогда кукушки,
Мне кукушки пели радость,
Рано утром, поздно на ночь
И один раз в час полудня.

Что ж испортило их голос,
Как погиб напев чудесный?
Грустью голос их надорван,
Унесло его унынье.
Не слыхать его призыва,
И, когда заходит солнце,
Нет вечерней мне отрады;
Не слыхать кукушки утром.
Не могу совсем понять я,
Как мне быть и что мне делать?
Как прожить мне в этом мире,
Как скитаться в здешнем крае?
Если б мать в живых осталась,
На земле жила б родная,
Мне тогда б она сказала,
Что теперь с собой мне делать,
Чтоб печали не поддаться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни мои плохие,
Время горести жестокой!»
Мать в могиле пробудилась,
Из воды в ответ сказала:
«Мать твоя не умирала,
Так же бодрствует родная
И тебе ответит ясно,
Что теперь ты должен делать,
Чтоб печали не поддаться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни твои плохие,
Время горести жестокой:
В Похъёле девиц немало!
Есть там девушки получше,
Вдвое лучше и красивей,
В пять и в шесть раз веселее
Этих Ёуколы бездельниц,
Этих медленных лапландок.
Там, мой сын, возьми жену ты,
Похъёлы красотку-деву,
Ту, что обликом прелестна,
Ту, что стан имеет стройный,
У которой ноги быстры,
У которой гибко тело».

РУНА ШЕСТАЯ

Ёукахайнен затаил злобу на Вяйнямёйнена и подстерегает его по дороге в Похъёлу (1—78).— Он видит, как Вяйнямёйнен верхом на лошади переправляется через реку, и стреляет в него из лука, но попадает в лошадь (79—182).— Вяйнямёйнен падает в воду; сильный ветер уносит его в открытое море, и Ёукахайнен торжествует, думая, что Вяйнямёйнен поет свою последнюю песню (183—234)

Старый, верный Вяйнямёйнен
Приготовился к отъезду
В те холодные селенья,
В Похъёлу, в страну тумана.
Мастью конь его похож был
На горох иль на солому.
На коня надел уздечку,
Недоуздок он накинул,
На спине коня уселся
И от дома отъезжает.
Гонит сильно по дороге,
Проезжает путь поспешно
На коне, что на солому
Иль горох походит мастью.
Полем Вяйнёлы несется,
По полянам Калевалы,
На коне он быстро скачет
От родной земли все дальше,
По хребту морскому едет,
По равнине вод открытых.
У коня копыта сухи,
На ногах не видно влаги.
Молодой же Ёукахайнен,
Юноша дрянной лапландский,
До сих пор был все озлоблен,
Уж давно питал он зависть
К Вяйнямёйнену седому,
К вещим старца песнопеньям.
Лук он огненный устроил,
Выгиб сделал в украшеньях;
Лук он сделал из железа,
Выгиб он отлил из меди,
Золотом его украсил,
Серебра туда прибавил.

Где же он возьмет веревку,
Где он тетиву разыщет?
Жилы лося взял у Хийси,
Взял он нитки льна у Лемпо.
Вот готов был выгиб лука,
И концы его готовы.
Был тот лук на вид прекрасен,
Должен был немало стоить,
Наверху конек поставлен,
По бокам бежит жеребчик,
Медвежонок спит на сгибе,
На зарубке дремлет зайчик.
Он вырезывает стрелы,
Трижды стрелы оперяет.
Из железа точит стержень,
Из смолистых веток — кончик.
Стрелы вырезал искусно —
И тогда их оперяет
Тонким перышком касатки,
Воробьиными крылами.
Закалил он эти стрелы,
А потом концы намазал
Ядовитым черным соком,
Что нашел в крови змеиной.
Так готовы были стрелы.
Натянул свой лук упругий,
Вяйнямёйнена все ждал он,
Все стерег он друга моря.
Утром, вечером сидит он,
Стережет и в час полудня.
Вяйнямёйнена все ждет он,
Ждет без устали неделю,
Поджидает под окошком,
Стережет в углу забора,
Слушает в конце дороги
И высматривает в поле;
За спиной колчан повешен,
А в руках тот лук прекрасный.
Вот стеречь он дальше вышел,
От другого дома смотрит:
С края огненного мыса,
От излучины залива,
С водопада огневого,
От святой реки кипящей.

Наконец, однажды утром,
Он свои направил взоры
И на север, и на запад,
Повернул лицо он к солнцу —
Что-то черное заметил,
Что-то синее на море:
«То не облако ль с востока,
Не заря ли ранним утром?»
То не облако с востока,
Не заря то ранним утром —
Это старый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец.
В Похъёлу свой путь держал он,
В Пиментолу направлялся,
На коне, что на солому
Иль горох похож был мастью.
Лук схватил тут Ёукахайнен,
Юноша дрянной лапландский,
Он схватил, пылая гневом,
И направил лук прекрасный
Вяйнямёйнену на гибель,
Чтобы моря друг скончался.
Мать его тогда спросила,
Седовласая старушка:
«Для кого ты лук устроил,
Обложил его железом?»
Так ответил Ёукахайнен
И сказал слова такие:
«Вот зачем я лук устроил,
Обложил его железом:
Вяйнямёйнену на гибель,
Чтобы моря друг скончался;
Вяйнямёйнена сражу я,
Песнопевца Калевалы,
В сердце самое и в печень
И в лопатку я ударю».
Но стрелять не позволяет,
Запрещает мать-старушка:
«Вяйнямёйнена не трогай,
Песнопевца Калевалы.
Рода славного тот Вяйнё,
Мне по шурину племянник.
Вяйнямёйнена застрелишь,
Песнопевца Калевалы,—

Вмиг исчезнет в мире радость,
На земле погибнет песня;
Здесь на свете лучше радость,
На земле приятней песня,
Чем в полях подземных, темных,
В мрачном Туонелы жилище!»
Все же юный Еукахайнен
Призадумался немного,
На минуту он сдержался:
Бить одна рука велела,
Бить нещадно заставляла,
А противилась другая.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Пусть погибнет в мире радость,
Пусть исчезнут в мире песни, —
Я стреляю без раздумья,
Я стреляю без боязни».
Лук свой огненный направил,
На колене левом держит
В медь обитое оружье:
Стал на правое колено.
Взял стрелу он из колчана,
Оперенную он вынул;
Выбрал ту, что всех покрепче,
У которой стержень лучше;
К луку он ее приладил,
На льняную клал он нитку.
Лук свой огненный приподнял,
К правому плечу приставил,
Приготовился стрелять он,
В Вяйнямёйнена направил,
Говорит слова такие:
«Мчись ты, кончик из березы,
Будь прямей, сосновый стержень,
И скользи, льняная нитка;
Коль рука нацелит низко,
Пусть стрела идет повыше;
Коль нацелит слишком кверху,
Пусть стрела помчится ниже».
Наконец за спуск он дернул,
Первую стрелу пустил он;
Высоко стрела взлетела,
Через голову на небо,

В облака расцветки пестрой
И в нахмуренные тучи.
Не печалясь, он стреляет;
Вот пустил стрелу вторую —
Полетела слишком низко,
Глубоко воткнулась в землю,
В Манале быть захотела,
Разнести там холм песчаный.
Тотчас он пускает третью;
Та попала прямо в печень
Вяйнямёйнена оленя,
В быстрого коня вонзилась,
Что своей похож был мастью
На горох иль на солому,
Через мясо у подмышки,
Через левую лопатку.

И упал тут Вяйнямёйнен
Прямо пальцами во влагу,
Пал руками в волны моря,
Он свалился прямо в пену
Со спины лосиной синей,
С своего коня на волны.
Поднялся ужасный ветер;
В море сильное волненье:
Понесло оттуда старца,
От земли его отбило
На просторы вод широких,
На открытое теченье.
Начал хвастать Ёукахайнен,
Так он громко восклицает:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Никогда в теченье жизни,
Никогда ты не увидишь
Света месяца златого,
Вяйнёлы полей широких
И просторы Калевалы!
Шесть ты лет по морю плавай,
На волнах семь лет качайся,—
Восемь лет метаться будешь
На пространстве вод широких,
По открытому теченью:
Как сосна на море,— шесть лет,

И как ель на волнах,— семь лет,
Восемь лет, как пень древесный!»
   Вот в избу он воротился.
Мать его в избе спросила:
«Неужель сразил ты Вяйнё?
Сына Калевы убил ты?»
   Молвил юный Ёукахайнен,
Дал в ответ такое слово:
«Вяйнямёйнена сразил я,
Сына Калевы убил я.
Пусть он море расчищает,
Пусть метет проворно воды.
В волны илистого моря,
В мутные его потоки
Старый пальцами уперся.
Он упал на море локтем
И склонился прежде на бок,
А потом спиной улегся,
По морским волнам понесся,
По морской поплыл пучине».
Мать тогда сказала слово:
«Ты, несчастный, дурно сделал,
Что сразил ты старца Вяйнё,
Сына Калевы убил ты,
Сувантолы песнопевца,
Калевалы украшенье».

РУНА СЕДЬМАЯ

Вяйнямёйнен много дней плавал в открытом море; его встречает орел и, благодарный ему за то, что Вяйнямёйнен оставил для него при корчевании леса нетронутой березу, берет его на свою спину и доставляет на берег Похъёлы, откуда хозяйка Похъёлы берет его к себе домой и принимает хорошо (1—274).— Однако Вяйнямёйнен скучает по родным местам, и хозяйка Похъёлы обещает не только отправить его туда, но и отдать ему в жены дочь, если он выкует Сампо для Похъёлы (275—322).— Вяйнямёйнен обещает по возвращении домой прислать кузнеца Ильмаринена, чтобы тот выковал Сампо, и получает от хозяйки Похъёлы сани и лошадь для возвращения домой (323—368)

   Старый, верный Вяйнямёйнен
По волнам плывет глубоким,
Словно ветвь сосны блуждает,
Словно тощий сук от ели,

Шесть он летних дней несется,
Шесть ночей без перерыва;
Перед ним морская влага,
А над ним сияет небо.
Он плывет еще две ночи,
Два он долгих дня блуждает;
Наконец, девятой ночью,
Восемь дней когда минуло,
Старец чувствует досаду
И большое огорченье:
Сбили волны ноготь с пальца,
И на пальце нет сустава.
Тут-то старый Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Горе бедному мне мужу,
Горе мне, несчастья сыну!
Землю я свою оставил,
Из родной страны ушел я,
Чтоб теперь под вольным небом
Здесь блуждать и дни и ночи,
Чтоб меня мотала буря,
Чтобы волны колыхали
На пространстве вод широких,
По открытому теченью.
Холодно мне жить на море,
Оставаться здесь мне больно,
Постоянно меж волнами
По воде морской носиться.
И не знаю, как мне жить здесь,
Как мне на море держаться:
Времена пришли плохие
И конец приходит жизни.
На ветру ли дом построить,
На волнах свое жилище?
Коль на ветре дом построю,
Не найду опоры в ветре;
На воде избу поставлю —
Отнесет ее водою».
От лапландцев мчится птица,
Тот орел из места мрака.
Не из очень он великих,
Не из очень также малых:
Он крыло влачит по морю,
А другим достиг до неба,

И хвостом метет он волны,
Клювом в скалы ударяет.
Полетел, остановился,
Посмотрел он, оглянулся,
Вяйнямёйнена увидел
На волнах морей синевших.
«Отчего ты, муж,— на море,
Богатырь,— на синих волнах?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вот зачем я, муж,— па море,
Богатырь,— на синих волнах:
Шел я Похъёлы девицу,
Деву Пиментолы сватать.
Быстро мчался я по морю
Вдоль морской равнины славной
До тех пор, пока однажды,
В час восхода, ранним утром,
В Луотолу на берег прибыл,
В Еуколу морским теченьем.
Там мой конь свалился мертвым,
А меня сразить хотели.
Я упал тогда на волны,
В воду пальцами уперся,
Чтоб меня мотала буря,
Чтобы волны колыхали.
И подул с востока ветер,
Буря с севера, с заката,
Отнесла меня от суши
На пространство вод далеких.
Много дней я так качался
И ночей проплавал много
На пространстве вод обширных
По открытому теченью.
Не могу никак придумать,
Не могу понять, постигнуть,
Как мне жизнь придется кончить.
Что со мною раньше будет:
Или с голоду погибну,
Иль в воде здесь утону я».
Отвечал орел небесный:
«Ты нисколько не печалься!
На спине моей усядься,
У хвоста, у самой кости,

Унесу тебя из моря,
Унесу куда захочешь.
Хорошо тот день я помню,
Помню доброе то время:
Жег у Калевы ты рощу,
Дерева сжигал у Осмо,
Пощадил тогда березу,
Стройный ствол ее оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб я сам на ней садился».
Тут-то старый Вяйнямёйнен
По волнам поплыл поспешно;
Из воды он смело вышел,
Богатырь из волн поднялся,
На крыло к орлу уселся,
У хвоста, у самой кости.
Вот несет орел небесный
Вяйнямёйнена седого,
Он несет его по ветру,
По пути ветров весенних,
К дальним севера границам,
К той суровой Сариоле;
Вяйнямёйнена спускает,
Сам шумит уже по ветру.
И заплакал Вяйнямёйнен,
Плачет, жалобно горюет
На краю морей широких,
Там на мысе незнакомом.
На боку сто ран имел он,
Ветра тысячу ударов,
Борода поистрепалась,
Волосы висят клоками.
Две и три проплакал ночи,
Дней проплакал ровно столько ж.
Но не мог найти дороги,
Хоть какой-нибудь тропинки,
Чтоб на родину вернуться,
На родимую сторонку,
В ту страну, где он родился,
Где он прежде жил спокойно.
Как-то Похъёлы служанка,
Белокура, невеличка,
Об заклад побилась с солнцем,
Чтобы с месяцем и солнцем

Просыпаться, вместе с ними;
Поднялась гораздо раньше,
Раньше месяца и солнца;
Петухи еще не пели
И цыплята не кричали.
Пять овец она остригла,
Шесть ягнят остригла лучших:
Соткала сукна из шерсти,
Шерсти выбрала на платье
Перед утренним рассветом,
Раньше, чем поднялось солнце.
Вот столы она помыла,
Пол дощатый подметает
Чистым веником ветвистым,
Многолистною метлою,
Сор на медную лопатку
В кучу быстро собирает
И выносит сор наружу,
Из дверей выносит к пашне,
К краю пахотного поля,
За плетень бросает в угол;
И стоит там возле сора,
Слышит что-то, обернулась:
Слышит, с моря плач несется
И от берега стенанье.
В дом к себе она уходит,
Быстро в горницу проходит
И, когда вошла, сказала,
Слово молвила такое:
«Я слыхала плач на море
И от берега стенанье».
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Тотчас из дому выходит,
Подошла к калитке быстро,
Плач услышала далекий,
Говорит слова такие:
«Так нигде не плачут дети,
Так и женщины не стонут,
Плачут так одни герои,
Бородатые мужчины».
Вот столкнула в воду лодку
Трехдощатую на волны
И сама гребет поспешно,

С быстротой туда стремится,
Где был старый Вяйнямёйнен,
Богатырь, который плакал.
Горько плачет Вяйнямёйнен
И скорбит Увантолайнен,
В ивняке плохом он плачет
Посреди густой крушины,
Борода и рот трясутся,
Но уста его закрыты.
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ах, старик ты бедный, жалкий!
Ты попал в чужую землю!»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Поднял голову высоко,
Говорит слова такие:
«Сам довольно это знаю,
Что попал в чужую землю,
В незнакомые пределы;
Я на родине был знатен,
Дома был в великой славе».
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«От тебя б я знать хотела,
И, позволь, тебя спрошу я:
Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?»

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Назывался я доселе
И досель всегда считался
Радостью родного края
И певцом в родных долинах,
В долах Вяйнёле широких,
На полянах Калевалы.
А теперь в моем несчастье
Сам себя не узнаю я».
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Так из сырости ты выйди
И пройди ко мне тропинкой,
Расскажи свое несчастье
И судьбу свою поведай».

Вот его из места плача
И из места злой кручины
Лоухи в лодку принимает,
На конец ладьи сажает
И сама гребет старуха,
Направляет Лоухи лодку,
Прямо в Похъёлу стремится,
В дом свой гостя доставляет.
Там голодного кормила,
Платье мокрое сушила
И неделю растирала,
Растирала, согревала;
Старец выздоровел скоро,
Стал герой опять здоровым.
Начала расспросы Лоухи,
Говорит слова такие:
«Отчего так, Вяйнямёйнен,
Плакал ты, Увантолайнен,
В этой местности угрюмой,
На краю большого моря?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Есть для слез моих причина,
Есть для слез и для рыданья.
Я ведь долго в море плавал,
И меня там били волны
На пространстве вод широких,
По открытому теченью.
Оттого так долго плачу
И, пока я жив, страдаю,
Что я родину оставил,
Из знакомых мне пределов
Прохожу в чужие двери,
В незнакомые ворота;
Тяжела мне здесь береза,
И ольха меня здесь режет,
Здесь деревья точно ранят,
Ветка каждая дерется.
Только ветер — мой знакомый,
Только солнце — друг мой прежний
Здесь, в пределах чужеземных,
У дверей, мне незнакомых».
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:

«Ты не плачь, о Вяйнямёйнен,
Не горюй, Увантолайнен:
Хорошо б тебе остаться,
Проводить бы здесь все время,
Есть бы семгу на тарелке,
Есть бы также и свинину».
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Не прошу чужой я пищи,
На чужбине самой лучшей;
Всего лучше людям дома,
Каждому там больше чести.
Ниспошли, о боже добрый,
Дай, творец, любовью полный,
Вновь домой мне возвратиться,
Вновь на родину вернуться!
Лучше лаптем воду черпать
У себя, в родной сторонке,
Чем в стране чужой, далекой
Мед — сосудом драгоценным».
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Что ты дать мне обещаешь,
Если я тебя доставлю
На родимую сторонку,
Довезу до самой бани?»
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«А чего бы ты хотела,
Если ты меня доставишь
На родимую сторонку,
Чтобы слышать клич кукушки,
Услыхать там птицы пенье,—
Шапку золота ты хочешь?
Серебра ль возьмешь ты шапку?»
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«О ты, мудрый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец!
Я на золото не падка,
В серебре я не нуждаюсь:
Золото — цветочки детям,
Серебро — коней убранство;
Сможешь ли сковать ты Сампо,
Крышку пеструю устроить,

Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных
Вместе с шерстью от овечки
И с зерном ячменным вместе.
Так ты девушку получишь,
Дочь мою, себе в награду.
И домой тебя доставлю,
Чтоб ты слушал там кукушку,
Чтоб ты слушал птички пенье
На полях родного края».
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Не могу сковать я Сампо,
Крышку пеструю украсить,
Но, когда домой приеду,
Ильмаринена пришлю я:
Пусть тебе скует он Сампо,
Крышку пеструю устроит,
Пусть он дочь твою получит,
Пусть ее составит счастье.
   Он — кузнец, и первый в мире,
Первый мастер он в искусстве.
Ведь он выковал уж небо,
Крышу воздуха сковал он,
Так, что нет следов оковки
И следов клещей не видно».
   Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Дочь мою тому отдам я,
Лишь тому я обещаю,
Кто сковать мне может Сампо,
Крышку пеструю украсить,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных
Вместе с шерстью от овечки
И с зерном ячменным вместе».
   Вот взнуздала жеребенка,
Запрягла гнедого в сани,
Вяйнямёйнена сажает,
Посадила старца в сани,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Головы не поднимай ты,
Не поглядывай на небо,

Конь покуда не устанет,
Не приблизится уж вечер.
    Если голову поднимешь
И на небо поглядишь ты,
То тебя беда постигнет
И судьба постигнет злая».
    Вот ударил Вяйнямёйнен
По коню и быстро мчится,
Опустил свободно вожжи,
Шумно едет по дороге,
Из той Похъёлы туманной,
Из суровой Сариолы.

РУНА ВОСЬМАЯ

По дороге Вяйнямёйнен видит красиво одетую девушку Похъёлы и просит ее стать его женой (1—50).— Девушка в конце концов соглашается исполнить его желание, если он сделает лодку из кусков веретена и спустит ее на воду, совсем к ней не прикасаясь (51—132).— Вяйнямёйнен начинает стругать, топором разрубает себе колено и никак не может остановить кровотечение (133—204).— Он отправляется искать человека, который знает способ заговаривать кровь, и находит старика, который обещает остановить кровотечение (205—282)

    Мрачной Похъёлы красотка,
Красота земли и моря,
На дуге сидит воздушной,
На изгибе круглом неба,
В платье чистое одета,
В одеянье белой ткани;
Ткет одежду золотую,
Серебром всю украшает,
Золотой челнок проводит
По серебряному берду.
    И челнок, жужжа, стремится,
Быстро бегает катушка,
Быстро движется основа
И серебряное бердо
При тканье прекрасной девы,
Серебром прилежно ткавшей.
    Старый, верный Вяйнямёйнен
Шумно едет по дороге

Из той Похъёлы туманной,
Из суровой Сариолы.
Недалеко он отъехал,
Он промчался лишь немного,
Слышит: вот челнок по берду
Зажужжал над головою.
Старец голову приподнял
И взглянул тогда на небо:
Вот стоит дуга на небе,
На дуге сидит девица,
Ткет одежду золотую,
Серебром всю украшает.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Останавливает лошадь,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты сойди, девица, в сани,
Ты садись со мною рядом».
И ответ дала девица,
Так сказала и спросила:
«Что же я на этих санках,
Что, девица, буду делать?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Так на это отвечает:
«Ты затем сойди, девица,
Ты затем садись на сани,
Чтобы с медом печь мне хлебы.
Будешь пиво мне готовить,
На скамье споешь приятно,
У окна ты развлечешься,
В крае Вяйнёлы, на поле,
По подворьям Калевалы».
Но девица отвечает,
Говорит слова такие:
«Я пошла на луг цветистый,
На желтеющее поле
Вечерком вчера пошла я,
Как уж солнце закатилось.
Вдруг я слышу пенье птички.
Слышу — дрозд поет на ветке,
И поет девичьи думы,
Размышления невесты.
Я сказала доброй птичке,
У нее я так спросила:

«Ты скажи мне, милый дроздик,
Спой, чтоб было мне понятно,
Как на свете жить приятней,
Как прожить на свете лучше:
У отца ли жить девицей
Или с мужем жить женою?»
Отвечает так синица,
Дрозд на ветке так щебечет:
«Летом дни теплы и ясны,
Но теплее жить девице;
Холодно зимой железо,
Холодней жене живется;
Дома девушка на воле —
Точно ягодка на поле,
А жена при муже — точно
На цепи сидит собака.
Редко раб увидит ласку,
Но жена совсем не видит».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«То пустое птичье пенье,
И дрозда напевы глупы:
Вечно девушка — ребенок,
Только жен лишь уважают.
Ты сойди, девица, в сани,
Ты садись со мною рядом;
Я ведь — муж незаурядный,
Богатырь, других не хуже!»
Молвит девушка разумно,
Говорит слова такие:
«Я тебя сочту героем
И тогда признаю мужем,
Если ты разрежешь волос,
Но чтоб нож без острия был,
Если ты яйцо завяжешь —
Но чтоб узел не был виден».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Волос тотчас разрезает,
Но ножом ненавостренным,
Лезвия совсем лишенным;
Завязал яйцо он в узел,
И тот узел не был виден.
Просит сесть девицу в сани,
Просит он занять сиденье.

Молвит девушка разумно:
«Я к тебе усядусь в сани,
Если ты обточешь камень,
Изо льда жердинки срежешь,
Чтоб не сыпались кусочки,
Чтоб пылинка не слетела».
Старый, верный Вяйнямёйнеп
Не задумался нисколько.
Обточил он быстро камень,
Изо льда жердинки сделал,
И не сыпались кусочки,
И пылинка не слетела.
Вновь зовет он деву в сани,
Вновь девицу на сиденье.
Молвит девушка разумно,
Говорит слова такие:
«За того я замуж выйду,
Кто мне выстругает лодку
Из обломков веретенца,
Из кусков моей катушки;
Пустит на воду ту лодку,
Новый челночок на волны,
Не толкнув ее коленом,
Не дотронувшись ладонью,
Нэ вертя притом рукою
И не расправляя плечи».
Молвил старый Вяйнямёйнен
И сказал слова такие:
«Никого здесь не найдется,
Под небесной этой кровлей,
Кто, как я, построит лодку,
Кто так выстругать сумеет».
Взял обломки веретенца,
Взял кусочки от катушки
И спешит построить лодку:
Сто досок соединяет
На горе стальной, огромной,
На скале ее железной.
Он выстругивает лодку
И работает прилежно.
День работает, другой день,
Уж работает и третий,
Топором не колет камень,
Лезвием скалу не рубит.

Вот на третьи сутки Хийси
Вдруг хватает топорище,
Лезвие хватает Лемпо,
Топорищу придал силы,
И топор к скале стремится,
Лезвие несется к камню;
Отскочил топор от камня,
Лезвие вонзилось в тело,
Мужу бедному в колено,
В палец на ноге у Вяйнё;
Лемпо режет старцу тело,
Жилы Хийси разрывает,
Кровь тут хлынула потоком,
Потекла со всею силой.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, топор остроконечный
С лезвием железным гладким!
Мнил ты, что рубил деревья,
Воевал с косматой елью,
Направлялся к диким соснам,
Враждовал с березой белой,—
В миг, когда в меня вонзился,
Разрубил живые жилы».
Начал старец заклинанья,
Говорит и вспоминает
Зол земных происхожденье;
Вспомнил каждое он слово,
Одного не вспомнит только:
Заклинаний о железе,
Чтоб из них повязку сделать,
Чтоб замок из них устроить
На тяжелые порезы,
На синеющие раны.
Вот ручьями кровь сбегает,
Как поток, стремится шумно,
Покрывает стебли ягод,
Залила траву в полянах,
Не осталось ни травинки —
Все покрыто было кровью,
Все залил поток могучий;
Он сбегал, бушуя грозно,

С богатырского колена,
С пальца на ноге у Вяйнё.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Лишаи сдирает с камня,
Мох сбирает на болоте,
На земле срывает травы,
Чтоб закрыть отверстье злое,
Запереть большую рану;
Но ничто не помогает,
Кровь по-прежнему струится.
Удрученный тяжкой болью,
Он еще сильней страдает.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Начинает горько плакать,
Заложил коня поспешно
И запряг гнедого в сани,
Сам на них с трудом поднялся,
Поместился на сиденье.
Вот кнутом коня ударил,
Вот стегнул хлыстом хорошим —
Бодро конь бежит оттуда,
Путь становится все меньше;
Подъезжает он к деревне,
Там он видит три дороги.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Едет нижнею дорогой,
Стал у нижнего строенья,
У порога стоя, молвил:
«Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Узнавать бы мог болезни,
Исцелил герою рану?»
На полу сидел малютка,
У печи сидел ребенок,
Дал в ответ слова такие:
«Никого нет в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Мог бы боль унять героя,
Положить конец страданью,
Исцелить герою рану.
Загляни в жилье другое,
Поезжай к другому дому!»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Вновь коня кнутом ударил,

Быстро едет по дороге;
Проезжает недалеко,
Едет среднею дорогой,
Стал у среднего строенья,
У порога стоя, молвил
И спросил перед окошком:
«Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Удержал бы реку крови,
Положил конец потоку?»
Там укрытая старушка
Перед печкою лежала
И ответила охотно,
Постучав тремя зубами:
«Никого нет в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Крови знал происхожденье,
Успокаивал бы боли.
Загляни в жилье другое,
Поезжай к другому дому!»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Вновь коня хлыстом ударил,
Быстро мчится по дороге,
Проезжает недалеко,
Едет верхнею дорогой,
Стал у верхнего строенья;
У порога стоя, молвил
И сказал он под навесом:
«Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Кто унял бы реку крови,
Положил конец потоку?»
Там старик седобородый
Наверху, на печке грелся;
Пробурчал оттуда старый,
Закричал седобородый:
«И не то еще сдержали,
И не то остановили
Три могучих божьих слова —
Повесть о вещей начале;
Так утихли водопады,
Реки бурные смирились,
Также бухты у мысочков
И за косами заливы».

РУНА ДЕВЯТАЯ

Вяйнямёйнен рассказывает старику о происхождении железа (1—266).— Старик бранит железо и произносит заклинания; кровь перестает течь (267—418).— Старик заставляет своего сына приготовить снадобье, смазывает и повязывает рану; Вяйнямёйнен выздоравливает и благодарит бога за помощь (419—586)

Вот поднялся Вяйнямёйнен,
Сам он быстро встал на санках
И без помощи выходит;
Без поддержки приподнялся,
Из саней пошел в жилище,
Дальше в горницу проходит.
Из сребра приносят кружку,
Чашку ставят золотую,
Но она вмещает мало,
Незначительную долю
Благородной крови Вяйнё
Из его глубокой раны.
Забурчал на печке старый,
Закричал седобородый:
«Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?
Ведь семь лодок крови вышло,
Восемь кадок глубочайших;
Кровь из твоего колена
На пол пролилась, бедняга!
Много разных слов я знаю,
Но не знаю о начале,
О рождении железа
И о первом росте стали».
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Знаю сам начало стали
И рождение железа.
Воздух — мать всему на свете,
Старший брат — водой зовется,
Младший брат воды — железо,
Средний брат — огонь горячий.
Укко, тот творец верховный,
Старец Укко, бог небесный,
Отделил от неба воду,
Разделил он воду с сушей;

Не рождалось лишь железо,
Не рождалось, не всходило.
Укко, этот бог верховный,
Протянул однажды руки
И потер их друг о дружку
На своем колене левом;
Появились три девицы,
Эти дочери творенья,
Эти матери железа
И голуборотой стали.
Вот пошли они, колышась,
В облаках они ступают,
Молоком полны их груди,
И сосцы отяжелели.
Молоко течет на землю,
Грудью полной орошают
Девы землю и болота,
Тихо дремлющие воды.
Каплей черною стекает
Молоко у девы старшей,
У второй же девы, средней,
Каплей белою стекает,
А у той, что всех моложе,
Каплей красною сбегает.
И из черных этих капель
Вышло мягкое железо;
Где же белые упали —
Сталь упругая явилась;
А из красных капель вышло
Лишь некрепкое железо.
Так недолго продолжалось.
Вот железо захотело
Брата старшего увидеть,
Завести с огнем знакомство.
Но огонь бушует страшно
И растет с ужасной силой,
Сжечь несчастного он хочет,
Брата младшего — железо.
Но железо убегает
И спасается поспешно
От огня, от рук ужасных,
От его злодейской пасти.
И бежит оно далеко,
Для себя защиты ищет

В зыбких топях и болотах
И в потоках быстротечных,
На хребте болот обширных
И в обрывах гор высоких,
Где несут лебедки яйца,
Где сидят на яйцах гуси.

И в болоте, под водою,
Распростерлося железо,
Там скрывается два года,
Там скрывается и третий
Между пнями двух деревьев,
Между трех корней березы.
Но совсем не убежало
От огня объятий диких,
И еще ему пришлося
Увидать огня жилище,
Чтобы там в мечи и копья
Превратиться от каленья.

По болоту волк стремится,
Из лесу медведь выходит,
И колышет волк трясину,
И медведь болото топчет.
Поднимается железо,
Вырастают прутья стали,
Где ступает волк ногою,
Где медведь ступает лапой.

Вот родился Ильмаринен,
Он родился, подрастает.
На горе углей родился,
Рос на угольной поляне,
И в руке он молот держит,
В кулаке щипцы сжимает.

Темной ночью он родился,
Днем уж кузницу он строит,
Место кузнице он ищет,
Где мехи свои поставить.
Увидал сырую землю,
То болото все в холмочках;
Поглядеть туда идет он,
Рассмотреть вблизи болото;
Ставит там свое горнило
И мехи он размещает.

По следам идет он волчьим,
По следам медвежьей лапы,

Видит отпрыски железа,
Видит прутья синей стали
На следах глубоких волка,
На следах больших медведя.
   Говорит слова такие:
«О ты, бедное железо!
Здесь тебе плохое место,
Ты лежишь здесь очень низко,
Где идут болотом волки,
Где медведь ступает лапой!»
   Он подумал и размыслил:
«А что будет, если брошу
Я в огонь железо это,
Положу его в горнило?»
   Испугалося железо,
В ужасе оно трепещет
Пред безумной силой жара,
Как услышало те речи.
И кузнец тот Ильмаринен
Молвил: «Этого не будет:
Не сожжет огонь родного,
Соплеменников не тронет.
Ты пойдешь к огню в жилище,
Где живет, укрывшись, пламя:
Там ты вырастешь прекрасно,
Там ты сделаешься сильным,
Станешь ты мечом для мужа
И застежками для женщин!»
   В тот же день и в тот же вечер
Из болот железо взяли,
Там на дне его отрыли,
Принесли его к горнилу.
   Положил кузнец железо,
Поместил в огонь горнила
И мехи привел в движенье,
Трижды дуть их заставляет.
Расплавляется железо,
Размякает под мехами,
Точно тесто из пшеницы
Иль для черных хлебов тесто,
Там, в огне кузнечном сильном,
В ярком пламени горнила.
   И воскликнуло железо:
«О кузнец ты, Ильмаринен,

Унеси меня отсюда,
Здесь меня терзает пламя!»
Так ответил Ильмаринен:
«Коль тебя отсюда выну,
Может, станешь ты ужасным,
Станешь слишком беспощадным,
Своего порежешь брата,
Сына матери поранишь».
Поклялось тогда железо,
Поклялось сильнейшей клятвой
Пред горнилом, наковальней,
Перед молотом кузнечным,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Есть деревья для пореза,
Можно сердце рвать у камня.
Я не буду резать брата,
Сына матери не трону;
Жизнь моя приятней будет
И житье мое привольней,
Если к людям попаду я,
Послужу ручным орудьем,
Чем свое мне племя резать,
Чем своих родных мне ранить».
И кузнец тот, Ильмаринен,
Тот кователь вековечный,
Из огня железо тащит,
Положил на наковальню,
Бьет его, чтоб стало мягче,
Вещи острые кует он,
Топоры кует и копья,
Вещи разные сковал он.
Но еще железу мало,
Надо бедному прибавить:
Не готов язык железа
И не вырос рот у стали,
Ведь не закалить железо,
Коль не намочить водою.
И кузнец тот Ильмаринен
Сам об этом поразмыслил,
Положил золы немного,
Щелоку чуть-чуть прибавил
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.

Языком он смесь отведал,
Про себя он рассуждает,
Говорит слова такие:
«Эта смесь не обратится
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа».
Вот с земли пчела взлетела,
Синекрылая из травки;
Полетав, остановилась
У кузнечного горнила.
И кузнец промолвил слово:
«Пчелка, быстрый человечек!
Принеси медку на крыльях,
Языком достань ты сладость
Из шести цветочных чашек,
Из семи верхушек травных,
Чтобы сталь мне изготовить,
Чтобы выправить железо!»
Слышит шершень, Хийси птичка,
Услыхал он эти речи:
С кровли кузницы смотрел он,
На бересте кровли сидя,
Как калилась сталь в горниле,
Как готовилось железо.
С быстротой летит оттуда,
Сыплет ужасами Хийси
И приносит змей шипенье,
Черный яд гадюки злобной,
Муравьиный яд приносит
И сокрытый яд лягушки
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.
А кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Пораздумал и помыслил,
Что та пчелка, прилетевши,
Сладкий мед ему приносит,
Меду в сотах доставляет,
И сказал слова такие:
«Рад, что принесла мне это
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа».
Сталь туда он погружает,
Погружает и железо,

Из огня железо вынул,
Из горнила сталь он поднял.
   Вышла сталь оттуда злою,
Злобным сделалось железо
И нарушило присягу,
Как собака, съело клятвы;
Без пощады режет брата
И родных с ужасной злобой,
Заставляет кровь струиться
И бежать из раны с шумом».
   Закачал старик на печке
Бородой и головою:
«Знаю я теперь начало
И коварный нрав железа.
   Злое, жалкое железо,
Ты, изгарина дрянная,
Сталь с могуществом ужасным!
Так-то ты росло на свете,
Так-то сделалось ты страшным,
Чересчур уже великим!
   Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Ты ведь не было красивым,
Прежде не было могучим,
Молоком новорожденным
Ты покойно исходило
Из сосцов прекрасных девы,
Из девичьей полной груди
На краю обширной тучи,
Посредине небосвода.
   Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как ты было словно влага,
Словно струйка ключевая
На хребте болот широких;
У крутой скалы, в уступе,
Ты комком земли лежало,
Ты лежало пылью ржавой.
   Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как тогда тебя в болоте
И олень и лось топтали,
Как тебя давили волки
И медведь царапал лапой.

Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как тебя из топи вынул,
Потащил из почвы черной,
Прямо в кузницу доставил,
Бросил к горну Ильмаринен.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как изгарина, шипело,
Кипятком ты клокотало
В страшном огненном пространстве,
Как клялось ты страшной клятвой
Перед горном, наковальней,
Перед молотом кузнечным,
Пред горячим дном горнила,
Где кузнец тогда работал.
Ныне ль ты великим стало,
Сильной ярости достигло,
Клятву страшную забыло,
Честь свою, как пес, сожрало:
Свой же род ты полосуешь
И своих родных кусаешь?
Кто ж тебя ко злу понудил,
Кто внушил дела дурные?
Твой отец иль мать родная,
Был ли то твой брат старейший,
Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?
Не отец, не мать родная
И не брат родной старейший,
Не сестра твоя меньшая
И никто другой из рода;
Ты само — источник бедствий;
Ты — начало дел ужасных.
Вот, смотри свою работу
Да приди беду поправить;
Иль скажу твоей родимой,
Я пожалуюсь старухе.
Много матери заботы,
Тяжело бывает старой,
Если сын дурное сделал,
Если дерзко поступил он.
Не хлещи ты, кровь, потоком,
Ты не бей струею теплой,

Перестань на лоб мне брызгать,
Обливать мне грудь потоком;
Как стена, ты стань недвижно,
Как забор, ты стой спокойно,
Стой, как меч, упавший в море,
Как во мху стоит осока,
Как стоит на поле глыба,
Как скала средь водопада.

Если ж непременно надо,
Чтоб ты быстро устремлялась,
Ну, так двигайся ты в мясе,
По костям ты бегай быстро:
Там тебе гораздо лучше,
В коже много превосходней
Пробегать тебе по жилам,
По костям передвигаться,
Чем на землю изливаться,
Перемешиваться с пылью.

Молоко, не лейся в землю,
На траву не изливайся,
Ни на дерн, мужей украса,
Ни на холм, героев злато:
Проживать должно ты в сердце,
В легких погреб свой устроить,
Поспешай туда обратно,
Возвратись туда скорее.
Нет нужды ручьем стремиться
И как озеро разлиться
Или бить ключом болотным,
В поле лужей расстилаться.

Смирно стой, не изливайся,
Кровь ты красная, не лейся,
Будь смирна, сама сдержись ты!
Водопад на Турья стал же,
Туонелы река смирилась,
Море высохло и небо
В лето засухи великой,
В год огня, мучений полный.

Если ж этому не внемлешь,
Я пути другие знаю,
Знаю я, чего искать мне:
Я возьму котел у Хийси,
Чтобы кровь в нем поварилась,
Там она калиться будет,

И не вытечет ни капли,
Красный сок не будет литься,
Не падет уж кровь на землю,
Не польет, свистя, из раны.
Иль не богатырь я больше,
Старца сын, уж не герой я,
Чтоб сдержать стремленье крови,
Запрудить из жил потоки?
О! так есть отец великий,
Есть творец, живущий в тучах;
Из мужей он самый сильный,
Из героев самый мощный:
Крови рот зажать он может,
Он уймет ее стремленье.
  О ты, Укко, бог верховный,
Ты, отец и бог небесный,
Снизойди: тебя мне нужно!
Снизойди: тебя зову я!
Ты сдави рукою сильной,
Нажимай ты толстым пальцем,
Да покрепче, эту рану
И запри отверстье злое,
Положи листочков нежных
И рассыпь цветы златые,
Чтоб закрыть дорогу крови,
Запрудить ее потоки,
Чтоб она не шла на платье,
Бороду не заливала».
  Так потоки укротил он,
Запрудил дорогу крови.
Сына в кузницу послал он,
Чтобы мази приготовить,
Взяв травы волокон нежных
И в цвету тысячелистник,
Взяв медовых сладких капель
Да собрав частицы сотов.
  Мальчик в кузницу уходит,
Чтобы мази приготовить.
На пути он дуб встречает
И у дуба вопрошает:
«Есть ли мед в ветвях широких,
Соты под корой дубовой?»
  Отвечает дуб разумно:
«Мед еще вчера ведь капал

По ветвям моим широким,
Мед повис в моей вершине,
С облаков, вверху шумящих,
С тех барашков мимолетных».
   Взял он щепочку от дуба,
Крошку мягкой древесины,
Много трав сорвал хороших,
Злаков самых разновидных,
Что не только в этом крае,
Но и в прочих неизвестны.
   Их в котел кипящий бросил,
Смесь он крепкую составил
Из щепы коры дубовой
И из трав, прекрасных видом.
   Вот шумит котел кипящий,
Он кипит подряд три ночи
И подряд три дня весенних.
Смотрит мальчик: что-то вышло,
Хорошо ли мазь вскипела,
Может, снадобье готово?
   Мазь, однако, не готова,
Не такое вышло средство.
Трав еще он в смесь прибавил,
Злаков самых разновидных,
Что в иных местах далеких,
Миль за сотню, собирали
Девять сильных чародеев,
Восемь знахарей могучих.
   Он еще три ночи варит,
Варит девять ночек сряду
И с огня котел снимает.
Смотрит мазь он осторожно:
Средство нужное поспело ль,
Мазь волшебная готова ль?
   Там ветвистая осина
На краю росла поляны,
Только сильно подломилась
И совсем почти упала;
Он ее помазал смесью
И потер волшебной мазью,
Сам сказал слова такие:
«Через то, что этой смесью
Кривизну я здесь помажу
И залью я мазью рану,

Пусть осина исцелится
И еще пусть крепче станет».
Тут поправилась осина
И еще вдруг крепче стала:
Поднялась вершина стройно,
Укрепился ствол высокий.
Стал он мазать этой мазью,
Покрывать волшебным средством
И расколотые камни,
И рассекшиеся скалы:
Вновь срастались половины
И куски соединялись.
Мальчик кузницу оставил,
Мазь целительную сделав;
Приготовил это средство,
В руки старому он подал:
«Вот состав с большою силой,
Вот испытанное средство:
Крепко сплачивает горы,
Быстро связывает скалы».
В рот кладет лекарство старый
На язык для испытанья
И находит средство годным,
Эту мазь вполне удачной.
Вяйнямёйнена он мажет,
Лечит все следы ранений,
Мажет сверху, мажет снизу,
Мажет мазью посредине;
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Не с своей иду я плотью,
Во плоти творца иду я;
Не своей стремлюся силой,
Силой мощного стремлюся;
Не мои уста здесь молвят,
Молвлю вышнего устами;
И в моих устах есть милость,
Но уста творца богаче;
И в моей руке есть прелесть,
Но рука творца прекрасней».
Только он помазал мазью,
Только средство приложил он,
Стал вдруг корчиться от боли
И свалился Вяйнямёйнен:

Он и так и сяк вертится,
Но покоя не находит.
Изгоняет старец боли,
Гонит сильные мученья,
Шлет их внутрь горы болезней
И наверх холма мучений,
Чтобы камни заболели,
Чтобы мучились утесы.
Ленты шелковые взял он,
Режет ленты он на части,
Рвет он ленты на полоски,
Сделал старец перевязки;
Обвязал он этим шелком,
Обмотал весьма искусно
Вяйнямёйнена колено
И больной героя палец.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Божий шелк повязкой служит,
Лента божья — перевязкой
На колене славном мужа
И на пальце, полном силы.
Ты взгляни, о бог прекрасный,
Защити, творец могучий,
Чтобы нам не ведать бедствий,
Чтобы нам не знать несчастий».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Скоро помощь ощущает
И становится здоровым.
Тело стало вновь красивым,
Снизу стало исцеленным
И внутри вполне окрепшим,
И с боков неповрежденным,
И снаружи без порезов,
Превосходнее, красивей,
Чем когда-либо бывало.
Уж ступить ногою может,
Может он сгибать колено,
Без малейшей даже боли,
Безо всяких затруднений.
И поднялся Вяйнямёйнен,
Выше поднимает очи,
Смотрит с радостью великой
Через голову на небо;

Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Да, оттуда сходит милость,
Помощь верная оттуда,
Вот оттуда, с выси неба,
От творца с могучей силой.
Да прославится создатель,
Да восхвалится всевышний!
Ниспослал ко мне он помощь,
Дал он мне свою защиту
При моих ужасных муках,
При страданьях от железа!»
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ты, народ, что после будешь,
Племя, что потом возникнешь!
Челнока на спор не делай,
Лодку выгнуть не похвастай:
Только бог кончает дело,
Лишь творец конец дарует;
Без него герои слабы,
Руки сильного бессильны!»

РУНА ДЕСЯТАЯ

Вяйнямёйнен возвращается домой и предлагает Ильмаринену идти свататься за девушку из Похъёлы, которую он может получить, если выкует Сампо (1—100).— Ильмаринен не хочет ехать в Похъёлу. Вяйнямёйнен вынужден отправить его в путь вопреки его желанию (101—200).— Ильмаринен прибывает в Похъёлу, его принимают хорошо и предлагают выковать Сампо (201—280).— Ильмаринен выковывает Сампо, и хозяйка Похъёлы воздвигает Сампо на каменной горе Похъёлы (281—432).— Ильмаринен просит в жены девицу в вознаграждение за работу; девица выдумывает отговорки и говорит, что уйти из дому еще не может (433—462).—Ильмаринен получает лодку, возвращается домой и рассказывает Вяйнямёйнену, что он уже выковал Сампо в Похъёле (463—510)

Старый, верный Вяйнямёйнен
Своего коня выводит,
Жеребенка запрягает.
Вот запряг гнедого в сани,
Сам в санях тогда уселся,
Поместился на сиденье.

Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он кнутом жемчужным,
Быстро конь бежит дорогой,
Лишь мелькает та дорога,
И стучат саней полозья,
Да трещит дуга сухая.
Он оттуда мчится с шумом
По полям и по болотам,
По равнинам и полянам;
День он едет и другой день,
Наконец, уже на третий,
Он подъехал к переправе,
Калевалы на границу,
На рубеж поляны Осмо.
Там сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Волк! Сожри того сонливца,
Ты, болезнь, убей лапландца!
Он сказал, что не добраться,
Не домчаться мне до дома
И живым не воротиться
И, пока сияет месяц,
Мне ни Вяйнёлы не видеть,
Ни песчаной Калевалы».
Начал старый Вяйнямёйнен,
Начал петь весьма искусно
И напел златую елку —
Верх и ветви золотые,
Поднялась вершиной в небо,
Головой уперлась в тучи,
Высоко взметнула ветви,
Протянула их до неба.
Он поет и заклинает,
И выходит светлый месяц
На златой верхушке ели
И Медведица на ветках.
Едет шумно он оттуда,
Мчится прямо в край родимый,
Опустив главу, печальный,
Шапка на сторону сбилась,
Ибо сильный Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Им обещан как заложник,
Чтоб главу свою избавить,

В Похъёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу.
    Удержав коня поспешно
На поляне новой Осмо,
Вышел старый Вяйнямёйнен
Из саней, пестревших краской.
Слышны в кузнице удары,
В доме угля слышен молот.
    Старый, верный Вяйнямёйнен
Тотчас к кузнице подходит,
Ильмаринена там видит.
Тот, не мешкая, работал.
Молвил старцу Ильмаринен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Где так долго оставался,
Где так долго, старый, прожил?»
    Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вот где прожил я так долго,
Где все время оставался:
В Похъёле той вечно мрачной,
В той суровой Сариоле,
Я в Лапландии там прожил,
Средь лапландских чародеев».
    Молвил старцу Ильмаринен
И сказал слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель!
Расскажи о том, как жил ты,
Как на родину вернулся?»
    Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Расскажу тебе я много.
Есть на севере девица,
Там в селе холодном дева;
Жениха она не ищет,
Мужа славного не хочет.
И пол-Похъёлы суровой
Славит дивную девицу:
Лунный свет с висков сияет,
Солнца свет с груди струится,
С плеч Медведицы сиянье,
Со спины свет семизвездный.
    О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кoватель!

Увези пойди девицу,
Посмотри пойди на косы!
Если выкуешь ты Сампо,
Крышку пеструю украсишь,
Ты возьмешь в награду деву,
Ту девицу за работу».
Отвечает Ильмаринен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Не обещан ли тобой я
В Похъёлу, в страну тумана,
Чтоб главу твою спасти мне,
Самого тебя избавить!
Не пойду, пока живу я
И пока сияет месяц,
В избы Похъёлы туманной,
В те жилища Сариолы,
Где героев пожирают,
Где мужей бросают в море».
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Он сказал слова такие:
«Есть еще другое чудо.
Ель растет с главой цветущей
И с ветвями золотыми
На краю поляны Осмо:
На вершине светит месяц
И Медведица на ветках».
Отвечает Ильмаринен:
«Не поверю в то, покамест
Не увижу сам я чудо,
Не взгляну я сам глазами».
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Если ты не хочешь верить,
Так пойдем туда, посмотрим:
Правда это иль неправда!»
Вот выходят, чтоб увидеть
Эту ель с главой цветущей.
Впереди шел Вяйнямёйнен,
А за ним шел Ильмаринен;
И когда пришли на место,
На рубеж поляны Осмо,
Подошел кузнец поближе
Елкой той полюбоваться,
Где Медведица на ветках,
Ясный месяц на верхушке.

Молвил старый Вяйнямёйнен,
Он сказал слова такие:
«Полезай наверх, мой братец,
Чтобы взять там ясный месяц,
Снять Медведицу оттуда,
С золотой верхушки ели!»
Тут кователь Ильмаринен
Лезет высоко на елку,
На небесный свод стремится,
Чтобы взять там ясный месяц,
Снять Медведицу оттуда,
С золотой верхушки ели.
Ель его предупреждает,
Золотая елка молвит:
«Муж ты слишком простодушный,
Богатырь без всякой сметки!
Лезешь ты, простак, на ветви,
Как ребенок на вершину,
Чтобы снять тот мнимый месяц,
Это марево созвездья».
Тотчас старый Вяйнямёйнен
Начал петь с большою силой,
Чтоб поднялся бурный ветер,
Всколыхнулся б страшно воздух;
Сам сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Унеси его, о ветер,
На своей неси ты лодке,
Быстро мчи, чтоб он домчался
В Похъёлу, в страну тумана!»
Сильно буря зашумела,
Разрывает страшно воздух,
Ильмаринена уносит,
Быстро мчит его оттуда
В Похъёлу, в страну тумана.
В сумрачную Сариолу.
Так понесся Ильмаринен,
Так спешит оттуда дальше,
По дороге ветра едет,
По стезе воздушной свежей,
Выше месяца, под солнцем,
Над Медведицей широкой.
Похъёлы во двор он въехал,
Прямо к бане Сариолы —

Псы его не услыхали,
Брехуны не забрехали.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
На дворе сама стояла;
Говорит слова такие:
«Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?
По пути ветров пришел ты,
По стезе саней воздушной,
И не лаяла собака,
Не брехал брехун косматый».
Отвечает Ильмаринен:
«Не затем сюда пришел я,
Чтоб меня рвала собака,
Искусал брехун косматый
У дверей, мне незнакомых,
У входных ворот, мне чуждых».
Тотчас Похъёлы хозяйка
У пришельца вызнать хочет:
«Не знавал ли ты, быть может,
Или ты, быть может, слышал:
Ильмаринен есть ковдтель,
Он — кузнец весьма искусный?
Уж давно мы ожидаем,
Уж давно желаем видеть
В дальних северных пределах,
Чтоб он выковал нам Сампо».
Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«С кузнецом знаком я, точно,
Ильмаринена я знаю:
Я и есть тот Ильмаринен,
Тот кузнец весьма искусный».
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Быстро в горницу уходит,
Говорит слова такие:
«Дочь моя, что всех моложе,
Всех детей моих прекрасней!
Нарядись получше нынче,
Выйди в платье понарядней,
Ты навесь прекрасный жемчуг,
Грудь укрась как можно краше,

Шею ты укрась поярче,
А височки попестрее.
О румянце щек подумай
Да о блеске глаз помысли!
Ведь кузнец-то вековечный,
Знаменитый Ильмаринен,
Прибыл выковать нам Сампо,
Крышку пеструю устроить».
   Дочка Похъёлы, красотка,
Красота земли и моря,
Набрала получше платьев,
Понарядней из нарядов,
Их надела друг за дружкой,
Головной убор надела,
Медные взяла застежки,
Золотой прекрасный пояс.
   Кладовую оставляет,
Со двора в избу проходит:
Красотой глаза блистают,
Вся она стройна, красива,
Все лицо ее сияет,
На щеках румянец алый,
На груди сверкает злато,
Серебро в кудрях блистает.
   Тут и Похъёлы хозяйка
Ильмаринена проводит
Прямо в Похъёлы жилище,
В дом суровой Сариолы;
Кормит досыта пришельца
И дает довольно выпить,
Угощает превосходно
И слова такие молвит:
«О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!
Ты сумеешь сделать Сампо,
Крышку пеструю сковать мне,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив?
Ты тогда возьмешь в награду
За работу дочь-красотку».
   Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:

«Я скую, конечно, Сампо,
Крышку пеструю украшу,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив.
Я ведь выковал же небо,
Кровлю воздуху сковал я
Раньше всякого начала,
Раньше, чем что-либо было».

Вот идет ковать он Сампо,
Крышку пеструю украсить,
Просит места для кованья,
Ищет он вещей кузнечных;
Не нашел такого места,
Нет там кузницы, мехов нет,
Наковальни нет и горна,
Молотка и колотила.
И промолвил Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Сомневаться могут бабы,
Не кончают дел бедняги,
А не муж, хотя поплоше,
Не герой, хоть послабее!»
Ищет места для горнила,
Для мехов своих местечка,
Ищет в той стране обширной,
Ищет в Похъёле суровой.
Ищет день, другой день ищет,
Наконец, уже на третий,
Увидал он пестрый камень,
Увидал утес пригодный.
Там кузнец остановился,
Там огонь себе разводит.
В первый день мехи он ставит,
На другой день — наковальню.
Вот кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Все припасы бросил в пламя,
Вещи нужные в горнило,
У мехов рабов поставил,
Чтоб огонь они раздули.

И мехи рабы качают,
Сильно угли раздувают;
Так три дня проводят летних
И без отдыха три ночи;
Наросли на пятках камни,
Наросли комки на пальцах.
Вот на первый день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен;
Он нагнулся, чтоб увидеть
На пылавшем дне горнила,
Что из пламени там вышло,
Из огня что поднялося.
Лук из пламени явился
С золотым сияньем лунным;
Серебром концы блестели,
Рукоятка — пестрой медью.
Был по виду лук прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое.
Сам кователь Ильмаринен
И не рад такому луку,
Пополам он лук ломает
И бросает снова в пламя,
Поддувать рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.
На другой день вновь нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня челнок там вышел,
Вышла лодка — красный парус,
Борт весь золотом украшен,
И уключины из меди.
Был челнок прекрасен с виду,
Но имел дурное свойство:
Сам собою шел в сраженье,
Без нужды на битву рвался.
Сам кователь Ильмаринен
Не обрадовался лодке:
Изломал ее он в щепки
И бросает лодку в пламя,
Поддувать рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.

Вот на третий день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня корова вышла,
У нее рога златые,
Среди лба у ней созвездье,
Меж рогов сияет солнце.
Хороша корова с виду,
Но у ней дурное свойство:
Спит средь леса постоянно,
Молоко пускает в землю.
Сам кователь Ильмаринен
Недоволен той коровой:
Режет в мелкие кусочки
И в огонь ее бросает,
Поддувать рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.
На четвертый день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня там плуг выходит,
У него сошник из злата,
Стержень плуга был из меди
И серебряная ручка.
С виду был тот плуг прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Он пахал поля чужие,
Бороздил соседний выгон.
Сам кователь Ильмаринен
Не обрадовался плугу:
Быстро плуг в куски ломает
И бросает снова в пламя,
Заставляет дуть он ветры,
Заставляет дуть он бурю.
Быстро ветры зашумели;
Дует западный, восточный,
Сильно дует ветер южный,
Страшно северный бушует;
Дует день, другой день дует,
Третий день бушуют ветры,
Из окошка вьется пламя,
Из дверей несутся искры,

К небу мчится туча гари,
Дым смешался с облаками.
   Ильмаринен, тот кователь,
Вновь на третий день нагнулся
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Видит: Сампо вырастает,
Крышка пестрая возникла.
   И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Стал тогда ковать скорее,
Молотком стучать сильнее
И выковывает Сампо,
Что муку одним бы боком,
А другим бы соль мололо,
Третьим боком много денег.
   Вот уже и мелет Сампо,
Крышка пестрая вертится:
И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — на пирушки.
   Рада Похъёлы старуха.
Понесла большое Сампо,
В гору Похъёлы относит,
Отнесла в утес из меди,
Что за девятью замками;
Корни Сампо там зарыла
В глубину на девять сажен,
И один шел корень в землю,
А другой — на берег моря,
Третий корень — в глубь утеса.
   Все устроив, Ильмаринен
Кротко просит о девице,
Говорит слова такие:
«Ты отдашь ли мне девицу,
Ибо Сампо уж готово,
Крышка пестрая прекрасна?»
   Дочка Похъёлы, красотка,
Так сама ему сказала:
«Кто же будет в год ближайший
И на будущее лето
Заставлять кукушку кликать,
Вызывать на пенье птичек,

Коль уйду в страну чужую,
Буду, вишня, на чужбине!
Если б курочка пропала,
Заблудился бы гусенок,
Если б красная брусничка —
Вишня-матушка ушла бы,
То исчезла б и кукушка,
Упорхнули б мигом птички
С высоты родимой горки,
Со спины холма родного.
Никогда на этом свете
Я не брошу дней девичьих,
Ни занятий, ни заботы
И страды не брошу летней:
Целой ягода б осталась,
И не полным песен берег,
И не пройденным лесочек,
Не играла бы я в роще».
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Клонит голову, печальный,
Шапка на сторону сбилась;
Хочет он теперь размыслить,
В голове он держит долго,
Как ему домой уехать,
Как страны родной достигнуть,
Из той Похъёлы туманной,
Из суровой Сариолы.
Молвит Похъёлы хозяйка:
«О кователь Ильмаринен!
Отчего такой ты грустный,
Сбил ты на сторону шапку?
Иль ты мучаешься думой,
Как бы родины достигнуть?»
Говорит так Ильмаринен:
«Да! К тому стремятся мысли,
Чтоб на родине скончаться,
Там найти покой последний».
Ильму Похъёлы хозяйка
Накормила, напоила,
На корму ладьи сажает,
К веслам, столь богатым медью,
Веять ветер заставляет,
Веять северный свой ветер.

Так кузнец тот Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Едет к родине любимой
По потокам в синем море.
Едет день, другой день едет.
Наконец, уже на третий,
Он счастливо в дом приходит,
В те места, где он родился.
Молвит верный Вяйнямёйнен,
Ильмаринена пытает:
«Ильмаринен, брат мой милый,
Вековечный ты кователь,
Что же, выковал ты Сампо,
Изукрасил ли ты крышку?»
Отвечает Ильмаринен,
Молвит сам искусный мастер:
«Сампо новое уж мелет.
Крышка пестрая готова:
И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — на пирушки».

РУНА ОДИННАДЦАТАЯ

Лемминкяйнен отправляется свататься к девице из знатного рода Саари (1—110).— Сначала девицы Саари насмехаются над ним, но вскоре близко знакомятся с ним (111—156).— Только одну — Кюлликки,— ради которой он отправился, он не может покорить и тогда, наконец, похищает ее насильно, кладет в сани и отправляется в путь (157—222).— Кюлликки плачет и больше всего огорчается воинственностью Лемминкяйнена; Лемминкяйнен обещает, что никогда не пойдет на войну, если Кюлликки тоже обещает никогда не бегать в деревню, и оба клянутся исполнить свои обещания (223—314).— Мать Лемминкяйнена восхищается молодой невесткой (315—402)

Скажем мы теперь про Ахти,
Про молодчика споем мы.
Ахти был островитянин,
Лемпи сын молодцеватый;
Вырастал в высоком доме,
Возле матери любимой,

На морском брегу у бухты,
У залива на мысочке.
   Кауко рыбами кормился,
Окуней ловил подросток.
Стал потом он сильным мужем,
Расцветая красной кровью;
Был он обликом прекрасен,
Ростом также превосходен,
Но он был не без порока,
Жизнь он вел не без ошибок:
Очень был на женщин падок,
Все кругом ходил он ночью
Там, где женщины гуляли,
Где нарядные плясали.
   Слышит — есть на Саари дева,
Как цветок, девица эта
Возросла в высоком доме.
Стройно вытянулась ростом,
У отца в жилище сидя
На скамейке задней низкой.
   Шла молва о ней повсюду,
Женихи за ней являлись,
В дом за девицей-красоткой,
Ко двору за девой славной.
   Солнце сватало сыночка:
Но нейдет в их дом девица,
Чтоб сиять бок о бок с Солнцем
И спешить за Солнцем летом.
   Месяц ясный сына сватал.
В дом его не хочет дева,
Чтобы с Месяцем сиять там,
Круг воздушный пробегая.
   С сыном Звездочка хлопочет.
Но нейдет в страну их дева,
Чтоб блистать там долгой ночью,
Чтоб мерцать на зимнем небе.
   Сваты с Виру приходили,
И из Ингрии являлись:
Никуда не хочет дева,
Всем — одно лишь отвечает:
«Золото вы зря не тратьте,
Серебро не отдавайте,
Я в Эстонию не выйду,
Не пойду я, не хочу я

Там грести в эстонских водах,
Мерить волны по прибрежью,
Есть эстонскую там рыбу
И эстонскую ушицу.
Я и в Ингрию не выйду
На печальное прибрежье:
Только голод там да холод,
Нет там дров и нет лучины,
Нет воды и нет пшеницы,
Даже нет ржаного хлеба».
Но веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Ехать все ж туда решился,
Саари девушку посватать,
Эту славную невесту
С разукрашенной косою.
Мать его остерегает,
Отговаривает сына:
«Ты не сватайся, сыночек,
К деве той, что выше родом:
Ведь тебя там не потерпят,
В роде Саари очень знатном».
Отвечает Лемминкяйнен,
Говорит так Каукомъели:
«Пусть мой дом не знатен вовсе,
Пусть мой род не спорит славой,
Ста́тью, удалью возьму я,
Силой, ловкостью поспорю».
Все же мать не позволяет
Лемминкяйнену там сватать,
В роде Саари очень знатном,
В той семье весьма обширной:
«Засмеют тебя девицы,
Будут женщины смеяться».
Отвечает Лемминкяйнен,
Не раздумывает долго:
«Оборву я смех у женщин
И хихиканье девичье:
Им наделаю детей я,
Дам им на руки заботу;
Это кончит их насмешки,
Будет смеха заключеньем».
Молвит мать слова такие:
«Горе мне, несчастной, в жизни!

Коль обидишь жен на Саари,
Оскорбишь девиц невинных,
Спор великий возгорится,
Битва страшная настанет,
Женихи, мужья на Саари
Целой сотней, и с мечами,
Окружат тебя, несчастный,
Ты один не сладишь с ними».
Не послушал Лемминкяйнен
Материнского совета:
Лошадь статную берет он —
Жеребца хорошей крови,
Скачет с шумом он оттуда
Прямо в поселенья Саари,
Сватать там тот Саари цветик,
Эту славную невесту.
Засмеялись жены в Саари,
Насмехаются девицы,
Как на улицу он странно
И во двор неловко въехал:
Опрокинул с бегу сани
И в воротах покачнулся.
Вылезает Лемминкяйнен,
Рот скривил, поник главою,
Бороду свою кусает.
Говорит слова такие:
«Никогда того не видел,
И не видел, и не слышал,
Чтобы жены и девицы
Насмехались надо мною».
Не раздумывал он долго,
Молвит им слова такие:
«Есть ли место здесь на Саари,
На равнинах этих саарских,
Где б я смог повеселиться,
На поляне поплясать бы,
Саари девушек потешить,
С милыми повеселиться?»
Говорят девицы Саари,
Отвечают так с мысочка:
«Много в Саари есть местечек,
Ровных мест в долинах саарских,
Где б тебе повеселиться,
На поляне поплясать бы.

Можешь быть ты пастушонком,
Пастушонком на пожоге;
Дэти в Саари сильно тощи,
Но зато здесь жирны кони».
   Не раздумывает Ахти!
Стал он в Саари пастушонком:
На лугу весь день проводит,
По ночам к девицам ходит,
С молодицами играет
И с нарядными он пляшет.
   Так веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Оборвал смешки красавиц,
Прекратил девиц насмешки:
Ни одной не миновало,
Ни одной из дев невинных,
Чтобы он ее не обнял,
Чтоб не переспал он с нею.
   Но одна была меж всеми,
В роде Саари очень знатном,
Та, что сватов отсылала,—
И она отвергла мужа.
Это — Кюлликки-цветочек,
Всех на Саари дев прекрасней.
   Но веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Истоптал сто пар сапожек,
Сотню весел изработал,
Все-то сватается к деве,
Возле Кюлликки все ходит.
   Кюлликки, девица-цветик,
Говорит слова такие:
«Для чего ты ходишь, слабый,
Что по берегу шумишь ты,
Что ты сватаешь девицу
С оловянною застежкой?
До тех пор не выйду замуж,
Изотру покуда камень,
Раскрошу покуда пестик,
Растолку покуда ступку.
   Не хочу тебя, плохого,
Бедняка, такую тряпку;
Нужно мне стройнее мужа:
Ведь сама стройна я телом;

Нужно мне, чтоб был он статным:
Сложена сама я статно;
Нужно мне, чтоб был красавцем:
Я сама лицом красива».
Мало времени проходит,
Лишь полмесяца минуло,
Как в один из дней прекрасных,
Только сумерки настали,
Вышли девы веселиться,
В пляс красавицы пустились
На краю лесной лужайки,
На поляночке прекрасной.
Кюлликки ведет плясуний,
Цвет прославленный на Саари.
Удалец, цветущий жизнью,
К ним подъехал Лемминкяйнен.
На жеребчике он въехал,
На отборнейшей лошадке,
В середину самой пляски,
В хоровод девиц прекрасных.
Кюлликки хватает быстро
И бросает деву в сани,
Положил ее на шкуру
И ко дну саней прижал он.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он ремнем сильнее,
Поскакал оттуда быстро.
На скаку девицам крикнул:
«Никогда, нигде, девицы,
Вы меня не выдавайте,
Что сюда я к вам подъехал
И увез с собою деву!
Коль не будете послушны,
Будет вам, девицы, плохо:
Я войну нашлю заклятьем
На мужей, на парней ваших,
И ни днем, ни ясной ночью
Не услышите их больше,
Не пойдут они деревней,
По поляне не поедут!»
Кюлликки печально молвит,
Просит с горечью цветочек:
«Отпусти меня на волю,
Ты из рук пусти ребенка;

К матери домой пойду я,
Обо мне она ведь плачет!
Если ж ты меня не пустишь,
Чтобы я домой вернулась,
У меня пять братьев дома,
Семь сынов родного дяди,
По следам найдут зайчонка,
Отобьют назад девицу».
Но ее он не пускает,
Не дает уйти из санок.
Кюлликки тут стала плакать:
«Ах, напрасно я родилась,
Зря я выросла, бедняжка,
Для того ли подрастала;
Мужу скверному попалась,
Я бездельнику досталась,
Что всегда готов на битву,
Может вечно злобно драться!»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Кюлликки, цветочек сердца,
Мед мой, ягодка, красотка!
Ты оставь свои заботы!
Обижать тебя не буду:
Будешь кушать — обниму я,
А пойдешь со мной под ручку,
За руку со мной ты станешь,—
Ляжешь ты со мною рядом!
Ну к чему ты так горюешь
И вздыхаешь от печали?
Оттого ль ты так горюешь
И вздыхаешь от печали,
Что без пищи, без коровы
Я терплю нужду в запасах?
Так оставь свои заботы!
У меня коров довольно,
Молока дают мне много:
На болоте Куманичка,
На пригорке Земляничка,
В-третьих, Клюква на полянке.
Хороши они без корму
И красивы без надзора;
Их не связывают на ночь,
Не развязывают утром,

Не кладут пред ними корму,
Им не сыплют утром соли.
  Оттого ль ты так горюешь
И вздыхаешь от печали,
Что незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой?
  Пусть незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой,
Но мой меч огнем пылает,
Пышет пламенем клинок мой.
Он, конечно, знатен родом
И родился в славном доме:
Злобным Хийси отшлифован,
У богов очищен ярко;
Им достану знатность роду
И моей семье величье,—
Тем мечом моим горящим
И клинком, дающим пламя».
  И вздохнула тут девица,
Испугалась и сказала:
«Ахти! Лемпи ты сыночек!
Если хочешь взять красотку
Постоянною супругой,
Точно курочку в объятьях,
Поклянись мне вечной клятвой,
Что войны ты не затеешь,
Как бы золота ни жаждал,
К серебру бы ни стремился!»
  Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Я клянуся вечной клятвой,
Что войны я не затею,
Как бы золота ни жаждал,
К серебру бы ни стремился,
Но и ты клянися также
Не ходить гулять в деревне,
Как бы плясок ни желала
Иль играть ни захотела б!»
  Так они клянутся клятвой
И залог дают навеки
Перед богом, что все видит,
Всемогущим властелином:
Ахти — позабыть про войны,
Кюлликки — забыть про игры.

Тут веселый Лемминкяйнен
Жеребца кнутом ударил.
Он стегнул его вожжами
И сказал слова такие:
«Ну, прощайте, луг на Саари,
Елей пни и корни сосен,
Где ходил я этим летом,
Где ступал я той зимою,
Где бродил дождливой ночью,
Вязнул в злую непогоду,
Эту курочку искавши,
Все за уточкой гоняясь!»
Поскакал конек веселый;
Скоро дом родной открылся.
И промолвила девица,
Речи молвила такие:
«Смотрит хижина дырявой
И голодною норою,
И, конечно, ей владеет
Человек, незнатный родом?»
Но веселый Лемминкяйнен,
Отвечая, так сказал ей:
«Не тужи об этом доме,
Не вздыхай об этом месте!
Я тебе других наставлю,
Краше комнаты построю
Из гораздо лучших бревен,
Из стропил на диво крепких».
Так приехал Лемминкяйнен,
В милый дом к себе вернулся,
Прямо к матери родимой,
Подошел к своей старушке.
Мать слова такие молвит,
Говорит такие речи:
«Что ты долго оставался,
Мой сыночек, на чужбине?»
Но веселый Лемминкяйнен
Ей сказал слова такие:
«Пусть теперь смеются жены,
И невинные девицы
Пусть теперь позубоскалят,
Похохочут надо мною,—
Взял я лучшую из всех их,
Посадил на коврик в сани,

Бросил я ее под полость,
Под меха швырнул поспешно.
Отплатил я за насмешки,
За хихиканье девичье.
   Мать, ведь ты меня носила
И питала, дорогая!
Приобрел, чего желал я,
И достиг, к чему стремился.
Дай получше изголовье,
Дай помягче мне подушки,
Чтоб на родине уснул я
Рядом с юною девицей!»
Мать на это так сказала,
Речи молвила такие:
«Богу вышнему хваленье,
И хвала тебе, создатель!
Ты мне дал теперь невестку,
Мне огонь она раздует,
Будет ткать она прекрасно,
Скрутит нитки веретенцем
И отлично постирает
И холсты побелит славно!
   Ты хвали судьбу, сыночек.
Ты устроился прекрасно.
Хорошо создатель сделал,
Он, отец, любовью полный:
Чист по снегу подорожник —
Зубки у невесты чище;
Хоть бела на море пена —
Нет пятна в роду девицы;
Хоть стройна на море утка —
Уточка твоя стройнее;
Ясны звезды в синем небе —
А красавица яснее.
   Сделай, сын, полы пошире,
Окна выруби побольше,
Стены новые сложи ты,
Выстрой новые покои,
Перед горницей порожки,
Над порогом двери сделай,
Ведь цветок заполучил ты,
Захватил себе красотку,
Что тебя повыше родом
И знатней происхожденьем!»

РУНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Кюлликки забывает свою клятву и отправляется в деревню, что приводит в гнев Лемминкяйнена, решающего немедленно бросить ее и отправиться свататься к девице Похъёлы (1—128).—Мать пытается всячески удержать сына и предсказывает ему погибель; Лемминкяйнен, расчесывавший волосы, злобно бросает щетку и говорит, что когда из него потечет кровь, то кровь потечет и из этой щетки (129—212).— Он снаряжается, отправляется в путь, прибывает в Похъёлу и пением вызывает всех мужчин Похъёлы из жилищ; только одного злого пастуха он оставил без песни (213—504)

Ахти, юный Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауколайнен,
Все живет да поживает
Вместе с юною девицей.
На войну не ходит Ахти,
Кюлликки нейдет в селенье.
Вот случилося однажды,
Рано в утреннее время
Вышел Ахти Лемминкяйнен
В те места, где рыбы мечут,
И под вечер не вернулся.
Тут, когда уж смерклось, ночью
Кюлликки пошла в селенье,
Где все девушки плясали.
Кто расскажет это дело,
Принесет о том известье?
Айникки, его сестрица,
Рассказала это дело,
Принесла о том известье:
«Ахти! милый ты мой братец,
Кюлликки пошла в селенье,
На село к чужим калиткам,
Где играют молодицы,
Где красавицы танцуют».
Ахти, матери сыночек,
Тот веселый Лемминкяйнен,
Омрачился, обозлился;
Зол был Ахти всю неделю
И сказал слова такие:
«Мать, старушка дорогая,
Постирай скорей рубашку
В яде черных змей ужасных,

Высуши ее скорее,
Чтоб я мог пойти сражаться
В Похъёлу с ее сынами,
На поля сынов лапландских.
Кюлликки ушла в селенье,
На село к чужим калиткам,
Где играют молодицы,
Где красавицы танцуют».
Кюлликки ему сказала,
Быстро вымолвила слово:
«О возлюбленный мой Ахти,
На войну не отправляйся!
Только я вчера заснула,
Увидала сны такие:
Шел огонь, как из горнила,
Выбивалось сильно пламя
Под окошками у дома,
По краям стены высокой;
Ворвалось затем в покои,
Зашумело водопадом,
В потолок от пола билось,
От окошка до окошка».
Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Женским снам совсем не верю,
Как не верю женским клятвам.
Мать, ведь ты меня носила!
Дай военную рубашку,
Дай кафтан мне для сраженья:
Страсть влечет меня на битву,
Пиво битвы буду пить я,
Мед отведаю сраженья».
Мать ему сказала слово:
«Милый Ахти, мой сыночек,
На войну не отправляйся!
Пиво есть у нас и дома,
Пиво есть в еловых бочках,
За дубовой втулкой бродит.
Для тебя все это пиво,
Пей его с утра до ночи».
Отвечает Лемминкяйнен:
«Не хочу я пива дома!
Лучше буду пить я воду,
Пить ее веслом смоленым:

Слаще этот мне напиток,
Чем вся брага в этом доме.
Дай военную рубашку,
Принеси кафтан для битвы!
В села Похъёлы пойду я,
На поля сынов лапландских,
Чтобы золото забрать там,
Серебро принесть оттуда».
Говорит мать Каукомъели:
«Милый Ахти, мой сыночек!
Золота и дома много,
Серебро лежит в запасе.
Вот что здесь вчера случилось:
Рано в утреннее время
Раб пахал гадючье поле,
Запахал змеиный угол;
Сошником он поднял крышку,
В сундучке нашел монеты;
Были собраны там сотни,
Тысячи под крышкой были.
Внес находку в кладовую
И поставил под стропила».
Отвечает Лемминкяйнен:
«Не нужна мне кладовая.
Серебро, что взято с бою,
Несравненно мне дороже,
Чем все золото, что дома,
Серебро, что взяли плугом.
Дай военную рубашку,
Принеси кафтан для битвы!
В Похъёлу теперь пойду я
Избивать сынов лапландских.
Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу:
Я хочу там сам услышать
И своим увидеть глазом,
Есть ли в Похъёле девица,
Дева в Пиментоле темной,
Чтобы мужа не хотела,
Жениха не пожелала».
Говорит мать Каукомъели:
«Милый Ахти, мой сыночек!
Кюллики твоя тут лучше,
Всех жена твоя прекрасней.

Ведь чудно́ двух жен увидеть
На одной постели мужа».
Отвечает Лемминкяйнен:
«Кюлликки в селенье ходит;
Пусть она, там поигравши,
По чужим домам ночует,
С молодежью веселится
И с красавицами пляшет!»
Удержать его мать хочет,
Остеречь его, старушка:
«Не ходи ты, мой сыночек,
В села Похъёлы далекой,
Не ходи без чародейства,
Без премудрости могучей
К избам Похъёлы суровой,
На поля детей лапландских.
Запоет тебя лапландец,
Заклянет тебя турьянец,
По уста положит в угли,
В пламя голову и плечи,
В жаркую золу всю руку,
На каменьях раскаленных».
Отвечает Лемминкяйнен:
«Чаровали чародеи,
Заклинали эти змеи.
Три лапландца собралися
На меня средь летней ночи;
Голы были на утесе,
Без одежд, без подпоясок,
Неприкрытые нисколько.
От меня они там взяли,
От меня там получили,
Что топор берет от камня,
Что на льду каблук стирает,
Что буран берет с утеса
И что смерть в пустом жилище.
А в другой раз было лучше:
Дело шло тогда иначе.
Мне грозили заклинанья,
Мне грозили их заклятья,
Что завязну я в болоте;
В том болоте, где бродил я,
Я попал уж было в тину,
По колено был в трясине

И по бороду в грязи был;
Но я — муж других не хуже —
И тогда не пал я духом.
Стал я тотчас чародеем,
Сам я начал заклинанья.
Я запел — и чародеи,
Те стрелки с своим оружьем,
Те волшебники с ножами,
Те певцы с своею сталью,
Обратились водопадом,
Ужасающей пучиной,
Самым злым водоворотом.
Пусть они себе там дремлют,
Колдуны пусть почивают;
Прорастут весною травы
Через головы и шапки,
Через плечи чародеев,
Через мясо на боках их,
Чародеев крепко спящих
И дремотою заклятых».
Все ж старушка запрещает
Каукомъели отправляться,
Сыну мать не позволяет,
Женщина героя просит:
«Не ходи отсюда, милый,
В те холодные селенья,
В Похъёлу, в страну тумана!
Там опасность угрожает,
Мужу бедному там страшно;
Там живет несчастье, Ахти;
Хоть ты будешь стоязычным,
Что несбыточно вовеки,
Все же ты не бросишь пеньем
Похъёлы сынов в пучину:
Языков их ты не знаешь —
Ни лапландцев, ни турьянцев».
Приоделся Лемминкяйнен,
Развеселый Каукомъели,
Волосы свои он чешет,
Щеткой их усердно гладит.
Щетку он к стене бросает,
К косяку бросает, к печке,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:

«Лишь тогда несчастье злое
Лемминкяйнена постигнет,
Если кровь из щетки брызнет,
Если красная польется».
И пошел веселый Ахти
В Похъёлу, в страну тумана,
Мать свою он не послушал,
Как она ни запрещала.
Снарядился, взял он пояс
И железную рубашку,
Он надел из стали пояс,
Говорит слова такие:
«Крепче будет муж в кольчуге,
Лучше в панцире железном,
В пояске стальном сильнее
Против этих чародеев;
В них ему не страшен худший
И сильнейший не опасен».
Он за меч тогда схватился;
Как огонь, тот меч рубился,
Был отточен он у Хийси,
У богов был отшлифован;
Меч себе повесил сбоку,
Спрятал в кожаные ножны.
Где же Ахти притаился,
Где герой укрылся смелый?
Он тихонько притаился,
Спрятался герой без шума
Под стропилами у двери,
Притаился у порога,
На дворе, у переулка,
У калиточки последней.
Там укрылся осторожно,
Быстро спрятался от женщин.
Но такая осторожность
Помогла герою плохо:
Должен он укрыться дальше
От толпы мужей могучих
На развилине дороги,
На спине холодной камня,
На болотной зыбкой почве,
У текущего потока,
У каменьев водопада,
При изгибе вод шумящих.

Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Выходите вы с мечами,
Вечные земли герои,
Вы из глуби, меченосцы,
Лучники, из рек глубоких!
Лес, и ты иди с мужами,
Ты с своей толпою, чаща;
Старец гор — с своею силой,
Водяной ужасный Хийси,
Мать воды с своею мощью,
Старец вод с своей толпою;
Вы, из всех долин русалки,
Опененные потоком,
На защиту станьте мужа,
Как товарищи героя,
Чтобы стрелы чародеев
Острием мне не вредили,
Ни железные ножи их,
Ни стрелков оружье злое.
Если ж этого все мало,
Знаю я другое средство:
Обращусь, вздыхая, кверху,
К старцу вышнему на небо,
Где он правит туч грозою,
Облаками управляет.
О ты, Укко, бог верховный,
Ты, отец небесный древний,
Что беседуешь сквозь тучи,
Открываешься сквозь воздух!
Дай мне меч, огнем горящий,
В огненных горящий ножнах,
Чтоб опасность отвратил я,
Помешал бы я несчастью,
Победил бы чародеев
Из земли, из вод шумящих,
Тех, что станут предо мною,
Что останутся за мною
И с боков, и надо мною,
И вокруг здесь соберутся,—
Чтоб заклял я чародеев,
Чтоб с их стрелами, с ножами,
С их блестящими мечами,
Я заклял мужей негодных».

И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Тут позвал коня из леса,
Златогривого с поляны;
Жеребенка запрягает,
Ставит рыжего в оглобли
И тогда садится в сани;
Поместившись на сиденье,
Он коня кнутом ударил,
Узловатым лошадь хлопнул.
Быстро конь бежит оттуда,
Сани мчат, скрипят полозья,
И гудит песок сребристый
И равнина золотая.
Едет день, другой день едет,
Также едет он и третий,
Наконец, уже на третий,
На деревню он наехал.
Скачет быстро Лемминкяйнен,
Скачет быстро по дороге,
Нижней улицею едет,
Едет к нижнему строенью.
У столба остановился
И с порога так спросил он:
«Не найдется ль кто в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,
Опустил бы мне оглобли
И хомут стащил с лошадки?»
На полу сидел малютка;
Так с порога мальчик молвил:
«Никого здесь нет в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,
Опустить твои оглобли
И хомут стащить с лошадки».
Не горюет Лемминкяйнен,
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он жгутом жемчужным,
Быстро мчится по дороге,
Едет улицею средней,
Едет к среднему строенью;
Стал под самым там навесом
И с порога так спросил он:
«Не найдется ль кто в избушке,
Кто мои подержит вожжи,

Кто б сумел с груди и с шеи
Отвязать ремни искусно?»
С печки старая болтунья,
Со скамейки закричала:
«Да, найдется в этом доме,
Кто твои подержит вожжи
И гужи твои развяжет,
Спустит на землю оглобли;
Здесь найдешь мужей десяток,
Сотню целую, коль хочешь,
Что тебя отсель спровадят,
На проезд дадут лошадок
Да домой плута отправят,
В край родной плута дрянного,
На отцовскую скамейку,
В материнское жилище,
К самой братниной калитке,
К сестрам на пол, и доставят
Раньше, чем наступит вечер,
Раньше, чем здесь сядет солнце».
Не горюет Лемминкяйнен,
Говорит слова такие:
«Застрелить старуху нужно б,
Застрелить болтунью эту».
На коне спешит оттуда,
Гонит быстро по дороге,
Едет улицею верхней,
Едет к верхнему строенью.
Вот веселый Лемминкяйнен
Ко двору тому подъехал
И сказал слова такие
И такие речи молвил:
«Хийси! ты зашей собаке,
Ты зашей ей, Лемпо, морду,
Удержи ей пасть от лая,
Ты сожми собаке зубы,
Чтобы лай не раздавался,
Если муж пройдет здесь мимо!»
Вот во двор туда вошел он,
По земле кнутом ударил:
Из земли туман поднялся,
И в тумане — человечек.
Он лошадку рассупонил,
Опустил затем оглобли.

Сам веселый Лемминкяйнен
Слушать начал осторожно,
Чтоб никто его не видел
И никто бы не приметил.
С улицы он слышит песни
И слова сквозь конопатку,
Слышит музыку сквозь стенку,
Он сквозь доски слышит пенье.
Заглянул он внутрь тихонько,
Посмотрел тихонько в избу:
Колдунов полны покои.
С музыкой у стен сидели,
Громко пели чародеи,
Прорицатели — у двери,
Знахари же — на скамейках,
Заклинатели — на печке,
Множество лапландских песен,
Мудрые творенья Хийси.
Сам веселый Лемминкяйнен
Изменить свой облик хочет,
Изменяется в объеме,
Проникает он сквозь угол;
Он проходит внутрь строенья,
Говорит слова такие:
«Лучше пенье с окончаньем,
Покороче песнь приятней;
Лучше мудрость всю запомнить,
Чем порвать на половинки».
Тотчас Похъёлы хозяйка
Всполошилась, взволновалась,
На средину пола стала,
Говорит слова такие:
«Прежде пес, бывало, лаял;
Этот пес, железный цветом,
Мясо, кости пожирает,
Свежей кровью запивает.
Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев,
Что ты в горницу проходишь,
Проникаешь ты в жилище
Так, что пес тебя не слышал
И брехун не мог учуять?»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Знай, что я сюда к вам прибыл

Не без знанья и искусства,
Не без мудрости и силы,
Не без отческих заклятий,
Не без дедовских познаний,
Чтоб собаки не кусались,
Брехуны меня не рвали.
   Мать моя меня купала,
Как я слабым был малюткой,
Летней ночью по три раза,
Девять раз осенней ночью,
Чтоб на каждой я дороге
Оградить себя мог пеньем,
Чтоб могуче пел я дома,
Колдуном был на чужбине».
   Тут веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Начал грозные заклятья,
Заклинательные песни.
Полилось из шубы пламя
И из глаз огонь струился,
Как запел тут Лемминкяйнен,
Как он начал заклинанья.
   Он запел — и кто был лучшим,
Стал певцом совсем негодным;
Он набил им в рот каменьев,
В глотки им он вдвинул скалы,
Тем певцам, повсюду славным,
Знаменитым чародеям.
   Он заклял мужей тех гордых,
По местам раскинул разным:
На поляны без растений,
На невспаханное поле,
На безрыбные озера,
Где и окунь жить не может,
В водопад ужасный Рутьи,
В ту горящую пучину,
В тот поток, покрытый пеной,
Как каменья их поставил,
Чтоб они огнем горели,
Чтоб, как искры, там трещали.
   И веселый Лемминкяйнен
Тех мужей заклял с мечами,
Тех героев с их оружьем,
Стариков, а также юных,

Вместе с ними возраст средний;
Одного лишь не заклял он,
Только пастуха дрянного,
Только старого, слепого.
Этот старый, в мокрой шапке,
Говорит слова такие:
«О, веселый Лемминкяйнен,
Всех заклял ты старых, юных,
Вместе с ними возраст средний,
Отчего ж мне дал пощаду?»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Оттого я дал пощаду,
Что тебя и видеть жалко,
Скверен ты и без заклятий.
Ты, когда еще был молод,
Пастухом был самым злобным;
Деток матери ты портил,
И сестер родных срамил ты,
Лошадей всех перепортил,
Жеребят всех искалечил
По полям и по болотам,
По колеблющимся топям».
Но пастух тот в мокрой шапке
Был в обиде очень злобен;
Вышел из дверей наружу,
Через двор он вышел в поле,
К водам Туонелы помчался,
К бездне той реки священной.
Поджидал там Каукомъели,
Лемминкяйнена там ждал он,
Как из Похъёлы обратно,
В дом родной к себе поедет.

РУНА ТРИНАДЦАТАЯ

Лемминкяйнен просит дочь у хозяйки Похъёлы, которая ставит ему условие, чтобы он достал лося Хийси (1—30).— Лемминкяйнен отправляется за лосем с хвастливыми словами, но вскоре, к своему огорчению, обнаруживает, что хвастовством лося не добыть (31—270)

Вот веселый Лемминкяйнен
Молвил Похъёлы хозяйке:
«Ты отдай мне дочь-девицу,
Дочь отдай свою, старуха,

Ту, что всех других прекрасней,
Ростом выше всех красавиц!»
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«За тебя я дочь не выдам,
Не отдам тебе девицу
Ни получше, ни похуже,
Ни повыше, ни пониже,
У тебя давно жена есть,
Привезенная хозяйка».
Отвечает Лемминкяйнен:
«Кюлликки, жену, из дома
Выгоню к чужим в деревню,
На село к чужой калитке.
Здесь ищу жену получше;
Ты свою отдай мне дочку,
Из толпы девиц красотку,
Из числа прекраснокудрых».

Молвит Похъёлы хозяйка:
«Никогда я дочь не выдам
За пустого человека,
За ничтожного героя.
Вот тогда проси ты дочку,
У меня цветочек сватай,
Коль поймаешь Хийси лося
На полянах дальних Хийси».
Острие поспешно Ахти
Насадил на быстрый дротик,
Натянул и тетиву он,
Приготовил стрел для лука.
Говорит слова такие:
«Насадил я быстрый дротик,
Заготовил стрел для лука,
Тетиву уж натянул я,
Остается мне немного —
Позаботиться о лыжах».
Тут веселый Лемминкяйнен
Пораздумал и размыслил:
Как бы сделать эти лыжи,
Из чего бы их устроить?
К дому Кауппи тут идет он,
В кузню к Люликки он входит:
«О ты, мудрый Вуоялайнен,

Ты, кузнец лапландский лучший!
Сделай мне две славных лыжи,
Отстругай их мне поглаже,
Чтоб поймал я Хийси лося
На поляне злого Хийси».
Люликки в ответ промолвил,
Кауппи тут решает быстро:
«Зря идешь ты, Лемминкяйнен,
Зря идешь за Хийси лосем,—
Ведь при всем своем старанье
Ты лишь пень гнилой получишь».

Не горюет Лемминкяйнен!
Говорит слова такие:
«Ты мне только сделай лыжи,
Чтоб они готовы были.
А уж я поймаю лося
На поляне дальней Хийси».
Люликки был мастер в деле,
Кауппи тот искусен в лыжах,
Вырезает лыжи в осень,
Их обтачивает в зиму,
День один строгает палку,
День другой — кольцо упора.
Лыжа левая готова,
Лыжа правая за нею,
Приготовлены и палки
И приложены к ним кольца,
И ценою палка с выдру,
А колечко — с лисью шкуру.
Жиром лыжи он намазал,
Мажет их оленьим салом;
Сам в уме он держит думу,
Говорит слова такие:
«Суждено ль кому из юных,
В подрастающем народе,
Этой левой лыжей двигать,
Также двигать лыжей правой?»
Молвил юный Лемминкяйнен,
Удалец, цветущий жизнью:
«Да, один из этих юных,
Из растущего народа,
Будет левой лыжей двигать,
Будет двигать также правой».

На спине колчан приладил,
Положил свой лук на плечи,
Захватил он в руки палку;
Начал двигать левой лыжей,
А за нею также правой,
Говорит слова такие:
«Не найдется в божьем мире,
Под небесным этим сводом
И под этими ветвями
Ни один четвероногий,
Кто не мог бы быть настигнут,
Не достался бы в добычу
Сыну Калевы младому,
Лемминкяйнену на лыжах».
Слышат это люди Хийси,
Ютас эти речи слышит;
Создает тут лося Хийси,
Ютас делает оленя:
Голову из пня гнилого
И рога из веток ивы;
Вместо ног — тростник прибрежный,
Из болотных трав — колени,
Из жердей— спина у лося,
Из сухой соломы — жилы,
А глаза — цветок болотный,
Из цветов озерных — уши,
Из коры сосновой — кожа,
Из бревна гнилого — мясо.
Наставлял тут Хийси лося,
Говорил слова такие:
«Ты беги, мой лось прекрасный,
Благородный лось, стремися
На места, где много лосей,
На поля сынов лапландских.
Пусть побегает изрядно,
Попотеет Лемминкяйнен!»
Хийси лось тогда помчался,
Побежал олень прекрасный
Мимо Похъёлы амбаров,
По полям сынов лапландских,
Опрокинул он кадушку,
На огонь котел он сбросил,
Мясо вывалил в золу он,
На очаг похлебку вылил.

И поднялся шум ужасный
На полях сынов лапландских;
Стали лаять их собаки,
Дети стали громко плакать,
Жены принялись смеяться,
Зароптали все лапландцы.
Сам веселый Лемминкяйнен
Лося Хийси догоняет
По земле и по болотам,
Нескончаемым полянам:
Из-под лыж огонь стремится,
Из-под палки дым выходит,
Только лося все не видно,
Все не видно и не слышно.
Мчит лесами, городами,
Мчится по заморским странам,
По дремучим дебрям Хийси,
Через все поляны Калмы,
Перед самой пастью смерти,
Пред самим жилищем Калмы.
Смерть уж пасть свою открыла,
Калма голову склонила,
Чтоб схватить того героя,
Проглотить там Каукомъели:
Не смогла его похитить,
Не смогла его настигнуть.
Лишь в одном местечке не был,
Лишь туда зайти осталось,
В дальних Похъёлы угодьях,
На больших лапландских землях.
Он зашел и в то местечко,
Заглянул и в этот угол.
До конца угла доехал,
Слышит: с Похъёлы окраин
Шум ужасный раздается
На полях сынов лапландских:
Заливаются собаки,
Плачут дети у лапландцев,
Громко женщины смеются,
А мужья-лапландцы ропщут.
Тут веселый Лемминкяйнен
Поворачивает лыжи,
Едет он на лай собачий,
На поля сынов лапландских.

И, приехавши, сказал он,
Так спросил, остановившись:
«Что тут женщины смеются,
Отчего тут дети плачут,
Люди старые горюют,
Лают серые собаки?»

«Оттого смеются жены,
Оттого тут плачут дети,
Люди старые горюют,
Лают серые собаки,
Что пронесся лось тут Хийси,
Простучал копытом гладким;
Опрокинул лось кадушку,
На огонь котел он сбросил;
Наше варево он вылил,
На огонь похлебку пролил».

Слышит это плут веселый,
Молодец тот, Каукомъели,
Лыжу левую подвинул,
Как гадюку по пожогу;
Он скользнул болотной елью,
Как живой змеей, по снегу,
Сам, скользя, промолвил слово,
Так сказал, держась за палку:
«Ну, теперь лапландец каждый
Принесет мне тушу лося;
Может каждая лапландка
Здесь котел почище вымыть:
Из детей лапландских каждый
Насбирать мне может щепок;
И котел лапландский каждый
Может здесь сварить мне лося!»

Все свои напряг он силы,
Подался вперед, понесся;
В первый раз он лыжей двинул
И исчез из глаз тотчас же;
Во второй раз лыжей двинул —
И его не слышно стало;
С третьим разом попадает
Прямо на спину он к лосю.

Вот схватил он кол кленовый,
Из ветвей березы вязку,
Чтоб связать покрепче лося,
За плетень свести дубовый:

«Тут побудь теперь, лось Хийси,
Тут постой, скакун свирепый!»
По спине он лося гладит,
Треплет ласково по шее:
«А с меня уже довольно,
Отдохнуть теперь могу я
Рядом с юною девицей,
С этой курочкой растущей!»
Хийси лось приходит в ярость,
Дико начал выбиваться,
Говорит слова такие:
«Пусть тебе поможет Лемпо
Полежать с девицей юной,
Провести с ней время вместе!»
Лось уперся, понапрягся,
Рвет он вязку из березы,
Кол кленовый он ломает,
Валит он плетень дубовый.
Убегает лось оттуда,
Устремляется поспешно,
По полям и по болотам,
По горам лесистым мчится
Так, что глазом уж не видно
И совсем не слышно ухом.
Тут молодчик омрачился,
Опечалился веселый,
Стал свирепым и сердитым,
Мчится он за Хийси лосем;
Дал один толчок ногою,—
В яме вдруг застряла лыжа,
И ремень на лыже лопнул,
А другой ремень на пятке,
Ручка дротика сломалась,
И конец сломался палки.
Хийси лось вперед умчался,
И опять его не видно.
Грустно смотрит Лемминкяйнен,
Опустил главу печально,
Видит сломанные вещи,
Говорит слова такие:
«Пусть никто в теченье жизни,
Пусть никто из всех на свете
Не стремится в лес упрямо,
За негодным Хийси лосем,

Как стремился я, несчастный:
Я совсем испортил лыжи,
Поломал в лесу я палку
И согнул в лесу свой дротик!»

РУНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Обычными охотничьими заклинаниями и мольбами Лемминкяйнен, наконец, добывает лося и увозит в Похъёлу (1—270).— Вторым условием ему велят укротить огнедышащего коня Хийси, которого он обуздывает и пригоняет в Похъёлу (271—372).— Третьим условием — велят застрелить лебедя на реке Туони. Лемминкяйнен приходит на реку Туони, там его поджидает обойденный им в песне пастух, который убивает его и бросает на порог Туони. Сын Туони разрубает тело Лемминкяйнена на куски (373—460)

Вот веселый Лемминкяйнен
Так подумал и размыслил:
По какой свернуть дороге,
Путь какой тут выбрать лучше —
Или бросить лося Хийси,
Самому домой вернуться,
Иль еще раз попытаться
Поохотиться за лосем
Матери лесов на радость,
Девам бора на отраду?
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«О ты, Укко, бог верховный!
Укко, ты отец небесный!
Сделай мне получше лыжи,
Дай ты им большую скорость,
Чтоб на них я мог промчаться
По земле и по болотам
Прямо в край далекий Хийси,
В Похъёлу, в поля большие,
За чудесным лосем Хийси,
По следам красавца-лося!
Вот иду я в лес дремучий,
Без героев на работу
По дороге Тапиолы
Мимо Тапио жилища.

Мой поклон вам, горы, выси,
Вам, леса прекрасных елей,
Вам, осиновые рощи,
Также тем, кто к вам приветлив!
Пропустите, лес, пустыня;
Тапио, будь благосклонен,
Пропусти на горы мужа,
Дай пройти мне по болотам,
Чтоб поймать мою добычу,
Получить мою награду!
Нюрикки, сын Тапиолы,
Муж чудесный в красной шапке!
Сделай метки по дороге,
На горах поделай меток,
Чтобы шел я, глупый, прямо,
Чтобы верный путь нашел я,
Тут гоняясь за добычей
И охотясь за наградой.
Миэликки, ты, мать-старушка,
Леса чудная хозяйка,
Разбросай свое ты злато,
Серебро свое рассыпь здесь
Перед мужем, что блуждает
По следам, по всяким ямкам!
Ты возьми ключи златые
С твоего кольца на чреслах,
Тапио амбар открой ты,
Поищи в лесных палатках,
Здесь пока я жду добычи,
За охоту жду награды!
Если ж ты сама не хочешь,
Ты пошли своих служанок,
Ты пошли своих прислужниц,
Прикажи ты подчиненным!
Что ж ты будешь за хозяйка,
Если слуг ты не имеешь,
Если сотни нет прислужниц,
Если тысячей не служат,
Чтоб спасти стада лесные,
Чтоб заботиться о дичи?
Дева, Тапио служанка,
Сладкогласная девица!
Ты пойди с медовой дудкой!

Посвисти свирелью сладкой
Пред великой госпожою,
Пред хозяйкой леса дивной:
Ты ей дашь услышать звуки,
Ото сна ее пробудишь —
Ведь она совсем не слышит,
Сна досель не покидает.
Умоляю неотступно,
Золотой язык тревожу!»

Развеселый Лемминкяйнен
Так, все время без добычи,
По лесам он пробегает,
По полям и по болотам,
К угольным высотам бога,
К угольной поляне Хийси.
День скользит он, и другой день,
Наконец, уже на третий,
Подошел к горе великой,
На утес великий вышел;
Бросил взоры он на север,
Посмотрел через болото:
Видит Тапио жилище,
Двери золотом блистают,
Блеск идет через болота,
Через гору, чрез кустарник.
Тут веселый Лемминкяйнен
С своего уходит места,
Приближается к жилищу,
К окнам Тапио подходит.
В ожиданье там укрылся,
Под шестым присел окошком:
Там дающие даянья
Злаков матери сидели
В самых будничных одеждах,
В самых рваных, грязных платьях.
Так промолвил Лемминкяйнен:
«Что сидишь, хозяйка леса,
В самой будничной одежде,
В самом рваном, грязном платье?
На тебя смотреть мне стыдно —
Так чудна́ твоя наружность;
Далеко ты не прекрасна
С огрубевшим, грязным телом.

Как блуждал я этим лесом,
Три дворца в лесу нашел я:
Костяной и деревянный,
Третий был дворец из камня;
Шесть златых прекрасных окон
Были там на каждой стенке.
Посмотрел я сквозь окошко
И увидел, притаившись,
Тапио, владыку леса,
Видел дочь его, хозяйку,
Теллерво я там заметил,
Весь народ лесной увидел:
Все они шумели златом,
Серебром они звенели;
А сама хозяйка леса,
Подающая отраду,
В золотом была браслете,
В золотых на пальцах кольцах;
Головной убор из злата,
В волосах златые ленты,
А в ушах златые серьги
И на шее крупный жемчуг.

Милая хозяйка леса,
Ты, медвяная старушка!
Сбрось соломенные туфли,
Сбрось ты лапти из бересты,
Сбрось противные лохмотья,
Сбрось рабочую рубашку;
Платье радости возьми ты
И рубашку понарядней,
Здесь пока хожу я лесом
В поисках своей добычи!
Сильно я в лесу скучаю;
Омрачился оттого я,
Что хожу здесь понапрасну
И все время без добычи;
Обещай ее доставить,
Чтоб немного отдохнул я;
Так печально долог вечер,
Долог день, коль нет добычи.

Дед лесов седобородый,
Мох — твой плащ, а хвоя — шапка!
Затяни леса в полотна,
Облеки одеждой рощи,

Покрывало дай осинам,
Платье мягкое дай ольхам,
Серебром покрой ты сосны,
Ты рассыпь по елям злато,
Опояшь ты сосны медью,
Серебром лесные сосны;
Пусть цветет береза златом,
Дай на ствол ей погремушки;
Сделай, как в былое время;
Дни тогда получше были:
Точно солнце, ель блестела,
И сосна — как будто месяц,
Медом пахло по лесочку,
Медом пахло в синей роще,
Пахло пряным на поляне,
У болот стекало масло!

Дочка Тапио, девица,
Туликки, царевна леса!
Пригони ты дичь к опушке,
К протянувшимся полянам;
Коль она бежать не хочет,
Коль сюда пойдет лениво,
От куста возьми ты хлыстик,
Хлыст березовый в долине,
И хлещи ее по бедрам,
Ударяй ее по боку
И гони скорее к месту,
С быстротой гони добычу
К ожидающему мужу,
По охотничьему следу!

Если выйдет на тропинку,
Пусть она бежит тропинкой,
Протяни ты обе руки,
Не давай ей сторониться,
Чтобы дичь не ускользнула,
Не сбежала бы с тропинки;
Если ж дичь уйдет оттуда,
Если на сторону выйдет,
За ухо отбрось к дороге,
За рога веди к тропинке!

Коль есть хворост на дороге,
Ты отбрось на край дороги;
Если там лежат деревья,
Разломай их на кусочки!

Если там плетень ты встретишь,
Опрокинь его на землю,
Обломай пять перевязок,
Опрокинь там семь подпорок!
Встретишь реку на дороге,
Ручеечек на тропинке,
Мостик шелковый ты сделай
Из пунцового платочка,
Перекинь через проливы,
Через воду перебрось ты,
Через Похъёлы потоки,
Через пену водопада!
Тапио, хозяин леса!
Мимеркки, его хозяйка!
Дед лесов седобородый,
Золотой владыка леса!
Ты, владычица лесная,
Ты, лесная мать даяний,
Старица в одежде синей
И в чулках с прошивкой красной!
Приходи меняться златом,
Серебром со мной меняться;
От луны — мое все злато,
Серебро мое — от солнца;
На войне его добыли,
Лишь с трудом достали в битве,
И лежит без пользы в сумке,
Пропадает зря в кисете.
Неразменно это злато,
Серебро менять мне не с кем».
Уж веселый Лемминкяйнен
Пробежал далеко лесом,
На опушке пел он песни,
В глубине трех рощ зеленых,
Он склонил к себе хозяйку
И хозяина лесного;
Дев лесных расположил он,
Благосклонны стали девы.
Испугали, выгоняют
Из лесов заросших лося,
С горки Тапио сгоняют,
По краям жилища Хийси,
К ожидающему мужу,
Чтоб он мог поймать добычу.

Сам веселый Лемминкяйнен
Свой аркан набросил быстро
На плечо лосенка Хийси,
На его набросив шею,
Чтоб не бился он ногами,
Коль ему погладишь спину.
И веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Властелин страны и леса,
Красота полян обросших!
Миэликки, ты, мать лесная,
Ты, лесная мать даяний!
Приходи, возьми ты злато,
Серебро бери скорее,
Расстели платок широкий,
Положи платок на землю,
Под блистающее злато,
Под сребро, что так прекрасно,
Чтоб на землю не упало,
Не рассыпалось по грязи!»
После в Похъёлу пошел он
И, придя, промолвил слово:
«Наконец-то лось чудесный
Пойман на поляне Хийси!
Ты отдай мне дочь, старуха,
Дай девицу мне в супруги!»
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Лишь тогда отдам я дочку,
Дам тебе девицу в жены,
Коль коня взнуздаешь Хийси,
Коль поймаешь Хийси лошадь,
Жеребца, что вечно в мыле
По краям полян у Хийси».
Взял веселый Лемминкяйнен
Золотистую уздечку,
Серебристый недоуздок
И пошел искать ту лошадь,
Стал следить за долгогривой
По краям полян у Хийси.
Быстро он идет в дорогу,
Он идет поспешно с места
На зеленые поляны,
На края святого поля;

Там коня прилежно ищет,
Ищет лошадь с длинной гривой;
Он заткнул узду за пояс,
На плечо он вскинул сбрую.
Ищет день, другой день ищет,
Наконец, уже на третий,
Он взошел на холм высокий,
Лезет на спину утеса;
Бросил взоры он к востоку,
Обратил лицо на солнце;
На песке коня увидел,
Долгогривого у елей:
Из волос огонь струился,
Подымался дым из гривы.
И промолвил Лемминкяйнен:
«О ты, Укко, бог великий!
Ты ведь правишь туч грозою,
Облаками управляешь!
Отвори ты свод небесный,
Твердь воздушную раскрой ты,
Ниспусти ты град железный,
Ты пошли куски железа
В гриву жеребенку Хийси,
Белолобому на спину!»
Укко, тот творец всевышний,
Тот надоблачный создатель,
Пополам раздернул воздух,
Разломил он свод небесный,
Иней, град железный сбросил,
Ниспустил он град железный
Покрупней главы мужчины
И помельче лошадиной
Жеребенку Хийси в гриву,
Белолобому на спину.
Тут веселый Лемминкяйнен
Подошел, чтоб все увидеть
И получше все заметить,
Сам сказал слова такие:
«Добрый конь поляны Хийси,
Ты, горы жеребчик юный!
Золотой нагнися мордой,
Головой, сребром блестящей,
Под уздечку золотую,
Под серебряные кольца!

Обижать тебя не буду,
Сильно гнать тебя не стану
По дороге недалекой,
На пути весьма коротком,
К дому Похъёлы суровой.
Гнать не стану к злобной теще,
Бить ремнем тебя не буду,
Гнать хлыстом тебя не стану,
Поведу тебя на ленте,
Буду погонять шнурочком».
Рыжий жеребенок Хийси,
Запененный конь, нагнулся,
Золотой нагнулся мордой,
Головой, сребром блестящей,
В серебристую уздечку
Под колечки золотые.
Наконец-то Лемминкяйнен
Держит жеребенка Хийси;
Вздел узду ему на морду,
Надевает недоуздок,
Быстро на спину садится,
На крестец вскочил проворно.
Он коня кнутом ударил,
Гонит хлыстиком из ивы,
Едет быстро по дороге,
Направляется к высотам,
К тем горам на север дальний,
На хребет, покрытый снегом.
В Похъёлу он приезжает,
Со двора идет в покои.
Похъёлы он достигает,
Входит в дом, и так он молвит:
«Я взнуздал коня большого,
Хийси скакуна поймал я
На полях его зеленых,
На краю святого поля.
Я настигнул лося Хийси
На поляне Хийси дальней.
Ты отдай мне дочь, старуха,
Девушку отдай мне в жены!»
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Я отдам в невесты дочку,
Дам тебе в невесты деву,

Если лебедя застрелишь,
Птицу сильную убьешь ты
Туонелы в потоке черном,
В той святой реке, в пучине.
Но один лишь раз стреляй ты,
Подстрели одной стрелою».
Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Хочет лебедя увидеть,
Длинношеего заметить
Туонелы в потоке черном,
В нижних Маналы пределах.
Шел он быстрыми шагами,
Подошел весьма поспешно
Прямо к Туонелы потоку,
К той святой речной пучине.
Лук закинут за плечами,
За спиной колчан повешен.
Но пастух тот в мокрой шапке,
Похъёлы старик ослепший,
Стал у Туонелы потока,
У святой речной пучины
И смотрел кругом все время,
Не придет ли Лемминкяйнен.
Наконец, пастух однажды
Лемминкяйнена увидел,
Как тот шел все ближе, ближе,
Прямо к Туонелы потоку,
К той стремнине водопада,
К той святой речной пучине.
Взял он словно трость из моря,
Из волны змею приподнял,
Ею в сердце он вонзает,
Лемминкяйнену сквозь печень,
Через левую подмышку,
Прямо в правую лопатку.
И веселый Лемминкяйнен
Потемнел от сильной боли,
Говорит слова такие:
«Поступил я очень дурно,
Что спросить не догадался:
У родной моей старушки
Не спросил те два словечка

И не больше, как три слова,
Как мне быть и что мне делать
В эти дни ужасных бедствий?
Есть слова от язв змеиных,
От змеиного укуса.
Мать, ведь ты меня носила
И, трудяся, воспитала!
Ты узнать, родная, можешь,
Где теперь твой сын несчастный.
Ты приди сюда скорее,
Ты приди ко мне на помощь,
Чтоб избавить от несчастья,
Чтоб спасти меня от смерти,
Чтоб я юношей проснулся
И пошел, цветущий жизнью!»

Так пастух тот в мокрой шапке,
Похъёлы старик ослепший,
Лемминкяйнена забросил,
Сына Калевы повергнул
В воду Туонелы подземной,
В эту бурную пучину.
И веселый Лемминкяйнен
С шумом падает в теченье;
Там шумит он с водопадом,
С быстрой Туонелы стремниной.
Тотчас Туони сын кровавый
Меч вонзает в Каукомъели:
Лезвием ударил острым,
Так что искры полетели;
В пять кусков пластает мужа,
На восемь частей разрезал;
В воду Туонелы подземной,
В реку Маналы он бросил:
«Ты лежи себе там вечно
С крепким луком и колчаном!
Лебедей стреляй в потоке,
Птиц речных в теченье мрачном».
Так скончался Лемминкяйнен,
Тот жених неутомимый,
Туонелы в потоке черном,
Маналы в глубокой речке.

РУНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Из щетки, оставленной дома Лемминкяйненом, начинает сочиться кровь; мать угадывает о погибели сына, она торопится в Похъёлу и спрашивает у хозяйки Похъёлы, куда та дела Лемминкяйнена (1—62).— Хозяйка Похъёлы признается ей, какое поручение дала Лемминкяйнену, а солнце открывает ей место, где находится погибший Лемминкяйнен (63—194).— Мать Лемминкяйнена с длинными граблями в руках отправляется к водопаду Туони, разгребает воду, пока не находит всех частей тела своего сына, соединяет эти части и при помощи заклинания и мазей возвращает Лемминкяйнена к жизни (195—554).— Придя в сознание, Лемминкяйнен рассказывает, как он был убит на реке Туони, и возвращается с матерью домой (555—650)

В доме Ахти мать-старушка
Думу думает о сыне:
«Где теперь мой Лемминкяйнен,
Где мой Кауко пропадает?
Не слыхать, чтоб он вернулся,
Чтоб с дороги воротился».
И не знала мать, бедняжка,
И не ведала, родная,
Где сынок ее остался,
Плоть и кровь ее где были:
На горе ли он сосновой,
В тихой местности пустынной,
На хребте ль морей шумящих,
В вечно пенистом теченье,
Иль в боях проводит время
Средь жестокого сраженья,
Весь в крови он по колени,
По колени окровавлен.
Кюлликки, жена-красотка,
Во все стороны смотрела
В Лемминкяйнена жилище,
Во владенье Каукомъели;
Смотрит вечером на щетку,
На нее же смотрит утром.
И случилося однажды,
Рано, в утреннее время,
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки.

Кюлликки, жена-красотка,
Говорит слова такие:
«Сгибнул мой прекрасный Кауко,
Каукомъели мой погибнул
На тропиночке безлюдной,
На неведомой дороге:
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки».
Каукомъели мать тотчас же
Смотрит пристально на щетку,
Начинает горько плакать:
«Горе матери несчастной,
Время горькое настало!
Вот уж милый мой сыночек,
Дитятко мое родное,
До плохого часа дожил!
Знать, несчастье с юным вышло,
Знать, беда случилась с Кауко:
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки!»
Забрала подол свой в руки,
Захватила в руки платье,
Быстро мчится по дороге,
Изо всей стремится силы:
От шагов трясутся горы,
Возвышаются долины,
Опускаются высоты
И наверх всплывают глуби.
К Похъёлы домам подходи
Расспросила там о сыне
И слова такие молвит:
«О ты, Похъёлы хозяйка!
Ты куда послала сына,
Лемминкяйнена младого?»
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Так ответила старушке:
«Ничего о том не знаю,
Где твой сын запропастился;
Жеребца ему дала я,
Огневую лошадь в сани;
Может, в проруби погиб он,
Иль замерз на льдистом море,
Или волку в пасть попался,
Иль попал медведю в глотку?»

Лемминкяйнена старушка
Говорит: «Ты явно лжешь мне!
Род наш волки не погубят,
И медведь не тронет Ахти:
Он волков кидает пальцем,
Медведей руками валит.
Если не ответишь правду —
Ты куда девала Ахти,
Я сломаю дверь овина,
Двери Сампо я обрушу».
Молвит Похъёлы хозяйка:
«Я досыта накормила
И дала ему напиться,
Угостила всем по горло;
Посадила мужа в лодку,
Чтоб спустился по порогам,
Но я все-таки не знаю,
Где пропал твой сын несчастный.
Может, в пене водопада,
Средь крутящейся пучины».
Лемминкяйнена старушка
Говорит: «Ты явно лжешь мне!
Ты скажи открыто правду,
Положи конец неправде.
Ты куда девала Ахти,
Где сейчас мой калевалец,
Иль тебя постигнет гибель,
Тотчас смерть тебя похитит!»
Молвит Похъёлы хозяйка:
«Ну, теперь скажу я правду:
Был он послан мной за лосем,
Чтобы гордого поймал он,
А потом за жеребенком,
Чтоб, взнуздав, его запряг бы,
И за лебедем позднее,
Чтоб поймал святую птицу,
Но я все-таки не знаю,
Может, с ним несчастье было
Или так он задержался,
Не слыхать, чтоб он вернулся
За невестою своею,
За моею милой дочкой».
Мать все ищет, где исчез он,
Все боится, что пропал он;

Точно волк, бежит болотом,
Как медведь, в чащобе рыщет,
По воде плывет, как выдра,
Барсуком бежит по полю,
Точно еж, бежит по мысу
И по берегу, как заяц.
Камни в сторону бросает
И стволы деревьев валит,
Хворост в сторону швыряет,
Гать мостит через болота.
Долго сгинувшего ищет,
Долго ищет — не находит,
У деревьев вопрошает
О своем пропавшем сыне.
И сосна ей так сказала,
Дуб ответил неохотно:
«О себе моя забота,—
О твоем ли думать сыне?
Выпал жребий мне жестокий,
И несчастья одолели:
Из меня ведь колья тешут,
Из меня дубинки режут,
На дрова меня изводят,
Рубят, валят на пожоге».
Долго сгинувшего ищет,
Долго ищет, не находит.
Ей встречается дорога;
У нее она спросила:
«Богом данная дорога,
Не видала ль ты сыночка,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый?»
И разумно говорит ей,
Отвечает ей дорога:
«О себе заботы много,—
О твоем ли думать сыне?
Выпал жребий мне жестокий
И несчастья одолели:
То бегут по мне собаки,
То промчатся верховые,
То ногами сильно топчут,
Прижимают каблуками».
Долго сгинувшего ищет,
Долго ищет, не находит.

Шел над ней по небу месяц;
И она ему взмолилась:
«Богом данный месяц ясный!
Не видал ли ты сыночка,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый?»
Сотворенный богом месяц
Ей разумно отвечает:
«О себе моя забота,—
О твоем ли думать сыне?
Выпал жребий мне жестокий
И несчастья одолели:
Я один блуждаю ночью
И свечу в мороз жестокий:
Я один зимой на страже,
А на лето пропадаю».
Долго сгинувшего ищет,
Долго ищет, не находит,
Солнце ей идет навстречу,
И она ему взмолилась:
«Богом созданное солнце,
Не видало ль ты сыночка,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый?»
Солнце ведало про это,
И в ответ оно сказало:
«Твой сынок уже скончался,
Он уже погиб, несчастный,
В сумрачном потоке Туони,
В Маналы глубоких водах.
В водопад его столкнули
И с порога по порогу
В темные глубины Туони,
В недра Маналы спустили».
Лемминкяйнена старушка
Зарыдала о потере,
К кузнецу пошла, сказала:
«О кователь Ильмаринен!
Ты ковал вчера и раньше,
Поковать прошу сегодня!
Выкуй грабли с ручкой медной,
Зубья сделай из железа,
Чтоб они в сто сажен были
И в пять раз длиннее ручка».

И на просьбу Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Ручку медную кует ей,
Зубья стал ковать для грабель,
Чтоб они в сто сажен были
И в пять раз длиннее ручка.
Лемминкяйнена старушка
Эти грабли захватила,
Быстро к Туонеле спустилась,
Так упрашивает солнце:
«Богом созданное солнце,
Самому творцу ты светишь!
Посвети разок сильнее,
И в другой, чтоб пар поднялся,
В третий раз как можно жарче:
Усыпи ты злое племя,
Маналы ослабь людей ты,
Туонелы ослабь ты царство!»
Богом созданное солнце,
Божье чадо дорогое
На дупло березы село,
На изгиб ольхи нагнулось,
Засветило раз сильнее,
И в другой, чтоб пар поднялся.
В третий раз как можно жарче:
Усыпило злое племя,
Маналу лишило силы,
Всех там юношей с мечами,
Стариков, с дубьем сидящих,
Средний возраст — копьеносцев.
И парит, летя оттуда,
К небу ровному взлетая
На насиженное место,
На старинное местечко.
Лемминкяйнена старушка
Грабли с зубьями хватает,
Загребает, ищет сына
В многошумном водопаде,
Средь бурливого потока —
Загребает, не находит.
Вот она цепляет глубже:
И сама вступила в воду,
По подвязку стала в волны
И до пояса в теченье.

Загребает по потоку,
По теченью ищет сына,
А потом идет напротив —
Раз проходит и другой раз:
Ловит там рубашку сына,
Ловит с тяжкою печалью;
Вновь рекой она проходит:
Тащит шапку и чулочки,
Те чулки печально тащит,
Тащит шапку с болью в сердце.
Вновь она ступает глубже.
В глуби Маналы ступила.
По длипе проводит грабли,
Поперек ведет в другой раз,
В третий наискось проводит.
Наконец, при третьем разе,
Сноп огромный захватила
На зубцы железных грабель.
Но не сноп она схватила:
Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
На зубцах из вод приподнят,
За ногу одну захвачен,
За один лишь малый пальчик.
Показался Лемминкяйнен,
Тот веселый калевалец,
На богатых медью граблях,
На волнах прозрачных моря;
Но кусков недоставало:
Головы куска с рукою
И других частей некрупных,—
Не хватало также жизни.
Мать-старуха стала думать
И в слезах сказала слово:
«Иль из них не выйдет мужа,
Их не хватит на героя?»

Ворон те слова услышал
И в ответ сказал ей слово:
«Кто исчез, не станет мужем,
Кто погиб, тот жить не будет:
Ведь сиги глаза пожрали,
Ведь объели плечи щуки,

Брось его в поток скорее,
В реку Туонелы обратно:
Пусть он там трескою станет,
Пусть в кита он обратится».
Лемминкяйнена старушка
Не бросает сына в воду,
Снова грабли опускает,
Снова медными проводит
По длине реки подземной,
По длине и поперечно:
Головы кусок и руку,
И спинных костей частицы,
Кости бедренной кусочки
И другие ловит части.
Составляет тело сына,
Лемминкяйнена младого.
Мясо к мясу прилагает,
Примеряет верно кости,
Член привязывает к члену
И сжимает сильно жилы.
Крепко связывает жилы,
Вяжет их концы друг с другом,
Нити жил она считает,
Приговаривает этак:
«Ты красотка, жил хозяйка,
Суонетар, ты жил богиня,
Ты прядешь прекрасно жилы,
Пряха с стройным веретенцем,
С медным остовом у прялки,
С колесом ее железным!
О, приди, прошу тебя я,
Принеси, я умоляю,
Связку жил своей рукою,
Связку кож в подоле платья,
Чтоб связать покрепче жилы,
Их концы скрепить покрепче
На открытых страшных ранах,
Что, отверстые, зияют!
Если ж этого не хватит,
Есть на воздухе высоком
Дева в крытой медью лодке,
В челноке с кормою красной,
Опустись с него, девица,
С середины неба, дева!

Проплыви по этим жилам,
Проплыви по членам, дева,
По пустым костям поплавай
И по щелям в этих членах!
Положи на место жилы,
Где они лежали прежде:
Ты зашьешь большие жилы
И пробудишь в них биенье,
Перевяжешь сухожилья,
Свяжешь маленькие жилы!
Ты возьмешь иглу помельче,
Нитку шелковую вденешь!
Будешь шить иголкой мягкой,
Будешь штопать оловянной,
Жил концы иголкой стянешь,
Ниткой шелковою свяжешь!
Если ж этого не хватит,
Сам приди, земли создатель,
Запряги коней летучих,
Бегунов своих ретивых!
Проезжай на пестрых санках
По костям, по этим членам,
По трепещущему мясу,
Проезжай по жилам шумно!
Привяжи к костям ты мясо,
Привяжи ты жилу к жиле,
Серебро клади на связки,
Золото на раны в жилах!
Там же, где распалась кожа,
Дай расти ты новой коже;
Где разорванные жилы,
Там ты связывай покрепче.
Где ж пропало много крови,
Там налей ты крови новой;
Где разбиты были кости,
Там пусть сызнова срастутся.
Где растерзанное мясо,
Там свяжи его покрепче,
Положи его на место,
Где оно лежало прежде:
К кости кость и мясо к мясу,
Прикрепи ты члены к членам!»
Собирает мать сыночка,
Мужа, славного героя,

Чтоб он зажил, как и прежде,
В том же виде, как и был он.
Вот и скреплены все жилы,
Крепко связаны концами;
Но ни звука не издал он, —
Говорить сынок не может.
Мать тогда слова такие
И такие речи молвит:
«Где теперь возьму я мази,
Где возьму медовых капель,
Чтобы слабого помазать,
Чтоб несчастного поправить,
Чтоб он мог промолвить слово,
Чтоб уста открыл для песен?
Птичка меда, божья пчелка,
Ты, лесных цветов царица!
Принеси пойди ты меду,
Принеси ты сот медовых
К нам из Метсолы душистой,
Тапиолы благовонной,
Взяв из чашечек цветочных,
Из травинок ароматных,
Чтоб могла унять я боли,
Утолить страданья сына!»
Пчелка, быстренькая птичка,
Полетела, запорхала,
К Метсоле спешит душистой,
К Тапиоле благовонной.
На лугах сосет цветочки,
Языком медок сварила
Из концов цветочков этих,
Из ста злаков, там цветущих,
И жужжа летит обратно,
Прилетает быстро с шумом;
Крылья полны сладким медом,
Соты сладкие на перьях.
Лемминкяйнена старушка
Принимает мазь от пчелки,
Лечит мазью горемыку,
Неудачника врачует:
Все же мазь не помогает,
Сын не может молвить слова.
Мать тогда у пчелки просит:
«Пчелка, милая ты птичка!

Ты лети в другие страны,—
За девятое за море,
Опустись на остров в море,
На медовые поляны,
К Тури в новый дом лети ты,
К Палвойнену в дом без кровли!
Там медок есть благодатный,
Чудодейственные мази
Жилы накрепко скрепляют,
Все другие члены лечат.
Принеси мне этой мази,
Принеси мне средств целебных,
Чтоб беду поправить эту
И несчастье уничтожить!»
   Пчелка, легкий человечек,
Вновь обратно упорхнула,
За девятым морем мчится,
Пол десятого промчалась.
День летит, летит другой день
Так летит она и третий,
В камышах не отдыхая,
Не садяся на листочки,
Мчится к острову на море,
На медовые поляны,
К водопаду огневому
И к святой речной пучине.
Там был мед уже готовый,
Приготовленные мази
В малых глиняных сосудах
И в котлах прекрасных этих.
Все длиною только в палец,
Шириною в кончик пальца.
   Пчелка, быстрый человечек,
Собрала прилежно мази.
Мало времени проходит,
Протекло одно мгновенье:
Уж летит, жужжа, обратно
И спешит, как только может,
Семь на спинке чашек держит;
Шесть приносит чашек в лапках,
Все полны хорошей мазью
И целебным сильным средством.
   Лемминкяйнена старушка
Мажет сына этой мазью;

Девять мазей приложила,
Восемь разных средств целебных:
Не приносят средства пользы,
Ничего не могут сделать.
Мать тогда слова такие
И такие речи молвит:
«Пчелка, воздуха летунья!
В третий раз уж полети ты
На небесные высоты,
За девятое за небо!
Там найдешь ты много меду,
Сыщешь меду сколько хочешь:
Только бог — его хозяин,
Только сам употребляет,
Им детей своих он мажет
От недобрых сил болезни.
Обмакни в медок ты крылья,
Перья легонькие в сладость,
Соты вынеси на крыльях,
Принеси на спинке меду,
Чтоб утихли эти боли,
Уничтожилось страданье!»

Пчелка, умненькая птичка,
Говорит слова такие:
«Как же мне туда добраться,
Я ведь слабый человечек!»
«Полетишь отсюда славно,
Зажужжишь вверху прекрасно:
Выше месяца под солнцем,
Между дивных звезд небесных.
В первый день там пролетая,
Ты виски луны заденешь,
На другой день подлетишь ты
Под Медведицы лопатку,
А на третий вознесешься
Над спиною семизвездья.
Тут уж не долга дорога,
Путь останется не долог
И до божьего сиденья,
До убежища святого».
Поднялась на воздух пчелка,
Поднялась на крыльях с дерна;
Опахалом нежным машет,

Вверх летит на быстрых крыльях.
Над двором луны взлетает,
Край затронула у солнца
И Медведицы лопатку,
Семи звезд задела спину,
Полетела в погреб к богу,
К всемогущему в чуланы.
Там готовилося средство,
Там вываривались мази,
Там в серебряных кувшинах,
В золотых котлах богатых
Посредине мед варился,
По бокам помягче мази;
Мед готовился на солнце,
По ночам варились мази.
   Пчелка, воздуха летунья,
Много меду набирает,
Также сот как можно больше.
Мало времени проходит:
Уж жужжит она обратно,
Уж назад слетает с шумом;
Сто рожков приносит в лапках,
Тысячу сосудов разных,
Полных медом и водою,
Полных мазей чудодейных.
   Лемминкяйнена старушка
В рот берет поспешно мази,
На язык берет отведать,
Оценить желает строго:
«Это мазь, какой ждала я;
Вот таинственное средство;
Им сам бог великий мажет,
Утоляет боль создатель».

   Мазью сына натирает,
Несчастливца ею лечит:
Мажет кости по расщепам,
Члены мажет по разрезам,
Мажет сверху, мажет снизу,
Мажет также в середине.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Пробудись от сна, сыночек,
Ты оставь свою дремоту

В этом месте бед ужасных,
В этом тяжком положенье!»
Сын от сна освободился,
Пробудился от дремоты.
Мог теперь сказать он слово,
Языком он так промолвил:
«Долго ж спал я на свободе,
Продремал, ленивый, долго!
Ну, и выспался ж чудесно,
Погруженный в сон глубокий».
Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:
«Ты проспал бы много больше,
Пролежал бы ты и дольше
Здесь без матери, несчастный,—
Без меня, тебя носившей.
Но скажи, сынок мой бедный,
Дай из уст твоих услышать:
Кем ты в царство Маны послан,
В реку Туонелы опущен?»
Молвил юный Лемминкяйнен,
Так он матери ответил:
«Пастушишка в мокрой шапке,
Дед слепой страны дремотной —
В Маналу меня отправил,
В реку Туонелы столкнул он.
Из воды змею он вынул,
Из волны гадюку поднял
И усталого пронзил он;
Я не знал, что с раной сделать,
Как лечить укус гадюки,
Как сказать от змей заклятье».
Лемминкяйнена мать молвит:
«Ох ты, муж недальновидный!
Шел ты против чародеев,
Ты хотел заклясть лапландцев,
А не ведал язв змеиных,
Укушенья злой гадюки!
От воды змеи начало:
Родилась она в потоке
Из мозгов хороших утки,
Из мозгов приморской чайки,
От слюны злой Сюэтар,
Что бросала слюни в воду;

Волны слюни растянули,
Осветило солнце слюни;
На воде качал их ветер,
Колыхало дуновенье,—
Погнало с воды на берег
И отбросило прибоем».
   Вот качает мать сыночка,
Лемминкяйнена усердно,
Возвращает к прежней жизни,
Чтоб он стал таким, как прежде,
Чтоб он лучше стал, чем прежде,
И еще красивей стал бы.
И тогда спросила сына,
Что еще сыночку надо?
   Отвечает Лемминкяйнен:
«Мне еще бы много надо:
Там живет мое сердечко,
Там мои хранятся думы,
Среди Похъёлы красоток,
У прекраснокудрой девы.
Слушать старая не хочет,
Не отдаст она мне дочки,
Если лебедя речного,
Если птицу не поймаю
В черном Туонелы потоке,
Из святой речной пучины».
   Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:
«Пусть плывет тот лебедь с миром,
Пусть живут в покое утки
В черном Туонелы потоке,
В той святой речной пучине!
Ты иди к родным пределам
Вместе с матерью печальной!
Ты судьбу благодарил бы,
Восхвалил бы лучше бога,
Что послал благую помощь,
Что вернул тебе дыханье,
Что из Маналы он вывел,
Что из Туонелы вернул он.
Ничего б я не достигла,
Малой доли не свершила
Без божественной подмоги,
Без помощника благого».

Встал веселый Лемминкяйнен,
И пошел он прямо к дому
Вместе с матерью любимой,
Вместе с нею, престарелой.
Но оставлю здесь я Кауко,
Лемминкяйнена младого,
Изменю теченье песни,
Обращу слова напева
Я теперь к другим предметам,
Поведу другой дорогой.

РУНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вяйнямёйнен посылает Сампсу Пеллервойнена за деревом для лодки, заклинаниями делает из дерева лодку, но не находит для ее окончания трех слов (1—118).— Не найдя нигде слов, он отправляется в Туони, где его задерживают (119—362).— Вяйнямёйнен благодаря своему могуществу освобождается; вернувшись, предупреждает свой народ, чтобы никто не ходил в Туони по собственному желанию, и рассказывает, как тяжело и ужасно живут там люди, бывшие при жизни злыми (363—412)

Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Лодку вытесать задумал.
Хлопотал он сделать шлюпку
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке:
Только не было деревьев
И досок недоставало.
Кто же дерева достанет,
Кто стволы дубов доставит
Вяйнямёйнену для лодки,
Чтобы дно у лодки сделать?
Это Сампса, мальчик малый,
Пеллервойнен, сын поляны.
Он найдет ему деревьев,
Он стволы дубов доставит
Вяйнямёйнену для лодки,
Чтобы дно у лодки сделать.
Вот пошел он по дороге
На восточные поляны,

Подошел к горе, к другой он,
Подошел к горе и третьей:
Золотой топор он держит
С рукояткою из меди.
Тут осина повстречалась
Вышиною в три сажени.
   Он хотел срубить осину,
Топором ее низринуть,
Но осина молвит слово,
Говорит ему поспешно:
«От меня чего ты хочешь,
Получить ты что желаешь?»
   Молвит Сампса Пеллервойнен,
Отвечает он осине:
«Вот, осина, что мне нужно,
Вот чего я здесь желаю:
Я ищу досок для лодки,
Для челна певцу деревьев».
   Удивительно сказала
Стоветвистая осина:
«Потечет, утонет лодка,
Если будет из осины.
Пустотою ствол мой полон:
Ведь уж трижды в это лето
Червь протачивал мне сердце,
У корней моих ложился».
   Слышит Сампса Пеллервойнен
И идет своей дорогой.
Он идет спокойным шагом
Прямо к северным полянам.
   Встретил он сосну дорогой:
Вышиной она в шесть сажен.
Топором сосну ударил.
Стукнул он сосну киркою,
Говорит слова такие:
«Будешь ли, сосна, пригодна
Вяйнямёйнену для лодки,
Будешь ли хорошим судном?»
   И сосна так отвечает,
Громким голосом так молвит:
«Из меня челнок не выйдет,
Шестиреберная лодка.
Я испорчена давно уж:
Ведь ворона в это лето

Трижды каркала, лихая,
Каркала, на ветках сидя».
Слышит Сампса Пеллервойнен,
И пошел блуждать он дальше.
Он пошел спокойным шагом.
Вышел к области на юге:
Дуб дорогой повстречался,
Девять сажен дуб в обхвате.
Вопрошает он у дуба:
«Ты, мать-дерево, быть может,
Годно на постройку судна,
На помост военной лодки?»
Дуб разумно отвечает,
И в ответ он молвит слово:
«Дерева во мне довольно,
Чтобы сделать киль у лодки.
Статен я, без недостатков,
Пустоты внутри не знаю:
Ведь уж трижды в это лето,
В самый жаркий промежуток,
В грудь ко мне сходило солнце
И сиял в вершине месяц,
На ветвях кукушка пела,
Наверху сидели птички».
Слышит Сампса Пеллервойнен
И топор с плеча снимает,
Ударяет он по дубу,
Лезвием он рубит острым,
Скоро дерево он сносит,
Стройный дуб на землю валит.
Отрубил его вершину,
Разрубает ствол древесный
И для дна полоски рубит:
Нарубил досок без счету
На челнок певцу прекрасный,
Вяйнямёйнену на лодку.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Строит лодку заклинаньем;
Он челнок сбивает пеньем
Из кусков большого дуба,
Из частей его древесных.
Песню спел — и дно готово,
Спел еще — бока построил,

Третью песню спел — и сделал
Все уключины для весел,
Укрепил концы у ребер
И сплотил их сторонами.
Были сплочены уж ребра,
Были связаны друг с другом —
Трех словечек не хватило,
Чтоб устроить в лодке рейки,
Чтоб на киле брус окончить,
Чтоб скорее борт приделать.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Говорит слова такие:
«Вот настали дни несчастья!
Не спустить челна на море,
Новой лодочки на волны».
Он подумал и размыслил,
Где найти ему три слова,
Получить те заклинанья:
Не в мозгах ли у касаток,
Не в мозгах ли лебединых,
Не в гусиных ли лопатках?
Он пошел искать три слова.
Лебедей убил он кучу
И гусей большое стадо,
Много ласточек убил он,
Но найти не может слова,
Не нашел он и полслова.
Он подумал и размыслил:
Не найдется ль сто словечек
В зеве летнего оленя
Иль во рту у белой белки?
Он пошел искать три слова,
Он пошел ловить заклятья;
Перебил табун оленей,
Настрелял он кучу белок,
Много разных слов находит,
Но помочь они не могут.
Он подумал и размыслил:
«Сотню слов найду наверно
Я у Туонелы в жилище,
В царстве Маналы подземном».
Он пошел, чтоб взять три слова
В царстве Маналы подземном.

Шел он быстрыми шагами,
Шел неделю чрез кустарник,
Через заросли — другую,
Можжевельником шел третью;
Остров Маналы он видит,
Туонелы он холм заметил.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Громким голосом воскликнул
Там, у Туонелы потока,
Маналы у вод глубоких:
«Дочка Туони, дай мне лодку,
Дай паром мне, дочка Маны,
Чтобы реку перейти мне,
Чрез пролив туда добраться».
Туони дочка-невеличка,
Небольшая дева Маны,
На реке стирала платье
И белье там полоскала
Туонелы на черной речке,
Маналы у вод глубоких,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Пригоню сюда я лодку,
Если скажешь ты причину,
По какой пришел к нам в царство,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И ничем не умерщвленный».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Туони сам меня доставил,
Притащил со света Мана».
Туони дочка-невеличка,
Небольшая дева Маны,
Говорит слова такие:
«Болтуна вот я и вижу!
Если бы доставил Туони,
Притащил со света Мана,
Туони сам тебя принес бы,
Сам тебя тащил бы Мана.
Туони дал тебе бы шапку,
Дал бы Мана рукавицы.
Молви правду, Вяйнямёйнен:
В Маналу зачем пришел ты?»

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Привело меня железо,
Сталь к вам в Туонелу толкнула».
Туони дочка-невеличка,
Небольшая дочка Маны,
Говорит слова такие:
«Болтуна узнала скоро!
Привело б тебя железо,
Сталь бы в Туонелу толкнула,
То текла бы кровь по платью,
Шумно б красная струилась.
Молви правду, Вяйнямёйнен,
Хоть теперь ее скажи мне».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«В Маналу вода пригнала,
В Туонелу волна примчала».
Туони дочка-невеличка,
Небольшая дева Маны,
Говорит слова такие:
«Вот опять лгуна я слышу!
Коль вода пригнала к Мане,
К Туонеле волна примчала,
То текла б вода по платью,
По одежде бы струилась.
Ты скажи открыто правду:
В Маналу зачем пришел ты?»
Снова старец Вяйнямёйнен
Деве той солгать решился:
«Сам огонь меня доставил,
С ним я в Маналу спустился».
Туони дочка-невеличка,
Небольшая дева Маны,
Говорит слова такие:
«Ложь твою я вижу ясно:
Коль огонь привел бы к Мане,
Коль тебя пригнало пламя,
Спалены бы были кудри,
Борода бы опалилась.
О ты, старый Вяйнямёйнен,
Коль отсюда хочешь лодку,
Должен ты сказать всю правду,

Положить конец неправде:
В Маналу зачем пришел ты,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И ничем не умерщвленный?»
  Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Я солгал тебе немножко,
Не сказал тебе я правды.
Ну, теперь скажу наверно.
Я заклятьем сделал лодку,
Я челнок построил пеньем;
Пел я день и пел другой день,
Но на третий день сломал я
Санки дивного заклятья.
Я сломал полозья пенья,
В Маналу сюда спустился,
Чтобы взять себе буравчик,
Починить для песен санки,
Санки заново исправить.
Ну, теперь пошли мне лодку,
Твой паром пришли оттуда,
Чтоб я мог туда проехать,
Чрез пролив туда добраться!»
Дочка Туонелы бранится,
Дочка Маны разозлилась:
«О ты, глупый, сумасшедший,
Человек с рассудком слабым!
Без причины, без болезни
К Туони ты сюда спустился.
Шел бы лучше ты обратно,
Шел бы в собственную землю:
Многие сюда приходят,
Но немногие уходят».
  Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Сомневаются пусть бабы,
А не муж, пусть самый слабый,
Не герой, пусть и поплоше!
Дочка Туонелы, дай лодку,
Дай паром мне, дочка Маны».
  Дочка Маны едет в лодке,
Вяйнямёйнена седого
Чрез пролив переправляет,
Перевозит через реку,

Говорит слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
К Туони ты живой спустился,
Не умерший — в царство Маны!»
Вот и Туонелы хозяйка,
Старица жилища Маны,
Принесла в сосуде пиво,
Держит кружку за две ручки,
Говорит слова такие:
«Выпей, старый Вяйнямёйнен!»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Осмотрел пивную кружку:
Там внутри кричат лягушки,
По краям лежат там черви.
Молвил он слова такие:
«Не затем сюда пришел я,
Чтоб у Маны пить из кружки,
Пить у Туони из сосуда.
Кто пьет пиво, тот пьянеет:
Кто пьянеет, часто гибнет».
Молвит Туонелы хозяйка:
«Слушай, старый Вяйнямёйнен!
В Маналу зачем пришел ты,
В царство Маны, в царство мрака,
Прежде чем тебя позвал он,
Чем потребовал он, Мана?»
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Я себе там строил лодку,
Я челнок готовил новый;
Было нужно мне три слова,
Чтоб скрепить концы плотнее,
Чтоб покрыть корму у лодки.
Не нашел я трех словечек,
Не достал я их на свете.
Вот и в Туонелу собрался,
Вот и в Маналу пошел я,
Чтоб достать себе три слова,
Чтобы выучить заклятье».
Молвит Туонелы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Туони слов тебе не скажет,
Мана мощью не наделит,
Ты отсюда уж не можешь
Никогда в теченье жизни,

В дом родной к себе вернуться,
Выйти в собственную землю».
В сон героя погружает,
Отдыхать кладет пришельца
На постели мягкой Туони.
Там лежит герой в дремоте,
В сон глубокий погруженный,
Лишь не спит одежда мужа.
Там была одна старуха
С острой челюстью отвислой,
Пряха ниток из железа,
Отливала нить из меди:
Сто сетей она напряла,
Сеток тысячи связала
Как-то ночью, теплым летом,
Где-то там, в воде на камне.
В Туонеле один был старец,
У него три пальца были;
Из железа плел он сети,
Сети медные готовил:
Сто сетей наплел он, старый,
Сеток тысячу окончил
Той же ночью, теплым летом,
Там, в воде на том же камне.
Был там сын у Маны: пальцы —
Это крючья из железа;
Сто сетей он расставляет
В черном Туонелы проливе,
Поперек и вдоль их ставит,
Ставит наискось те сети,
Чтоб не вышел Вяйнямёйнен,
Чтоб не выскользнул друг моря
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц
Из жилищ подземных Туони,
Из селений Маны мрачных.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Не пришла ль ко мне погибель,
Не обрушились ли беды
Здесь, в жилищах Туони черных,
В этом мрачном царстве Маны?»
Быстро облик свой меняет,
В новом облике явился:

Черный, он стремится в море,
Как камыш, идет в трясину.
Он ползет, как червь железный,
И скользит змеею черной
Через Туонелы потоки,
Через сто сетей у Маны.
  Туони сын тут поднял пальцы,
Эти крючья из железа,
Вышел в утреннее время,
Посмотреть пошел он сети.
Там нашел форелей сотню,
Рыбок тысячу помельче,
Не нашел он только Вяйнё,
Не нашел он друга моря.
  Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут из Туонелы выходит,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Никогда, о бог мой добрый,
Никому не дозволяй ты
Своевольно быть у Маны,
К Туони в царство опускаться.
Многие туда приходят,
Но немногие уходят
Из жилищ подземных Туони,
Из селений Маны мрачной».
  Дальше так он молвил слово,
Так сказал он молодежи,
Что теперь лишь подрастает,
Молодому поколенью:
«Никогда, сыны земные,
Никогда в теченье жизни
Не обидьте невиновных,
Зла не делайте невинным,
Чтоб не видеть вам возмездья
В сумрачных жилищах Туони!
Там одним виновным место,
Там одним порочным ложе:
Под горячими камнями,
Под пылающим утесом
И под сотканным покровом
Из червей и змей подземных».

РУНА СЕМНАДЦАТАЯ

Вяйнямёйнен отправляется за словами к Антеро Випунену и будит Випунена от длительного сна под землей (1—98).— Випунен проглатывает Вяйнямёйнена, и, находясь в его чреве, Вяйнямёйнен начинает сильно его беспокоить (99—146).— Випунен пытается при помощи чисел, заклинаний и угроз отделаться от Вяйнямёйнена, но тот, в свою очередь, грозит ему не выйти до тех пор, пока не узнает от Випунена трех слов, необходимых ему для постройки лодки (147—526).— Випунен открывает Вяйнямёйнену всю свою мудрость, и тот, наконец, вырывается из его чрева, возвращается домой и заканчивает изготовление лодки (527—628)

Старый, верный Вяйнямёйнен
Не принес три нужных слова,—
В Туонеле их не добыл он
И в жилищах Маны мрачных.
Он своим умом раскинул,
Рассуждает сам с собою:
Где б найти три эти слова,
Где б добыть те заклинанья?
Шел пастух ему навстречу
Говорит слова такие:
«Слов найти ты можешь сотню.
Песен тысячу узнаешь:
Випунен тебе их скажет,
Их найдешь в его утробе.
К Випунену есть дорога,
К тем местам идет тропинка.
Не из лучших та дорога,
Не совсем она из худших:
Часть пути пройти ты должен
По концам иголок женских;
А другую часть пройдешь ты
По концам мечей железных;
Третью часть пройти придется
По секирам заостренным».
Старый верный Вяйнямёйнен
Поразмыслил о дороге,
К кузнецу пошел, к горнилу,
Говорит слова такие:
«О кователь Ильмаринен,
Выкуй обувь мне из стали,

Сапоги сбей из железа
Да железную рубашку;
Сделай мне рычаг железный,
Из хорошей стали ворот,
Ты его из стали сделай,
Обтяни вокруг железом.
Я хочу достать три слова
И добыть себе заклятий:
Випунен их мне откроет,
Их в его найду утробе».
   Тут кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Випунен давно уж умер,
Антеро давно скончался,
Уж силков давно не ставит
И сетей не расставляет.
У него ты не узнаешь,
Не найдешь ни полсловечка».
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Все ж уходит, как задумал.
В первый день проходит быстро
По концам иголок женских,
На другой с трудом проходит
По концам мечей героев
И идет, качаясь, в третий
По секирам заостренным.
   Випунен, старик могучий,
Заклинатель-песнопевец,
Лежа врос в сырую землю
И с заклятьями, и с пеньем;
На плечах росла осина,
На висках росла береза,
С бороды свисали ивы,
И ольха на подбородке,
Изо лба тянулись ели,
Меж зубов качались сосны.
   Вот подходит Вяйнямёйнен,
Меч железный обнажает.
Из ножон, из кожи тащит,
С пояса его снимает;
На плечах осину рубит,
На висках березу валит,
Ольхи валит с подбородка,
В бороде он рубит ивы,

Он со лба сбивает ели
И с зубов срубает сосны.
Кол железный он втыкает
Випунену в рот огромный,
В отвратительные десны,
Чрез скрежещущую челюсть.
Говорит слова такие:
«Встань, служитель человека,
Под землей лежащий праздно,
В сон глубокий погруженный!»
Випунен, певец заклятий,
Оставляет сон глубокий;
Он удар жестокий чует,
Ощущает он страданье:
Кол железный прикусил он,
Сверху мягкое железо;
Но прогрызть не может стали,
Прокусить нутро железа.
Старый, верный Вяйнямёйнен
На губе его споткнулся,
Поскользнулся незаметно
И скользит ногою левой
К Випунену в рот огромный,
Между скул его костлявых.
Випунен, певец заклятий,
Открывает рот пошире,
Угол рта он расширяет,
Проглотил с мечом героя,
Пропускает через горло
Вяйнямёйнена седого.
Випунен, певец заклятий,
Говорит слова такие:
«Ел я многое на свете —
Я глотал козу с овцою
И нетельную корову,
Кабана глотал, бывало,
Но такого я ни разу
Не отведывал кусочка!»
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Вижу я, пришло мне горе,
Разразилося несчастье
Надо мною в склепе Калмы,
В загородке злого Хийси».

Он подумал и размыслил:
Как тут быть и что же делать?
У него был нож на чреслах,
Из березы рукоятка:
Из нее челнок он сделал,
Лодку выстроил искусно
И поплыл на этой лодке,
По кишкам гребя повсюду,
Он гребет по всем проходам
И с трудом по закоулкам.
Випунен, певец заклятий,
Не был этим растревожен,
И тотчас же Вяйнямёйнен
Приготовился к кованью,—
Начал он ковать железо:
Обратил рубашку в кузню,
Рукава мехами сделал,
Шубу сделал поддувалом,
Из штанов устроил трубы,
Из чулок отверстье печи,
Стал ковать он на колене,
Молотком рука служила.
Он ковал с ужасным шумом,
Колотил с ужасным стуком;
Напролет ковал он ночи,
Днем ковал, не прекращая,
Там, в желудке великана,
В животе у чародея.
Випунен, певец заклятий,
Говорит слова такие:
«Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?
Проглотил я сто героев,
Я до тысячи пожрал их,
Но не ел тебе подобных:
Мне до рта доходит уголь,
К языку мне жар подходит
Раскаленного железа!
Выходи оттуда, изверг,
Убегай скорей, мучитель,
Иль я к матери отправлюсь,
Все скажу твоей старухе!
Если матери скажу я,
Все открою ей, старухе,

Будет мать твоя печальна,
Тяжело старушке будет,
Что затеял сын дурное,
Очень плохо поступает.
Не могу никак понять я,
Не могу никак постигнуть:
Как ты в чреве оказался,
Как попал туда ты, изверг,
Чтоб кусать меня и мучить,
Пожирать и рвать ужасно.
Или ты — болезнь от бога,
Хворость, посланная вышним.
Или мне тебя наслали,
Причинили вред другие,
Иль пришел сюда за плату,
Поместился здесь за деньги?
Если ты — болезнь от бога,
Хворость, посланная вышним,
То себя творцу я вверю,
Воле вышнего отдамся:
Славных бог не оставляет,
Никогда не губит храбрых.
Если ж мне тебя наслали,
Причинили вред другие,
То найду твое начало,
Отыщу происхожденье.
Появилось наважденье
И несчастье от заклятий
Силой круга чародеев,
И певцов весьма искусных,
На седалище злых духов,
На полянах для гаданья,
На равнинах бога смерти,
Изнутри земли явилось.
Из жилищ мужей умерших,
Из домов людей погибших,
Из распухшей вышло почвы,
Из земли, повсюду взрытой,
Из кремней, крутимых ветром,
Из песков, обильных шумом,
Из долин, идущих книзу,
Из болот, лишенных моха,
Из волны, шумящей вечно,
Из оград дубравы Хийси,

Из шести расщелин темных,
Из пяти ущелий горных,
С гор покатых, медью полных,
И с вершин, рудой богатых.
С многошумной серой ели
И с сосны, шумящей сильно,
Из дуплистых старых сосен,
Из гнилого леса елей,
Из дрянной норы лисицы,
Из лесных полян оленей,
Из скалистых нор медведей,
Из пещеры косолапых,
Похъёлы краев туманных,
Из большой страны лапландской,
Из дубрав, где нет побегов,
От равнин, не знавших плуга,
Да с больших полей сраженья,
Где мужи, сражаясь, бьются,
От травы, помятой сильно,
И от крови, что дымится,
С дальнего хребта морского,
С распростершейся равнины,
Из покрытой илом глуби,
Глуби тысячесаженной,
Из шипящего потока,
Из огнем кипящей бездны,
Из больших порогов Рутьи,
Из стремнины водопада,
С половины задней неба,
С облаков далеких, тонких,
Со стези ветров весенних,
С места их отдохновенья.
Ты скажи, оттуда ль вышел,
Ты оттуда ли пробрался
В это сердце, что невинно,
В это чрево, что безгрешно,
Чтоб кусать и рвать нутро мне,
Пожирать, кромсать ужасно?
   Выходи, собака Хийси,
Вылезай, собака Маны,
Выйди, чудище, из чрева,
Из моей печенки, изверг!
Ты не рви мою грудину,
Не тревожь мне селезенку,

Не тряси ты мой желудок,
Не повертывай ты легких,
Не просверливай пупок мой
И моих висков не трогай,
Ты не мучь хребта спинного,
Не раскалывай мне бедер!
   Если я не муж, как должно,
Мужа я пошлю получше,
Чтоб прогнать беду оттуда,
Чтобы чудище извергнуть.
   Жен земли я снизу кликну,
Позову полей хозяев,
Из земли мужей с мечами,
Из песков верхом героев —
Всех на помощь мне я кликну,
На подмогу мне, на пользу,
При моих страданьях тяжких,
При ужаснейших мученьях.
   Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Призову я лес с мужами,
Можжевельник со слугами
И с народом лес еловый,
Озеро с детьми своими,
Сто героев, всех с мечами,
Тысячу мужей железных,
Чтобы дьявола извергнуть,
Раздавить болезнь лихую!
   Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Ты, о мать воды, явися
Из волны в повязке синей,
Из потока в мягком платье,
В чистоте из тины выйди,
Мужу слабому защитой,
Мне, герою, исцеленьем,
Чтоб невинный пожран не был,
Чтоб живой не взят был смертью!
   Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Дочь прекрасная творенья,
Ты, краса, златая дева,
Ты, древнейшая из женщин,
Ты, что мать была всех раньше,

Посмотри на эти боли,
Отврати мое несчастье,
Удали страданья эти
И мучителя извергни.
Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Укко, ты, что в высях неба,
Что сидишь средь туч гремящих,
Ты сойди, тебя прошу я,
Поспеши, я призываю,
Изгони мученье это,
Удали ты наважденье
Огненным мечом разящим
И клинком, дающим искры!
Вылезай отсюда, изверг,
Убегай скорей, мучитель!
Не твое жилище это,
Коль тебе нужна обитель,
Ты ищи другого места,
Обиталища подальше,—
Близ хозяйского жилища,
У дверей твоей хозяйки!
Но когда туда дойдешь ты,
До конца пройдешь дорогу,
К отцу-матери поближе
И к родительскому стаду,
Дай им знак, что ты на месте,
Укажи им, что ты прибыл,
Застучи, как треск громовый,
Заблести, как блещет пламя!
На дворе ударь по двери,
Опусти с окошка доску,
Проскользни во внутрь жилища,
Мчи грозой в покои дома!
Ты за щиколотку крепко,
Ты за икры ухвати их —
Лишь покажется хозяин,
Лишь в дверях хозяйка станет,
У него глаза ты вырви,
У нее разбей ты череп,
Изогни им пальцы в крючья,
Головы согни обоим!
Если ж этого все мало,
Петухом лети наружу

И на двор лети цыпленком.
На навоз садись ты грудью!
Лошадей гони от ясель,
Скот рогатый от корыта,
Чтоб в навоз ушли рогами
И хвостом в земле увязли.
Вырви им глаза из впадин,
Шеи всем перешиби ты!
   Если ж ты — болезнь от ветра,
Им навеяна, надута
Вместе с воздухом весенним,
Послана сюда морозом,
То иди дорогой ветра,
По пути ветров весенних,
Не садяся на деревья,
На ольхе не отдыхая,
Прямо на гору из меди,
К ней на верх, покрытый медью,
Чтоб качал тебя там ветер,
Обвевал тебя там воздух!
   Если ж ты спустился с неба,
С облаков далеких, тонких,
Ты взойди опять на небо,
Поднимись опять на воздух,
В облака, где много капель,
На мерцающие звезды,
Чтоб, как пламя, запылал ты,
Как огонь, чтоб загорелся
На большой дороге солнца,
На дворе луны округлом!
   Если ж ты пришел с потоков,
Пригнан ты сюда водою,
Ты к воде и возвращайся,
Уходи опять в потоки,
К краю крепости укромной,
К водяной горы вершине,
Чтоб тебя качали волны
И потоки колыхали!
   Если ж ты с поляны Калмы,
Из жилищ людей умерших,
Возвратись в места родные,
Опустись в обитель Калмы,
Вниз, в распухший дерн могильный
И в ископанную землю,

Где народы погрузились,
Где лежат большие толпы!
   Если ж ты, глупец, явился
Из лесов дремучих Хийси,
Из углов еловой чащи,
Из жилищ сосновой рощи,
Прогоню тебя, чтоб жил ты
Средь лесов дремучих Хийси,
Средь жилищ сосновой рощи,
Средь углов еловой чащи,
До тех пор там оставайся,
Не сгниет покуда пол там,
Не покроет плесень стены,
Не падет на землю крыша.
   Прогоню тебя, дрянного,
Вышлю чудище отсюда
В норы старого медведя,
В дом медведицы-старухи,
На болотистые долы,
На безгласные болота
И на зыбкие трясины,
На бурливые потоки,
На безрыбные озера,
В воду, где не плещет окунь.
   Не найдешь и там ты места —
Прогоню тебя подальше,
В Похъёлу, страну тумана,
В область дальнюю лапландцев,
На поляны без побегов,
На невспаханную землю,
Где ни солнца, ни луны нет,
Нет совсем дневного света.
Там прожить тебе удобно,
Там летать тебе приятно:
Там висят на ветках лоси,
Благородные олени,
Чтобы голод муж насытил,
Утолил свое желанье.
   Я гоню дрянного дальше,
Заклинаю, прогоняю
К тем порогам, что на Рутье,
На ревущую пучину,
Где потоки рвут деревья,
Ели с корнями срывают,

Со стволом большие сосны,
С головой зеленой ели.
Там поплавай, злой язычник,
В белой пене водопада,
Покрутись в волнах широких,
Поживи в потоках узких!
Если ж там не будет места,
Прогоню тебя оттуда
В реку Туонелы туманной,
В вечные потоки Маны,
Чтоб оттуда ты не вышел
Никогда в теченье жизни,
Коль не дам тебе свободы,
Коль тебя не отпущу я
За девять баранов жирных,
Все ягнят одной овечки,
За девять быков сильнейших,
Все телят одной коровы,
За девять коней прекрасных,
Жеребят одной кобылы.
Лошадей себе попросишь,
Для пути коней захочешь —
Лошадей в дорогу дам я,
Для пути коней доставлю:
Чудный конь живет у Хийси,
На горе он, красногривый,
Изрыгает пастью пламя,—
У ноздрей концы пылают,
Все копыта — из железа,
Ноги сделаны из стали:
Может на горы он прыгать,
Может двигаться в долине,
Если сам седок искусен,
Если всадник полон силы.
Коль и этим недоволен,
Ты возьми у Хийси лыжи,
Из ольхи сапожки Лемпо,
Также палку злого мужа,
Чтоб попал в равнины Хийси,
Чтоб попал ты в рощу Лемпо,
Исчертил поляны Хийси,
Обошел всю землю Лемпо.
Встретишь там, в пути, каменья,—
Расколи их на две части;

По пути ты встретишь ветки,—
Разломай их на кусочки;
По пути героя встретишь,—
Оттолкни его в сторонку,
Ну же, трогайся ты, лишний,
Убегай, дрянной, отсюда,
Прежде чем здесь день начнется,
Прежде чем заря займется,
Прежде чем взойдет здесь солнце,
Прежде чем петух здесь крикнет!
Уходить дрянному время,
Убегать пора дрянному,
Уходить при лунном свете,
Удаляться при сиянье.
Если ж, злой, не убежишь ты,
Не уйдешь, собака, скоро,
То возьму орлиный коготь,
Коготь жаждущего крови;
И возьму клещи для мяса,
Те зубцы, что носит ястреб,
Чтоб сдавить дрянного ими,
Чтобы с извергом покончить,
Голова чтоб не шумела
И душа не волновалась.
Ведь бежал же страшный Лемпо,
Милый матушкин сыночек,
Оттого, что бог помог мне,
Даровал творец мне помощь.
Ты, что матери не знаешь,
Тварь дрянная, убежишь ли,
Без хозяина собака,
Пес, что матери не знает,
Прежде чем упустишь время,
Чем окончит путь свой месяц?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Хорошо мне здесь живется,
Мне приятно здесь остаться.
Вместо хлеба ем я печень,
Жир мне служит для обеда,
Славно легкие варятся,
Сало — пища недурная.
Эту кузницу поглубже
Посажу я в мясо сердца,

Молотком сильнее буду
Колотить в местах опасных,
Чтобы ты в теченье жизни
От меня свободен не был,
Если слов я не услышу
Не узнаю заклинаний,
Если тысячу заклятий
Не запомню здесь хороших.
Не должны слова скрываться,
Не должны таиться притчи,
Не должны зарыться в землю
И по смерти чародеев».
   Випунен, певец заклятий,
Этот старец, полный силы,
На уста выносит песни,
Силой грудь переполняет,
Отпер ящик песнопений —
Отворил ларец заклятий,
Чтобы спеть получше песни,
Наилучших песен выбрать:
О вещей начале первом,
О вещей происхожденье.
Не поют теперь их дети,
Не поют их и герои —
Времена пришли плохие,
Недород, и хлеба мало.
   Пел вещей происхожденье,
По порядку все заклятья,
Как по божьему веленью,
Всемогущему приказу,
Сам собой распался воздух,
Из него вода явилась,
Из воды земля возникла,
Из земли пошли растенья.
   Он пропел, как создан месяц,
Зажжено на небе солнце,
Как столбы ветров воздвиглись,
Как возникли в небе звезды.
   Випунен, певец заклятий,
Много пел с большим уменьем!
Не слыхали, не видали
Никогда в теченье жизни
Никого, кто пел бы лучше,
Кто б сильнее знал заклятья.

Так уста слова и гонят,
Так язык и гонит речи,
Как рысистый жеребенок,
Как скакун, бегущий быстро.
День за днем поет он песни,
Он поет подряд все ночи;
И внимает пенью солнце,
Прекращает бег свой месяц,
Неподвижны в море волны,
Стали все валы в заливе,
Не текут потоки больше,
Замер бурный омут Рутьи,
Стихло Вуоксы волненье,
Иордан остановился.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Как напевы эти понял,
Как наслушался их вдосталь,
Как набрал хороших притчей,—
Порешил скорее выйти
У чудовища из чрева,
Изо рта у великана,
Из груди у чародея.
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«О ты, Випунен! Открой-ка,
Отвори свой рот пошире,
Уст твоих углы побольше,
Чтоб из чрева мог я выйти
И на родину вернуться!»
Випунен, певец заклятий,
Говорит слова такие:
«Пожирал я в жизни много,
Проглотил я много тысяч;
Никогда не ел такого,
Как ты, старый Вяйнямёйнен!
Ты, хитер, сюда забрался,—
Все же лучше, коль уйдешь ты».
Славный Випунен зевает,
Быстро челюсти раздвинул,
Открывает рот пошире
И углы у рта побольше.
Старый, верный Вяйнямёйнен
У него из чрева вышел,
Из утробы великана,
Из нутра у чародея;

Изо рта скользит поспешно,
Выскользает на поляны,
Словно белка золотая,
Златошерстая куница.
Он пошел дорогой дальше,
К кузнецу пришел, к горнилу.
И промолвил Ильмаринен:
«Что ж, узнал ли ты три слова,
Получил ли изреченья,
Чтоб края построить лодки,
Чтоб связать корму покрепче,
Чтоб борты сплотить сильнее?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Так в ответ ему промолвил:
«Ста словам я научился,
Тысячу узнал заклятий,
Вынес скрытые заклятья
И слова из тайной глуби».
К челноку уходит старец,
К месту, где работал мудро;
Скоро лодочку окончил,
По краям связал каемки;
Он корму связал покрепче
И борты сплотил сильнее:
Был готов челнок без стройки,
Лодка выросла без щепок.

РУНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Вяйнямёйнен плывет на своей новой лодке к девице Похъёлы, чтобы посвататься к ней (1—40).— Сестра Ильмаринена видит его и разговаривает с ним с берега, узнает о его намерении и торопится сообщить своему брату о том, что он может потерять заслуженную им в Похъёле невесту (41—266).— Ильмаринен снаряжается и тоже спешит, верхом по побережью, в Похъёлу (267—470).— Хозяйка Похъёлы, увидя женихов, советует своей дочери выйти за Вяйнямёйнена (471—634).— Дочь, однако, обещает выйти за выковавшего Сампо Ильмаринена и отвечает отказом Вяйнямёйнену, который вошел в дом первый (635—706)

Старый, верный Вяйнямёйнен
Пораздумал и размыслил:
Привести пойти девицу,
Деву с славною косою,

Взять из Похъёлы суровой,
Из туманной Сариолы,
Дочку Похъёлы, красотку,
Там, на севере, невесту.
Красной краской красит лодку,
Синюю приделал крышку,
Нос он золотом украсил,
Серебром его отделал,
И потом, прекрасным утром,
Рано, только день начался,
Оттолкнул он лодку в воду,
На теченье челн дощатый,
От катков, коры лишенных,
От еловых бревен круглых.
Мачты крепкие поставил,
Паруса на мачту поднял,
Натянул он парус красный,
Прикрепил и парус синий;
Сам в ладью тогда он сходит,
В этот новенький кораблик,
Чтобы править им по морю,
Бороздить по голубому.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты сойди, всевышний, в лодку,
На корабль ты, милосердный,
В помощь слабому герою,
Мужу малому в подмогу
На пространстве вод широких,
По открытому теченью!
Ты качай челнок мой, ветер,
Ты гони, волна, кораблик,
Чтоб не брать мне в руки весел
И не трогать ими воду
На хребте широком моря,
По открытому теченью!»
Дева Анникки, красотка,
Дочка сумерек и ночи,
Прежде солнышка проснулась,
Рано утром пробудилась
И белье уже колотит,
Платья чисто полоскает
На конце моста, на красном,
На широком переходе,

На мысочке, скрытом мглою,
Там, на мглистом островочке.
Вот вокруг взглянула дева,
В даль, в простор она взглянула,
Посмотрела кверху в небо,
А потом взглянула в море:
В высоте блестело солнце,
А внизу сверкали волны.
   Взоры бросила на море,
Повернулась прямо к солнцу:
В Суомеле, при устье речки,
При впаденье речки Вяйнё,
Что-то на море чернеет,
Что-то синее на волнах.
   Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Что там черное на море,
Что там синее на волнах?
То, быть может, стадо уток
Иль гусей крикливых стадо?
Так лети себе скорее
Вверх, в небесные просторы!
   Или ты — утес лососий,
Иль, быть может, рыбья стая?
Так спустись и плавай глубже,
Уходи ты в глубь потоков!
   Или ты — подводный камень,
Или просто ветка в море?
Пусть тебя укроют волны,
Пусть вода тебя покроет!»
   Но челнок плывет все дальше,
Едет парусный кораблик
Мимо мглистого мысочка,
Мимо острова в тумане.
   Дева Анникки, красотка,
Уж кораблик увидала,
Видит близко челн дощатый,
Говорит слова такие:
«Ты не братнин ли кораблик,
Не челнок ли ты отцовский?
Поезжай в родную землю,
Поверни в страну родную,
К этой пристани стань носом,
А кормой к каткам чужбины.

Если ж ты челнок с чужбины,
То плыви отсюда дальше,
Носом стань к каткам чужбины,
К этой пристани кормою!»
То не с родины челнок был,
Но и не совсем с чужбины:
Подплывал то Вяйнямёйнен,
То челнок певца подъехал.
Очень близко подъезжает,
В разговор вступает старец,
Слово молвит, вслед — другое,
Чтоб сказать получше третье.
Дева Анникки, красотка,
Дочка сумерек и ночи,
Обратившись к лодке, молвит:
«Ты куда же, Вяйнямёйнен,
Ты куда, друг моря, едешь,
Красота страны, стремишься?»
Отвечает Вяйнямёйнен,
Молвит с лодки старец деве:
«Я ловить лососей еду,
Где икру лососи мечут,
В черных Туонелы потоках,
В глубине меж камышами».
Дева Анникки, красотка,
Говорит слова такие:
«Хоть не лгал бы ты так явно!
Разве рыба ныне мечет?
Выезжал отец мой прежде,
Часто ездил седовласый,
Чтоб ловить в потоках семгу,
Привозить домой пеструшек:
И лежали сети в лодке,
Невода в челне бывали,
У сетей веревок много,
По бокам шесты и сети;
На скамьях багры лежали,
У руля большие палки.
Ты куда же, Вяйнямёйнен,
Держишь путь, Увантолайнен?»
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Я гусей ловить поехал
Там, где пестрые играют,
Птиц ловить хочу слюнявых

На Саксонском том проливе,
По открытому теченью».
Дева Анникки, красотка,
Говорит слова такие:
«Знаю тех, кто правду молвит,
И лгуна всегда открою:
Выезжал отец мой прежде,
Часто ездил седовласый,
Чтоб гусей ловить в проливе,
Убивать там красноклювых;
Лук его бывал прилажен,
Он натягивал тетивку;
На цепи собаки были
И привязаны у лука;
Псы по берегу бежали,
Брехуны по острым камням.
Молви правду, Вяйнямёйнен,
Ты куда свой путь направил?»
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ну, а если я поехал
К шуму страшному сраженья,
Где мужи друг с другом бьются,
Где потоком кровь струится,
До колена достигает?»
Молвит Анникки девица
В оловянных украшеньях:
«Знаю, как идут на битву.
Уходил отец мой раньше
В тот великий шум сраженья,
Где мужи друг с другом бьются.
Сто мужей садились к веслам,
С ними тысячи стояли,
По краям висели луки,
По скамьям мечи висели.
Ты скажи-ка лучше правду,
Ты скажи, не прилыгая:
Ты куда, о Вяйнямёйнен,
Держишь путь, Сувантолайнен?»
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ты сойди на лодку, дева,
Ты войди в челнок, девица,
Вот тогда скажу я правду
И скажу, не прилыгая».

Отвечает тут девица
В оловянных украшеньях:
«Ветер пусть сойдет на лодку,
В твой челнок пусть сядет буря!
Поверну твою я лодку,
Твой челнок я опрокину,
Если правды не услышу,
Для чего ты в лодке едешь,
Не услышу правды ясно,
И ты ложь свою не кончишь».
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ну, скажу я правду ясно.
Я солгал тебе немножко:
Я иду, чтоб взять девицу,
Получить младую деву —
Взять из Похъёлы суровой,
Из туманной Сариолы,
Из жилища людоедов,
Где героев топят в море».
Дева Анникки, красотка,
Дочка сумерек и ночи,
Услыхавши эту правду,
Эту правду без обмана,
Уж платков не выбивала,
Платьев больше не стирала
На широком переходе,
На краю моста, на красном;
Подхватив рукою платья,
Подобрав подол рукою,
Припустилася в дорогу,
Побежала к дому быстро,
К кузнецу пришла в жилище,
Подошла сама к горнилу.
Там работал Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Делал лавку из железа,
Серебром ее украсил;
Копоть с локоть — на макушке,
На плечах углей на сажень.
Подошла к дверям девица,
Говорит слова такие:
«Брат-кузнец мой, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!

Челночок мне, братец, выкуй,
Выкуй мне получше кольца,
Выкуй две иль три сережки,
Пять иль шесть мне подпоясок,
Я за то скажу всю правду,
Безо лжи все расскажу я!»
  Молвит мастер Ильмаринен:
«Принесешь вестей хороших —
Челночок тебе скую я,
Накую колец хороших,
И на грудь скую я крестик,
Головной убор прекрасный.
Принесешь дурные вести —
Поломаю украшенья
И сорву, в огонь их брошу,
Брошу их в мое горнило».
  Дева Анникки, красотка,
Говорит слова такие:
«О кователь Ильмаринен!
Ты ведь хочешь взять девицу,
Ту, с которой обручился,
Хочешь взять ее в супруги!
Ты куешь без передышки,
И без отдыха стучишь ты:
Летом ты куешь подковы,
А зимой куешь железо,
По ночам ты строишь сани,
Днем ты также сани строишь,
Чтобы ехать за невестой,
Ехать в Похъёлу за нею.
Между тем туда уж едет,
Кто хитрей тебя и ловче,
И возьмет, что заслужил ты,
Увезет, что так любил ты
И на что смотрел два года,
Сватался три полных года.
Спешно едет Вяйнямёйнен
По волнам на синем море,
У руля из меди сидя,
На корме с златой резьбою,
В Похъёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу».
  Ильмаринен огорчился,
Муж железа стал печален,

Молоток из рук валится,
И клещи из рук упали.
   Молвит сильный Ильмаринен:
«Анникки, моя сестрица,
Челночок тебе скую я,
Накую колец хороших,
Две ли, три ль скую сережки,
Пять ли, шесть ли подпоясок,
Баню сладкую нагрей мне,
Надыми в медовой бане,
Положи потоньше плахи,
Нащепи помельче щепок
Да подсыпь золы немного,
Щелоку прибавь немножко,
Чтоб им голову мне вымыть,
Тело щелоком очистить
От углей еще осенних
И от старой зимней гари!»
   Дева Анникки, красотка,
Хорошо нагрела баню.
Жжет упавшие деревья
И что молнией разбиты;
Набрала в реке каменьев,
Полила их — пар поднялся
От воды, в ключе добытой,
В роднике, покрытом пеной.
Нарвала в кусточках веток,
В роще веточек хороших,
Парит полный медом веник
На краю медовом камня,
Из мозгов и простокваши
Мыло мягкое готовит.
Мыло, чтоб оно смывало,
Чтобы пенилось, сверкало,
Чтоб жених все тело вымыл,
Чтобы голову очистил.
   Сам кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Наковал, что ей хотелось,
Головной убор украсил,
Между тем как дева в бане
О мытье его старалась.
Положил ей в руки вещи,
А она ему сказала:

«Я уж баню истопила,
Сладкий пар уж приготовлен,
Уж попарила я веник,
Помахала там ветвями.
Мойся в бане этой вдосталь,
Лей воды там сколько хочешь,
Чтоб, как лен, глава белела,
Чтоб глаза, как снег, блестели!»
И кователь Ильмаринен
Тут пошел в той бане мыться.
Там он вдоволь накупался,
Добела все тело вытер.
И глаза его блестели,
И виски его горели,
Как яйцо, белела шея,
И все тело заблистало.
Вышел в горницу из бани —
Там его едва узнали:
Так прекрасны были щеки,
Так они румяны были.
Говорит слова такие:
«Анникки, моя сестрица,
Дай ты мне получше платье,
Полотняную рубашку,
Чтоб украсить лучше тело,
К сватовству мне быть готовым!»
Дева Анникки, красотка,
Принесла ему рубашку,
Чтоб облечь сухие члены,
Чтоб покрыть нагое тело;
Принесла штаны сестрица,
Те, что мать родная сшила,
Натянуть ему на бедра,
Где костей совсем не видно.
Вносит мягкие чулочки,
Что когда-то мать связала,
Чтоб покрыть у брата голень,
Чтоб ему закутать икры;
Башмаки дает по мерке,
Сапоги, что сам купил он,
Чтоб покрыть концы чулочков,
Что когда-то мать связала;
Куртку сверху голубую,
Цвета печени с изнанки,

Чтоб надеть поверх рубашки
Из льняной прекрасной ткани,
И кафтан суконный плотный,
С четверной кафтан подкладкой
На ту куртку голубую,
Но новейшую из новых;
Шубу с тысячею петель,
С целой сотней украшений,
На кафтан суконный плотный,
Но сукном обшитый тонким;
Надевает ему пояс,
Золотом обильно шитый,
Что родная вышивала,
Бывши в девушках, соткала;
Вносит пестрые перчатки
С оторочкой золоченой,
Что готовили лапландцы
Для руки прекрасной формы;
На его златые кудри
Принесла большую шапку,
Что отец купил когда-то,
К сватовству еще готовясь.
Вот кователь Ильмаринен
Уж готов, принарядился,
В ту одежду облачился
И рабу тогда промолвил:
«Запряги мне жеребенка
В разукрашенные сани,
Чтоб я мог на них поехать
В Похъёлу, помчаться быстро!»
Раб ему и отвечает:
«Шесть коней у нас в конюшне,
Лошадей, овес жующих.
Так какую ж запрягу я?»
Отвечает Ильмаринен:
«Жеребца возьми получше,
Запряги-ка жеребенка
Мне буланого в оглобли;
Посади-ка шесть кукушек,
Семь из птиц голубоватых,
На дуге чтоб поместились
И в ремнях ярма звучали:
Пусть любуются девицы,
Пусть нарядной будет радость.

Принеси мне мех медвежий,
Чтоб на нем я мог усесться;
Принеси тюленью шкуру,
Чтоб покрыть мне ею сани!»
И запряг тут раб усердный,
Что работает поденно,
Жеребенка быстро в сани,
Там буланого в оглобли.
Шесть кукушек размещает,
Птичек семь голубоватых,
Чтоб звучать им под дугою,
Чтоб в ремнях ярма чирикать.
Он приносит мех медвежий,
Чтобы сел на нем хозяин.
И принес тюленью шкуру
Вместо полости на сани.
Сам кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Укко вышнему взмолился,
Так гремящего он просит:
«С неба снег пошли мне, Укко,
Хлопья мягкие на землю,
Чтоб по ним скользили сани,
Чтоб по снегу зашуршали!»
С неба снег бросает Укко,
Хлопья мягкие на землю,
Стебли трав покрыл он снегом
И покрыл верхушки ягод.
Сам кователь Ильмаринен
Сел потом в стальные сани,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты садись за вожжи, счастье,
Правь санями, бог, в дороге
Не порвет мне счастье вожжи,
Бог саней не поломает!»
Захватив рукою вожжи,
А другою кнутовище,
Он коня кнутом ударил,
Говорит слова такие:
«Ну, беги ты, белолобый,
Ты скачи, с льняною гривой».
Скачет, мчится конь дорогой,
По песчаному прибрежью,

Перед рощею медовой,
Меж холмов, ольхой поросших,
Едет берегом он шумно,
По песку прибрежья мчится,
И песок в глаза несется,
Плещет в грудь вода морская.
Гонит день, другой день гонит,
Третий день он гонит также,
Наконец, уже на третий,
Вяйнямёйнена догнал он,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«О ты, старый Вяйнямёйнен,
Сговоримся-ка с тобою,
Чтоб когда мы будем сватать
Эту спорную девицу,
То не брать ее насильно,
Против доброй воли в жены».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Соглашаюсь я охотно:
Силой взять нельзя девицу,
Против воли выдать замуж,
Пусть того женою будет,
За кого пойти согласна;
И другой пусть не гневится,
Зла другой иметь не должен».
Едут дальше по дороге,
По своей дороге каждый,
И шумит вдоль брега лодка,
Скачет конь, земля трясется.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Вот залаяла собака,
Пес дворовый громко лает
В Похъёле, в стране суровой,
В той туманной Сариоле.
Вот ворчит собака тише
И рычит гораздо реже,
На краю усевшись пашни,
По земле хвостом махая.
Мрачной Похъёлы хозяин
Молвит: «Дочка, посмотри-ка:
Серый пес там что-то лает,
Воет битый, вислоухий».

Отвечает дочь разумно:
«У меня и так есть дело:
Хлев убрать, смотреть за стадом
Да вертеть тяжелый жернов,
Чтоб муку смолоть помягче,
Пропустить муку чрез сито.
Трудно жерновом работать —
И на это сил-то мало!»
Тихо лает пес лохматый,
Все ворчит он на кого-то,
Снова Похъёлы хозяин
Говорит: «Пойди, старуха,
Серый пес все что-то лает,
Воет битый, подворотный!»
Но ему старуха молвит:
«Никакой мне нет охоты.
Впору мне с хозяйством сладить:
Хлопочу я об обеде,
Хлеб большой сготовить нужно,
Замесить покруче тесто.
Крупен хлеб — мелка мучица:
И на это сил-то мало».
Молвит Похъёлы хозяин:
«Вечно бабы суетливы,
Вечно девушки с работой:
То погреются у печки,
То растянутся в постели.
Ты, сынок, пойди взгляни-ка!»
Но молодчик отвечает:
«Нет мне времени смотреть там:
Наточить топор мне нужно,
Расколоть им пень огромный,
Дров для топки наготовить,
Наколоть поленьев тонких.
Толсты бревна, тонки плахи:
И на это сил-то мало».
А дворовый пес все лает,
Все ворчит собака злая,
Страшный пес рычит со злобой,
Сторож все не утихает,
На краю поляны сидя
И хвостом своим махая.
Молвит Похъёлы хозяин:
«Не напрасно лает серый,

Не рычит он без причины,
Не ворчал бы он на сосны».
Сам пошел он поразведать,
За черту двора выходит,
На последний край поляны
Позади своих посевов.
Посмотрел собаке в морду,
Видит: морда повернулась
На хребет холмов бурливых,
На вершины гор ольховых;
Тут всю правду он увидел,
Отчего так серый лаял,
Самый лучший пес на свете,
И вертел хвостом мохнатым:
Паруса у лодки красной
На заливе Лемпи веют,
Едут убранные сани
Перед рощею медовой.
Тут сам Похъёлы хозяин
Входит в горницу поспешно,
Быстро в доме появился,
Говорит слова такие:
«К нам уж прибыли чужие
По хребту морей шумящих,
И подъехали к нам сани
Подле той медовой рощи,
С парусами едет лодка
По волнам залива Лемпи».
Но хозяйка Сариолы
Молвит: «Как же мы узнаем,
С чем к нам прибыли чужие?
Дочка, милая малютка,
Положи в огонь рябину,
Подожги красу деревьев;
Если кровь польет струею,—
То идут на нас войною;
Если ж потечет водица,—
То останемся мы с миром».
Дева, Похъёлы красотка,
Эта скромная девица,
На огонь кладет рябину,
Подожгла красу деревьев.
Не течет ни кровь оттуда,
Ни водица чистой струйкой;

Видит — мед течет оттуда,
Сладкий сот там показался.
Молвит Суовакко тихонько,
Молвит старая с постели:
«Если мед течет из древа,
Коль из сота сладкий каплет,
Это значит — будут гости,
Женихи толпой большою».
   Вышла Похъёлы хозяйка,
Вместе с матерью и дочка,
По двору шагают быстро,
Со двора — да за калитку,
Посмотрели вдаль оттуда,
Повернули взоры к солнцу,
Увидали, что подходит
Близко парусный кораблик
Из досок, из целой сотни,
По заливу Лемпи едет:
Серовата лодка снизу,
Красновата в верхней части;
У руля сидит там сильный,
Муж сидит у медных весел.
Видят — скачет жеребенок,
Сани красные скользят там,
Пестро убранные едут
Перед рощею медовой;
На дуге там шесть кукушек,
И поют златые птицы,
Птичек семь голубоватых
Там в ремнях ярма распелись;
Гордый муж сидит на санках,
И в руках он держит вожжи.
   Тут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Замуж хочешь ли ты выйти,
Если сватать эти едут,
Чтоб подругой стать для мужа,
Мужу курочкой любимой?
   Тот, который едет в лодке,
В челноке стремится красном,
Мчится по заливу Лемпи,
Это — старый Вяйнямёйнен;
Он на дне везет запасы,
Он везет богатства в лодке.

Тот, который едет сушей,
Там скользит на санках пестрых
Подле той медовой рощи,
То — кователь Ильмаринен,
И с пустыми он руками,
В санках — только обещанья.
Как войдут они в покои,
Принеси ты в кружке меду,
В кружечке с двумя ушками,
И тому подай ты кружку,
За кого идти согласна.
Вяйнямёйнену подай ты,
Что везет именье в лодке,
В челноке везет богатства!»
Дочка Похъёлы, красотка,
Говорит в ответ ей слово:
«Мать, ведь ты меня носила,
Ты меня ведь возрастила!
Я не выберу богатства,
Ни с сокровищами мужа.
Муж мой должен быть красивым:
И лицом красив, и телом.
Никогда то не бывало,
Чтоб девицу продавали.
Без сокровища пойду я
К Ильмаринену младому,
Что нам выковал здесь Сампо,
Крышку пеструю украсил».
Молвит Похъёлы хозяйка:
«Явно глупый ты ягненок!
Ильмаринена берешь ты,
Чтоб стирать ему рубашки,
Очищать чело от пота,
Голову от черной сажи!»
Так ответила ей дочка,
Говорит слова такие:
«Вяйнямёйнену не буду,
Старцу слабому, охраной:
Очень трудно с ним мне будет,
Скучно будет с этим старым».
Скоро прибыл Вяйнямёйнен —
Он достиг до цели раньше;
Лодку красную он ставит,
Темный челн свой помещает

На катки, что из железа,
На катки, где много меди;
Сам отправился в покои,
Быстро входит в дом старухи
И, на пол дощатый ставши,
Перед дверью, у порога,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Хочешь, дева, быть моею,
На всю жизнь моей супругой,
Дни мои делить со мною,
Быть мне курочкой любимой?»
   Тотчас Похъёлы девица
Быстро старцу отвечает:
«А ты выстроил мне лодку,
Челн большой ты мне построил
Из обломков веретенца,
Из кусков моей катушки?»
   Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Лодку славную я сделал,
Сколотил я челн мой крепко,
Чтоб выдерживал он ветер,
Чтоб держался в непогоду;
Если он пойдет на волны,
Заскользит по глади моря,
Чтоб поднялся, как пузырь, он,
Чтоб качался, как цветочек,
В шири северных потоков,
На волнах, покрытых пеной».
   Дочка Похъёлы, красотка,
Так ответила на это:
«Не хочу я мужа с моря,
Что всегда живет на волнах:
Ум его уносят бури,
По мозгам его бьют ветры.
Не могу с тобой идти я
И себя связать с тобою,
Чтобы спутницей быть в жизни,
Старцу курочкой любимой,
Для спанья готовить место,
Класть под голову подушку».

РУНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ильмаринен входит в дом Похъёлы — сватается к дочери Похъёлы, и ему дают опасные поручения (1—32).— Благодаря советам девицы Похъёлы он благополучно исполняет поручения, вспахивает змеиное поле, ловит медведя Туони и волка Маналы и, наконец, огромную рыбу из реки Туони (33—344).— Хозяйка Похъёлы выдает свою дочь за Ильмаринена (345—498).— Грустный возвращается Вяйнямёйнен из Похъёлы и никому не советует соперничать с молодыми в сватовстве (499—518)

Тут приходит Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Быстро в горницу вступает,
Направляется в жилище.
Мед был тотчас же предложен,
Сладкий сок был в кружке подан
Ильмаринену в покоях.
И кузнец промолвил слово:
«Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц
До питья здесь не дотронусь,
Если деву не увижу,
Если замуж не готова
Та, которой ожидал я».
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ведь труда большого стоит
Та, которой ожидают.
В башмачок обует ножку
И другую точно так же —
И готова будет замуж
За тебя девица выйти,
Если поле змей ты вспашешь,
Если так взрыхлить сумеешь,
Чтоб сошник не подвигался,
Плуг нисколько не качался.
Пропахал то поле Лемпо,
Взбороздил то поле Хийси
Сошником, богатым медью,
Плугом с огненным железом,
Половину мой сыночек
Недопаханной оставил».
Тут кователь Ильмаринен
К деве в горницу приходит,

Говорит слова такие:
«Дочка сумерек и ночи!
Помнишь ли былое время,
Как сковал для вас я Сампо,
Крышку пеструю украсил?
Ты клялась мне страшной клятвой
Пред всезнающим владыкой,
Пред лицом его великим
Мне дала обет священный,
Что пойдешь за добрым мужем,
Будешь спутницею в жизни,
Будешь курочкой любимой:
Мать тебя отдать не хочет,
Дочку мне не доверяет,
Если поле со змеями
Мною вспахано не будет».
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
«О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!
Выкуй ты сошник из злата,
Серебром укрась прекрасным!
Им ты быстро поле вспашешь,
Взрежешь поле со змеями».
Тут кователь Ильмаринен
Положил в горнило злата,
Серебра туда прибавил
И сошник из них сработал;
Из железа обувь сделал,
Сделал поножи из меди,
Их надел себе на ноги
И покрыл он ими икры;
Взял железную рубашку,
Опоясался он сталью,
Взял железные перчатки,
Взял он варежки из камня,
Сделал огненную лошадь;
Запрягает лошадь в упряжь —
И пошел пахать то поле,
Бороздить пошел он пашню.
Видит: головы вертятся,
Черепа шипят ужасно.
Говорит слова такие:
«Змеи, созданные богом!

Кто здесь поднял ваши пасти,
Кто вас выслал, кто устроил
Ваши головы так прямо,
Ваши шеи так высоко?
Уходите вы с дороги,
На жнивье идите, злые,
Ускользайте в чащу леса,
Уползайте, змеи, в травы.
Если ж вновь вы приползете,
Укко головы снесет вам,
Разобьет стальной стрелою,
Размозжит дождем железным».
Он прошел змеиной пашней,
Взбороздил поля ехидны,
Поднял змей своей сохою,
И гадюк он поднял плугом
И сказал, придя обратно:
«Я прошел змеиной пашней,
Взбороздил поля гадючьи,
Поднял землю со змеями.
Ты отдашь ли дочь, старуха,
Мне доверишь ли родную?»
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Лишь тогда отдам родную,
Лишь тогда тебе доверю,
Коли Туонелы медведя,
Волка Маналы седого
Ты поймаешь в царстве мертвых,
В мрачных Туонелы пределах.
Сотни взять его хотели,
И никто не возвратился».
Тут кователь Ильмаринен
Входит в горницу девицы.
Говорит слова такие:
«Мне еще есть порученье:
В Туонеле добыть медведя,
Волка Маналы седого,
Опуститься в царство мертвых,
В дебри Маналы лесные».
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
«О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!

Выкуй ты узду из стали,
Выкуй ты ремень железный
Посреди воды на камне
В бурной пене трех потоков!
Ими Туонелы медведя,
Волка Маналы захватишь».
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Выковал узду из стали,
Выковал ремень железный
Посреди воды на камне
В бурной пене трех потоков.
Укрощать пошел животных;
Сам сказал слова такие:
«Терхенетар, дочь туманов!
Ты просей туманы ситом,
Ты рассыпь туманом тени
Там, где ходят в роще звери,
Чтоб мой шаг им не был слышен,
Чтоб они не убежали!»
Обвязал он пасть у волка,
Он связал медведя цепью
В темных Туонелы полянах,
В глубине лесов дремучих
И сказал, придя обратно:
«Ты отдай мне дочь, старуха!
Взял я Туонелы медведя,
Волка Маналы связал я».
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Эту уточку отдам я,
Эту птичку голубую,
Если щуку ты поймаешь,
Рыбу жирную захватишь
В Туонелы потоках темных
И в глубоких водах Маны,—
Не поставивши тенета,
Не закинув в воду невод.
Сотни там ловить ходили,
Ни один не возвратился».
Стал угрюмым Ильмаринен,
Погрузился он в унынье.
Входит в горницу девицы,
Говорит слова такие:

«Мне еще есть порученье,
И оно труднее прежних:
Нужно выловить мне щуку,
Рыбу жирную поймать мне
В темных Туонелы потоках
И в глубоких водах Маны,
Но без невода, без сети
И без всякого подспорья».
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
«О кователь Ильмаринен,
Никогда не падай духом!
Из огня ты птицу выкуй,
Гордого орла ты сделай!
Он тебе поймает щуку,
Рыбу жирную изловит
В черных Туонелы потоках,
В Маналы глубоких водах».
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Птицу огненную сделал,
Из огня орла сковал он,
Сделал пальцы из железа,
Из каленой стали когти,
Крылья из огромной лодки.
Сам взошел на эти крылья,
Сел он на спину у птицы,
На костях спины орлиной.
Так орла предупреждает,
Так советует он птице:
«О орел ты мой любезный!
Ты лети, куда велю я:
К черным Туонелы потокам,
К водам Маналы глубоким!
Ты поймай большую щуку,
Рыбу жирную достань мне!»
Полетел орел прекрасный,
Устремился что есть силы,
Чтобы вытащить ту щуку,—
Рыбу с страшными зубами,
В Туонелы потоках черных,
В Маналы глубоких водах.
Волн одним крылом коснулся,
А другим достал до неба;

Загребает дно когтями,
Клювом скалы задевает.
Вот подходит Ильмаринен,
Поискать спешит кователь
В Туонелы потоках черных,
А орел охраной служит.
Тут чудовище явилось,
Ильмаринена схватило;
Но орел хватает зверя,
Повернул его за шею,—
Погрузил его глубоко
И забил в густую тину.
Щука Туонелы всплывает,
Из воды ползет собака —
Щука та не из огромных,
Но не очень чтоб из малых:
С топорище язычище,
С рукоятку грабель — челюсть,
Пасть в широких три потока,
Шириной спина в семь лодок;
Проглотить героя хочет,
С Ильмариненом покончить.
Но орел спустился быстро —
Птица воздуха слетает;
Не из очень он великих
И не очень чтоб из малых:
Во сто сажен клюв длиною,
Зев отверстьем в шесть потоков,
А язык длиной в шесть копий,
И в пять кос длиною когти.
Устремился к страшной щуке,
К той проворной жирной рыбе,
И бросается на рыбу,
Чтоб схватить ее когтями.
Но огромнейшая щука,
Тот пловец проворный, жирный,
У орла зажала когти
В глубине воды прозрачной.
Поднялся орел высоко,
Поднялся в свободный воздух;
Тащит когти он из тины
По спине воды блестящей.
Полетел, остановился,
Попытаться снова хочет:

И одним ударил когтем
По плечу ужасной щуки,
Водяному псу по боку,
А другим ударил когтем
По утесу из железа,
По скале из твердой стали.
Отскочил от стали коготь,
От железного утеса:
Уж уходит в глуби щука,
Уж на дно воды стремится
Из когтей орла большого,
Из когтей огромной птицы;
На боках у ней отверстья,
На плечах большие щели.
Тут железными когтями
Снова бьет орел огромный,
Крылья пламенем блистают,
А из глаз он мечет искры:
Захватил когтями щуку,
Водяного пса сжимает,
Ту чешуйчатую рыбу;
Тащит чудище потоков
Из ужасной водной глуби
По спине блестящей моря.
Так сумел орел могучий
Наконец, при третьей схватке,
Щуку страшную осилить —
Жирного пловца доставить
Из потоков черных Туони,
Речек Маналы глубоких.
Стал поток неузнаваем —
Столько в нем чешуек щучьих,
Нелегко узнать и воздух —
Столько в них орлиных перьев.
Потащил орел когтями
Рыбу с твердой чешуею
На большие ветви дуба,
На сосну с густой верхушкой.
Начал пробовать он щуку:
Клювом ей разрезал брюхо,
Разорвал ей грудь когтями,
Отделил главу от тела.
И промолвил Ильмаринен:
«Ох, орел, плохой помощник!

Что же это за пернатый
И какая ж это птица,
Если щуки сам отведал,
Клювом брюхо ей разрезал,
Разорвал всю грудь у рыбы,
Отделил главу от тела!»
Но орел с железным когтем
Улетает в гневе дальше,
Поднялся повыше в воздух
На края широкой тучи;
Стонет небо, гнутся тучи,
Крыша воздуха погнулась,
Сломан лук у бога неба,
На луне рога сломались.
Вот приносит Ильмаринен
Голову той страшной щуки
Теще будущей в подарок,
Говорит слова такие:
«Голова пусть служит эта
Стулом в Похъёлы жилище».
А потом опять промолвил,
Говорит слова такие:
«Я вспахал с змеями поле,
Взбороздил страну гадючью,
В Манале связал я волка,
В Туонеле я взял медведя.
Вот теперь пришел со щукой,
С тем пловцом проворным, жирным,
Из потоков черных Туони,
Речек Маналы глубоких.
Что ж, отдашь ли дочку в жены,
Мне доверишь ли девицу?»
Молвит Похъёлы хозяйка:
«Все ж ты очень плохо сделал,
Что ей голову отрезал,
Распорол у щуки брюхо,
Разорвал всю грудь у рыбы,
Мяса щучьего отведал».
Тут кователь Ильмаринен
Говорит в ответ старухе:
«Не бывает без ущерба
И из лучших мест добыча,
Я ж из Туонелы доставил,
В Манале ее добыл я!

Ну, теперь готова ль дева,
Долгожданная невеста?»
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Да, теперь готова дева,
Долгожданная невеста!
Эту уточку родную,
Птичку нежную, вручаю
Ильмаринену: пусть будет
Милой спутницею в жизни,
Будет дней его подругой,
Будет курочкой любимой».
На полу сидел ребенок,
И запел с земли мальчишка:
«Показалась у жилища,
Подлетела к дому птица,
То летит орел с востока,
Прилетает с неба ястреб;
Он крылом коснулся тучи,
А другим — волны коснулся,
Он хвостом потоки режет,
Головой достал до неба.
Он кругом прилежно смотрит,
Полетит — недвижно станет,
И летит к мужам в палаты,
И стучит огромным клювом:
Но железом крыта кровля,
Он попасть в жилье не может.
Он кругом прилежно смотрит,
Полетит — недвижно станет,
И летит в палаты женщин,
И стучит огромным клювом;
Но из меди кровля женщин:
Он попасть в жилье не может.
Он кругом прилежно смотрит,
Полетит — недвижно станет,
И летит в палаты к девам,
И стучит огромным клювом:
Полотняная там кровля,
К ним попасть в жилье он может.
К дымовой трубе летит он,
Опускается на крышу;
У окошка рвет он доску,
На окне палат садится,

На стене, зеленоперый;
Сел, стоперый, на стропилах.
Он кудрявую увидел
Деву с длинною косою,
Что подруг своих прекрасней,
Краше всех девиц кудрявых,
Что милее всех нарядных,
Всех украшенных цветами.
Уж берет орел когтями,
Уж хватает ястреб быстро
Деву ту, что всех милее,
Уточку, что всех прекрасней,
Что всех легче и нежнее,
Всех быстрее и белее.
Деву взял орел воздушный,
И уже царапнул коготь
Ту, что держится так прямо,
Ту, чье тело всех прекрасней;
Взял ее на хвост пернатый,
Хвост, покрытый нежным пухом».
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ты узнал откуда, милый,
Где ты, яблочко, услышал,
Что здесь выросла девица,
Чьи, как лен, прекрасны кудри?
Серебро ль сверкнуло девы,
Или золото блеснуло,
Иль от нас сияло солнце,
Иль светил отсюда месяц?»
С пола речь повел малютка,
Отвечал отросток юный:
«Вот счастливец, как проведал,
Как нашел себе дорогу
К дому славной той девицы,
Ко двору прекрасной девы:
Об отце ее узнал он,
Что корабль большой он выслал;
А об матери узнал он,
Что печет крутые хлебы,
Хлеб пшеничный славно месит
И гостей им угощает.
Вот как выведал счастливец,
Как он издали прослышал,

Что уж выросла девица,
Что девица стала выше:
Он на двор однажды вышел,
Подошел к овину близко,
Это было рано утром,
Только зорька занималась.
Вся в клоках крутилась сажа,
Дым густой бежал клубами
От жилища той девицы,
Со двора той девы стройной;
Там сама младая дева
Терла брусьями о жернов:
Пели брусья, как кукушки,
Дырья сбоку, словно утки,
Как сверчок, звучало сито,
Камни жемчугом звенели.
   Он отправился в другой раз
И пошел по краю поля;
На лугу была девица,
На цветочной той поляне,
Красным красила котельчик,
Краску желтую варила.
   В третий раз опять пошел он
Под окно прекрасной девы, —
Слышит, дева ткет прилежно,
Ровно двигается бердо:
Челночок скользит веселый,
Словно горностай по камню;
Слышит стук зубцов у берда,
Словно дятлы на деревьях;
Взад-вперед навой там ходит,
Словно белочка на ветках».
   Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Видишь, милая девица!
Я ль тебе не говорила:
Не ходи ты петь у елей,
Ты не пой на дне долины,
Не сгибай так гордо шеи,
Белых рук не открывай ты,
Белой груди не кажи ты,
Стройным станом не хвалися!
   Всю-то осень говорила,
Лето целое твердила,

Говорила и весною,
При втором посеве хлеба:
Мы такой построим домик,
Чтоб не видно было в окна,
Как работает девица,
У станка сидит прилежно,
Чтоб о том не знали финны,
Сваты с Суоми не узнали».
   На полу сидел ребенок,
Так промолвил двухнедельный:
«В доме можно спрятать лошадь,
Жеребца с хвостом хорошим,
Но кудрявую девицу
Ни в каком не спрячешь доме.
Хоть построй из камня замок
В середине самой моря
И держи ты там девицу,
Эту курочку младую,—
Не укроется девица
И не вырастет большая,
Чтоб жених не появился;
Сват придет, жених примчится
На конях, в высоких шлемах,
Сталью кованы копыта».
   Тут-то старый Вяйнямёйнен
Головой поник, угрюмый,
Собрался домой в дорогу,
Говорит слова такие:
«Горе дряхлому мне мужу:
Я того и не заметил,
Что ведь сватать надо раньше,
В молодых летах жениться.
Только мрачный по природе
Ропщет, в юности женившись,
Что он рано обзавелся
И детьми и всем хозяйством».
   Не позволил Вяйнямёйнен,
Запретил Сувантолайнен
Старцу свататься седому,
Женихом к девице юной,
К ней водою плыть упрямо,
За желанной — сушей ехать,
Чтобы свататься к девице,
Если есть соперник юный.

РУНА ДВАДЦАТАЯ

В Похъёле к свадьбе убивают огромного быка (1—118).— Варят пиво и готовят кушанья (119—516).— Рассылают посланцев за гостями. Один Лемминкяйнен не приглашен (517—614)

Что б теперь начать такое
И о чем бы спеть нам песни?
Пропоем теперь мы вот что,
Вот начнем какие песни:
О пирушке в Сариоле,
О попойке чародеев.
Долго свадьбу обряжают,
Долго все заготовляют
В Похъёле, в ее жилищах,
В горницах той Сариолы.
Что же там соорудили
И чего там натащили
К долгой северной пирушке,
Для питья толпе огромной,
Для еды прибывшим людям,
Для большого угощенья?
Бык кормился у карелов,
В Суоми жирного взрастили.
Не был малым иль великим,
Был теленок как теленок:
Был у тавастов хвостом он,
Головой — у речки Кеми.
Вышиной рога в сто сажен,
В полтораста сажен морда.
Ласка только лишь в неделю
Обежать могла вкруг шеи;
Только в целый день касатка
С рога к рогу пролетает
И при этом мчится быстро,
На пути не отдыхая;
Целый месяц нужно белке,
Чтоб с плеча к хвосту добраться:
До конца не достигает,
Прежде чем пройдет весь месяц.
И теленок этот резвый,
Этот бык из Суоми сильный,

Шел из Карьялы с охраной,
Шел он к Похъёлы полянам.
Сто мужей рога держали,
Морду тысяча тянули,
Как вели быка дорогой,
В Похъёлу его тащили.
Бык идет своей дорогой,
У пролива Сариолы,
Ест траву у вод болотных,
Туч касается спиною.
Но мясник не находился,
Чтоб быка того зарезать,
Из сынов той Сариолы,
Из большой толпы народа,
Ни в растущем поколенье,
Ни среди уже старевших.
Прибыл старец из чужбины,
Вироканнас от карелов,
Говорит слова такие:
«Подожди-ка, бык несчастный,
Как приду сюда с дубиной,
Как колом тебя ударю
В самый череп твой, несчастный,
Так ты следующим летом
Головы не поворотишь,
Напирать не будешь мордой
На края поляны этой
При заливе Сариолы!»
Вот уходит Вироканнас,
Отправляется Палвойнен,
Чтоб того быка зарезать.
Повернул бык головою,
Глянул черными глазами —
Старый прыгает на сосны,
Скоро в кустики Палвойнен,
Быстро в ивы Вироканнас.
Мясника прилежно ищут,
Что бы мог быка зарезать.
И в Карелии прекрасной,
В Суоми — на полях широких,
В ласковой земле у русских,
И в земле отважных шведов,
И в Лапландии обширной,
И в земле могучей Турья,

Ищут в Туонеле туманной,
В низких местностях у Маны,
Ищут долго — не находят,
Спрашивают всех — напрасно.

Мясника прилежно ищут,
Резника все не находят
На хребте прозрачном моря,
По волненью вод открытых.

Черный муж поднялся в море,
Богатырь в морских потоках.
На хребте прозрачном моря,
На пространстве вод открытых.
Не из очень он великих,
И не очень чтоб из малых,
Смог бы спать под малой чашей,
Поместиться б смог под ситом.

Был он стар, на вид железный,
У него кулак тяжелый,
И скала служила шлемом,
А утесы сапогами,
Золотой в руке был ножик,
Нож был с медной рукояткой.

Так мясник быку был найден,
Так нашелся умертвитель —
Зверю финскому убийца,
Чудище земли сразивший.
Увидал мясник добычу,
Он быка ударил в шею
И поставил на колени,
Бросил он быка на землю.

Что ж, и много получили?
Получили там немного:
Только сто ушатов мяса,
Колбасы сто сажен вышло,
Крови вышло на семь лодок,
Жиру вышло на шесть бочек —
Все для свадьбы в Сариоле,
Все на пир в стране тумана.

Средь покоев Сариолы
Был один большой, широкий,
В девять сажен он длиною,
В семь он сажен шириною:
Закричит петух на крыше,
А внизу его не слышно,

В глубине щенок залает —
Не слыхать его у двери.
  И хозяйка Сариолы
Все там по полу ходила,
Средь покоев хлопотала,
Поразмыслила, подумав:
«Где же я достану пива,
Как питье я приготовлю
При устройстве этой свадьбы,
При заботах о пирушке?
Варки пива я не знаю,
Ни его возникновенья».
  На печи сидел там старый,
И промолвил старый с печи:
«Ведь ячмень для пива служит,
Также хмель идет в напиток,
И вода нужна для пива,
И огонь с ужасной силой.
  Хмель от Ремунен родился,
Малым он был брошен в землю.
Как змея, туда прополз он,
Муравьем пролез он малым
Близ ручья той Калевалы,
Около поляны Осмо.
Там подрос младой отросток,
Поднялся зеленый прутик,
Потянулся по деревьям,
Поспешил к вершине прямо.
А ячмень посеял старец,
Старец счастья в поле Осмо;
Хорошо ячмень родился,
В вышину прекрасно вырос
На конце поляны Осмо,
На полянах Калевалы.
  Мало времени проходит,
Хмель воскликнул на деревьях,
Говорит ячмень на поле,
Калевы ручья водица:
«Так когда же мы сойдемся
И пойдем один к другому?
В одиночестве жить скучно,
Двум, троим жить вместе лучше».
Осмотар, что пиво варит,
Капо, что готовит брагу,

С ячменя срывает зерна,
С ячменя берет шесть зерен,
Семь концов берет у хмеля,
У водицы восемь кружек,
На огонь котел там ставит,
Чтоб сильнее смесь кипела.
Поместила это пиво
В жаркий день однажды летом
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке,
Там, на дне сосудов новых,
Там, в березовых ушатах.
Вот она сварила пиво.
Все же в пиве нет броженья.
Пораздумала и молвит,
Говорит слова такие:
«Что сюда еще подбавить,
Что прибавить к этой смеси,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?»
Вот дочь Калевы, девица,
Дева с ручкою прекрасной,
Та, что всюду быстро ходит,
Что всегда легко обута,
То идет по краю пола,
То пойдет по середине,
То одно в котел положит,
То кладет в котел другое,—
Вдруг увидела там щепку,
Поднимает щепку с пола.
Повернула эту щепку:
«Что из щепки может выйти
На руках прекрасных девы,
Между пальцами девицы,
Если щепку в руки Капо
Положу меж пальцев девы?»
Отдает ту щепку Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла Капо руки,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
Белка белая явилась.
Так она сказала белке,
Так советовала дочке:

«Белка, золото в высотах,
Цвет холмов, земли веселье!
Побеги, куда пошлю я.
А пошлю тебя, отправлю
В Метсолу твою родную,
В дорогую Тапиолу.
Полезай там на деревья,
Влезь умно на ель густую,
Чтоб орел тебя не тронул,
Не схватила б птица неба;
Принеси еловых шишек,
Нежных почечек сосновых
И отдай их в руки Капо,
Дай на пиво дочке Осмо!»
Белка быстро побежала,
Машет хвостиком пушистым,
Пробегает по дороге
Чрез широкое пространство.
Вдоль и вширь бежит лесами:
Поперек их пробегает
В Метсолу свою родную,
В дорогую Тапиолу.
Видит, там стоят три ели,
Там сосны четыре славных;
И на ель в низине влезла,
На ту сосну на равнине;
И орел ее не тронул,
Не схватила птица неба.
Набрала сосновых игол,
Набрала еловых шишек,
Прячет иглы меж когтями,
Их запрятывает в лапки,
Принесла их в руки Капо
И кладет у ней меж пальцев.
Капо их бросает в пиво,
Осмотар кладет их в брагу;
Все же пиво не бродило,
Не хотело подниматься.
Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Пообдумала и мыслит:
«Что сюда еще добавить,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?»

Калеватар, та девица,
Дева с нежными руками,
Что повсюду быстро ходит,
Что всегда легко обута,
То пойдет по краю пола,
То пойдет по середине,
То одно в котел положит,
То кладет в котел другое,—
Вдруг увидела лучинку,
Подняла лучинку с пола.
Повернула ту лучинку:
«Что-то выйдет из лучинки
На руках прекрасных Капо,
Между пальцами девицы,
Коль лучинку в руки Капо
Положу меж пальцев девы?»
Отдает лучинку Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла Капо руки,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
Вышла желтая куница.
Так она кунице молвит,
Так советовала дочке:
«Птичка ты, моя куница,
Ты, красотка с ценным мехом!
Побеги, куда пошлю я;
Я пошлю тебя, отправлю
На скалу, в медвежьи норы,
К ворчунам, в берлоги леса,
Где спасаются медведи,
Где их жизнь идет сурово.
Собери дрожжей там лапкой,
Почерпни ты ножкой пену,
Положи на руки Капо,
На ладони дочке Осмо!»

Побежала тут куница,
Златогрудая помчалась.
Пробегает по дороге,
Чрез широкое пространство,
Через реки мчится быстро,
Через них нашла дорогу
На утес, в медвежьи норы,

К ворчунам, в берлоги леса,
Где медведи лишь дерутся,
Где их жизнь идет сурово
На скалах, железом полных,
На горах, обильных сталью.
Каплет пена с губ медведя,
Дрожжи — из свирепой пасти.
Пену лапками схватила,
Собрала когтями дрожжи,
Принесла их в руки Капо
И кладет на пальцы девы.
Капо их бросает в брагу,
Осмотар кладет их в пиво.
Все же пиво не бродило,
Не шипит мужей напиток.
Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Пообдумала и мыслит:
«Что ж сюда еще подбавить,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?»

Вот дочь Калевы, девица,
Дева с нежными руками,
Что повсюду быстро ходит,
Что всегда легко обута,
То идет по краю пола,
То пойдет по середине,
То одно в котел положит,
То кладет в котел другое,—
На полу стручочек видит,
Подняла стручочек с полу.
Повернула тот стручочек:
«Что отсюда может выйти
На руках прекрасных Капо,
Между пальцами девицы,
Коль стручок я в руки Капо
Положу меж пальцев девы?»
Отдает стручочек Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла руки Капо,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
И оттуда вышла пчелка.

Так она сказала пчелке,
Так советовала птичке:
«Пчелка, быстренькая птичка,
Луговых цветов царица!
Полети, куда пошлю я;
Я пошлю тебя, отправлю
К островам на море синем,
На утесы средь потоков.
Там девица почивает,
У нее свалился пояс,
Сбоку много трав медовых,
Злаки сладкие в подоле.
Принеси на крыльях сотов,
На свою возьми покрышку
Из верхов прекрасных злаков,
Из златых цветочных чашек,
Положи на руки Капо,
На ладони дочке Осмо!»
Пчелка, быстренькая птичка,
Уж летит и поспешает,
Пролетает всю дорогу,
Сокращает путь далекий,
Мчится морем, вдоль второго,
Пролетает третье море,
К островам на море синем,
На утесы средь потоков.
Видит: дева тихо дремлет
В оловянных украшеньях,
На лужайке безыменной,
На краю полей медовых;
На бедре трава златая,
Из сребра трава на чреслах.
Пчелка медом мажет крылья,
Погружает перья в сладость
На верху прекрасных злаков,
В золотых цветочных чашках
И приносит в руки Капо
И кладет меж пальцев девы.
Капо мед бросает в брагу,
Осмотар кидает в пиво:
Наконец-то пиво бродит,
Молодой напиток всходит
Там, на новом дне сосуда,
Там, в березовом ушате.

Пиво пенится до ручек,
Через край оно стекает,
Убежать на землю хочет
И утечь стремится на пол.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье,
Вот бегут к питью герои,
Раньше прочих Лемминкяйнен.
Опьянел Каукомъели,
Весельчак напился пьяным
Этим пивом дочки Осмо,
Брагой девы Калевалы.
Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Говорит слова такие:
«Горе мне с моею жизнью!
Ведь я дурно поместила,
Не как надо, это пиво,
И течет оно из кадки
И на землю вытекает».
Дрозд на дереве высоком
Распевает краснохвостый:
«Не дурной напиток пиво,
А напиток превосходный:
Надо бочки им наполнить,
Отнести его на погреб,
Поместить в дубовых бочках,
Что кругом обиты медью».
Вот как пиво появилось,
Пиво Калевы хмельное,
Оттого и имя славно,
Хорошо прозванье пива,
Что оно возникло дивно,
Что мужам оно приятно,
Что на смех наводит женщин,
А мужам дает веселье,
Храбрым радость доставляет,
А глупцов на драку гонит».
Тут хозяйка Сариолы,
Услыхав начало пива,
Собрала воды в кадушку,
Налила до половины,
Ячменя туда наклала,
Хмелевых головок много,

Начала готовить пиво
И кругом мешает воду,
Там, на новом дне сосуда,
Средь березовой кадушки.

Целый месяц греют камни,
Кипятят все лето воду,
На дрова деревья рубят,
Из колодцев воду носят;
И леса все поредели,
В родниках вода иссякла:
В пиво все употребили,
Положили все для браги
На богатую пирушку,
На веселье в Сариоле.

Дым на острове поднялся,
Запылал огонь на мысе;
Дым густым выходит клубом,
Он густой поднялся тучей,
Там, где был огонь ужасный,
Там, где пламя распростерлось.
Дым пол-Похъёлы наполнил,
Всю Карелию окутал.

Весь народ на небо смотрит,
Боязливо смотрит в выси:
«Дым откуда мог подняться,
Протянуться мог до неба?
На войне бывает больше,
Пастухи сжигают меньше».

Лемминкяйнена старушка
К роднику выходит утром
Зачерпнуть себе водицы,
Увидала тучу дыма
Там, над Похъёлой туманной,
Говорит слова такие:
«Это — дым войны, конечно,
От огня вражды ужасной».

Ахти, тот Островитянин,
Молодец тот, Лемминкяйнен,
Посмотрел кругом по небу,
Поразмысливши, подумал:
«Я хотел бы видеть ясно,
Там поблизости разведать,
Где берет тот дым начало,
Где на воздух дым выходит?

Это — дым войны, быть может,
От огня вражды ужасной».
   Кауко в даль глядит прилежно
На места густого дыма;
Это не был дым сраженья,
От огня вражды ужасной.
Это был огонь от пива,
Пламя было там от браги
У пролива Сариолы,
Близ утеса при заливе.
   Кауко смотрит в даль прилежно...
Покосился молча глазом,
А потом другим косится,
Искривил немного рот он,
Наконец, сказал он слово,
Так через пролив промолвил:
«Теща Похъёлы родная,
Ты, разумная хозяйка!
Ты вари получше пиво,
Чтобы брага пригодилась,
Как питье толпе великой,
Лемминкяйнену всех больше,
На моей на свадьбе пышной
С милой дочерью твоею».
   Уж готово было пиво,
Уж поспел мужей напиток,
Пиво красное убрали,
Отнесли младую брагу,
Чтоб в земле започивало,
В крепком погребе из камня
В бочках, сделанных из дуба,
Там, за втулками из меди.
   И хозяйка Сариолы
Стала кушанье готовить:
Все котлы заклокотали,
Сковородки зашипели.
Испекла большие хлебы,
Много толокна сварила,
Чтоб кормить народ хороший,
Напитать толпу большую
В Похъёле на пышной свадьбе,
На попойке в Сариоле.
   Испекла большие хлебы,
Много толокна сварила.

Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Зашумело пиво в бочке,
Молвит в погребе младое:
«Ведь могли б меня уж выпить,
Брагу выхлебать могли бы,
Чтоб меня прославить с честью
И воспеть бы по заслугам!»
Вот певца повсюду ищут,
Чтоб он был певец искусный,
Восхвалять бы мог прилично,
Мог бы спеть прекрасно песни.
Принесли для пенья семгу,
Щуку, чтоб прекрасно пела,
Но не дело семги — пенье,
Щука тоже петь не может:
Семга — с жабрами косыми,
Щука — с редкими зубами.
Вот певца повсюду ищут,
Чтоб он был певец искусный,
Чтобы петь он мог прилично,
Пел бы звучные он песни.
Приведен для пенья мальчик,
Как певец он был отыскан.
Не мальчишки дело — пенье,
Не слюнявого ребенка:
Языки ребят — кривые,
Языки с согнутым корнем.
И вспылило пиво в бочке,
Сыплет страшные проклятья
В бочках, сделанных из дуба,
Там, за втулками из меди:
«Коль певец не будет найден,
Чтоб он был певец искусный,
Чтобы петь он мог прилично,
Пел бы звучные он песни, —
То все обручи побью я,
Проломлю я дно у бочки!»
И хозяйка приказала
Приглашать на свадьбу всюду,
Шлет послов, чтоб всех просили,
Говорит слова такие:
«О ты, милая малютка,
Ты, раба моя, служанка!

Созови людей к пирушке,
Созови мужей толпами,
Всяких бедных, всяких нищих,
Всех слепых и всех несчастных,
Всех хромых и всех калечных.
Ты слепых доставь на лодках,
На конях — всех хромоногих,
А калек вези на санках.
Похъёлы народ зови ты,
Калевы сынов на свадьбу,
Вяйнямёйнена седого,—
Пусть поет он здесь искусно.
Не зови лишь Каукомъели,
Не ходи на остров к Ахти!»
Так ей девочка сказала,
Говорит слова такие:
«Отчего ж не Каукомъели,
Отчего не звать мне Ахти?»
Но хозяйка Сариолы
Говорит в ответ ей слово:
«Оттого не Каукомъели,
Не зови сюда ты Ахти,
Что всегда он склонен к спору.
Он горячий забияка,
Он возбудит злость на свадьбе,
Бед наделает на пире,
Осмеет девиц невинных
В славных праздничных одеждах».
Отвечает ей девчонка,
Говорит слова такие:
«Как узнать мне Каукомъели,
Чтоб не звать его на свадьбу?
Я не знаю дома Ахти,
Где жилище Каукомъели».
Тут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Ты легко узнаешь Ахти
И жилье его узнаешь:
Там на острове живет он,
У воды живет веселой,
У широкого залива,
На изгибе мыса Кауко».
Звать гостей пошла девчонка,
Та с поденною оплатой.

По шести она дорогам,
По восьми путям проходит,
Похъёлы народ сзывает,
Всех людей из Калевалы,
Всех крестьян наибеднейших,
Казаков в кафтанах узких,
Только Ахти молодого
Обошла без приглашенья.

РУНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Прием жениха и его спутников в Похъёле (1—226).— Гостей вдоволь угощают кушаньями и напитками (227—252). — Вяйнямёйнен поет и благодарит хозяев (253—438)

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Старая из Сариолы,
Не сидит под кровлей дома,
Спешной занята работой.
Слышит хлопанье с болота,
Шум по берегу от санок.
Взор направила на запад,
Повернула взор на солнце,
Поглядевши, размышляет:
«Что за люди мчатся в санках
Там по берегу? О горе!
Неужели это — войско?»
Вот подходит к месту ближе,
Рассмотреть поближе хочет.
То совсем не войско было —
Юношей толпа большая,
Зять меж ними находился,
Посреди людей хороших.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Старая из Сариолы,
Только зятя увидала,
Говорит слова такие:
«А я думала, что буря
Валит множество деревьев,
Что бушует берег моря,
Что шумит песок прибрежный.
Подошла я к месту ближе,

Рассмотреть, что там, хотела;
То не буря там шумела,
Не деревья вниз валились,
То не море билось в берег,
Не шумел песок прибрежный,—
Это зять с людьми на санках,
Сотни две мужей хороших.
   Как я зятя угадаю,
Как в толпе мужей узнаю!
Он в толпе всегда заметен,
Как черемуха в лесочке,
Словно дуб в зеленой роще,
Словно месяц в звездном небе.
   Конь у зятя черной масти,
Словно жадный волк, горяч он,
Словно ворон на добыче,
Словно жаворонок реет;
Шесть златых щебечут птичек
На дуге его согнутой,
Голубых семь птичек вместе
Верещат в ремнях запряжки».
   Шум на улице поднялся,
Треск оглобель по дороге:
Зять на двор въезжает быстро,
И толпа стремится к дому.
Зять стоит средь провожатых,
Посреди людей хороших,
Стал, вперед не выдвигаясь
И назад не подаваясь.
   «Эй вы, дети и герои,
Эй, высокие, спешите,
Вы супонь скорей берите
И ремни освободите,
Опустите вы оглобли
И скорей встречайте зятя!»
   Быстро конь бежит у зятя,
Сани пестрые промчал он
По двору большому тестя.
Молвит Похъёлы хозяйка:
«О ты, раб, поденно взятый,
Лучший молодец в деревне!
Ты прими коня у зятя,
Белолобого избавь ты
От шлеи, богатой медью,

Светлым оловом покрытой,
От ремней цены высокой,
От дуги его из ветел!
Отведи ты лошадь зятя,
Отведи ты осторожно
На ремнях, сребром богатых,
И на поводе из шелку,
Отведи на мягкий выгон,
На равнины, на поляны,
На поля снегов бесшумных,
В ту страну с молочным цветом!
   Напои ты лошадь зятя,
Где в источнике ближайшем
Влага весело струится
И бежит, как простокваша,
У златых корней сосновых,
У корней тенистой ели!
   Накорми там лошадь зятя
Из станка златого резкой
И из медного корыта
Ячменя зерном отборным,
Яровой свари пшеницы,
Яровой корми ты рожью!
   Отведи ты лошадь зятя,
Отведи ты к яслям лучшим,
На возвышенное место,
К загородке самой задней!
Привяжи ты лошадь зятя
К золотым и крепким кольцам,
И к крюкам, что из железа,
И к столбу, что из березы!
Пододвинь к коню ты зятя
Первое — с овсом корыто,
А второе — с свежим сеном,
Третье дай ему с мякиной!
   И почисть ты лошадь зятя
Щеткой из моржовой кости,
Чтобы волосы не лезли,
Чтобы хвост испорчен не был!
И покрой ты лошадь зятя
Серебристым покрывалом,
Златотканою попоной,
Сукнами с отделкой медной!

Вы же, мальчики-цыплята,
Зятя в горницу ведите
С непокрытой головою
И с руками без перчаток!
Посмотреть бы я хотела,
Не пройдет ли зять в покои,
Там дверей не поснимавши,
Косяков не отодвинув,
Притолоки не поднявши,
Не понизивши порога,
Не сломав углов меж стенок
И не сдвинув с места балок!
Не пройдет мой зять в покои,
Золотой в жилье не вступит,
Там дверей не поснимавши,
Косяков не отодвинув,
Притолоки не поднявши,
Не понизивши порога,
Не сломав углов меж стенок
И не сдвинув с места балок:
Всех на голову длиннее,
На длину ушей он выше.
Перекладины подняли,
Чтоб он шапкой не цеплялся;
Опустили вниз порожек,
Чтоб каблук не надломил он,
Косяки раздали шире,
Сняли вовсе дверь входную,
Только стал он приближаться,
Подошел поближе, храбрый!
Слава богу, наконец-то
Зять вошел уже в покои!
Я бы в горницу взглянула,
Осмотрела б быстрым взором,
Может, там столы не мыты,
Может, лавки не протерты;
Не отмыты половицы,
Доски вытерты не чисто!
Я взглянула прямо в избу:
Не могу совсем узнать я,
Из каких она деревьев,
Из каких деревьев крыша
И откуда взяты стены,
Как собрали половицы.

Все края ежовой кости,
Все низы оленьей кости,
Двери — кости росомахи,
Косячки — ягнячьей кости.
Все из яблони стропила
С свилеватыми столбами,
Вижу лилии у печки,
Папоротник там у крыши.
Все скамейки из железа,
Пол из планочек немецких,
Все столы блестят от злата,
Пол покрыт ковром из шелку.
Печка сделана из меди,
Весь очаг — из твердых камней,
Печка — из камней подводных,
Стены — Калевы деревьев».
Вот жених в покои входит,
Поспешает он в жилище,
Говорит слова такие:
«Укко! ты пошли здоровья
Под прославленную кровлю,
В это славное жилище!»
Молвит Похъёлы хозяйка:
«Будь и ты здоров, явившись
В эту малую избушку,
В эту низкую постройку,
К нам в еловое жилище,
В наше гнездышко из сосен!
Эй ты, девочка-служанка,
Ты, наймычка из деревни!
Принеси огня в бересте,
На конце сосновой щепки,
Чтоб я зятя посмотрела,
Жениху в глаза взглянула:
Сини те глаза иль кари,
Или белы, как льняные!»
Принесла огня девчонка,
Та наймычка из деревни,
На бересте принесла ей,
На конце сосновой щепки.
«Нет! шумит, трещит береста.
Дым пошел смолистый, черный,
Задымил глаза он зятю,
Цвет лица он сделал черным.

Принеси огня на свечке,
На свече из воску, белой!»
  Принесла огня девчонка,
Та наймычка из деревни,
Принесла на длинной свечке,
На свече из воску, белой.
  Заблестел дымок от воску,
Засиял огонь от свечки,
Осветил он очи зятя,
Заблестели зятя щеки.
  «Я узнала очи зятя:
И не кари, и не сини,
И не белы, как льняные;
Белы, как морская пена,
Кари, как трава морская,
Милы, как цветок прекрасный!
  Ну вы, мальчики-цыплята!
Моего ведите зятя
На высокое сиденье,
На возвышенное место,
К голубой стене спиною,
Головой же поверните
На гостей, на красный столик,
Грудью к шуму всех сидящих!»
  И хозяйка угощает,
И поит гостей, и кормит;
Кормит их прекрасным маслом,
Кормит мягкими комками;
Всех гостей кормила званых,
Больше ж всех кормила зятя.
  Уж и семгу разложили
Возле жареной свинины;
Так полна была посуда,
Что края едва держали,
Всем гостям на угощенье,
А для зятя — прежде прочих.
  Молвит Похъёлы хозяйка:
«Ой ты, девочка-малютка!
Принеси-ка пива в кружках,
В кружках, что с двумя ушками,
Всем гостям на угощенье,
А для зятя — прежде прочих!»
  Принесла девчонка кружку,
Та служанка нанятая,

Чтоб кругом ходила кружка,
С пивом спелым чтоб гуляла,
Чтобы хмель с бород струился,
Пена белая стекала
У гостей, на свадьбу званных,
А у зятя — прежде прочих.
Что ж тогда случилось с пивом,
Что вспененное сказало,
Как к певцу оно попало,
Знаменитому досталось?
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Охранитель всех напевов,—
Знаменит искусством пенья,
Всех сильнее в заклинаньях.
Взял он пиво прежде прочих,
Говорит слова такие:
«Пиво, доблестный напиток!
Да не пьют тебя в молчанье!
Дай мужам охоту к песне,
Золотым устам — к напеву!»
Удивляется хозяин,
А хозяйка слово молвит:
«Что-то песни поувяли,
Языки перетупились,
Дурно ль пиво я сварила,
Налила ль питья плохого,
Что певцы не запевают,
Не похвалятся напевом,
Не зальются, золотые,
И кукушка не ликует?
Кто ж начать здесь должен песни,
Голос чей раздаться должен,
В Похъёле на славном пире,
В Сариоле на пирушке?
Не поет ведь здесь скамейка
Без людей, на ней сидящих,
Не звучит здесь пол в покоях
Без людей, по нем ходящих;
Здесь окно не веселится
Без хозяев у окошка,
Не шумит здесь стол краями
Без людей, за ним сидящих,
Не гудит окно для дыма
Без людей, внутри живущих».

На полу сидел ребенок,
На печной скамье малютка.
И сказал тот мальчик с полу,
С той печной скамьи ребенок:
«Я вот мал и юн годами,
Я и слаб, и тонок телом,
Но пусть будет по желанью,
Не поют ведь те, кто толще,
Мужи сильные примолкли,
Не хотят здесь веселиться,
Я спою, худой мальчишка,
Я спою, ребенок тощий;
Хоть мое и худо тело
И совсем без жира бедра,
Чтобы вечер был веселым,
Был прославлен день прекрасный».
На печи старик лежал там,
Говорит слова такие:
«Не должны петь песен дети,
Лопотать пустые вещи:
Много лжи в ребячьих песнях.
В песнях девушек нет смысла!
Пусть споет премудрый песню,
Тот, чье место на скамейке!»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут такое молвил слово:
«Есть ли кто из молодежи,
Есть ли кто в честном народе,
Кто б сложил с рукою руку,
Положил бы их друг к дружке
И потом бы начал пенье,
Пенье радостное поднял,
Чтобы день наш был веселым,
Чтобы вечер был прославлен?»
Говорит старик на печке:
«С давних лет здесь не слыхали,
Не слыхали, не видали
Никогда, ни разу прежде
Певуна меня сильнее,
Заклинателя мудрее
С детства, как познал я лепет,
Как ребенком пел я часто
У широкого залива,
На полях шумел, бывало,

Как взывал в лесу сосновом,
Распевал я в рощах темных,—
   Силен, славен был мой голос,
И напевы превосходны;
И текли они, как реки,
Как поток воды, шумели,
И скользили, словно лыжи,
Словно парусный кораблик;
Тяжело теперь промолвить,
Тяжелей еще услышать,
Что надорван сильный голос,
Что поник мой голос милый:
На реку уж не похож он,
На поток он не походит,
Он, как грабля между пнями,
Как сосна на снежном поле,
На земле песчаной сани,
На сухих каменьях лодка».
   Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Коль не явится другой кто,
Чтобы петь со мною вместе,
В одиночку петь я стану,
И один спою я песни;
Был певцом уж так и создан —
Песнопевцем от рожденья,
Не спрошу я у другого
Ни пути, ни цели песен».
   Старый, верный Вяйнямёйнен,
Пенья вечная опора,
Начал радостное дело,
Исполненье песнопенья,
Зазвучала песнь веселья,
Слово мощно загремело.
   Начал старый Вяйнямёйнен,
Людям дал услышать мудрость:
Знал он много слов хороших,
Ведал много дивных песен,
Больше, чем у скал каменьев,
Чем цветов в воде цветущей.
   И запел тут Вяйнямёйнен,
Пел он вечеру на радость,
Чтобы женщины смеялись,
Чтоб мужчины веселились,

Чтобы слушали, дивились
Вяйнямёйнена напевам,
И дивились те, кто слушал,
Слух ничем не отвлекая.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Он сказал, окончив пенье:
«Я совсем не знаменитый,
Ни певец, ни заклинатель,
Не могу пропеть я много,
И мое уменье слабо.
О, когда б запел создатель,
Слово с уст своих сказал нам!
Мощно песни он пропел бы,
Произнес бы заклинанья.
Море в мед он обратил бы,
А песок — в горох красивый,
Хрящ морской — в хороший солод,
Солью стали б камни моря,
Хлебородной почвой — рощи,
Темный лес — пшеничным полем,
Горы стали б пирогами,
Стали б яйцами каменья.
Он и пел и заклинал бы,
Говорил слова заклятья,
Он на двор напел бы стадо,
Мог бы в хлев коров наделать,
В стойла много пестролобых,
В поле множество молочных,
Сотни с выменем обильным,
Целых тысячи рогатых.
Он бы пел и заклинал бы,
Он бы пел, и рысий мех бы
Для хозяина он создал,
На кафтан сукно хозяйке,
Башмачки на ноги дочке,
Сыну — красную рубашку.
О ты, Укко, бог верховный,
Сделай, праведный создатель,
Чтоб всегда тут сладко жили,
Чтобы так довольны были,
Как теперь на угощенье,
На пирушке Сариолы.
Пусть течет рекою пиво,
Пусть медовое польется

В этом Похъёлы жилище,
По строеньям Сариолы.
Чтобы днем здесь распевали,
Вечерами мирно пели,
Жив пока в дому хозяин
И пока жива хозяйка.
Укко, дай им воздаянье,
Пусть найдут они награду —
У стола найдет хозяин,
А хозяюшка в амбаре,
Сыновья найдут в тенетах,
За станками сидя, дочки;
И на будущее лето
Пусть никто не пожалеет,
Что он был на этом пире,
Что сидел здесь на пирушке!»

РУНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Невесту собирают к отъезду и поют ей о прошлом и о том, что ее ждет в будущем (1—124).— Невеста озабочена (125—184).— Невесту доводят до слез (185—382).— Невеста плачет (383—448).— Невесту утешают (449—522)

Как отпраздновали свадьбу,
Вдоволь как попировали
На пирушке Сариолы,
На пиру в земле суровой,
Зятю молвила хозяйка,
Ильмаринену сказала:
«Что сидишь, высокородный,
Что не спишь, краса отчизны?
Иль сидишь отцу утехой,
Иль для матери отрадой,
Иль для блеска здесь в покоях,
Для красы гостей на свадьбе?
Не сидишь отцу утехой,
Ни для матери отрадой,
Ни для блеска здесь в покоях,
Для красы гостей на свадьбе.
А сидишь утехой девы
И отрадой для девицы,

Ради девушки любимой,
Ради той прекраснокудрой!
   Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — жди еще ты,—
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Половина кос плетеных,
Половина неплетеных.
Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — жди еще ты,—
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь один рукав надетый,
А другой пока пустует.
   Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — жди еще ты,—
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь одна нога обута,
А другая не обута.
   Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — жди еще ты,—
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь одна рука в перчатке,
А другая не покрыта.
   Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — не устал ты:
Уж готова дорогая,
Наша уточка одета.
   Выйди, проданная дева,
Следуй, купленная птичка!
То, что тут тебя связало,
То тебя и разлучает.
Вот он, кто тебя увозит,
За тобою выйдет в двери;
Уж кусает конь поводья,
Ожидают сани деву.
   Ты была на деньги падка,
Отдала ты скоро руку,
Приняла подарок быстро,
Ты кольцо надела скоро.
Полюби же эти сани
И войди туда скорее,

Проезжай деревней быстро,
Уезжать спеши скорее!
Мало, юная девица,
Мало в сторону смотрела,
Мало кверху ты глядела;
Ты о сделке пожалеешь,
Много слез прольешь ты в жизни,
Много лет рыдать ты будешь,
Что отцовский дом бросаешь,
Что от матери любимой
И от родины уходишь,
Из жилища дорогого.
Жить тебе прекрасно было,
Жить в родном отцовском доме!
Ты росла, как цветик нежный,
Точно ягодка на поле;
К маслу шла ты из постели,
К молоку ты шла проснувшись,
С ложа шла ты на пшеницу,
К маслу свежему — с простынки;
Если ты не ела масла,
Ты брала тогда свинину.
Никогда забот не знала,
Дум больших ты не имела,
Отдала заботу соснам,
Отдала растеньям думы,
Всю печаль болотным соснам
Да березе на песочке.
Как листочек, ты порхала,
Мчалась бабочкой веселой,
Точно ягодка родная,
Земляничка на поляне.
Вот ты из дому уходишь,
В дом другой идешь отсюда,
К матери другой уходишь,
Из родной семьи — в чужую.
Там совсем иначе будет,
Все в другом иначе доме:
Там рожки звучат иначе,
Там скрипят иначе двери,
Там не так калитки ходят,
Петли там визжат иначе.
Там дверей найти не сможешь,
Не отворишь там калитку,

Как их дочери умеют;
Развести огонь не сможешь,
Не истопишь там ты печки,
Как хотят там их мужчины.
   Знала ль это ты, девица?
А ты думала, младая,
Провести там только ночку
Да домой назад вернуться?
Не на ночку ты уходишь,
Не на ночку и не на две —
Ты надолго ведь уходишь,
Да, на месяцы, на годы,
На всю жизнь отца оставишь,
Мать, пока она на свете.
Значит, двор наш станет больше
И порог повыше станет,
Если ты когда вернешься,
Вновь придешь в места родные».
   Дева бедная вздохнула,
Тяжело она дышала;
У нее печаль на сердце,
На глазах стоит водица.
И сказала дева слово:
«Так я думала, гадала,
Так я знала, говорила
В годы юности цветущей:
Много ль значишь ты, девица,
Под родительской охраной,
Посреди полей отцовских,
В доме матери-старушки!
Ты тогда важнее станешь,
Как пойдешь, девица, к мужу,
На порог ногой ты ступишь,
А другой ногою в сани;
Будешь на голову выше,
Будешь на ухо длиннее!
   Вот чего ждала я в жизни
И желала, подрастая,
Точно славного годочка,
Точно лета приближенья.
И исполнились надежды,
Уж приблизился мой выезд,
На порог нога ступила,
А другая — уж на сани.

Все ж не в силах я постигнуть,
Что мой ум так изменило:
Я не с радостью на сердце
Ухожу, не с ликованьем
Из жилища дорогого,
Где девицей проживала,
Со двора, где подрастала,
Из отеческого дома;
Ухожу я с горькой думой,
Ухожу полна заботой,
Точно к осени в объятья,
Как на тонкий лед весенний:
Нет следов на льду весеннем,
Ни следочка нет на скользком.
   Как легки у прочих думы,
У других невест их мысли!
Нет такой у них заботы,
Нет такой тоски на сердце,
Как, бедняжка, я имею,
Как в заботах я страдаю!
А на сердце точно камень,
Сердце — точно уголь черный.
   Ведь не то ль у лучших думы,
Ведь не то ль блаженных мысли,
Что денной рассвет весенний,
Что весенним утром солнце?
   У меня, у бедной, думы,
У меня, печальной, мысли,
Точно ровный берег моря,
Точно край у темной ночи;
Точно тьма осенней ночи;
Очень мрачен день зимою,
А мои мрачнее думы
И темней осенней ночи».
   Работящая старушка,
Что всегда жила при доме,
Говорит слова такие:
«Ну, вот видишь ты, девица,
Помнишь, что я говорила,
Сотни раз тебе твердила:
Женихом ты не любуйся,
Не гляди в уста мужчине
И глазам его не верь ты.
Не смотри ты, крепки ль ноги!

Пусть уста его приятны,
Пусть глаза его красивы —
Да в устах уселся Лемпо,
Смерть сидит на подбородке».
Я советовала деве,
Я племяннице сказала:
«Женихи придут к девице,
Женихи придут и сваты;
Женихам ответь, невеста,
От себя ты им промолви,
Им скажи слова такие
И такие молви речи:
«Никогда мне не придется,
Не придется мне, как видно,
Уходить отсель невесткой;
Взять меня в рабы не могут,
Девушка, как я, не будет
Жить рабыней, не захочет,
Никогда не согласится
Жить все время в подчиненье:
Если кто мне слово скажет,
Я тому и два отвечу;
Кто мне волосы лишь тронет,
Лишь кудрей моих коснется,
В волоса тому вцеплюсь я,
Растреплю я их с позором».
Ты на это не смотрела,
Слов моих ты не слыхала,
Ты сама в огонь уходишь,
В жидкую смолу с охотой,
Ты спешишь к лисице в сани,
Чтоб попасть к медведю в лапы.
Увезут тебя те сани,
Унесет медведь далеко,
Вечною рабою свекра,
В рабство вечное свекрови.
Ты идешь из дома в школу,
От отца идешь на муку;
Тяжело идти в ту школу,
Там мучительно бедняжке:
Там уж куплены поводья,
Кандалы уже готовы.
Не кому-либо другому,
А тебе одной, несчастной.

Скоро ты узнаешь грубость.
Плохо проданной придется:
Из костей уста у свекра,
Каменный язык свекрови,
Речи деверя морозны,
Горд затылок у золовки.
Слушай речь мою, девица,
Слушай речь мою и слово.
Ты была в дому цветочек,
На дворе отцовском радость,
Мать звала тебя ведь солнцем,
Ясным месяцем отец звал,
Блеском вод тебя звал братец,
Голубым платком — сестрица.
Вот в чужой ты дом уходишь,
Там и мать тебе чужая,
Не такая, как родная:
Эта мать ведь иноземка,
Редко даст наказ хороший,
Редко даст наказ получше.
Будешь дрянью слыть у свекра,
Рванью будешь у свекрови,
Назовет порогом деверь
И страшилищем золовка.
Ты тогда была б хорошей
И тебя бы оценили,
Если б ты как пар всходила,
Точно дым бы поднималась,
Точно листик запорхала,
Точно искорка спешила.
Не летаешь ты как птичка,
Не порхаешь точно листик,
Не спешишь ты точно искра,
Точно дым ты не восходишь.
Дева милая, сестрица!
Вот теперь ты променяла
Своего отца родного
На чужого свекра злого,
Променяла мать родную
На свекровь свою, злодейку,
Милых братьев вдруг сменила
Ты на деверьев жестоких,
Ты сестер сменила кротких
На насмешливых золовок,

Полотняные постели
На очаг, покрытый сажей,
Эту чистую водицу
На густую грязь и плесень,
Берега с песочком чистым
На болота с черной грязью,
Рощи милые сменила
На пустынные пространства,
Холмик ягодный сменила
Ты на пожниво сухое.
   Иль ты думала, девица,
Иль ты, курочка, мечтала,
Что заботы и работы
Знать не будешь с этой ночи,
Как тебя ко сну отправят,
На покой тебя проводят?
   Не ко сну тебя отводят,
Не покоем наслаждаться:
Ждать должна ты беспокойства,
От забот ударов тяжких;
Будут частые печали;
Тосковать всегда ты будешь.
   Как платка ты не носила,
Ты не знала и печали;
Не имела покрывала,
Не имела и заботы;
И печали и заботы
Головной платок приносит.
Лен приносит только горе,
Он приносит только скорби.
   Что такое дева в доме!
Дева то в отцовском доме,
Что король, живущий в замке,
Лишь меча ей не хватает!
Все иначе у невестки!
И живет она при муже,
Словно пленник на чужбине —
Только стражей не хватает!
   Поработала невестка,
Сильно плечи утомились,
И промокла вся от пота,
Пот по лбу струится пеной:
Настает покоя время —
Тут в огонь ее погонят,

В пламя страшное отправят,
Прямо в пекло посылают.
Взять тогда должна бедняжка,
Взять ума у быстрой семги,
А язык искать ершиный
И у окуня взять мысли,
Рот и брюхо у плотицы,
Мудрость взять у черной утки.
Не могла сама понять я,
Мать мне тоже не сказала,
Ни ее все девять дочек,
У родителей хранимых,
Где родился тот обжора,
Где грызун тот проживает:
Жрет он мясо, кости гложет,
Волосы по ветру сыплет,
Их по ветру распускает,
Их дарит ветрам весенним.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Ты облей слезами руки,
Горьких слез налей пригоршни,
На дворе налей ты капли,
В доме пол залей прудами,
Плачь, пока зальешь покои,
Чтоб текло сквозь доски пола!
Плачешь ты еще не много,
Так заплачешь, как вернешься,
Как придешь ты в дом отцовский,
Старика-отца увидишь
Мертвого средь дыма бани,
А в руках холодных веник.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще не много,
Так заплачешь, как вернешься,
В материнский дом придешь ты
И увидишь мать-старушку
Под навесом без дыханья,
А в руках соломы связку.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще не много,
Так заплачешь, как вернешься,

В этот дом когда придешь ты,
Брата милого увидишь
Там на улице упавшим,
Прислонившимся у дома.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще не много,
Так заплачешь, как вернешься,
В этот дом когда придешь ты
И сестриц увидишь нежных,
Как лежат среди дороги
И вальки в руках сжимают».
Тяжело вздохнула дева,
Часто дева задышала,
Начала тут горько плакать,
Проливать обильно слезы.
Облила слезами руки,
Налила полны пригоршни,
Оросила двор отцовский,
Залила полы прудами;
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«О вы, милые сестрицы,
Вы, мои подруги жизни!
Вы со мной играли вместе,
Вы услышьте, что скажу вам!
Не могу никак постигнуть:
Отчего так угнетает,
Так гнетет меня кручина.
Отчего печаль терзает,
Отчего тоска так мучит,
Отчего забота вяжет.
Так ли думала, гадала —
Я ждала иного в жизни.
Я хотела быть кукушкой,
По холмам хотела кликать
В эти дни мои младые,
Как достигла лет цветущих,
Не иду теперь кукушкой,
Чтобы кликать по холмочкам:
Точно уточка я стала,
Как она в волнах далеких
Поплывет в воде холодной,
В ледяной воде продрогнет.

Мать, отец, мои родные!
Ты, старушечка седая!
Вы куда меня ведете,
Отправляете бедняжку,
Что я слезы проливаю,
Что я мучаюсь печалью,
Что забот имею столько,
Что терплю такое горе!

Матушка моя, бедняжка,
Что меня в себе носила,
Что меня кормила грудью,
Молоком меня вспоила,—
Иль качала ты колоду,
Или камешек купала,
А не дочку ты купала,
Не качала дорогую
Для заботы беспрестанной
И для горести сердечной?

Может, кто-нибудь мне скажет,
Может, кто-нибудь помыслит:
Нет тебе, девице глупой,
Ни заботы, ни печали!
Люди добрые, молчите,
Милые, не говорите:
У меня забот ведь больше,
Чем каменьев в водопаде,
Чем на топком месте ветел,
Вереску в лесу сосновом.
Не могла б везти их лошадь,
Не могла бы дотащить их,
Чтоб дуга не покачнулась
И хомут не затрещал бы;
Это все — мои заботы,
Все — моя печаль-кручина».

На полу сидел ребенок,
У печи запел малютка:
«Отчего, девица, плачешь,
Отчего твои заботы?
Ты коням оставь заботы,
Меринам кручину черным,
Горе — им, железномордым,
Им — печаль, большеголовым.
Головы у них покрепче,

И у них покрепче кости,
Больше носит сгиб их шеи,
И у них сильнее тело.
И зачем тебе так плакать,
И к чему тебе томиться?
Не ведут тебя в болото,
Ни на побережье речки:
От равнины плодоносной
Ты идешь к полям богатым;
Из жилищ, где много пива,
В дом идешь, где пива больше.
Девушка, взгляни направо,
Глянь на правую сторонку:
Муж стоит, твоя охрана;
Светел он с тобою рядом;
Муж хорош, и конь прекрасен,
Упряжь сделана с искусством;
Резво рябчики порхают,
На изгиб дуги взлетают,
И дрозды там веселятся
И поют в ремнях на сбруе,
Золотые шесть кукушек
На хомут коня взлетают,
Семь прекрасных синих птичек
Впереди саней распелись.
Будь, девица, без заботы,
Дочка матери, не плачься:
Не идешь для жизни худшей,
А идешь для лучшей жизни
Рядом с этим земледельцем,
К пахарю под кров уходишь,
Ты к устам его стремишься,
Прямо в руки рыболову,
Что смывает пот охоты
В бане у ловца медведя,
Из мужей твой — самый лучший,
Ты взяла себе героя:
Лук его всегда при деле,
На гвозде колчан не виснет,
Не лежат собаки дома
И не дремлют на подстилках.
Вот уж трижды в эту весну,
В самый ранний час рассвета,
При огне он поднимался,

Пробуждался он меж сучьев;
У него уж трижды в весну
Росы падали на очи,
Ветки щеткою служили,
Гребешком служили сучья.
У него стада большие,
И они все возрастают;
Наш жених имеет много
Стад, что по лесу гуляют,
Пробегают по вершинам;
Сходят в низменность долины
Сотни тех, что носят вымя,
Сходит тысяча рогатых;
На полях там много хлеба,
В долах множество запасов,
По лесам ольховым — пашни,
По ручьям — ячмень богатый,
Там овес промеж утесов,
По прибрежьям рек — пшеница,
Деньги там в огромных грудах,
Там монеты — мелкий щебень».

РУНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Невесту учат и дают советы, как она должна жить замужем (1—478).— Старая нищенка рассказывает о своей жизни, как она была девушкой, как была замужем и как ушла от мужа (479—850)

Нужны девушке советы,
Поучить невесту нужно,
Кто же девицу наставит,
Кто учить невесту будет?
Осмотар, красотка-дева,
Калевы красотка-дочка,
Вразумляет ту девицу,
Ту сиротку поучает,
Как же быть ей там желанной,
Как прожить бы с похвалою,
Быть желанной в доме мужа,
Быть хвалимой у свекрови.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:

«Ты, невеста, ты, сестрица,
Молодой отросток нежный!
Ты послушай, что скажу я,
Повторять тебе я буду!
Ты, цветок, идешь отсюда,
Вдаль ты, ягодка, уходишь,
Ты уйдешь, платочек пестрый,
Выйдешь, бархата ворсинка,
Из прославленного дома,
Из прекрасного жилища;
В дом чужой войдешь, девица,
Вступишь в чуждое хозяйство.
Все в чужом дому иначе,
Все иначе в том хозяйстве:
Как пройдешь, подумай прежде,
Пред работой поразмысли,
А не как в родных полянах,
Как у матери на поле,
Пенье было там в долинах,
Там веселье на лужайках.
Этот дом ты покидаешь,
Забери с собой что хочешь,
Но оставь три вещи дома:
Сны, что ты на дню видала,
Речи матери любезной
И кадушку с свежим маслом!
Забери с собой что хочешь,
Но оставь мешок со снами
Здешним девушкам при доме,
На краю широкой печки!
Пенье брось на край скамейки,
К окнам — радостные песни,
Брось девичество метелке,
Шум — к оборкам одеяла,
Шалость брось к печной скамейке,
Лень свою ты выкинь на пол!
Иль отдай подруге детства,
Брось в подол своей подружке,
Пусть несет ее в кустарник,
В рощу пусть ее забросит!
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ты забудь отцову ласку,
Чтоб тебя ласкал там свекор;

Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше!
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ласку матери забудь ты,
Чтоб свекровь тебя ласкала;
Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше!
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Позабудь ты ласку брата,
Чтоб тебя ласкал там деверь;
Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше!
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ласку сестрину забудь ты,
Чтоб золовка там ласкала;
Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше!
В продолженье целой жизни
И пока сияет месяц
Ты нечистых нравов бойся,
Чистоту свою храни ты!
Добродетель в доме ценят,
В добром доме чистых нравов.
Муж пытает нрав супруги,
Лучших в ней достоинств ищет;
Важны знанья по хозяйству,
Если нет порядка в доме;
Там нуждаются в усердье,
Где к нему сам муж негоден.
Пусть старик хоть волком будет,
Пусть медведицей старуха,
Хоть змеею деверь будет,
Хоть занозою золовка —
Отдавай им честь такую ж,
Даже кланяйся пониже,
Чем ты кланялась родимой,
Чем ты в горнице отцовской
Пред отцом родным склонялась,
Почитала мать родную!
Припасти должна ты будешь
Мудрый ум и быстрый разум;

Там должна ты постоянно
Быть во всем благоразумной,
Зоркий глаз иметь под вечер,
Без огня работу видеть.
Острый слух иметь под утро,
Петушиный крик услышать!
Прокричал петух один раз,
Не кричал еще в другой раз —
А должна вставать молодка,
Старики пусть спят покойно.
   Коль петух кричать не будет,
Не зовет хозяев птица,
Петухом пусть служит месяц,
По Медведице знай время!
   Часто будешь выходить ты,
Чтоб смотреть на месяц ясный,
По Медведице знать время,
Принимать от звезд советы!
   Коль Медведица так прямо
Головою к югу станет,
А хвостом своим на север —
Значит, время подниматься
С ложа мужа молодого,
Из объятий новой жизни
И искать огня средь пепла,
Искру малую в коробке
И раздуть огонь в поленьях,
Но чтоб он не шел далеко.
   Коль огня не будет в пепле,
Не найдешь в коробке искры,
Растолкай тогда ты мужа,
Разбуди тогда красавца:
«Дай огня, супруг мой милый,
Дай мне, ягодка, хоть искру!»
   Как кусок кремня получишь,
Вместе с ним немного труту —
Выбивай огонь поспешно,
Ты воткни в скобу лучинку
И пойди дорогой к хлеву,
Чтобы там кормить скотину!
Замычит свекрови телка,
И заржет там лошадь свекра,
Ждет там деверя корова,
И теленок ждет золовки,

Чтоб скорее дали сена,
Чтобы клевер был наложен.
    Ты пройди в загон, нагнувшись,
Наклонясь, во двор к скотине,
Накорми коров с любовью,
А стада овец с уменьем!
Брось соломы ты коровам,
Ты подай телятам пойла,
Нежных стеблей жеребятам,
Сена мягкого ягнятам!
На свиней не натыкайся,
Не толкай ты поросенка,
А поставь кормушку свиньям,
Дай корыто поросятам!
    Отдыхать не вздумай в хлеве,
Не засни ты там в загоне!
Ты прошла загоном скотным
И скотину осмотрела —
Так спеши скорей оттуда,
Мчись скорей метелью к дому!
Там заплакал уж ребенок,
Уж кричит он на постели,
Говорить не может, бедный,
Он не скажет, бессловесный,
Есть ли хочет он, озяб ли,
Иль еще что приключилось,
Как остался без родимой,
Речи матери не слышал.
    Ты когда войдешь в покои,—
Ты войдешь сама-четверта:
На руке ведро с водою,
А под мышкой свежий веник,
А во рту твоем лучинка —
Вот и выйдет вас четыре!
    Подмети ты доски пола,
С пола сор смети почище;
Воду выльешь — вылей на пол,
Не на голову ребенка!
На полу дитя увидишь,
Пусть оно дитя золовки:
Посади его на лавку,
Вытри глазки, гладь головку,
Дай кусочек хлебца в руки
Да намажь на хлебец масла!

Не найдешь ты в доме хлебца,
Дай ему хоть щепку в руки!
   Ты столы захочешь вымыть
Попоздней, в конце недели —
Мой и сверху, мой и сбоку,
Не забудь и ножки вымыть!
Ты облей скамьи водою,
Обмети, как нужно, стены,
По порядку все скамейки
И в длину все стены дома!
   Что на стол насело пыли,
Что насело по окошкам,
Ты смети крылом прилежно,
Вытри тряпочкой с водою,
Чтобы пыль не разошлася,
К потолку б не поднялася!
   С потолка смети ты сажу,
Печку также ты почисти
И почисти столб у печки,
Также о шестке подумай,
На жилье чтоб дом похож был,
Чтоб сочли его жилищем.
   Слушай, дева, что скажу я,
Что скажу и что промолвлю!
Не ходи без сарафана,
Не броди ты без сорочки,
Не ходи и без платочка,
Не ходи без башмаков ты!
Неприятно это мужу,
Заворчит тогда твой милый!
   Охраняй с большим стараньем
На дворе своем рябины!
Хороши они, рябины,
Хороши у них и ветки,
Хороша на ветках зелень,
А плоды еще получше,
Через них узнает дева,
Беззащитная узнает,
Как живет она — по вкусу ль,
По желанию ль супруга.
   Ты, как мышь, ушами слушай,
Ты, как заяц, бегай быстро!
Наклоняй затылок юный,
Молодой сгибайся шеей,

Как растущий можжевельник,
Как черемухи верхушка!
   Будь внимательна повсюду
И всегда остерегайся,
Чтоб нигде ты не упала,
Не свалилась бы у печки,
Не запуталась бы в платье,
На постель бы не наткнулась!
   Вот вернется с пашни деверь,
А золовка — из овина,
Подойдет супруг с работы,
От сохи придет твой милый:
Принеси с водою ковшик,
Принеси и полотенце,
Наклонись к земле пониже,
Молви ласковое слово!
   А свекровь в избу вернется,
Принесет с мукою короб:
Ты беги на двор, навстречу,
Поклонись еще пониже
И возьми из рук старухи,
Отнеси муку в покои!
   Если ж ты сама не знаешь
И сама не понимаешь,
За какое дело взяться
И какую взять работу,
То спроси ты у старухи:
«Ах, свекровушка родная!
Мне за что теперь приняться
И какую взять работу?»
   И свекровь тебе ответит,
Так тебе старуха скажет:
«Вот за что тебе приняться
И какую взять работу:
Ты толки, мели прилежно,
Приведи в движенье жернов,—
Принеси водицы свежей,
Замеси покруче тесто,
Принеси поленьев в печку,
Чтобы печка понагрелась.
Испеки потом ты хлебы,
Испеки пирог потолще,
Для еды посуду вымой,
Для питья сосуды вытри».

Услыхавши от свекрови,
От старухи про работу,
Ты возьми зерно с каменьев
И в чулан молоть отправься!
И когда туда войдешь ты,
Чтоб молоть одной в чулане,
Ты не пой, не веселися,
Во всю глотку не кричи там:
Пусть поет у камня ручка,
Пусть шумят у камня дыры!
Не пыхти при этом сильно,
Не вздыхай, пока ты мелешь,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что ты стонешь от досады,
Что вздыхаешь ты от злости!

Ты потом муку просеешь,
Принесешь домой на крышке
И пеки там хлеб с весельем,
Замеси с большой заботой,
Чтоб сухой муки комочков
В этом тесте не осталось!

Коль ушат стоит где косо,
На плечо ушат возьми ты
И возьми черпалку в руки,
Почерпни воды черпалкой,
Понеси ушат красиво,
Принеси на коромысле!
Ты беги назад, как ветер,
Как весною дуновенье,
У воды не засидися,
У ключа не задержися,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что на личико ты смотришь
И любуешься собою,
Своей свежестью в водице,
Красотой своей в колодце!

К дровяной пойдешь ты куче,
Чтобы там набрать поленьев,—
Ты бери, не выбирая,
И осиною не брезгай!
Захвати поленья тихо,
Не наделай много шуму,

Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что бросаешь ты со злости,
Что шумишь ты от досады!
И когда в амбар пойдешь ты
Принести муки оттуда,
Ты не отдыхай в амбаре,
Не пробудь в дороге долго,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что мукой ты оделяешь
И даришь в деревне женщин.
Как пойдешь ты мыть посуду,
Мой не как-нибудь, а чисто,
Вымой ручки у горшочков,
Вымой краешки у чашек!
Моешь чашки — мой их сбоку,
Моешь ложки — мой их ручки!
Береги ты эти ложки,
Стереги горшочки эти,
Чтоб собака не стащила,
Кошка их не унесла бы,
Птица не расколотила
И не взяли б с места дети!
Ведь детей в деревне много,
Много маленьких головок,
Что возьмут твои горшочки,
Унесут с собою ложки.
Подойдет помыться время,
Воду, веник притащи ты,
Веник выпарь в кипяточке,
Как не будет в бане дыма;
Долго там не оставайся,
Не засиживайся в бане,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что ты в бане разлеглася,
Развалилася на полке!
И как в горницу вернешься,
Пригласи ты свекра в баню:
«Ах ты, свекор мой любезный!
Уж вода готова в бане,
Уж и веники готовы,
Чисто выметены полки;

Ты пойди, попарься вдоволь,
Обливайся сколько хочешь!
Я сама прибавлю жару,
Там под полками я стану!»
    А как прясть настанет время,
Время для тканья настанет —
Не ищи в деревне пальцев,
За ручьем себе искусства,
По дворам себе советов,
У чужих себе ты берда!
    А сама пряди ты нитки,
Пряжу собственной рукою,
Шерсть закручивай слабее,
А льняные нитки круче!
Их мотай в клубок покрепче,
Намотай их на воробы,
А с вороб навей на вьюшки,
На навой навей основу!
Ударяй покрепче бердом,
Ты станком скорее двигай,
На кафтан натки ты сукон,
Шерстяных наделай платьев
Из одних охлопков шерсти
От ягнят прозимовавших,
Из волос овечки летней,
Из бараньей мягкой шерсти!
    Ты послушай хорошенько,
Слушай, что тебе скажу я!
Ты вари ячмень для пива,
Сладкий солод для напитка,
Ты бери ячмень хороший,
Но сожги лишь полполена!
    Солод сладкий ты попробуй,
Сок ячменный ты отведай,
Не мешай тот солод сечкой
И лопаткой не ворочай:
Ты мешай его руками,
Поворачивай ладонью!
И ходи почаще в баню,
Чтоб затвора не испортить,
    Чтобы кошка там не села,
Кот на солоде не спал бы!
Волка ты не опасайся,
Зверя дикого лесного,

В час, когда идешь ты в баню,
Если даже будет полночь!
Коли кто придет к вам в гости,
Будь приветлива ты с гостем!
Дом хороший запасает
Много разного для гостя,
Мяса лишние кусочки,
Пирожков хороших много.
Пригласи садиться гостя,
Говори с ним дружелюбно:
Угощай его словами,
Стол покуда не поспеет!
А пойдет назад из дома
И совсем уже простится,
Провожать нейди ты гостя,
Дальше двери не ходи с ним,
Чтоб твой муж не рассердился,
Не разгневался б любезный!
Коль придет тебе желанье
Как-нибудь пойти в деревню,
Не ходи без позволенья,
Не спросясь нейди ты в гости!
И пока в деревне будешь,
Речи умные веди ты;
И свой дом там не кори ты,
Не брани своей свекрови!
Там тебя невестки спросят
Или женщины другие:
Что, свекровь дает ли масла,
Как давала мать родная?
Ты не смей сказать так прямо:
«Нет! мне масла не бывает».
А скажи, что постоянно
Ложку масла получаешь,
Хоть бы ела раз лишь летом
Из запасов прошлогодних!
Слушай дальше хорошенько,
Что еще тебе скажу я!
Ты вот из дому уходишь,
Ты идешь в семью чужую,
Мать родную не забудь ты,
Огорчать ее не вздумай!
Жизнь она тебе дала ведь,
И твои вскормила груди

Мать ведь собственною грудью
И своим прекрасным телом;
Редко мать спала ночами,
О еде порой забывши,
Дитятко свое качая
И свою малютку нянча.
Кто родную мать забудет,
Огорчит ее, голубку,—
Не добром сойдет он к Мане,
В Туонелу не с миром снидет.
Воздадут за то у Маны,
Страшно в Туонеле отплатят,
Коль родную мать забыла
И при жизни огорчила;
Дочки Туонелы там скажут,
Девы Маналы промолвят:
«Как забыла ты родную,
Огорчила мать при жизни?
Тяжело ведь мать трудилась,
Тяжесть страшную носила,
В час, когда лежала в бане,
На соломе распростершись,
Бытие тебе давала,
Там тебя на свет рожала!»
На полу сидит старуха,
Нищенка сидит в лохмотьях,
На деревне все пороги,
Всех людей дороги знает.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Пел петух своей супруге,
Пел цыпленочек над нею,
Ворон тоже спеть сумеет,
Закачается весною.
Мне бы песни петь пристало,
А они б уж промолчали:
Ведь они в прекрасном доме
И на лоне у любимых;
Я ж без золота, без дома,
Без любви живу все время.
Ты, сестра, меня послушай!
К мужу в дом теперь идешь ты,
Мужа прихотям не следуй,
Мне, несчастной, уподобясь,

Угождавшей нраву мужа,
Сердцу гордого супруга!
Распускалась я цветочком,
Вереском в лесу сосновом,
Кверху шла, как юный прутик,
Вышла стройною девицей,
Ягодкой меня все звали,
Золотко меня прозвали,
Уточкой была отцовской,
Милым матери гусенком,
Водяною птичкой брата,
Зябликом была сестрицы.
Как цветок я шла дорогой,
Как малина шла по пашне,
Я по берегу шумела,
В полевых цветах качалась;
Распевала по долинам,
На холмах кукушкой пела,
По лесочкам я играла,
Веселилась в каждой роще.
Нюх лису в капкан торопит,
Язычок хорька приводит.
В мужний дом мечта сманила,
Завела к чужим девицу.
Так уж создана девица, —
Так уж вынянчена дочка,—
Быть ей женушкой при муже
И рабыней у свекрови.
Шла, малинка, на чужбину,
Шла к воде чужой я, вишня,
Шла, брусника, чтоб глумились,
Земляничка, на погибель.
Будто дуб хватал дорогой,
Будто ветвь березы била,
Будто схватывали ольхи,
Будто каждый сук кусался.
Я женой вошла в жилище,
Подвели меня к свекрови.
Как туда я отправлялась,
Мне твердили, будто в доме
Шесть покоев, все из ели,
Вдвое будто бы чуланов,
По краям лесов амбары,
С краю выгона цветочки,

У ручья ячмень прекрасный,
По полям овсы густые —
Обмолоченного груды,
Немолоченого кучи,
Сотня денег уж добытых,
Сотня денег предстоящих.
И по глупости пошла я,
Отдала я глупо руку:
Дом там на шести подпорках,
На семи стоит тычинках,
Там безжалостны поляны,
Неприветливы там рощи,
Грусть во всех лесах царит там,
Злоба там в лесах повсюду,
В закромах запас негодный,
А другие вовсе пусты,—
Сотня слов, уже слетевших,
Сотня слов, мне предстоящих.
Я о том не горевала,
Жить и так хотела с честью.
Я ждала себе почета,
Я добра себе искала.
Привели меня в покои,
Начала искать я щепок,
Лбом я стукнулась о двери,
О косяк там головою:
При дверях глаза чужие,
Очи мрачные у стенок,
С пола там косые взгляды,
Издали и вовсе злые;
Изо рта огонь там пышет,
С языка идут пожары,
Изо рта у злого свекра,
С языка его без ласки.
И о том не горевала,
Как-нибудь прожить хотела,
Быть там в милости всегдашней
И держать себя смиренно;
Я, как заяц, там скакала,
Горностаем устремлялась.
На покой ложилась поздно,
Ранним-рано я вставала.
Чести все-таки не знала,
Не нашла я снисхожденья —

Хоть бы горы я катала,
Пополам рубила б скалы.
Я с трудом муку молола,
Зерна грубые с терпеньем,
Чтоб свекровь их поедала,
Горлом огненным глотала,
На конце стола усевшись,
Из посуды золоченой.
Я сама, невесткой, съела
Вдосталь с камушками хлеба,
Мне столом служила печка,
Ложкой мне была черпалка.
Я, невестушкой, в том доме
Часто, неженка, носила
Свежий мох с болотной почвы,
Хлеб себе пекла из моха,
Из ключа носила воду,
Из ковша ее хлебала,
Ела рыбок я, бедняжка,
Там я корюшек съедала,
Нагибаясь прямо к сети,
В зыбкой лодочке качаясь:
Рыб ведь я не получала
Из руки своей свекрови,
Ни один денек не выпал,
Чтоб такое приключилось.
Летом жала я колосья,
А зимой навоз таскала,
Как поденщица какая,
Как рабыня нанятая.
Постоянно в этом доме
У свекрови мне давали
Цеп как можно подлиннее,
Тяжелей других трепало,
Вилы самые большие
И валек побольше прочих.
Никогда никто не думал,
Что слаба я, что устану, —
Устают герои даже,
Жеребцы, и те слабеют.
Так я, бедная девица,
Исполняла все работы
И в своем поту купалась.
А когда пойду на отдых —

Время печь топить настало,
Попадаю прямо в пекло.
За веселость поносили,
Языки бранили злые,
Добрый нрав мой осуждали,
Незапятнанное имя;
Так дождем слова и лили
Мне на голову, бедняжке,
Словно искрами метали,
Сыпали железным градом.
Я в отчаянье не впала,
Прожила бы я и дольше —
Помогать свекрови злобной,
Жить у огненного горла;
Вот что дух мой погубило,
Принесло большое горе —
В волка муж мой обратился,
Принял вид совсем медведя,
От меня он отвернулся,
Так и ел он и работал.
Тут-то я уж стала плакать,
Размышляла я в амбаре,
Вспоминала дни былые,
Как получше мне жилося
На дворе большом отцовском,
В доме матери прекрасном.
Тут уж я заговорила
И промолвила словечко:
«Воспитала мать родная
Дочку-яблоньку прекрасно,
Возрастить ее сумела —
Посадить же не сумела:
Деревцо ведь посадила
В нелюбезное местечко,
В невозделанную землю,
У корней березы жестких —
Пусть всю жизнь оно там плачет,
Пусть все месяцы горюет.
Я годилась бы, конечно,
На местечко и получше,
На дворы и подлиннее,
На полы пошире этих,
Чтоб иметь получше мужа
И товарища покрепче.

Руна двадцать шестая

Я напала здесь на лапоть,
Весь изодранный в лохмотья:
У него воронье тело,
Нос от ворона большого,
Рот от яростного волка,
Все другое от медведя.
   Если б мне такой был нужен,
Я пошла б тогда на горку;
Я взяла б с дороги елку,
Ствол ольховый из лесочка,
Сделала б лицо из дерна,
Бороду его из клочьев,
Голову его из глины,
А глаза его из угля,
Из коры березы уши,
Из ветвей ветелки ноги».
   Я такую песню пела,
Сокрушенная, вздыхала;
То услышал мой любезный,
За стеной он находился!
Тотчас вышел он оттуда
И прошел в овин чрез двери,
Я узнала по походке,
По шагам его узнала:
Не от ветра, а от злости
Волосы его вздымались;
Он ужасно скалил зубы,
Страшно он вертел глазами,
А в руках держал он ясень,
Он держал в руках дубину,
Надо мной дубину поднял,
Сильно в голову ударил.
   Наступил затем и вечер!
Стал ко сну он собираться,
Взял он в руки хворостину,
Взял с гвоздя ременный кнутик,
Взял не для кого другого,
Для меня, жены несчастной.
   Вот и я пошла на отдых,
Наконец заснуть хотела,
И легла я рядом с мужем;
Положил меня он сбоку,
Стал толкать он кулаками,
Злобно бить меня руками,

Колотить кнутом ременным,
Ручкою моржовой кости.

Отскочила я от мужа,
От холодной той постели.
На меня напал он сзади,
Гнал меня супруг до двери!
В волосы рукой вцепился,
Волосы мои повырвал,
Бросил злобно их по ветру,
Их по воздуху рассыпал...

У кого ж искать совета,
И кого же звать на помощь?
Дали обувь мне из стали,
Дали мне ремни из меди,
И ждала я за стеною,
Поджидала на дворе я,
Чтоб он кончил бесноваться
И хоть несколько утих бы.
Но утихнуть он не хочет,
Бесноваться не кончает!

Наконец, я стала мерзнуть,
Там заброшенною сидя,
У стены там оставаясь,
За дверями дома мужа.
Я гадала, размышляла:
Ведь не вечно же терпеть мне,
Этот гнев сносить безмолвно,
Выносить от всех презренье,
Здесь, в жилище злого Лемпо,
Здесь, в гнезде дрянного черта.

Я простилась с милым домом,
С тем возлюбленным жилищем,
Начала тогда бродить я
По полям и по болотам,
Чрез обширные потоки,
До пределов поля брата.
Ели были там сухие,
Сосны пышные шумели.
Там закаркали вороны,
Затрещали все сороки:
«Не твои теперь места здесь,
И родителей уж нету!»

Тем речам я не внимаю,
Ко двору иду я брата.

И сказала мне калитка,
Все поля заговорили:
«Ты на родину вернулась,
Что ж ты хочешь здесь услышать?
Уж давно отец твой умер,
Мать твоя давно скончалась;
Стал чужим тебе твой братец
И жена его — чужая».
Я и этому не внемлю,
Прохожу в покои прямо,
Я взялась за ручку двери —
Холодна в руках та ручка.
Я пошла туда в покои
И в дверях остановилась.
Так горда была хозяйка,
Что здороваться не стала
И руки не подала мне;
Я была горда не меньше:
С ней здороваться не стала
И руки не подала ей.
Протянула руку к печке —
Холодна мне показалась;
Повернула руки к углям —
Все без жару были угли.
На скамье лежал мой братец,
Протянувшийся у печки:
На плечах — на сажень сажи
И на пядь на прочих членах,
Голова в золе на локоть
И на четверть в черной грязи.
Как чужой, сказал мне братец,
Расспросил он, словно гостью:
«Ты из-за моря откуда?»
Я ответила на это:
«Иль сестру не узнаешь ты,
Дочку матери родимой?
Мать одна нас породила,
Мы — единой птички дети,
Мы — птенцы одной гусыни,
Из гнезда одной пеструшки!»
Брат заплакал, услыхавши,
Потекла из глаз водица...
И сказал супруге братец,
Прошептал своей любезной:

«Принеси поесть сестрице!»
Но жена взглянула косо,
Принесла мне щей из дому,—
Жир в них съеден был собакой,
Пес слизал всю соль с капусты,
Черный досыта наелся.
И сказал супруге братец,
Прошептал своей любезной:
«Принеси-ка пива гостье!»
Но жена взглянула косо
И воды приносит гостье,
Принесла воды негодной:
Чем глаза себе промыла,
Руки вымыла невестка.
Я тогда ушла от брата,
Из родного вышла дома
И пошла блуждать повсюду,
Начала ходить, бедняжка,
Там по берегу морскому,
И печально подходила
Я к дверям мне незнакомым,
К вовсе чуждым мне калиткам,
Повлекла детей с собою,
По деревне их, бедняжек...
Есть, немало есть на свете,
Даже многие найдутся,
Кто злым голосом мне крикнет,
Скажет колкое мне слово;
Мало, очень мало в мире,
Кто бы доброе мне сделал,
Слово ласковое молвил,
Кто б отвел меня на печку,
Если дождь меня намочит
Или с холоду приду я
В платье, инеем одетом,
В шубе, сверху льдом покрытой.
Никогда в девичьи годы,
Никогда не помышляла,
Хоть бы сотни говорили,
Хоть бы тысячи твердили,
Что меня беда постигнет,
Что такое горе будет,
Как то горе, что мне было,
Та беда, что мне досталась».

РУНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Жениху читают наставления, как он должен обходиться с невестой, и ему велят не обращаться с нею плохо (1—264).— Один нищий старец рассказывает, как он в свое время образумил свою жену (265—296).—Невеста со слезами на глазах думает о том, что теперь она должна навсегда покинуть свой любимый родной дом, и прощается со всеми (297—462).— Ильмаринен сажает невесту в сани, отправляется в путь и приезжает домой на третий день вечером (463—528)

Уж девицу научили,
Уж невесту вразумили;
Так еще скажу я братцу,
Жениху я так промолвлю:
«Женишок, мой милый братец,
Ты из братьев самый лучший,
Из детей ты всех милее,
Из сынов ты всех приятней!
Ты послушай, что скажу я,
Что скажу и что промолвлю
Я об этой коноплянке,
О цыпленке, что поймал ты!

Славь, жених, судьбу благую
И хвали, что получил ты.
Хвалишь ты — хвали сильнее,
Ведь добро тебе досталось,
Даровал добро создатель,
Дал добро он, благосклонный!
И отца благодари ты,
Благодарен будь родимой,
Что прекрасную невесту,
Эту деву воспитали!

Чистая с тобой девица,
Ясная с тобой в союзе,
Белая в твоем владенье,
Статную ты охраняешь,
Сильную у сердца держишь,
Крепкая с тобою рядом.
Молотить она умеет
И прекрасно косит сено.
Дева в стирке так искусна,
И полотна белит ловко,

И прядет отлично нитки,
И ловка, чтоб выткать платье.
   У нее так звучно бердо,
Как на холмике кукушка,
Челночок скользит у девы,
Как по ветке горностайка,
У нее в руках катушка,
Как в зубах у белки шишка;
Не заснет деревня крепко,
И не спит весь округ замка —
Так стучит девица бердом,
Так шумит челнок у девы.
   Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Скуй ты косу поострее,
Укрепи на твердой ручке,
У калитки ручку вырежь
И на пне отбей ты косу;
Как взойдет на небо солнце,
Проводи на луг девицу
И следи за шумом сена,
Как трава шуршит сухая,
Под косой визжит осока,
Как шипит щавель зеленый,
Как кусточки исчезают,
Как ломаются отростки!
   На другой день дай девице
Челночок хороший ткацкий,
Дай ей ниченки, дай бердо,
Дай ей ткальные набилки,
Дай получше ей подножку,
Весь прибор хороший ткацкий.
Посади к станку девицу
И подай девице бердо;
Зазвучит оно у девы,
Застучит станок, заходит,
Стук пойдет по всей деревне,
Даже дальше шум от берда,
Это старые заметят,
Спросят женщины в деревне:
«Кто такой там ткет за станом?»
Должен будешь ты ответить:
«Это ткет моя златая,
Звякает мое сердечко.

Распустить ей, что ли, ткани?
Снять ли ей основу с берда?»
Распускать не нужно ткани
И снимать основу с берда.
Так ведь ткать лишь дочка Солнца,
Дочка Месяца способна,
Дочь Медведицы на небе,
Так лишь дочки звезд умеют.
Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Ты отправишься в дорогу,
Ты от этих мест поедешь
Дальше с милою девицей,
С этой курочкою дивной.
Зяблика возить не вздумай,
Эту нашу коноплянку,
Не вози ее по ямам
И не стукни о заборы,
Там на пни чтоб не упала,
Не свалилась бы на камни.
Никогда в отцовском доме,
На дворе ее родимой
Не возили ее к ямам,
Никогда к углам заборов,
Чтоб на пни там не упала,
Не свалилась бы на камни.
Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Не води свою девицу,
Не води ты драгоценность
По углам сидеть по темным,
Чтоб она в углах копалась!
Ведь она в отцовском доме
И в покоях материнских
Никогда углов не знала
И в углах там не копалась,
А сидела у окошка,
На досках стояла средних,
Утром матушке на радость,
Вечером — отцу родному.
Никогда, супруг ты бедный,
Не води свою ты птичку
К ступке с жесткою травою,
Чтоб кору она толкла там,

Хлеб пекла бы из соломы,
Замесив с корой сосновой.
Никогда в отцовском доме,
На дворе своей родимой
Не ходила дева к ступке,
Чтоб толочь кору сухую,
Печь тут хлебы из соломы
И месить с корой сосновой.

Эту курочку веди ты
На поля с богатой жатвой,
Пусть насыплет ржи в амбаре,
Пусть берет ячмень хороший,
Чтоб месить большие хлебы,
Чтоб сварить получше пиво,
Чтобы хлеб испечь пшеничный,
Чтобы взбить получше тесто!

Женишок, мой милый братец!
Эта курочка златая,
Этот милый наш гусенок,
У тебя чтоб слез не знала!
Коль придет дурной часочек,
Коль девица заскучает,
Запряги гнедого в сани,
Лошадь белую в запряжку,
Привези к отцу девицу,
К милой матери в покои!

С этой курочкой не смей ты,
С этой нашей коноплянкой,
Как с рабыней обращаться,
Как с поденщицей наемной,
Не пускать ее на погреб,
На замке держать амбары.
Никогда в отцовском доме,
На дворе ее родимой
С нею так не обращались,
Как с рабынею-служанкой;
Для нее открыт был погреб
И амбар не запирался,
Белый хлеб она держала
И за яйцами смотрела,
За молочною посудой,
За посудою для пива,
На ночь погреб запирала,
А наутро отпирала.

Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Если будешь ласков с девой,
Будешь ласково и принят:
Коль ты к тестю в дом приедешь,
Коль приедешь в гости к теще,
Хорошо тебя покормят,
И накормят, и напоят,
Отпрягут твою лошадку,
Отведут ее в конюшню,
Там покормят и попоят,
Принесут овса в кормушке.
Не позорь девицу эту,
Эту нашу коноплянку,
Будто род ее незнатен
И родня не так обширна!
Знатен род у этой девы,
И родня весьма обширна:
Коль бобов осьмину сеять,
По бобу получит каждый;
Если льна осьмину сеять,
Выйдет каждому по нитке.
Ты не вздумай, муж несчастный,
Поступить с девицей дурно,
Поучить ременной плеткой,
Как рабу кнутом ударить
И хлыстом заставить охать,
По овинам горько плакать!
Ведь ее в отцовском доме
Никогда никто не вздумал
Поучить ременной плеткой,
Как рабу кнутом ударить
И хлыстом заставить охать,
По овинам горько плакать.
Перед нею стань стеною,
Стань пред ней, как столб у двери,
Чтоб свекровь ее не била,
Чтобы свекор не бранился,
Чтобы гости не сердили,
Чтоб соседи не бранили.
Коль к тебе пристанут люди,
Чтоб ты сам ее ударил,
Никогда не бей ты нежной,
Не наказывай любезной:

Ты три года дожидался,
Сватал деву непрерывно!
    Ты учи, супруг, девицу,
Это яблочко златое,
Ты советуй ей в постели
И учи ее за дверью;
Делай так в теченье года.
Год учи ее словами,
А другой учи глазами,
Третий топай ты ногою!
    Если слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Ты сорви тогда тростинку,
Собери хвощу в поляне,
Поучи хвощом девицу.
На четвертый год все так же
Ты стращай ее тростинкой,
Злаком с крепкими концами,
Не секи ее ремнями
И не бей еще ты розгой!
    Если слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Принеси из лесу розгу,
Взяв березку из долины,
Принеси ее под шубой,
Чтоб соседи и не знали;
Покажи ее супруге,
Пристыди ее, не бивши!
    Если ж слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Поучи ее ты розгой,
Свежей веткою березы
Где-нибудь в углу, в покоях,
За промшенною стеною.
Не секи ее средь луга
Или где-нибудь на поле:
Не дошел бы шум в деревню,
Не дошел бы крик к соседям,
До других домов рыданье,
Суматоха та до лесу!
    По плечам лишь бить ты должен,
Умягчать пониже спину;
Никогда не бей по глазу
И ушей ты не касайся.

На висках коль шишки вскочат,
Пятна синие под глазом,
То начнет свекровь расспросы,
И заметит свекор это,
На деревне все увидят,
Станут женщины смеяться:
«На войне была, должно быть,
Где-нибудь была в сраженье.
Иль уж волк не изодрал ли?
Иль медведь где не помял ли?
Видно, волком-то супруг был,
Муженек, знать, был медведем?»
Там лежал на печке старец,
Наверху лежал там нищий,
И сказал оттуда старый,
Там промолвил сверху нищий:
«Никогда, супруг несчастный,
Не гляди на нрав супруги,
На язык супруги гладкий,
Вот как я, несчастный малый!
Покупал я хлеб и мясо,
Покупал я масло, пиво,
Покупал я рыбы всякой,
Разной снеди и припасов;
Пиво брал я в странах здешних,
А пшеницу из далеких.
Но и этого все мало,
Не пошло ей впрок и это.
Вот вошла жена в покои,
В волосы мои вцепилась
С искаженными чертами
И вертит глазами страшно;
Все вздыхала и стонала,
Говорила лишь со злобой,
Обзывала дровосеком
Да бранилася болваном.
Вот другой исход нашел я;
Я пошел другой дорогой:
Взял я ветку от березы —
Назвала супруга птичкой,
Можжевеловый взял прутик —
Говорит: «Ты — золотой мой!»
Высек ивовою розгой —
Женка бросилась на шею».

Тяжко девушка вздохнула,
Прослезилась, застонала,
Стала дева горько плакать,
Говорит слова такие:
«Да, близка другим разлука,
У дверей уж их прощанье,
А моя разлука ближе,
А прощанье вовсе близко;
Тяжела моя разлука,
Нелегко мое прощанье
С этой славною деревней,
С этим двориком прекрасным,
Где я выросла, красотка,
Где я выше становилась,
Как росла еще ребенком,
В годы детства возрастала.

Ведь не думала я раньше,
Никогда не помышляла,
Не мечтала о разлуке,
Не гадала о прощанье,
О прощанье с этим домом
И с горой высокой этой.
Вот теперь в разлуку верю,
Вижу, уходить пора мне:
Пьют уже прощальный ковшик,
Нет прощального уж пива,
Вот уж сани расписные,
Передком глядят наружу,
Боком смотрят на конюшню,
К хлеву спинкой повернулись.

Чем воздам я при разлуке,
Чем, бедняжка, при прощанье,
Чем за молоко родимой,
За добро отцу родному,
За любовь родному братцу
И за ласковость сестрице?

Уж и батюшке родному
За всю жизнь мою спасибо,
За еду, что я поела,
За отборные кусочки.

Уж и матушке спасибо,
Что меня, дитя, качала,
Что малюточку носила,
Что меня кормила грудью.

И тебе спасибо, братец,
И тебе, моя сестрица!
И спасибо всем в семействе,
Всем друзьям годов прошедших,
С кем жила я неразлучно,
С кем росла я, молодая.
Не горюй ты, мой родимый,
Также матушка родная.
Не горюй, мой род высокий,
Вы, почтенные родные,
Не горюйте, не заботьтесь,
Обо мне вы не печальтесь,
Что иду в страну иную,
А куда, сама не знаю!
Ведь блистает солнце божье,
И сияет божий месяц,
И сверкают неба звезды,
И Медведица на небе,
Ведь везде они, повсюду,
Где бы я ни оказалась,
Не в одном дворе отцовском,
Где жила я, молодая.
Я теперь должна расстаться
С золотым родным жилищем,
С этой комнатой отцовской,
С этим погребом родимой
И с болотами, с полями;
Оставляю дерн зеленый,
Эти светлые потоки
И песчаный этот берег;
Пусть купаются тут жены,
Пусть тут плещутся подпаски.
Оставляю здесь болото,
Поле — пахарю с сохою,
Лес — для ищущих покоя,
Для гуляющих — лужайки,
Для шагающих — заборы,
Для бродящих — луговины,
Для бегущих — двор широкий,
Для стоящих — эти стены,
Для опрятных — пол дощатый,
Для метущих — доски пола,
Для оленей — их поляны,
Чащи вольные — для рысей,

Для гусей — луга большие
И кустарники — для птичек.
Ухожу теперь отсюда,
Удаляюсь я к иному,
В руки ноченьки осенней
Да на скользкий лед весенний,
Где шагов не остается,
Где на глади след не виден
На коре следы от платья,
На снегу следы подола.
Если я назад вернуся,
Возвращусь в места родные,—
Не услышит мать мой голос,
Ни отец мое рыданье,
Как начну я причитанья,
Над главами их заплачу,
Уж взойдет младая травка,
Подрастет уж можжевельник
Там у матери над телом,
У отца над головою.
Если я назад вернуся
Вновь на улицы большие,
Уж никто меня не встретит,
Кроме двух моих подружек,
Кроме связок у забора,
Кроме кольев в заднем поле.
Я, дитя, их завязала,
Я, девица, их воткнула.
Да узнает лишь корова;
Как была она теленком,
Я ей есть и пить давала,
И теперь она мычит здесь,
На навозных этих кучах,
На полях зимы холодной —
Вот она еще признает,
Что из этого я дома.
Да отца конек-любимчик,
Что я досыта кормила,
Как была еще девчонкой,
Конь, что ржет здесь постоянно,
На дворе, на сорных кучах,
На полях зимы холодной —
Он еще меня признает,
Что из этого я дома.

Да у братца вот собачка,
Что ребенком я кормила,
Бывши девочкой, учила,
Что здесь лает беспрестанно,
На дворе, на сорных кучах,
На полях зимы холодной —
Вот она меня признает,
Что из этого я дома.
А другие не признают,
Как вернусь в места родные.
Все, как прежде, будут броды,
Все такое же жилище,
На своих местах заливы,
Тони рыбные на месте.
Ты прощай, мое жилище,
Ты, с своей дощатой крышей,—
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!
Вы прощайте, наши сени,
Вы, с своим дощатым полом,—
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!
Ты прощай, мой двор широкий,
Двор, рябиною поросший,—
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!
Всем поклоны на прощанье:
Лесу, ягодам, землице,
Вам, всем пастбищам с цветами,
Вам, всем травам и полянам,
Вам, озерам с островами,
Вам, глубокие проливы,
Вам, холмы и рощи сосен,
Вам, овраги и березы!»
Тут кователь Ильмаринен
Посадил девицу в сани
И коня кнутом ударил,
Говорит слова такие:
«Вы прощайте, берег моря,
Берег моря, край поляны,
Вы, все сосны на пригорке,
По дубравам все деревья,
Ты, черемуха у дома,
Можжевельник у потока,

Вы, все ягодки на поле,
Стебли ягодок и травок
И кусточки, корни елей,
Листья ольх, кора березы!»
Уезжает Ильмаринен
Со двора из Сариолы.
Дети петь там продолжали.
Так они запели песни:
«Птица черная летела,
Через лес сюда спешила,
Взять здесь уточку сумела.
Нашу ягодку стащила,
Наше яблочко уносит,
Нашу рыбочку увозит;
Мало денег заплатила,
Серебром ее сманила.
Кто к воде теперь сведет нас,
Кто покажет тропку к речке?
Здесь не сдвинутся ушаты,
На гвозде тут коромысло,
Пол здесь будет неметеным,
Доски будут нескоблены,
Вся посуда непомыта
И ушки у кружек грязны!»
Сам кователь Ильмаринен
Вдаль спешит с девицей юной.
Едет быстро, пролетая
По прибрежью Сариолы,
У медового залива,
По хребту горы песчаной;
Камни и пески запели,
И стучат дорогой сани,
И железные колечки,
И подпорки из березы;
Затрещал из ивы узел
И черемушная дужка,
Завизжали там оглобли,
Кольца громко забренчали;
Так стремился конь хороший,
Конь рысистый, белолобый.
Скачет день, другой он скачет,
Скачет так еще и третий.
Держит муж рукою вожжи,
А другою руку девы,

Ногу держит он наружу,
А под войлоком другую.
Конь бежит дорогой скоро,
День короче — путь короче;
Наконец, на третьи сутки,
Как уж солнце шло к закату,
Кузнеца жилище видно,
Ильмаринена строенье:
Сажа мчится полосами,
Дым густой выходит тучей,
Из избы идет веселый,
К облакам идет обильно.

РУНА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Жениха, невесту и провожатых принимают в доме Ильмаринена (1—382).— Гостей вдоволь угощают кушаньями и напитками; Вяйнямёйнен поет и благодарит хозяина, хозяйку, свата и прочих провожатых (383—672).— На обратном пути со свадьбы у Вяйнямёйнена ломаются сани, он их чинит и едет домой (673—738)

Уж немало поджидали,
Поджидали и глядели:
Что не едут поезжане
К Ильмаринену в жилище?
Загноился глаз старухи —
Так она в окно глядела,
Слабнут юношей колена,
Поджидавших у калиток,
Дети ноги ознобили,
За стеною дома стоя,
Разорвали люди обувь,
Все-то бегая по брегу.
Наконец, однажды утром,
Как-то рано в день прекрасный,
Услыхали шум из лесу,
Застучали громко сани.
Локка, добрая хозяйка,
Калевы красотка-дочка,
Говорит слова такие:
«Это, верно, сани сына!
Он из Похъёлы к нам едет,
Возвращается с невестой!

Жалуй, сын, в страну родную,
Ты въезжай во двор отцовский,
К той избе, отца наследству,
Что когда-то строил предок!»
И кователь Ильмаринен,
Въехал тут во двор отцовский,
К той избе, отца наследству,
Что еще построил предок.
Звучно рябчики щебечут
На дуге его, на новой,
Кличут весело кукушки
Впереди, перед санями,
Белка скачет, веселяся,
По оглобле, по кленовой.
Локка, добрая хозяйка,
Калевы красотка-дочка,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Новолунья ждет хозяин,
Солнца ждут младые люди,
Дети — ягод на поляне,
А вода — смоленой лодки.
Я ждала не новолунья,
Солнца я не ожидала,
А ждала я только сына,
Сына с юною супругой.
Утром, вечером глядела,
Думая, куда он делся:
Не растит ли там малютку,
Уж не тощего ли кормит,
Что сюда идти не хочет.
Ведь всегда мне обещал он,
Что, не дав остынуть следу,
Он домой придет обратно.
По утрам я все глядела,
Целый день держала в мыслях:
Уж не сани ль заскрипели,
Не стучат ли по дороге,
Не въезжают ли на дворик
И не мчатся ли к избушке?
Будь тот конь хоть из соломы
И из двух дощечек сани,
Я б дощечки похвалила,
Назвала бы их санями,

Лишь доставили б родного,
Подвезли б сыночка к дому.
    Так все время и глядела,
Целый день я ожидала,
Все вытягивала шею,
Волосы все растрепала
И повыглядела очи.
Я ждала: не мчится ль милый,
Не въезжает ли на дворик
Быстро к тесному жилищу.
Наконец-то он приехал,
Наконец домой вернулся;
Рядом с ним — прекрасный облик
И румяненькие щечки!
    Женишок, мой милый братец!
Распрягай скорей гнедого,
Отведи свою лошадку
На привычные ей травы,
На овес, на самый свежий,
Нам же дай свои поклоны,
Поклонись и прочим людям,
Поклонись ты всей деревне.
    А как кончишь ты поклоны,
Расскажи, что пережил ты:
Не имел ли приключений,
Был ли ты здоров в дороге,
Как ты к теще направлялся,
Как ты шел в жилище тестя?
Не войной ли добыл деву,
Не взломал ли ты ворота,
Ты жилья не взял ли силой,
Не обрушил стены дома,
Чрез порог вошел ли к теще,
Сел ли на скамейку тестя?
    Но я вижу без расспросов,
Не выпытывая, вижу:
Был он свеженек в дороге,
Был в пути своем доволен,
Как добычу, взял гусенка;
Он взломал в войне ворота,
Он сломал из досок крепость,
Сокрушил из липы стены,
Чтоб попасть в жилище тещи,
Чтоб попасть в жилище тестя.

Взял он утку под защиту,
Взял он курочку в объятья;
Дева чистая с ним рядом,
Ясная — ему покорна.

Кто принес сюда неправду,
Распустил дурные вести,
Что жених ни с чем явился,
Что напрасно конь пробегал?
Не один жених явился,
Не напрасно конь пробегал:
Было что ему доставить,
Должен был трясти он гривой!
И покрыт он даже потом,
И облит обильной пеной —
Ведь цыпленочка привез он,
К нам цветущую доставил.

Из саней красотка выйди,
Слезь-ка, добрая, с сиденья.
Пусть тебя не поднимают,
Не несут тебя оттуда,
Лишь младенец встать не сможет,
Только гордый встать не хочет!

Поднимись же ты с сиденья,
Из задка саней ты выйди
На прекрасную дорогу,
Стань на бурую здесь землю,
Что выравнивали свиньи,
Поросята утоптали,
Ровной сделали ягнята,
Подметали кони гривой!

Ты пойди шажком гусенка,
Мелким уточкиным шагом
По дороге подметенной,
По полянам этим ровным,
По двору твоей свекрови,
Где твой свекор поживает,
На места, где брат работал,
На зеленый луг сестрицы,
На порог ступи ногою,
Стань в сенях ногою на пол,
Стань в сенях, всегда прохладных,
И потом войди в покои
И под притолоку эту,
Под прославленную крышу!

Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Костяной нам пол пророчил,
Что ты скоро здесь пройдешься;
Крыша знала золотая,
Что под ней ты скоро будешь;
Сильно радовались окна,
Что сидеть под ними станешь.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Все трещала ручка двери
О руке твоей в колечках,
И порог склонялся ниже
В ожиданье умной девы,
Отворялись двери сами,
Отворяльщицу все ждали.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Вся изба вертелась наша
И ждала твоей уборки:
Пол в сенях был беспокоен —
Твоего он ждал метенья,
Волновалися овины,
Твоей щетки ожидая.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Двор вокруг все озирался —
Ждал, что ты сберешь лучинки;
Наклонялися амбары —
Твоего прихода ждали,
И шесты давно погнулись,
Чтоб повесила ты платья.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Так дороженька скорбела,
Что по ней ты не гуляешь;
Ожидал тебя и хлевик
Для прекрасного утенка.
Ожидал тебя наш дворик,
Чтоб за ним ты присмотрела.
И в истекшие лишь сутки,
В эти нынешние сутки,
Ту корова поджидала,
Кто ей выдаст связку корма;

Ржал о той нам жеребенок,
Кто ему даст утром сена;
И о той ягненок блеял,
Кто побольше даст кусочков.
И в истекшие лишь сутки,
В эти нынешние сутки,
У окон сидели старцы,
Дети бегали по взморью,
Женщины у стен стояли,
У сенных дверей мальчишки, —
Ждали юную хозяйку,
Все невесту поджидали.
Славься, двор, со всем народом,
С теми храбрыми мужами,
Славься ты, овин, со всеми
Подошедшими гостями,
Славьтесь, сени, с тем народом,
Кто вошел под вашу кровлю,
Славься, дом, со всем народом,
С детками в избе дощатой,
Славься, месяц, славься, витязь,
Славьтесь, свадебные гости!
Прежде здесь и не бывало
Никогда еще, ни разу,
Поезжан таких, как эти,
Столь прекрасного народа.
Женишок, мой милый братец!
Развяжи ты красный узел
И сними платки из шелку!
Покажи свою куницу,
Ту, что пять годов ты сватал,
Восемь лет смотрел с любовью!
Ту ли взял ты, что желал ты?
Ты желал ли взять кукушку,
Взять там белую с землицы,
Взять там свежую из моря?
Но я вижу без вопросов,
Не рассматривая, знаю:
Ты привел красу-кукушку,
Утку синюю привез ты,
Самый юный взял отросток
От зеленого кусточка,
Ветку взял, что всех свежее,
Из черемухи ты выбрал».

На полу сидел ребенок,
И сказал мальчишка с полу:
«Что с собой ты, братец, тащишь?
Красоту ли пней смолистых,
Стройность ли дегтярной бочки
Вышиною с мотовило?
Ох, жених, жених злосчастный!
Ты всю жизнь в надежде прожил,
Что получишь деву в сотню,
Даже в тысячу ценою.
Получил девицу в сотню,
Даже в тысячу ценою,
Как ворону на болоте,
Как сороку на заборе,
Птичье пугало на поле,
Птицу черную из пыли!
Лето прошлое без дела
Провела девица эта:
И чулок не навязала
И перчаток не связала!
Так ни с чем сюда явилась,
Без даров явилась к свекру;
В сундуке ее, знать мыши,
Длинноухие в шкатулке!»
Локка, добрая хозяйка,
Калевалы украшенье,
Слышит странные те басни,
Говорит слова такие:
«Злой ребенок, что сказал ты,
Почему солгал бесчестно?
О другой пусть это скажут,
Пусть другую так позорят,
А не эту нашу деву,
Не девицу в нашем доме!
Ты сказал плохие речи,
Эти речи, верно, молвил
В ночь родившийся теленок
Иль щеночек однодневный!
Жениха девица — прелесть,
Лучше всех в своей округе:
Точно спелая брусничка
И на горке земляничка,
Как кукушечка на ветке,
Точно птичка на рябине,

Точно пташка на березе,
Белошеечка на клене.
Никогда в земле немецкой
Иль эстонской не получишь
Столь прекрасной юной девы,
Столь прелестного утенка,
Красоты такой во взоре,
Величавости осанки,
Белизны руки, столь нежной,
И изгиба тонкой шеи.
Не ни с чем пришла девица:
Принесла с собою шубы,
Принесла с собою платьев,
И сукна у ней довольно.
Эта юная девица
Много пряла веретенцем
И работала катушкой,
Много пальцами трудилась.
Платья с блеском глянцевитым
Припасла она зимою,
А весною их белила,
Теплым летом их сушила;
Простыни ее так тонки,
Пухлы мягкие подушки,
Чистотой блестят платочки,
И сверкают покрывала.
Ах ты, женушка-красотка,
С свежим личиком прекрасным!
Дома славилась всегда ты
У отца хорошей дочкой;
Будь прославленной теперь ты
Здесь при муже нам невесткой!
Никогда не знай заботы
И в печаль ты не вдавайся!
Ведь пришла не на болото,
Не на край пришла речушки —
Ты пришла с земли богатой
В землю, что еще богаче,
Из дому, где много пива,
В дом, где пива много больше.
Дева, добрая красотка!
Вот о чем тебя спрошу я:
По дороге к нам видала ль
Ты снопов большие скирды,

Ржи запасы целой грудой?
Это все — при нашем доме:
Хорошо пахал супруг твой,
Хорошо пахал и сеял.
Дева, милая красотка!
Вот что я тебе промолвлю:
Ты умела в дом приехать,
Так умей в нем оставаться!
Тут для женушки удобно,
Для невестки здесь прекрасно,
На руках твоих все масло,
Молоко к твоим услугам.
Хорошо здесь для девицы,
Здесь для курочки прекрасно.
Широки здесь доски в бане,
И длинны в избе скамейки;
Здесь хозяин — что отец твой,
Точно мать твоя — хозяйка,
Сыновья их — точно братцы,
Как сестра твоя — их дочка.
Как придет тебе желанье,
Коль почувствуешь охоту
Съесть опять отцовской рыбы
Или братниной дичины,
Не у деверя проси их,
Не проси ты их у свекра!
А проси их у супруга,
Что сюда тебя доставил!
Не найдется зверя в лесе
Ни единого пушного,
Ни одной воздушной птицы,
Ни с двумя крылами пташки,
Ни единой рыбы в волнах
Из прекрасной рыбьей стаи,
Чтоб не мог поймать супруг твой,
Чтоб твой муж их не достал бы.
Хорошо здесь для девицы,
Здесь для курочки прекрасно.
Жернов ей вертеть не нужно
И не нужно ставить ступку:
Здесь вода пшеницу мелет,
И для ржи поток стремится,
Волны здесь посуду моют,
Очищает пена моря.

Вот красотка-деревенька,
Вот клочок земли прекрасной:
Луг — внизу, а выше — поле,
Посредине их — деревня,
Под деревней — милый берег,
А у берега — водица:
В ней поплавать любят утки,
Любит птица водяная».

Тут прибывших накормили,
Накормили, напоили,
Дали мясо им кусками,
Дали пряников красивых,
Дали ячного им пива,
Дали браги из пшеницы.

Было много что покушать,
Что покушать, что и выпить:
Было все на красных блюдах,
На лотках, весьма красивых,—
Пироги лежат кусками,
Масло сложено частями,
На куски сиги разъяты,
И разрезал лососину
Нож серебряный на части,
Лезвие его из злата.

Без конца лилося пиво,
Мед, не купленный на деньги,
Через кран бежало пиво,
Чрез отверстье мед струился,
Чтоб смочить тем пивом губы,
Оживить тем медом мысли.

Кто же должен спеть там песню,
Кто певцом явиться должен?
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
Пенье тотчас начинает,
Принимается за песни.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Золотые други-братья!
Вы, богатые словами,
Вы, речистые, родные!
Вы послушайте, что молвлю!
Редко гуси станут рядом
И сестра с сестрой напротив,

Редко рядом станут братья,
Дети матери единой,
Здесь, в пределах несчастливых,
В бедных северных пространствах.
Приступать ли к песнопенью,
Начинать ли пенье песен?
Пение певцу — работа,
Как кукушке — кукованье,
Как красильщице — крашенье
И как ткачество — ткачихе.
Ведь поют лапландцев дети,
Те, что в лапотки обуты,
Мяса лосьего поевши,
Мяса грубого оленя;
Отчего же не запеть мне,
Не запеть и нашим детям
За едой, обильной рожью,
После кушанья мучного?
Ведь поют лапландцев дети,
Те, что в лапотки обуты,
Выпив ковшичек водицы,
Пожевав коры сосновой;
Отчего же не запеть мне,
Не запеть и нашим детям
От ячменного напитка,
От проваренного пива?
Ведь поют лапландцев дети,
Те, что в лапотки обуты,
У костра на пепле лежа,
На углях очажных черных;
Отчего же не запеть мне,
Не запеть и нашим детям,
Под стропилами здесь сидя,
Под прославленною кровлей?
Хорошо здесь быть мужчинам,
Быть и женщинам приятно,
Здесь, у бочек, полных пивом,
У больших бочонков меда,
Здесь, вблизи сигов в проливах,
При больших лососьих тонях,
Где всегда бывает пища
И питье не иссякает.
Хорошо здесь жить мужчинам,
Жить и женщинам приятно —

Не едят здесь, пригорюнясь,
Жизнь проводят беззаботно,
Здесь едят не унывая,
Без заботы проживают
До тех пор, пока хозяин
И пока хозяйка — живы.
Так кого же славить первым
Мне, хозяина ль, хозяйку ль?
Первый здесь герой — хозяин,
И ему сначала слава.
Дом воздвиг он на болоте,
Из лесов его доставил,
Он принес стволов еловых,
Он принес высоких сосен,
Их поставил в лучшем месте,
Сколотил их так искусно,
Что семье большой дом вышел,
Превосходное строенье;
Стены из лесу доставил,
Балки снес с горы высокой,
Из густых кустов стропила,
Доски с ягодной поляны,
Снял бересту он с березок,
Мох из зыбкого болота.
Осторожно дом построен
И стоит на месте прочно.
Сто мужей над ним трудились,
Были тысячи на срубе,
Как отделывали избу,
Как сколачивали доски.
Потерял хозяин дома,
Как отделывал избу он,
С головы волос немало,
В бурю, в шуме непогоды
Оставлял хозяин часто
На утесе рукавицы,
На ветвях деревьев шапку
И терял чулки в болоте.
Часто добрый наш хозяин
Поднимался ранним утром,
Поднимался раньше прочих
И, не слышимый деревней,
Оставлял шалаш дорожный
И огонь, там разведенный,

Промывал глаза росою
И причесывался веткой.
Так-то добрый наш хозяин
И набрал друзей в покои,
Рассадил певцов на лавках;
У окон народ любезный,
На полу народ шумливый;
Говорят за загородкой,
По стенам стоят толпою,
Мимо изгороди ходят,
По двору снуют толпою,
По земле везде гуляют.
Я хозяина прославил —
Славлю добрую хозяйку,
Что сготовила нам пищу,
Стол заставила посудой.
Напекла хлебов нам пышных
И лепешек толокняных —
Все своими лишь руками,
Все десятком легких пальцев —
И взошли прекрасно хлебы;
Всех гостей она кормила
В изобилии свининой,
Пирогами со сметаной;
Лезвия ножей погнулись,
У ножей скривились стержни
От работы над лососьей
И над щучьей головою.
Часто добрая хозяйка
Хлопотливо поднималась,
Петухи еще не пели
И цыпленок не кудахтал,
Чтоб устроить все на свадьбу,
Чтоб исполнить всю работу,
Чтобы дрожжи приготовить
И сварить побольше пива.
Так-то добрая хозяйка
Осмотрительно сварила
Превосходного нам пива,
Льет гостям напиток сладкий;
Из семян он плодоносных,
Солод в нем из сладких зерен,
И она не деревяшкой,
Не мешала зерен палкой,

Но мешала их рукою,
Все месила лишь руками,
Все мешала в чистой бане,
На досках, метенных чисто.
   Эта добрая хозяйка
Осмотрительно глядела,
Чтоб зерно не прорастало,
Не пропах землею солод;
И ходила часто в баню,
Приходила даже в полночь,
Ни волков не опасаясь,
Ни лесных зверей не труся.
   Вот прославил я хозяйку:
Так теперь пославлю свата!
Кто же был назначен сватом,
Кто указывал дорогу?
Сват в деревне самый лучший —
Он в нее приводит счастье.
   Хорошо наш сват оделся:
Разодет в кафтан суконный;
На руках кафтан в обтяжку
И сидит везде прекрасно.
   Хорошо наш сват оделся,
И кафтан на нем в обтяжку:
По песку он полы тащит,
По полям подол волочит.
   Хороша рубашка свата:
Чуть выглядывает ворот,
Словно дочь Луны соткала,
Всюду оловом украсив.
   Хорошо наш сват оделся:
Шерстяной на чреслах пояс,
Что сработала дочь Солнца,
Дивно кольцами расшила
В дни, когда огня не знали
И огонь не появлялся.
   Хорошо наш сват оделся:
На ногах чулки из шелка,
На чулках из шелка банты,
Изукрашены подвязки,
Словно золотом прошиты,
Серебром они покрыты.
   Хорошо наш сват оделся:
Башмаки на нем от немцев,

Точно лебеди на речках,
Как на бережке лысухи,
Точно гуси меж кусточков,
Точно птицы в перелете.
Хорошо наш сват оделся:
Голова — златые кудри,
Борода в златых косичках;
Голова у свата в шлеме,
Поднялся тот шлем до тучи,
Вышиной с верхушку леса,
За него заплатишь сотни,
Марок тысячи заплатишь.
Вот прославил я и свата.
Буду славить я подружку!
И откуда та подружка,
Где счастливая нашлася?
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася:
Там, за Таникой, за замком,
Там, за крепостью, за новой.
Не оттуда та подружка
И нисколько пе оттуда!
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася:
При водах Двины нашлася,
При больших широких далях.
Не оттуда та подружка
И нисколько не оттуда!
На земле росла брусника,
На поляне земляника,
Травка славная на поле,
Золотой цветочек в роще:
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася.
Нежный ротик у подружки,
Как челнок из Суоми ткацкий;
Глазки смотрят дружелюбно,
Словно звездочки на небе;
Далеко блестят височки,
Словно лунный свет на море.
Убрана подружка славно:
Шея с цепью золотою,
С золотой головка лентой,

В золотых браслетах руки,
В золотых колечках пальцы,
Золотые в ушках серьги,
В золотых кружках височки,
Золотой на бровках жемчуг.
    Думал я, что светит месяц,
Как блеснули там застежки;
Думал я, что светит солнце,
Как блеснул рубашки ворот;
Думал я, что парус веет,
Как платок ее завеял.
    Вот прославил я подружку;
Посмотрю теперь гостей я,
Хороша ль толпа пришедших,
Крепки ль старые здесь люди,
Резвы ль люди молодые,
Вся ль компания красива!
    Посмотрел здесь всех гостей я,
Словно знал их всех и раньше:
Никогда здесь не бывало
И появится не скоро
Столько славного народа
И толпы такой прекрасной,
Стариков, столь крепких с виду,
Молодых, настолько славных.
Вся толпа одета в белом,
Точно лес, где выпал иней,
Сверху — точно зорька утром,
Снизу — словно час рассвета.
    Серебра гостям немало,
Золота довольно было:
На полях горстями деньги,
А на улицах — мешками
Для гостей здесь приглашенных,
Ради славы здесь сидящих».
    Старый, верный Вяйнямёйнен,
Пенья сильная опора,
Закачался скоро в санках
И домой к себе поехал;
Пел он песни непрерывно,
Пел искусно эти песни.
Спел он песню, спел другую;
Третью песню как запел он —
Зазвенел о камень полоз

И повис на пне брусочек:
Разломались старца сани,
Поломался санный полоз,
Пополам брусок сломался,
Отвалился бок от бока.
   Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Нет ли в здешней молодежи,
В возрастающем народе,
Нет ли здесь меж стариками,
В исчезающем народе,
Кто бы к Туонеле спустился,
В царство Маны кто пошел бы
Раздобыть бурав у Маны,
Взять у Туонелы буравчик,
Чтоб я мог наладить сани,
Сделать новое сиденье!»
   Что сказали молодые,
То и старые сказали:
«Нет меж здешней молодежью,
Нету здесь меж стариками
В этом племени великом
Столь отважного героя,
Кто бы к Туонеле спустился,
Кто б пошел в жилище Маны,
Взял бы в Туонеле буравчик,
Раздобыл бурав у Маны,
Чтоб ты вновь устроил сани,
Расписные починил бы».
   Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
В Туонелу опять спустился,
Вновь сошел в жилище Маны.
В Туонеле добыл буравчик,
В Манале достал бурав он.
   Начал пенье Вяйнямёйнен,—
Рощу синюю напел он,
В роще ровные дубочки
Вместе с стройною рябиной;
Он из них построил сани
И согнул себе полозья,
Выбирает на брусочки,
На дугу берет деревьев:
Так привел в порядок сани,

Так он новые устроил.
Запрягает жеребенка,
Впряг гнедого в эти санки,
Сам потом он в них садится,
Опустился на сиденье.
Без кнута бежит лошадка,
Что есть силы побежала
Ко двору, где корм привычный,
Там, где добрая кормежка.
И приехал Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
К своим собственным воротам,
На свой собственный порожек.

РУНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Лемминкяйнен, огорченный тем, что не был приглашен на свадьбу, решается все-таки ехать в Похъёлу, несмотря на запрещения матери и на погибель, которая, по словам матери, его ожидает в пути (1—382).— Он отправляется в путь и благодаря своим познаниям счастливо проходит через все грозящие гибелью места (383—776)

Ахти жил у мыса Кауко,
Там на острове при бухте.
Он распахивал там поле,
Бороздил свои поляны.
Было тонко ухо Ахти,
Слух имел он очень острый.
Из деревни шум он слышит,
Слышит топот по прибрежью.
Стук саней по льду он слышит,
Слышит стук саней в лесочке.
Мысль в уме его возникла,
В голову его запала:
Свадьбу в Похъёле справляют,
Там народ пирует тайно!
И поник он головою,
Кудри черные упали,
Кровь вдруг бросилась от злости
С побледневших щек пониже,
Бороздить не стал он больше,
Перестал пахать средь поля,

Быстро он вскочил на лошадь
И поехал прямо к дому,
К матери своей любимой,
Прямо к матери-старушке.
И, придя, сказал он старой,
Так он, в дом войдя, промолвил:
«Мать, ты милая старушка!
Дай поесть мне поскорее,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы голод утолил я;
Затопи мне также баню,
Приготовь скорей купанье,
Чтоб я мог омыть все тело
И предстать в красе героя!»
Лемминкяйнена мать тотчас
Пищу быстро собирает,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы жажду утолил он,
А потом готовит баню,
Сыну славное купанье.
И веселый Лемминкяйнен
Съел сперва поспешно пищу,
Поспешил потом он в баню,
Он отправился в парилку;
Там и выкупался зяблик,
Вымыл тело подорожник,
Голова, как лен, белела,
И блестела ярко шея.
Он пришел в избу из бани,
Говорит слова такие:
«Мать, ты милая старушка!
Ты пойди в овин на гору,
Вынь прекрасную рубашку,
Принеси кафтан покрепче,
Чтоб в него я мог одеться,
Мог в кафтан облечь бы тело!»
Мать его спросила прежде,
Начала расспрос хозяйка:
«Ты куда идешь, сыночек,
На охоту ли за рысью,
Иль поймать ты хочешь лося,
Иль стрелять ты будешь белок?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:

«Дорогая, мать родная!
Не хочу идти за рысью,
Не пойду ловить я лося
И стрелять не буду белок;
В Похъёлу иду на свадьбу,
Там на тайную пирушку.
Дай получше мне рубашку,
Принеси кафтан покрепче,
Чтобы в нем гулять на свадьбе,
Красоваться на пирушке!»
Мать сыночку запрещает,
И жена не позволяет,
Обе дочери творенья,
Порожденные природой:
Пусть не едет Лемминкяйнен,
В Похъёлу нейдет на свадьбу.
Так вот сыну говорила,
Так твердила мать-старушка:
«Не ходи, сыночек милый,
Мой сыночек, милый Кауко,
В Похъёлу на пир великий,
На большую ту пирушку!
Ведь тебя туда не звали
И совсем не приглашали».
Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Лишь дурной идет по зову —
Молодец идет без зова;
Есть у Ахти приглашенье,
Есть у Ахти побужденье:
Меч мой с огненным железом,
Мой клинок, что мечет искры».
Мать же о своем хлопочет,
Удержать сыночка хочет:
«Не ходи ты, мой сыночек,
В Похъёлу на ту пирушку!
Ведь на улицах там ужас,
Чудеса там на дороге:
Трижды смерть грозит герою,
Трижды там грозит погибель».
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Смерть повсюду видит старый,
И везде ему погибель.

Муж нигде не побоится,
Муж нигде не устрашится.
Но пусть будет, как кто хочет:
Ты скажи-ка, дай послушать,
Что за первая погибель
И последняя какая?»
   Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:
«Я скажу тебе по правде,
А не так, как ты желаешь.
Вот где первая погибель,
Из погибелей всех прежде.
Ты пройдешь, сынок, немного,
День один всего проедешь,
Встретишь огненную реку
На пути среди дороги;
В ней кипит огнем пучина,
И горит скала в пучине;
На скале той холм сверкает,
На холме орел пылает,
Ночью он все зубы точит,
Днем навастривает когти
На чужих, кто там проходит,
На людей, кто ходит близко».
   Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Так пусть бабы умирают,
Но не это смерть для мужа.
Знаю я на это средство,
Тут я справиться сумею.
Чародейством сотворю я
Из ольхи с конем героя,
Чтобы мимо он проехал,
Чтоб взамен меня промчался.
Сам нырну я тотчас уткой,
Опущусь я быстро в волны
Под орлиными когтями,
Под когтями этой птицы.
Дорогая, мать родная!
Ты скажи вторую гибель».
   Лемминкяйнена мать молвит:
«Вот тебе вторая гибель:
Ты проедешь лишь немного,
И в теченье дня второго

Ров ты огненный увидишь.
Он лежит среди дороги,
Протянувшись и к востоку
И на запад бесконечно.
Полон ров камней горячих,
Глыб он полон раскаленных;
Там уж сотни пострадали,
Там уж тысячи погибли.
Были сотни те с мечами,
Эти тысячи с конями».
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Не от этого смерть мужу,
Не от этого герою,
Знаю средство и на это,
Тут исход себе найду я:
Превращу я снег в героя,
Изо льда создам я мужа,
Погоню героя в пламя
И вгоню его я в пекло,
В ту пылающую баню;
С медным веником пойдет он;
Сам скользну я стороною,
Проскочу я через пламя;
Борода не обожжется,
Не сгорят нисколько кудри.
Дорогая, мать родная!
Ты скажи мне третью гибель».
Лемминкяйнену мать молвит:
«Вот какая третья гибель:
Как еще проедешь дальше,
День еще в пути пробудешь,
Будешь в самом узком месте,
Встретишь Похъёлы ворота,
Там блуждает волк во мраке,
В темноте медведь там бродит —
Там, где Похъёлы ворота,
Там на самом узком месте
Уничтожены уж сотни,
Сгибли тысячи героев.
Отчего ж тебя не съесть бы,
С беззащитным не покончить?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:

«Можно там сожрать ягненка,
Разорвать его на части,
А не мужа, пусть дурного,
Не героя, пусть плохого!
А на мне ведь мужа пояс,
А на мне застежка мужа,
Я ношу героев пряжку,
Чтобы мог спастись наверно
Я от пасти волка Унто,
Заколдованного зверя.
Знаю, как пойти на волка,
Знаю средство на медведя:
Колдовством узду на волка,
На медведя цепь надену,
Рассеку его я сечкой,
Раскрошу я на кусочки,
И тогда пойду свободно
И свой долгий путь я кончу».
Лемминкяйнену мать молвит:
«Не конец еще и это:
Это ты найдешь в дороге.
Чудеса в пути большие:
Там три ужаса найдешь ты,
Три погибели для мужа.
Но когда туда дойдешь ты,
Чудеса найдешь страшнее.
Ты пройдешь еще немного —
Похъёлы там двор увидишь:
Частокол в нем из железа,
А вокруг из стали стены,
От земли идут до неба
И к земле идут от неба,
И стоят, как колья, копья —
Змеи в них переплелися,
Вместо прутьев там гадюки,
Ящерицы вместо связок
И играют там хвостами
Да шипят все головами,
Дол шипеньем оглашают,
Головы приподымают.
На земле простерлись змеи,
Растянулися гадюки,
Вверх подняв язык шипящий,
А хвосты внизу качают.

Но одна, что всех страшнее,
Залегла у входа прямо.
Подлинней она, чем балка,
Перекладины потолще,
Языком шипит высоко,
Пасть раскрыла, угрожая
Не кому-нибудь другому,
Одному тебе, несчастный».
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Пусть так дети умирают,
Но не это смерть героя.
Колдовством огонь уйму я,
Утомить сумею пламя,
Змей сгоню я чародейством,
Отгоню гадюк оттуда.
Пропахал же поле прежде,
Что все змеями кишело,
И с гадюками поляну;
Змей я голыми руками,
Змей держал я просто пальцем,
Пальцем я держал гадюку;
Змей десятки убивал я
И гадюк до сотни черных;
Кровь змеиная осталась,
Жир гадюки здесь на пальцах,
Пропаду не так-то скоро,
Никогда не попадусь я,
Как кусочек в зев змеиный,
В пасть гадюки разъяренной.
Сам давить дрянных я буду,
Растопчу я этих скверных,
Загоню я змей, колдуя,
Прогоню гадюк с дороги;
Двор тот Похъёлы пройду я
И войду в избу свободно».
Лемминкяйнену мать молвит:
«Не ходи ты, мой сыночек,
В дом тот Похъёлы суровой,
В то жилище Сариолы!
Там герои все с оружьем,
Опоясаны мечами,
От питья хмельного шумны
И озлоблены от пьянства:

Заколдуют там бедняжку
На концах мечей огнистых.
Посильней тебя убиты,
Похрабрей от чар погибли».
   Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ведь уж я немало пожил
В этих избах Сариолы;
Не со мной лапландцу сладить,
Не побьет меня турьянец —
Сам лапландцев заколдую,
Сам побью я там турьянцев,
Расколю в куски их плечи,
Продырявлю подбородки,
Распорю рубашки ворот,
Грудь разрежу на кусочки».
   Лемминкяйнену мать молвит:
«О, несчастный мой сыночек!
Ты все думаешь о прошлом
И все хвастаешься прежним.
Ты, конечно, долго пробыл
В этих избах Сариолы.
Весь ты был в дремотных волнах,
В волнах, травами покрытых,
Побывал в пучине темной,
Там упал с потоком книзу.
Маналы измерил реку,
Черной Туонелы теченье,
Был бы там и посегодня,
Если бы не мать-бедняжка.
   Ты послушай, что скажу я.
К избам Похъёлы пойдешь ты,—
Там все колья на пригорке,
Огорожен двор столбами,
И по черепу на каждом.
Лишь один пока не занят,
Для того, чтобы на этом
Голова твоя сидела».
   Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Пусть глупцы на это смотрят
И бездельники боятся
Лет пяти, шести в сраженьях,
Даже лет семи военных;

Но герои не боятся
И нисколько не страшатся.
Дай военную рубашку,
Принеси вооруженье!
Подниму я меч отцовский,
Посмотрю клинок я старца;
Долго он лежал холодный,
Долго был он в темном месте,
Много плакал постоянно,
Тосковал, без дела лежа».
Взял военную рубашку,
Взял все старое оружье,
Взял клинок отцовский, верный,
Взял отцовскую секиру,
Острием ударил об пол,
В потолок концом ударил
И качнул клинок рукою,
Как черемушную ветку
Иль растущий можжевельник.
И промолвил Лемминкяйнен:
«Кто тут в Похъёле найдется,
На пространстве Сариолы,
Кто б свой меч померил с этим,
На клинок меча взглянул бы?»
Со стены он лук снимает,
Лук с гвоздя снимает крепкий,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Назову того героем
И того признаю мужем,
Кто мой лук согнуть сумеет,
Тетиву на нем натянет
Там, в жилищах Сариолы,
В избах Похъёлы суровой».
Вот веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Взял военную рубашку,
Он надел вооруженье
И потом рабу промолвил,
Говорит слова такие:
«Ты, мой купленный работник,
Раб, доставшийся за деньги!
Снаряди скорее лошадь,
Снаряди коня для битвы,

Чтоб я мог на пир поехать,
К людям Лемпо на пирушку!»
И, послушный приказанью,
Раб пошел на двор поспешно,
Он ретивую запряг там,
Красно-пламенную лошадь
И, пришедши, так промолвил:
«Я исполнил приказанье
И лошадку приготовил;
Конь стоит уже в запряжке».
Лемминкяйнену пора бы
И в дорогу отправляться.
Так одна рука велела,
Но противилась другая;
И пошел, как думал раньше,
Вышел смело, без боязни.
Сыну мать совет давала,
Так дитяти мать-старушка
У дверей, у самой печки,
У сиденья говорила:
«Мой единственный сыночек,
Ты, дитя, моя опора!
Поспешаешь на пирушку
И придешь, куда ты хочешь.
Пей ты кружку вполовину,
Пей ты чашку до средины,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже:
В чашке черви копошатся,
Там на дне сосуда змеи!»
И еще сказала сыну,
Наставления давая
На окраине поляны,
На околице в калитке:
«Коль пойдешь ты на пирушку
И придешь куда придется,
Ты сиди на полсиденье,
Занимай полполовицы,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже.
Только так ты будешь мужем,
Будешь истинным героем,
Чтоб пройти тебе толпою,
Чтоб пройти под говор шумный

Чрез толпу героев сильных,
Через множество бесстрашных!»
Поспешает Лемминкяйнен,
Чтобы сесть скорее в сани;
Он коня кнутом ударил,
Бьет его жемчужной плеткой,
И летит оттуда лошадь,
Шумно вдаль несет героя.
Лишь немного он отъехал,
Лишь часочек он проехал,
Чернышей увидел стаю:
Поднялася стая кверху,
Отлетели быстро птицы
Перед лошадью ретивой.
Перьев несколько осталось
От их крыльев на дороге.
Поднял перья Лемминкяйнен
И в карман себе запрятал.
Он не знал, что статься может,
Что случится по дороге:
Все ведь может пригодиться,
При нужде всему есть место.
Чуть подальше он проехал,
Лишь частичку той дороги,
Конь зафыркал средь дороги,
Испугался, вислоухий.
Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Поднялся повыше в санках
И, вперед нагнувшись, смотрит:
Вот, как мать и говорила,
Как старушка уверяла,
Перед ним река пылает,
Пред конем среди дороги
Водопад горит в потоке,
Средь него скала пылает,
На скале сверкает холмик,
А на нем орел горящий
Изрыгает пламя горлом;
Так и бьет огонь из глотки,
Пышут огненные перья,
Мечут огненные искры.
Увидал вдали он Кауко,
Лемминкяйнену промолвил:

«Ты куда стремишься, Кауко,
Держишь путь свой, Лемминкяйнен?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Еду в Похъёлу на свадьбу,
Там на тайную пирушку.
Повернись, орел, немного,
Отойди чуть-чуть с дороги,
Дай ты путнику дорогу,
Лемминкяйнену тем боле;
Пусть он тронется сторонкой,
Пусть он краешком проедет!»
Так орел ему ответил,
Крикнул огненною глоткой:
«Дам я путнику дорогу,
Лемминкяйнену тем боле;
Пусть пройдет моей он глоткой,
Пусть по горлу погуляет;
Вот куда тебе дорога,
Вот куда ты мчаться должен;
Долгий пир там приглашенным,
Бесконечное безделье».
Думал Ахти тут недолго,
Был не очень озабочен.
Он в карман поспешно лезет,
В кошельке своем он ищет,
Вынул перья чернышей он,
Сбил поспешно их в комочки,
Трет обеими руками;
Между пальцами потер их —
Глухарей возникло стадо,
Стая рябчиков явилась;
Он орлу их в глотку бросил,
В пасть ему, как корм, направил.
Кинул в огненное горло,
В зубы огненной той птицы;
Так отправился он дальше,
В первый день от смерти спасся.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной;
Конь бежит оттуда прямо,
Скачет дальше жеребенок.
Вот немного он проехал,
Лишь частичку той дороги,

Снова лошадь испугалась
И заржала, стала снова.
Поднялся он на сиденье
И, вперед нагнувшись, смотрит.
Вот, как мать и говорила,
Как старуха уверяла:
Перед ним пылает пропасть
И как раз среди дороги
Широко лежит к востоку,
Без конца идет на запад,
Вся полна камней горящих,
Глыб огромных раскаленных.
Думал Ахти тут недолго,
Обратился к Укко с просьбой:
«О ты, Укко, бог верховный,
Дорогой отец небесный!
С севера пошли мне тучу,
С запада пошли другую,
Третью ты пошли с востока,
Также с северо-востока.
И ударь ты их краями,
Пустоту меж них заполни,
Снег пошли ты толщей в сажень,
Вышиной с копье героя
На горящие каменья,
На пылающие глыбы!»
Укко, этот бог верховный
И творец небесной тверди,
С севера тут гонит тучу,
Гонит с запада другую,
Третью гонит он с востока,
Также с северо-востока,
Их ударил друг о друга,
Пустоту меж них заполнил,
Снег послал он толщей с сажень,
Вышиной с копье героя
На горящие каменья,
На пылающие глыбы:
Озеро из снега вышло,
А на нем бушуют волны.
Чародейством Лемминкяйнен
Ледяной там мост устроил
Через озеро со снегом
С одного конца к другому.

Спасся он и во второй день
От погибели, от смерти.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной,
Быстро едет конь оттуда,
Мчится дальше по дороге.
Мчится он версту, другую,
Проскакал еще немного,
Вдруг скакун остановился,
Точно вкопанный, на месте.
Сам веселый Лемминкяйнен
Соскочил с саней и смотрит:
Волк стоит как раз при входе,
Там медведь стоит в проходе,
В самом въезде в Сариолу
И как раз в конце проезда.
И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Тут в карман рукою лезет,
Ищет быстро в кошельке он,
Вынимает шерсть овечью,
Быстро трет ее в комочки,
Трет обеими руками,
Растирает между пальцев.
Только раз он в руки дует
И овец из рук пускает,
Стадо целое ягняток,
Много ярочек веселых.
Волки тут к стадам стремятся,
Их ловить медведи мчатся —
А веселый Лемминкяйнен
Скачет дальше по дороге.
Лишь немного поотъехал,
Похъёлы он двор увидел.
Из железа там ограда,
И забор из стали сделан.
Тот забор — в земле сто сажен,
Сажен тысячу до неба;
Копья были там столбами,
Змеи были там жердями,
Их гадюками скрепили,
Ящерицами связали,
И хвосты у них висели,
С свистом головы шипели,

Черепа вверху качались,
А хвосты мотались снизу.
Тут веселый Лемминкяйнен
Призадумываться начал:
«Это — как мне мать сказала,
Мне родимая твердила.
Вот забор стоит тот самый,
От земли идет до неба;
Глубоко ползут гадюки,
А забор еще поглубже;
Высоко летают птицы,
А забор еще повыше».
Все же вышел Лемминкяйнен
Из беды и затрудненья:
Тотчас вынул нож из ножен,
Вынул страшное железо,
Колет яростно ограду,
Разломал ее в кусочки,
Расколол забор железный,
Ту змеиную ограду;
Пять жердей ее ломает,
Семь шестов ее высоких;
Сам потом поехал дальше,
К тем воротам Сариолы.
На пути змея лежала,
Поперек дороги самой;
Подлинней она, чем балка,
Всякой притолки потолще;
Сотней глаз змея глядела,
Жал до тысячи имела;
Шириной глаза с решета,
А язык с копье длиною,
Как зубцы у грабель — зубы,
Шириной спина в семь лодок.
Не посмел тут Лемминкяйнен
Проезжать прямой дорогой
Мимо той змеи стоглазой,
Мимо тысячеязычной.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ты, змея, что под землею,—
Туонелы червяк ты черный,
Ты, что ползаешь в колосьях,
И в корнях растений Лемпо,

Извиваешься по дерну
И ползешь в корнях деревьев!
Кто же выслал из колосьев,
Кто послал с корней растений,
Чтобы здесь могла ты ползать,
По дороге извиваться?
Кто твой зев высоко поднял,
Кто тебе дал приказанье,
Чтоб ты голову вздымала,
Шею высоко держала?
Это мать твоя, отец твой,
Иль, быть может, брат старейший,
Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?
    Зев закрой, главой поникни
И язык сокрой свой легкий,
Ты свернись клубком плотнее,
Там в один клубок ты свейся.
Ты оставь мне полдороги,
Пропусти скитальца дальше
Иль уйди совсем с дороги,
Уползи, змея, в кустарник,
Уходи ты, злая, в вереск,
Удались, во мху сокройся,
Уходи, как клок из шерсти
И как стружка от осины.
Головой в траву уткнися,
Устреми ее на холмик, —
В дерне лишь твое жилище
И убежище под кочкой;
Если голову поднимешь,
Разобьет ее там Укко
Закаленною стрелою,
Там железным страшным градом!»
    Так промолвил Лемминкяйнен.
Не послушалась гадюка,
Все шипит ужасным жалом,
Высоко шипит, поднявшись,
Угрожает страшным зевом,
Голове грозит героя.
    И промолвил Лемминкяйнен
Слово древности припомнил,
Что он слышал от старушки,
Что от матери узнал он.

Так промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Коль ослушаешься слова
И отсюда не уйдешь ты,
Так своей болезнью вспухнешь
И раздуешься от боли;
Ты растрескаешься, злая,
На три части ты, дрянная,
Если мать твою найду я,
Отыщу твою старуху.
Знаю я начало толстой,
Знаю изверга рожденье:
Мать твоя ведь — людоедка,
Мать твоя — из глуби моря.
    Мать твоя плевала в воду
И слюну пускала в волны.
Шесть годов ее качало
И баюкало теченьем:
Шесть годов она качалась.
Все семь лет она носилась
На хребте блестящем моря,
На вздымающихся волнах,
Там вода слюну тянула,
Ей давало гибкость солнце,
И потом прибой отбросил,
Волны к берегу погнали.
    Вот три дочери творенья
Вышли к берегу морскому,
К краю шумного теченья,
И слюну там увидали;
Так они сказали слово:
«Из слюны что может выйти,
Если ей творец даст душу
И глаза он ей дарует?»
    Услыхал творец те речи,
Говорит слова такие:
«Только дрянь из дряни выйдет,
Из дурных отбросов злое,
Если я вложу в них душу,
Если им глаза дарую».
    Услыхал слова те Хийси,
Он готов к дурному делу;
Приступил он сам к созданью,
Даровал слюне он душу,

Той, что Сюэтар бросала,
Что выплевывала злая.
Из слюны змея явилась,
Вышла черная гадюка.
Из чего ей жизнь досталась?
Из углей, из груды Хийси.
У змеи откуда сердце?
Сюэтар дала ей сердце.
Из чего мозги гадюки?
Из морской кипучей пены.
Чувства изверга откуда?
Из пучины водопада.
Голова дрянной откуда?
Из боба дрянного вышла.
Из чего глаза гадюки?
Из зерна льняного Лемпо.
Уши изверга откуда?
Из листов березы Лемпо.
Из чего же рот змеиный?
Он — из пряжки людоедки.
Из чего язык гадюки?
Дал копье ей Кейтолайнен.
Что такое зуб гадюки?
С Туонелы ячменный усик.
Что такое десны злобной?
Десны девы бога смерти.
А спина змеи ужасной?
То — печной ухват у Хийси.
Хвост откуда появился?
Из косы нечистой силы.
Из чего гадюки чрево?
То бог смерти дал свой пояс.
Вот твое происхожденье,
Вот, змея, твоя украса!
Ты, подземная ползунья,
Туонелы червяк ты черный,
Цвет земли и цвет осины,
Пестрой радуги цвета все.
Ты уйди скорей с дороги
Перед едущим героем,
Дай мне, путнику, дорогу,
Лемминкяйнена пусти ты;
Едет в Похъёлу на свадьбу,
Мчится он на пир великий!»

Вот свивается гадюка,
Та стоглазая сползает,
Лезет толстая гадюка —
По другой ползет дороге;
Мог пройти свободно путник,
Лемминкяйнен мог проехать.
Мчит он в Похъёлу на свадьбу,
Мчит на тайную пирушку.

РУНА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Лемминкяйнен прибывает в Похъёлу и держит себя очень заносчиво (1—204).— Хозяин Похъёлы сердится и, не победив Лемминкяйнена в искусстве заклинания, вызывает его драться на мечах (205—282).— Во время поединка Лемминкяйнен отрубает голову хозяину Похъёлы, а хозяйка Похъёлы, чтобы отомстить за убийство мужа, собирает против Лемминкяйнена войско (283—420)

Миновал теперь мой Кауко,
Ахти, мой Островитянин,
Пасть смертей свирепых многих,
Глотку гибельного Калмы,
Прибыл в Похъёлы жилище,
В дом на тайную пирушку.
Должен я теперь поведать,
Продолжать рассказ я должен,
Как веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
В Похъёлы селенье прибыл,
В Сариоле появился,
Как пришел незваный в гости
И на пир без приглашенья.
Вот веселый Лемминкяйнен,
Удалец, цветущий жизнью,
Подойдя, в избу проходит,
Вышел он на середину —
Пол из липы покачнулся,
И гудит изба из елей.
Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Ну, здорово, вот и я здесь!
Здравствуй тот, кто сам так скажет!

Слышишь, Похъёлы хозяин,
На твоем дворе найдется ль
Ячменя на корм лошадке,
Пива доброго мне выпить?»
Сам тут Похъёлы хозяин,
На углу стола сидевший,
Отвечает так оттуда,
Говорит слова такие:
«На дворе моем нашлось бы
Твоему коню местечко,
Я тебе не отказал бы,
Если б ты вошел, как должно,
У дверей остановился,
У дверей бы, у порога,
Там, где наш котел поставлен,
Возле трех крюков котельных».
Обозлился Лемминкяйнен,
Кудри черные откинул,
Как котел, черны те кудри;
Говорит слова такие:
«Пусть придет сюда сам Лемпо,
У дверей у этих станет,
Перепачкается в саже,
В черных пятнах постоит здесь!
Никогда отец мой прежде,
Никогда мой милый старец
Не стоял на этом месте,
Под стропилами у входа.
На скамье имел он место,
Для коня имел он стойло,
Для людей избу имел он,
Для своих перчаток угол,
Гвоздь, где обувь мог он вешать,
Для мечей имел он стены.
Отчего же мне нет места,
Как отцу бывало прежде?»
Он прошел в избу подальше,
У конца стола садится,
На краю скамейки длинной,
На конце скамьи сосновой:
Хрустнула в ответ скамейка,
Сильно вся под ним погнулась.
И промолвил Лемминкяйнен:
«Видно, я пришел некстати,

Что мне пива не приносят,
Мне, сидящему, как гость, здесь».
Ильпотар, сама хозяйка,
Так в ответ сказала слово:
«О ты, юный Лемминкяйнен!
Ты, по мне, не смотришь гостем!
Головы моей ты ищешь,
Раскроить виски мне хочешь!
В ячмене пока здесь пиво,
А ячмень пока лишь солод,
Не замешана пшеница,
Мясо вовсе не готово.
Что б тебе вчера приехать
Иль приехать хоть бы завтра».
Пуще злится Лемминкяйнен,
Так, что рот перекосился,
Набок волосы все сбились.
Говорит слова такие:
«Значит, кушанье поели,
Уж окончили пирушку,
Поделили вы все пиво,
Мед весь выпили до капли,
Унесли уже все кружки
И убрали все кувшины!
Ну, ты, Похъёлы хозяйка,
Длиннозубая, послушай!
Уж и справила ты свадьбу,
По-собачьи люд созвавши.
Испекла большие хлебы,
Наварила много пива,
По шести местам сзывала,
Девять наняла дружков ты:
Позвала убогих, бедных,
Позвала навоз, отбросы,
Позвала людей последних,
Всех поденщиков в лохмотьях,
Позвала народ ты всякий —
Лишь меня не пригласила!
Как могло со мной случиться,
Что я сам ячмень просыпал?
Все его несли ковшами,
Все умеренно ссыпали,
Я ж его большою кучей
Четверть целую просыпал,

Собственный ячмень хороший,
Из зерна, что я посеял.
Но не будет Лемминкяйнен
Гостем с именем хорошим,
Коль ему не будет пива
И котла пред ним не будет,
И в котле не сварят пищи,
Фунтов на́ двадцать свинины,
Не дадут ни есть, ни выпить
После дальней той дороги».
Ильпотар, хозяйка дома,
Говорит слова такие:
«Эй ты, девочка-малютка,
Ты, слуга моя, рабыня!
Принеси в котле съестного,
Поднеси ты гостю пива».
Эта малая девчонка,
Что посуду быстро мыла,
Что все ложки вытирала,
Все ковши там вымывала,
Принесла в котле съестного,
Рыбьи головы да кости,
Да ботвы увядшей репы,
Да сухую корку хлеба.
Принесла в кувшине пива,
Пива жидкого, дрянного,
Чтобы выпил Лемминкяйнен,
Чтобы жажду утолил он.
Говорит слова такие:
«Если муж ты настоящий,
Выпьешь разом это пиво,
Весь до дна кувшин осушишь».
Тут веселый Лемминкяйнен
Посмотрел на дно кувшина,
А на дне лежат гадюки,
Змеи плавают в середке,
Черви ползают по краю,
Видны ящерицы в пиве.
И сказал ей Лемминкяйнен,
Обозлившись, Каукомъели:
«В Туонелу — за это пиво,
В Манalу — за эту кружку —
Раньше, чем взойдет здесь месяц,
Раньше, чем зайдет здесь солнце!»

И затем сказал он слово:
«Пиво, ты дрянной напиток!
Набралось теперь ты сраму
И таким ты гадким стало!
Это пиво все ж я выпью!
Но всю нечисть наземь брошу,
Безымянным брошу пальцем,
Левым пальцем побросаю!»
Опустил в карман он руку,
Поискал в своем мешочке
И крючок оттуда вынул,
Из мешка крючок удильный,
Опустил его он в кружку,
В пиво он крючок забросил.
На крючок попались змеи,
Зацепилися гадюки,
Сотню вытащил лягушек,
Тысячи червей попались.
Побросал он их на землю,
Покидал все это на пол;
Вынимает острый ножик,
Лезвие из ножен злое;
Змеям головы отрезал,
Разрубил гадюкам шеи,—
Темный мед охотно выпил,
С удовольствием все пиво.
Говорит слова такие:
«Видно, гость я нежеланный,
Что не подали мне пива,
Не дали питья получше,
Не дали питья побольше,
Не дали в большом сосуде,
Не зарезали барана
И быка мне не убили,
Не внесли вола в избу мне,
Двухкопытного в жилище».
Сам тут Похъёлы хозяин
Говорит слова такие:
«Ты зачем сюда явился,
Кем сюда ты зван, ответь-ка?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Званый гость хорош, конечно,
А незваный гость дороже.

Слушай ты, сын похъёланца,
Слушай, Похъёлы хозяин!
Дай за деньги пива выпить,
За наличные продай мне!»
Злится Похъёлы хозяин,
Обозлился, стал свирепым,
Обозлился, рассердился,
Колдовством прудочек сделал
Лемминкяйнену под ноги.
Говорит слова такие:
«Вот река, пей сколько хочешь,
Похлебай воды из пруда».
Не задумываясь долго,
Отвечает Лемминкяйнен:
«Не теленок я у бабы,
Я совсем не бык хвостатый,
Чтобы пить речную воду,
Чтоб лакать ее из лужи».
Сам он начал чародейство,
Приступил к волшебным песням:
На полу быка он сделал,
С золотыми бык рогами:
Бык тот выхлебал всю лужу,
Без остатка выпил воду.
Похъёлы сын долговязый
Сделал волка чародейством;
На полу избы он сделал,
Чтоб тому быку погибнуть.
Но веселый Лемминкяйнен
Сделал беленького зайца,
Чтобы по полу он прыгал
Перед пастью злого волка.
Похъёлы сын долговязый
Сделал жадную собаку,
Чтоб она убила зайца,
Чтоб косого растерзала.
Но веселый Лемминкяйнен
Сделал белку на стропилах,
Чтобы прыгала по балкам,
Лай собаки вызывала.
Похъёлы сын долговязый
Сделал желтую куницу:
Погнала куница белку
И поймала на стропилах.

Но веселый Лемминкяйнен
Сделал бурую лисицу:
Чтоб она куницу съела,
Чтоб красивую убила.
Похъёлы сын долговязый
Сделал курицу тотчас же,
Чтобы по полу летала
Перед пастью той лисицы.
Но веселый Лемминкяйнен
Сделал ястреба с когтями,
Заклинаньем его сделал,
Чтобы курицу убил он.
Сам тут Похъёлы хозяин
Говорит слова такие:
«Этот пир не будет пиром,
Коль гостей не поубавим;
Уходи ты, чужеземец,
Убирайся-ка с пирушки!
Прочь иди, исчадье Хийси,
От мужей иди подальше!
В дом свой скройся, тварь дрянная,
Возвратись домой ты, злобный!»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Так никто ведь не позволит,
Даже муж меня похуже,
Чтоб его сгоняли с места,
Чтоб с сиденья прогоняли».
Тут уж Похъёлы хозяин
Со стены свой меч хватает,
Меч свой огненный рванул он,
Говорит слова такие:
«Ахти, ты, Островитянин,
Молодец ты, Каукомъели!
Ну, померимся мечами,
На клинки посмотрим наши,
Мой ли меч получше будет
Или твой, Островитянин!»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Мой клинок не очень годен,
Черепами он изрублен,
На костях почти поломан!
Но пусть будет кто как хочет,
Если так зовешь ты в гости,

Так померимся, посмотрим,
Чей-то меч получше будет!
Мой отец, бывало, прежде
Храбро мерился мечами:
В сыне род не изменился,
И в дитяти он не хуже!»
    Взял он меч, схватил железо,
Меч свой огненный он вынул
Из ножон, покрытых шерстью,
С кушака перевитого.
Оба мерили, смотрели
На длину мечей обоих:
Меч у Похъёлы владельца
Оказался подлиннее,
Подлинней на кончик ногтя,
Лишь на полсустава пальца.
    И сказал Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«Меч твой больше оказался,
И удар твой первым будет».
    Нападать хозяин начал,
Сыплет яростно удары,
Хочет он попасть — не может,
Метит в голову он Кауко,
Полосует по стропилам,
Попадает между балок,
Изломал в куски стропила,
Исщепал у балок связки.
    И сказал Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«В чем стропила согрешили,
В чем тут балки провинились,
Что ты бьешь мечом стропила,
Разбиваешь в щепки балки?
    Ты послушай, северянин,
Слушай, Похъёлы хозяин:
Трудно здесь в избе сражаться,
Здесь нам женщины мешают.
Здесь мы горницу испортим,
Обольем полы мы кровью;
Выйдем лучше из жилища,
Будем мы сражаться в поле,
На поляне будем биться!
На дворе ведь кровь красивей,

На открытом месте лучше,
На снегу еще прекрасней».
Вот они на двор выходят,
Там нашли коровью шкуру,
На дворе же растянули,
И на шкуру стали оба.
Говорит Островитянин:
«Ты послушай, похъёланец!
Твой клинок ведь подлиннее,
Меч твой много пострашнее,
Так воспользуйся им раньше,
Чем простишься ты со светом,
Чем ты шею потеряешь,—
Бей смелее, похъёланец!»
И ударил похъёланец.
Раз ударил, два ударил,
Третий раз еще ударил;
Но не мог попасть он верно,
Оцарапать тело Ахти
Иль содрать кусочек кожи.
Говорит Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ну, теперь я попытаюсь,
Уж давно черед за мною!»
Только Похъёлы хозяин
Ничего не хочет слышать,
Ударяет беспрерывно,
Ударяет, но напрасно.
Бьет уж пламя из железа.
Из клинка струятся искры,
Из меча в руках у Ахти;
Искры сыплются все дальше,
Блеск их шею озаряет
Сыну Похъёлы туманной.
Молвит юный Лемминкяйнен:
«Слушай, Похъёлы хозяин!
Вижу блеск на подлой шее,
Словно утренняя зорька!»
Повернулся северянин,
Смотрит Похъёлы хозяин —
Блеск на шее видеть хочет,
Смотрит собственную шею.
Тут ударил Лемминкяйнен,
Быстро он клинком ударил,

И попал мечом он в мужа,
Бьет оружием железным.
Вот один удар наносит:
С плеч он голову снимает,
С шеи череп отрезает;
Так у корня режут репу,
Со стебля так режут колос,
Так плавник от рыбы режут.
Голова к земле упала,
На дворе свалился череп,
Так, сраженная стрелою,
С ветки падает тетерка.
Сто столбов там возвышалось,
Больше тысячи стояло,
Сотни там голов на кольях,
И один лишь был свободен.
Взял высокий Лемминкяйнен
Эту голову, приподнял,
Насадил он этот череп
Там на колышек свободный.
Ахти, мой Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели,
Вновь тогда в избу вернулся,
Говорит слова такие:
«Принеси воды, девчонка,
Дай воды — от рук отмыть мне
Кровь хозяина дрянного,
Кровь из раны злого мужа!»
В гневе Похъёлы старуха
Разозлилась, разбесилась.
Создала людей с мечами,
Все мужей вооруженных.
Сто мужей с мечами вышло,
Вышла тысяча с оружьем
Лемминкяйнену на шею,
Каукомъели на погибель.
И тогда настало время,
Отступать пора настала.
Трудно сделалось тут Ахти,
Даже вовсе невозможно
Лемминкяйнену младому
В Сариоле оставаться,
В Похъёле, на славном пире,
На пирушке этой тайной.

РУНА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Лемминкяйнен спешно покидает Похъёлу, прибывает домой и спрашивает у матери, где бы он мог скрыться от похъёланцев, которые, по его словам, скоро нагрянут и будут во множестве воевать против него одного (1—164).— Мать упрекает его за то, что он поехал в Похъёлу, предлагает ему различные места, где бы он мог скрыться, и, наконец, советует ему удалиться на остров за морями, где раньше во время больших войн мирно жил его отец (165—294)

Ахти, тот Островитянин,
Тот веселый Лемминкяйнен,
В путь стремительно собрался,
Он поспешно покидает
Села Похъёлы туманной,
Той суровой Сариолы.
Из избы бежит, как буря,
Ко двору, как дым, стремится,
Чтоб спастись от злодеяний
И сокрыть свои проступки.
Но когда во двор он вышел,
Двор обыскивает взглядом,
Чтоб коня найти в дорогу,—
Он нигде коня не видит:
Лишь один на поле камень,
Только ива на поляне.
Кто бы мог его наставить,
Кто бы дал совет хороший,
Чтоб главы он не лишился,
Чтоб волос не потерял он,
Чтоб они не разлетелись
По двору той Сариолы?
Гул донесся из деревни,
Пыли облако поднялось,
Уж глаза сверкают в окнах,
Блеск по всей деревне виден.
Должен был тут Лемминкяйнен,
Ахти, тот Островитянин,
Новое принять обличье,
В облике другом явиться.
Полетел орлом высоко,
Долететь до неба хочет,—

Обжигало щеки солнце,
Освещал височки месяц.
И взмолился Лемминкяйнен,
Он, веселый, молит Укко:
«О ты, Укко, бог верховный,
Ты, благой мудрец на небе,
Ты, кто правит туч грозою,
Облаками управляет,
Облачка мне в небе сделай
И сокрой меня в туманах,
Чтобы я под их защитой
Мог на родину вернуться,
К милой матери поближе,
К ней, моей седой старушке!»
Он летит по небу дальше,
Вдруг назад он оглянулся,
Видит: мчится серый ястреб,
И глаза его пылают,
Точно очи похъёланца,
Что был в Похъёле хозяин.
Так промолвил старый ястреб:
«Ой ты, Ахти, милый братец!
Не забыл ты нашу битву,
Наше в поле состязанье?»
Отвечая Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ястреб-птица, ты мой птенчик,
Поверни полет свой к дому
И, когда туда прибудешь,
В Похъёлу, в страну тумана,
Расскажи там всем, как трудно
Взять орла и съесть на небе».
Он спешит прямой дорогой
К дому матери любимой;
На лице его забота,
В сердце туча огорченья.
Вышла мать ему навстречу
Там, где шел он по дорожке,
Возле изгороди шел он.
Прежде мать его спросила:
«Ты, сыночек самый младший,
Мальчик самый мой надежный!
Отчего такой ты мрачный
Вдруг из Похъёлы вернулся?

Или обнесен ты кружкой
В мрачной Похъёле на свадьбе?
Если обнесен ты кружкой,
Так возьми получше кружку,
Что в войну отец твой добыл,
Что принес он с поля битвы».
Отвечает Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Был бы обнесен я кружкой,
Я хозяина б обидел,
Проучил бы сто героев,
Всю бы тысячу обидел».
Лемминкяйнену мать молвит:
«Отчего ж такой ты мрачный?
Или конь твой опозорен,
На бегу ты осрамился?
Если конь твой опозорен,
Должен ты купить другого
На отцовское богатство,
На большой достаток старца!»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Был бы конь мой опозорен,
На бегу бы осрамился,
Я хозяина б обидел,
Ездоков бы опозорил,
Этих сильных с их конями,
С лошадьми героев этих».
Лемминкяйнену мать молвит:
«Отчего ж такой ты мрачный
И с таким печальным сердцем
Вдруг из Похъёлы вернулся?
Иль там женщины смеялись
И девицы над тобою?
Если женщины смеялись
И девицы насмехались,
Высмеять самих их можно,
Отплатить им всем насмешкой».
Отвечает Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Если б женщины смеялись
Иль девицы надо мною,
Я б хозяина обидел,
Всех девиц я осмеял бы,

Насмеялся бы над сотней
И над тысячею женщин».
Но на это мать сказала:
«Что ж с тобой, сыночек, было?
Иль случилось что дорогой,
В Похъёлу пока ты ехал?
Или много ты покушал,
Ты покушал или выпил?
Или сны дурные видел
На местах твоих ночлегов?»
Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Пусть обдумывают бабы,
Что им ночью темной снится.
Знаю сны свои ночные,
Сновидения дневные.
Мать, старушка дорогая!
Наложи в мешок припасов,
Положи муки мне в сумку,
Положи в мешочек соли;
Должен сын твой ехать дальше,
Из страны своей уехать,
Бросить милое жилище,
Двор чудесный свой покинуть.
На меня мечи уж точат
И навастривают копья».
Быстро мать его спросила:
«Что так скоро ты уходишь?
Для чего мечи уж точат
И навастривают копья?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Вот на что мечи уж точат
И навастривают копья —
Мне, несчастному, на гибель,
На мою главу готовят:
Вышел спор у нас и битва
В поле Похъёлы туманной,
И убил я похъёланца,
Что был Похъёлы хозяин.
Похъёла идет войною,
Север весь идет войною,
На усталого идет он,
Я один, а их так много».

Вот что мать ему сказала,
Сыну молвила старушка:
«Я тебе ведь говорила,
Я тебя предупреждала,
Я тебе ведь запрещала
Отправляться в Сариолу.
Ты ведь мог бы здесь остаться,
Жить у матери в жилище,
Под защитою старушки,
На дворе твоей родимой,—
И война б не разгорелась,
Без борьбы ведь обошлось бы.
Но куда ж ты, мой сыночек,
Ты куда спешишь, несчастный,
Чтоб спастись от страшной мести,
Чтоб избегнуть злодеянья,
Чтоб главы твоей не сняли,
Чтобы шеи не рассекли,
Чтоб волос не повредили,
Не развеяли по ветру?»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Я еще не знаю места,
Где б убежище найти мне
И спастись от мести страшной.
Мать родная, дорогая!
Ты куда велишь укрыться?»

Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Где укрыть тебя, не знаю,
И куда тебя отправить.
Стань на горке ты хоть елкой,
Можжевельником на поле,
Все ж и там беда настигнет,
Там тебя найдет несчастье:
Часто елочку на горке
Расщепляют на лучину,
Также часто можжевельник
Облупляют для подпорок.
Коль березкою в долине
Иль ольхой ты встанешь в роще,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Ведь березу, что в долине,

Часто режут на поленья,
А ольху в зеленой роще
Часто рубят, жгут под пашню.
Если ягодой нагорной,
Станешь ягодой лесною,
Земляничкою в отчизне
Иль в чужих краях черникой,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Там сорвут тебя девицы
В оловянных украшеньях.
Станешь щукой в синем море
Иль сигом в реке глубокой,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Молодец, что ловит рыбу,
Там закинет в воду сети
И тебя поймает в сети,
Иль поймает старец в невод.
Если в лес пойдешь ты волком
Иль медведем в дебри леса,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Молодец, покрытый сажей,
Там копье свое наточит,
Чтоб охотиться на волка,
Чтоб убить того медведя».
Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Сам места дурные знаю,
Те места, что хуже прочих,
Те, где смерть меня настигнет,
Где судьба отыщет злая.
Мать, ты жизнь мне даровала,
Молоком дитя питала!
Ты куда велишь бежать мне,
Мне куда бежать, укрыться?
Уж у рта стоит погибель,
К бороде идет несчастье —
Головы лишусь я завтра,
И несчастье совершится».
Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Назову тебе, пожалуй,

Подходящее местечко,
Где укроется виновный,
Избежит беды преступный,
Знаю я клочок землицы,
Очень малое местечко,
Где ни споров, ни раздоров;
Меч туда и не заходит.
Поклянись мне вечной клятвой,
Клятвой истинной и страшной,
Что пройдет шесть лет и десять,
А в сраженье не пойдешь ты,
Хоть и золота захочешь,
Серебра ты пожелаешь».
   Отвечает Лемминкяйнен:
«Я клянуся страшной клятвой,
Что ни в первое я лето
И затем ни во второе
Не отправлюсь на сраженье,
В место, где мечи сверкают.
У меня плечо все в ранах,
На груди остались язвы
От последних славных схваток,
От последних состязаний
На полях обширных битвы,
Где мужи друг с другом бьются».
   Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Так возьми челнок отцовский
И спеши, чтоб там укрыться.
Проплыви морей ты девять;
Пол десятого проедешь —
Прямо к острову пристанешь
И к утесу над водою.
В дни былые там отец твой
Укрывался и спасался.
В год, когда война шумела,
Целый год велись сраженья,
Прожил он, беды не зная,
Прожил там прекрасно время.
Год, другой ты там скрывайся,
Приезжай домой на третий,
К дорогой избе отцовской,
На родительское поле!»

РУНА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Лемминкяйнен отправляется через моря на лодке и благополучно прибывает на остров (1—78).— На острове он соблазнил много девушек и женщин, за что мужчины, рассердившись, решают убить его (79—290).— Лемминкяйнен поспешно собирается и покидает остров, к большому сожалению девушек (291—402).— На море сильная буря разбивает судно Лемминкяйнена, он вплавь добирается до берега, добывает новую лодку и приплывает на ней к родным берегам (403—452).— Он видит, что дом его сожжен и вся местность пустынна; тут он начинает плакать и жаловаться, боясь, что и мать его погибла (453—514).— Мать, однако, жива, она на новом месте, в глухом лесу, где Лемминкяйнен, к большому своему счастью, находит ее (515—546).— Мать рассказывает, как народ Похъёлы пришел и испепелил их жилище; Лемминкяйнен обещает построить новое, еще лучшее жилище, а также отомстить Похъёле и рассказывает своей матери о веселой жизни на острове, где он скрывался (547—602)

Вот веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Положил в мешок запасов,
Масла летнего в лукошко.
На год маслом он запасся,
На другой берет свинины
И уходит укрываться,
Удаляется поспешно.
Говорит слова такие:
«Ухожу теперь отсюда,
Ухожу я на три лета,
На пять лет страну оставлю
На съеденье злобным змеям,
Рысям отдыхать здесь — рощи,
Здесь поля — резвиться лосям,
Для жилья поляны — гусям.
Ты прощай, о мать родная!
Коль из Похъёлы прибудет
Племя Пиментолы злое
И меня искать захочет,
Ты скажи, что прочь ушел я,
Что отсюда удалился,
Как устроил ту подсеку,
Где теперь снимают жатву».

Он челнок спускает в воду,
На теченье вывел лодку
С тех катков, обитых сталью,
С тех валов, богатых медью.
Натянул на мачте парус,
Полотно вознес на рее,
На корме в челне уселся,
Сел он там, чтоб править лодкой,
Сам вперед он наклонился,
У кормы весло он держит.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ты повей в мой парус, ветер,
Ты гони весь остов лодки,
Пусть ладья сильней стремится,
Пусть идет челнок сосновый
Вдаль, на остров неизвестный,
На мысочек без названья».

Раскачали лодку ветры,
Погнало теченье моря
По хребту воды прозрачной,
По открытому теченью;
Там два месяца качает
Да без малого и третий.
На мыске девицы были,
На мыске при синем море
Во все стороны смотрели,
Взоры к морю обращали:
Та ждала, что брат подъедет,
Эта — батюшку родного,
Жениха с дороги третья
Всего больше поджидала.
Увидали в море Кауко,
Прежде лодку увидали:
Лодка облаком казалась
Между небом и водою.
И подумали девицы,
Девы острова сказали:
«Что тут странное на море,
Незнакомое на волнах?
Если ты, корабль, из наших,
Если с острова ты, парус,
Поверни домой сейчас же,

Прямо к острову на пристань:
Чтобы новости с чужбины
И известья мы узнали,
Как народ приморский — в мире
Или в войнах пребывает».
Гонит лодку ветер дальше
И качают сильно волны,
Гонит лодку Лемминкяйнен,
Мчит он лодку на утесы,
Приближается мысочек,
Берег острова крутого.
И, подплыв туда, спросил он,
Появившись, так промолвил:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы вытащить мне лодку,
На сухом поставить месте?»
Девы острова сказали,
Так девицы отвечали:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где втащить ты можешь лодку,
На сухом поставить месте.
Здесь катки тебе готовы,
Полон пристанями берег,
Будь с тобой хоть сотня лодок,
Хоть бы тысячу привел ты».
Тут веселый Лемминкяйнен
Лодку вытащил на землю,
На катки челнок поставил,
Говорит слова такие:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой
От большого шума битвы,
От игры мечей звенящих?»
Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой;
Есть и крепости, и много

Для жилья домов просторных,
Пусть хоть сто мужей приходят,
Пусть хоть тысяча героев».
Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Часть березового леса
Иль другой земли кусочек,
Где б леса подсечь я смог бы,
Приготовить землю к пашне?»

Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Нет на острове местечка,
Нет земли в полянах этих
Даже в кадку шириною,
В ширину спины не будет,
Где бы лес подсечь ты смог бы,
Приготовить землю к пашне:
Остров весь уж поделили,
Все размерены поляны,
Лес по жребию раздали,
Все луга уж у хозяев».
Так спросил их Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Есть на острове местечко,
Есть пространство на полянах,
Где бы мог пропеть я песни,
Мог начать надолго пенье?
На устах слова уж тают,
Уж из десен вырастают».
Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где пропеть ты можешь песни
И начать искусно пенье,
Где играть ты можешь в роще
И плясать ты можешь в поле».
И веселый Лемминкяйнен
Тотчас песнь свою заводит:
На дворе рябин наделал,
На поляночке дубочков,

На дубах большие ветви,
Желудей на ветках сделал,
Золотые с веток кольца,
А на кольцах по кукушке:
Как начнет кукушка кликать,
Выйдет золото из клюва,
А с боков все медь стекает,
Серебро сбегает книзу
На холмочки золотые,
На серебряные горки.

Пел и дальше Лемминкяйнен,
Пел и делал заклинанья:
Обращал песок он в жемчуг,
Камни делал с чудным блеском,
А деревья — с красным цветом
И цветочки золотые.

Пел все дальше Лемминкяйнен:
На дворе колодец сделал
С золотой прекрасной крышкой,
А на крышке сделал ковшик,
Чтобы юноши здесь пили,
Чтоб глаза девицы мыли.

Сделал он пруды в полянах,
На прудах же — синих уток,
Златощеких, среброглавых,
Пальцы медные у уток.

Девы острова дивились,
Те девицы изумлялись
Лемминкяйнена напевам,
Чарованьям этих песен.

И сказал им Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Я прекрасно спел бы песню,
Прозвенел бы я чудесно,
Если б был я где под крышей,
На углу стола сидел бы.
Коль избы здесь не найдется,
Если на пол я не стану,
Все мои заклятья в рощу,
Песни в лес я побросаю».

Девы острова сказали,
Так надумали девицы:
«Для жилья найдутся избы

И дворы, где жить удобно,
Чтобы взять со стужи песню,
Чтоб укрыть слова в жилище».

Начал пенье Лемминкяйнен:
Как вошел в избу, тотчас же
Сделал кружки чародейством,
По краям стола расставил,
Эти кружки с пивом были,
Кувшины с питьем медовым,
Блюда полные до верху,
Чашки в уровень с краями:
Много было в кружках пива,
В кувшинах довольно меду.
Был большой запас там масла,
Много было там свинины,
Чтоб наелся Лемминкяйнен,
Сытым стал бы Каукомъели.

Важный вид тут принял Кауко:
Он иначе есть не может,
Как чтоб в золоте был ножик
И с серебряною ручкой.

Взял серебряную ручку,
Золотой клинок напел ей;
Ел он сколько захотелось,
Попивал в охотку пиво.

И прошел тут Лемминкяйнен
Все деревни по порядку
Девам острова на радость,
Длиннокосым — на отраду.
Головой лишь повернется,
Поцелуй ему навстречу,
Лишь куда протянет руку,
А ее уж и хватают.

Он приходит на ночевку
В час, когда совсем стемнело.
Деревень там было много
И дворов с десяток в каждой,
На дворах же этих в каждом
Дочерей с десяток было,
И хотя б одна осталась
Из девиц прекрасных этих,
Чтоб он с ней не поразвлекся,
Руки ей не утомил бы.

Сотни вдов ему достались,
Целой тысячей невесты.
Двух в десятке не осталось,
Не осталось трех из сотни
Там девиц не обольщенных
И тех вдов не увлеченных.
Веселится Лемминкяйнен,
Жизнь проводит он в веселье,
Жил на острове три лета,
В деревнях больших скрывался:
Девам острова на радость,
Многим вдовам на отраду.
Не порадовал одну лишь
Только старую девицу.
Та жила в селе десятом,
На конце большого мыса.
Он уж думал о дороге,
Чтоб на родину вернуться,
Вдруг пришла старуха-дева,
Говорит слова такие:
«Кауко, миленький красавчик!
Если ты меня забудешь,
Пожелаю, чтоб в дороге
Твой челнок на риф наехал».
Не вставал он темной ночью,
До петушьей переклички,
Не ходил на радость с девой,
На забаву с той девицей.
Наконец, однажды поздно,
Как-то вечером решил он
Встать до месяца восхода,
До петушьей переклички.
Даже раньше он поднялся,
До назначенного часа.
Он решил пройти немедля
Все деревни по порядку,
Заглянуть на радость даже
К старой деве, посмеяться.
Он один проходит ночью
Все деревни по порядку
На конец большого мыса,
В ту десятую деревню.
Проходя деревню, видит —
На дворах везде три дома,

А в домах он там увидел
В каждом доме три героя.
Из героев этих каждый
Меч оттачивает острый
И топор свой навостряет
Лемминкяйнену на гибель.
Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«День, ты светлый лик поднимешь,
Солнце, ты взойдешь, сияя,
Для несчастнейшего мужа,
Злополучному на шею!
Разве Лемпо спрячет мужа,
Защитит своей рубашкой,
Иль своим плащом покроет,
Иль в свою запрячет шапку
Против ста мужей враждебных,
Против тысячи напавших!»
Так он девушек не обнял,
С ними он не попрощался.
Повернул скорее к лодке,
К челноку пошел несчастный:
А челнок его спалили,
Весь в золу он превратился!
Видит он: несчастье близко,
Время бедствий наступает.
Хочет он челнок наладить,
Лодку новую построить.
Но деревьев нет для стройки,
Нет досок, чтоб сделать лодку.
Видит дерева кусочки,
Вовсе малые дощечки:
Пять кусочков от катушки,
Шесть осколков веретенца.
Он из них челнок устроил,
Лодку новую сготовил.
Все своим искусством сделал,
Мудростью своей устроил;
Раз ударил — и пол-лодки,
Два ударил — всю достроил,
В третий раз тогда ударил —
Лодка новая готова.
Он толкнул ее на волны,
Свой челнок спускает в воду.

Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Как пузырь, плыви по волнам,
Как цветочек, по теченью!
Дай три перышка, орел, мне,
Три — орел и два — ворона,
Пусть на лодку будут крышей,
На плохой челнок брусками!»
Он на дно садится в лодку,
В задней части поместился,
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась,
Уж не смел теперь он ночью,
Днем не смел он оставаться
Девам острова на радость,
Где кудрявые плясали.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Должен молодец проститься,
Бросить здешние жилища,
Бросить девичьи забавы,
Пляски девушек прекрасных.
При моем прощанье с ними,
При моем отъезде скором
Здесь не радуются девы,
Не играют молодые,
Здесь полны печали избы
И дворы полны несчастья».
Девы острова горюют,
На мыске девицы плачут:
«Что ты едешь, Лемминкяйнен,
Отчего, жених, уходишь?
Иль здесь много дев стыдливых,
Или женщин тебе мало?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Нет, здесь девы не стыдливы,
Женщин вовсе мне не мало:
Сотню женщин мог бы брать я,
Дев хоть тысячу имел бы.
Оттого я, Кауко, еду,
Оттого, жених, скрываюсь,
Что меня желанье мучит
Снова родину увидеть,

У себя рвать землянику,
На своей горе малину,
Дев на собственном мысочке,
Кур иметь в своем жилище».

И поехал Лемминкяйнен
На кораблике по морю.
Вьется ветер, поддувает,
Волны лодку погоняют
По спине по синей моря,
По открытому теченью.
А по бережку, бедняжки,
На камнях стояли девы,
Плачут острова девицы
И горюют золотые.

До тех пор горюют девы,
До тех пор девицы плачут,
Там пока виднелась мачта
И железные колечки.
Не о мачте плачут девы,
Не о кольцах из железа,
А о муже, что у мачты,
Женишке под парусами.

Плакал также Лемминкяйнен,
Он печалился от горя,
Там пока был виден остров
И еще виднелись горы.
Не об острове он плакал,
Не оплакивал он горы:
Дев на острове жалел он,
Он жалел гусынь нагорных.

Проезжает Лемминкяйнен
По волнам на синем море.
Едет день, другой день едет.
Но на третий день внезапно
Загудел вдруг сильный ветер,
Зашумел прибрежный воздух,
Буря с острова несется,
Ветры резкие с востока:
Разорвали борт у лодки,
Челнока изгиб расшибли.

И свалился Лемминкяйнен,
Он упал руками в воду,
Быстро пальцами гребет он,
И ногой в волнах он правит.

И плывет и день и ночь он,
Изо всей гребет он силы.
Вдруг на западе увидел,
Словно облачко нависло.
Облачко землею стало
И мысочком обратилось.
Стал на землю, в дом он входит,
Там печет хозяйка хлебы,
Дочки дружно тесто месят.
«Ох ты, добрая хозяйка!
Если б знала ты мой голод,
Про беду мою узнала,
Ты б в амбар пошла скорее,
Ты б сошла в подвал за пивом;
Принесла бы кружку пива,
Принесла б кусок свинины,
Ты изжарила б свинину,
Масла щедро положила,
Чтоб насытился усталый,
Чтоб герой здесь пива выпил.
Плавал я и дни и ночи
По волнам широким моря,
Охраняли меня ветры,
А ласкали волны моря».
Вышла добрая хозяйка
В тот амбар, что на пригорке,
Забрала в амбаре масла,
Принесла кусок свинины;
И изжарила свинину,
Чтоб насытился голодный,
Принесла кувшинчик пива,
Чтоб испил герой усталый.
Лодку новую подводит,
Челночок вполне готовый,
Чтоб он мог оттуда ехать
На места свои родные.
Вот приехал Лемминкяйнен
На места свои родные,
Узнает он землю, берег,
Острова, проливы видит,
Видит пристань, как и прежде,
Видит все места жилые,
Видит сосны на пригорке,
По холмам все те же ели,

Но избы своей не видит,
Не стоят уж больше стены:
Где изба была когда-то,
Там черемуха ветвится,
Где был двор, там встали ели,
У колодца — можжевельник!
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Я играл вот в этой роще,
По каменьям этим прыгал,
По траве я здесь катался,
Здесь валялся я на пашне.
Кто ж унес избу отсюда,
Кто сломал здесь нашу кровлю?
Сожжено мое жилище,
Разнесли весь пепел ветры».
И заплакал он от горя,
Плачет день, другой день плачет.
Не оплакивает дом свой,
Плачет он не о жилище,
Но о милых в том жилище,
Дорогих, в том доме живших.
Видит он: орел слетает,
Птица в воздухе несется.
Повернулся и спросил он:
«Ты, орел, большая птица!
Ты не можешь ли поведать,
Где же мать моя осталась,
Что меня в себе носила
И любя меня вскормила?»
Ничего орел не помнил,
Птица глупая не знала:
Знала только, что скончались,
Знает только, что погибли,
Меч отточенный сразил их
И секира зарубила.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Мать, ведь ты меня носила,
Дорогая, ты вскормила!
Умерла моя родная,
Нет тебя, моя голубка,
Прахом тело твое стало,
На главе растут уж ели,

Можжевельник там, где пятки,
Ветлы выросли меж пальцев!
   Вот мне, глупому, награда,
Вот несчастному возмездье,
Все за то, что меч я мерил,
Что понес мое оружье
К избам Похъёлы суровой,
За черту земли туманной.
Род мой весь погиб за это,
Мать моя лежит убита!»
   Он кругом повсюду смотрит:
Видит след едва заметный,—
Вот трава прижата следом,
Злаки сильно попримяты.
Он пошел, дорогу ищет,
Смотрит в этом направленье.
В лес следы идут тропинкой,
Направляются дорожкой.
   Он версту идет, другую
И еще прошел немного
Посреди тенистой чащи,
Посреди густого леса.
Видит: хижинка ютится,
Чуть заметная избушка
Меж двух скал стоит в ущелье,
В середине меж трех елей,
А в избушке мать он видит,
Седовласую старушку.
   Очень рад был Лемминкяйнен,
Радовался всем он сердцем.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Мать любимая, родная,
Ты меня ведь воспитала!
Ты жива еще, родная,
Не уснула ты, старушка!
Я уж думал, ты скончалась,
Думал я, что ты убита,
Что мечом тебя сразили,
Что копьем тебя пронзили!
Я уж выплакал все очи,
Все слезами залил щеки».
   Лемминкяйнену мать молвит:
«Я жива еще, как видишь,

Я должна была спасаться,
В тайном месте укрываться
Здесь, во мраке этой чащи,
В темноте густого леса.
Люди Похъёлы собрались
И пришли ко мне с войною,
Всё тебя они, бедняжку,
Злополучного искали:
Превратили дом наш в пепел,
Весь наш двор опустошили».
И сказал ей Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Ты забудь теперь про горе,
Прогони свои печали!
Я избу тебе поставлю,
Вновь построю я получше,
Снова в Похъёлу отправлюсь,
Уничтожу племя Лемпо».
Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Долго, сын, ты оставался,
Долго, Кауко, там ты пожил,
В отдаленных этих странах,
У чужих дверей скитался,
На мысочке безыменном,
Там, на острове далеком».
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Хорошо мне жить там было
И играть весьма приятно.
Там краснеются деревья,
Там поляны голубые,
Там серебряные ели,
Золотистые цветочки,
Там из меду были горы,
Из яиц куриных скалы;
Мед стекал по веткам елей,
Молоко текло из сосен,
Из плетней лилося масло,
По жердям стекало пиво.
Хорошо мне жить там было,
Оставаться там приятно.
Только плохо мне пришлося,

Проживать там неудобно:
Стали там за дев бояться,
Будто женщины все эти,
Эти жалкие бедняги,
Весь дрянной народец этот
От меня терпели горе,
Будто ночью я ходил к ним.
От девиц я только бегал,
Дочерей я лишь боялся,
Вот как волк свиней боится
Иль как кур боится ястреб».

РУНА ТРИДЦАТАЯ

Лемминкяйнен отправляется со своим прежним боевым товарищем Тиэрой воевать против Похъёлы (1—122).— Хозяйка Похъёлы посылает против них сильный мороз, который замораживает их судно на море и чуть было не заморозил героев, находившихся на судне; однако Лемминкяйнен своими заклинаниями и проклятиями изгоняет мороз (123—316).— Лемминкяйнен со своим товарищем добирается по льду до берега, опечаленный бродит по глухим лесам, пока, наконец, не возвращается домой (317—500)

Раз веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Вышел самым ранним утром,
Только зорька занималась,
Стал на лодочную пристань,
Корабельную стоянку.
Лодка с крючьями стонала,
Так челнок дощатый плакал:
«Должен я лежать, несчастный,
Должен, жалкий, только сохнуть:
На войну не едет Ахти,
Шесть лет, десять лет не хочет
Серебра искать войною
Или к золоту стремиться».
Тут веселый Лемминкяйнен
Хвать челнок тот рукавицей,
Рукавицею расшитой,
Говорит слова такие:
«Ты, сосновый, не тревожься,

С превосходными боками!
На войну еще пойдешь ты,
Ты поедешь на сраженье,
Полон будешь ты гребцами,
Прежде чем минует завтра».
Ахти к матери подходит,
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, о мать родная,
Не горюй, моя старушка,
Если я уйду сражаться,
Если снова ринусь в битву.
Мне на ум пришло внезапно,
Мысль мозгами овладела —
С людом Похъёлы сразиться,
Истребить весь род негодный».

Мать сдержать его хотела,
Говорит ему старушка:
«Не ходи, сыночек милый,
В Похъёле ты не сражайся!
Смерть тебя постигнуть может,
Скоро можешь ты погибнуть».
Но недолго думал Ахти,
Он туда идти решился,
Все разрушить там поклялся,
Говорит слова такие:
«Где бы мне найти другого,
Где с мечом найти мне мужа,
Чтобы в битве был подмогой,
Стал бы помощью в сраженье?
Хорошо знаком мне Кура,
Тиэра смелый предан крепко.
Вот его возьму я лучше;
Он с мечом пойдет за мною
И поможет мне в сраженье,
Будет сильному подмогой».
Он прошел через деревню,
К Тиэре он во двор приходит,
И, придя туда, промолвил,
Так сказал он, появившись:
«Тиэра, ты мой друг сердечный,
Мой любезный, дорогой мой!
Помнишь ты былое время,
Как мы оба вместе жили,

Как с тобою мы ходили
На поля больших сражений?
Деревень прошли мы много,
Десять изб в деревне было,
В этих избах все герои,
По десятку было в каждой;
Не один из тех героев,
Из мужей никто не спасся,
Всех с тобой в бою убили,
Всех мы в битве поразили».
У окна родитель Тиэры
Вырезал для копий древки;
У амбара на пороге
Мать сбивала масло в кадке;
У ворот трудились братья,
Там сколачивали сани;
У мосточка были сестры
И стирали там платочки.
От окна отец ответил,
Мать с порога у амбара,
От калитки молвят братья,
Сестры молвили с мосточка:
«Нет, не время биться Тиэре,
Воевать копьем не время:
Тиэра сделку заключает,
По рукам уже ударил;
Он ведь только что женился,
Взял недавно он хозяйку
И грудей еще не тронул,
Не прижал ее он к груди».
Тиэра тот лежал на печке,
На краю лежал тот Кура;
На печи обул он ногу,
На скамье обул другую,
На дворе надел он пояс,
У калитки застегнулся,
И копье схватил потом он.
То копье не из великих,
Но не очень чтоб из малых,
Так оно длиной из средних:
На конце стоит лошадка,
Скакунок по древку скачет,
А на ручке воют волки,
На кольце рычат медведи.

Вот копьем он потрясает,
Потрясает и качает,
Бросил древко он на сажень.
В пашню с глинистою почвой,
В твердый луг копье вонзает,
В землю ровную, без кочек.
И потом копье он бросил
Близ копья у Каукомъели
И поспешно устремился,
Как товарищ Ахти, в битву.
Ахти, тот Островитянин,
Оттолкнул челнок свой в воду,
Как змею между колосьев,
Как живучую гадюку.
И поехали на север,
В море Похъёлы помчались.
Тут хозяйка Сариолы
Вызвала мороз ужасный
В Похъёлу — на зыбь морскую,
На открытое теченье;
Говорит слова такие
И такие наставленья:
«Ты, морозец, мой сыночек,
Мною вскормленный малютка!
Ты иди, куда пошлю я
И куда тебя отправлю.
Заморозь ты лодку Ахти,
Челночок у Каукомъели
На хребте блестящем моря,
По открытому простору!
Пусть замерзнет сам хозяин,
Пусть веселый сгинет в море,
Пусть оттуда он не выйдет
Никогда, пока живешь ты,
Коль сама я не избавлю,
Коль ему не дам свободы!»
Сын дрянного поколенья,
Юный, с нравами дурными,
Стал мороз морозить море,
Стал он сковывать теченье;
А пока он шел до цели,
По земле пока влачился,
Покусал листы деревьев,
У травы забрал все семя.

А когда ступил на берег,
Берег Похъёлы широкий,
На морское побережье,
То сначала заморозил
Ночью бухты и озера,
Сделал твердым берег моря —
Моря самого не тронул,
Не сковал еще теченья.
На хребте морском был зяблик,
На волнах там трясогузка:
Когти зяблика не мерзли,
Голова не цепенела.
Но второю ночью начал
Он все дальше простираться
И совсем уж стал бесстыдным,
Вырос с дерзостью ужасной;
Все сполна он стал морозить,
Леденить с ужасной силой:
Лед он сделал выше лося,
Набросал на сажень снегу,
Заморозил лодку Ахти,
На волнах челнок у Кауко.
Самого хотел он Ахти
В страшных льдинах заморозить:
На руках уж тронул пальцы,
Стал до ног он добираться.
Рассердился Лемминкяйнен,
Рассердился, обозлился,
Он в огонь мороз толкает
И теснит его к горнилу.
Он схватил мороз руками,
Кулаками держит злого,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Сын ты северного ветра,
Сын зимы, мороз знобящий!
Пальцы рук не смей морозить,
Пальцев ног моих не трогай,
До ушей ты не дотронься,
Головы не смей касаться!
Есть и так тебе работа,
Можешь многое морозить,
Ты оставь людскую кожу,
Тело матерью рожденных;

Ты морозь болота, землю
И холодные каменья,
На воде морозь ты ивы,
Пусть расколются осины,
Облупи кору с березы,
Раздирай большие сосны,
Но не тронь людскую кожу,
Волосы женой рожденных.
   Если этого все мало,
Ты морозь еще другое:
Раскаленные каменья
И горячие утесы,
Скалы, полные железом,
Горы дикие со сталью;
Вуокса пусть оцепенеет,
Иматра пусть онемеет.
Ты заткни пучине глотку,
Укроти ее свирепость!
   Иль сказать твое начало,
Объявить происхожденье?
Знаю я твое начало,
Верно знаю, как ты вырос,
Родился на ивах холод,
Сам мороз пошел с березы
В Сариоле возле дома,
У избы страны туманной,
От отца, что был злодеем,
И от матери бесстыдной.
   Кто ж вспоил мороз на ивах,
Кто же придал злому силы?
Мать его была без груди,
Молока совсем не знала.
Там его вспоили змеи,
Там гадюки насыщали.
Не свежо их вымя было,
Без концов у змей сосочки.
Там мороз качала буря,
Ветер северный баюкал
На дурной воде меж ветел,
На источниках болотных.
   Был воспитан мальчик плохо,
Перенял дурные нравы,
Рос без имени мальчишка,
Тот злокозненный ребенок.

Наконец, уж дали имя:
Стал Морозом называться.
Жил потом он по заборам,
По кустарникам таскался,
Летом плавал он в трясинах
По верхам болот широких,
А зимой трещал он в елях,
Бушевал в сосновых рощах
Иль гудел в лесах, в березах,
Иль неистовствовал в ольхах.
Мерзнут травы и деревья,
Выровнял мороз поляны,
Покусал листы деревьев,
Снял у вереска цветочки,
Покусал кору у сосен,
Пощипал у елок корку.
Ты велик уж что-то слишком:
Чересчур высоко вырос.
Ты меня морозить хочешь,
Чтоб мои распухли уши,
Хочешь ты отнять мне ноги
И концы похитить пальцев?
Перестань меня морозить,
Перестань знобить со злобой,
Я огонь в чулки засуну,
В башмаки же головешки,
Наложу углей по складкам,
Под ремни напрячу жару —
И мороз меня не схватит,
Холод тронуть побоится.
Прогоню тебя заклятьем
К дальним северным пределам.
И когда туда прибудешь,
Только родины достигнешь,
Застуди котлы немедля,
В очаге печном все угли,
Руки женщин в вязком тесте,
На груди у жен младенцев,
Молоко у всех овечек,
Жеребенка в кобылице!
Если ж этого все мало,
Прогоню тебя отсюда
В кучу угольев у Хийси,
На печной очаг у Лемпо.

Ты в огонь туда проникни
И садись на наковальню,
Чтоб кузнец тебя помял там
Молотком и колотилом,
Молотком чтоб бил сильнее,
Раздробил бы колотилом!
　　Если ж этого все мало,
Ты послушаться не хочешь,
Знаю я другое место,
Подходящее местечко:
Я твой рот направлю к лету,
Твой язык в его теплицу,
Чтоб навек ты там остался,
Никогда б назад не вышел,
Если я не дам свободы,
Сам не выпущу оттуда».
　　Тут сын северного ветра,
Сам мороз беду почуял;
Он взмолился о пощаде,
Говорит слова такие:
«Так давай мы сговоримся
Не вредить друг другу больше
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц.
　　Коль услышишь, что морожу,
Что веду себя я дурно,
Ты в огонь меня направишь
И толкнешь в большое пламя,
Меж кузнечными углями
К Ильмаринену в горнило,
Ты мой рот направишь к лету,
Мой язык в его теплицу,
Чтоб всю жизнь я там остался,
Никогда б назад не вышел!»
　　Так веселый Лемминкяйнен
Лодку там во льду оставил,
Свой челнок военный в льдинах,
Сам пошел дорогой смело,
Тиэра вслед за ним шагает,
Вслед за другом, за веселым.
　　Вот по льду ступает Ахти,
Он идет по ровной глади.
День идет так и другой день,
Наконец, уже на третий,

Показался мыс Голодный:
Там дрянная деревушка.
В замок мыса входит Ахти,
Говорит слова такие:
«В крепости найдется ль мясо,
На дворе найдется ль рыба
Для героев утомленных,
Для мужей, ослабших сильно?»
Только не нашлось тут мяса,
Только не нашлось тут рыбы.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Пусть огонь спалит всю крепость,
Пусть снесет ее водою!»
И пошел оттуда дальше,
По густым лесам идет он,
Где совсем жилья не видно,
По дорогам неизвестным.
Собирает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Мягкий пух по всем каменьям
И волокна по утесам;
Он связал чулки поспешно,
Рукавицы быстро сделал,
Чтоб мороза не бояться,
Всей его свирепой стужи.
Он пошел искать дорогу
И разведать направленье:
Путь прямой тянулся к лесу,
В лес дорога направлялась.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Тиэра, братец мой любезный,
Плохо нам с тобой пришлося!
Дни и месяцы блуждая,
Вечно странствовать мы будем».
Тиэра так ему ответил,
Он такие речи молвил:
«Месть нам, бедным, угрожает
И погибель нам, несчастным;
Для войны сюда пришли мы,
В Похъёлу, в страну тумана,
Чтоб своей лишиться жизни,

Навсегда самим погибнуть
На местах, совсем негодных,
На неведомых дорогах.
Никогда мы не узнаем,
Не узнаем и не скажем,
По какой идем дороге,
По какой пошли тропинке,
Чтоб погибнуть здесь, у леса,
Умереть здесь, на равнинах,
Здесь, где ворон лишь родится
И живут в полях ворóны.
Смело вóроны потащут,
Понесут здесь злые птицы,
Тело наше расхватают,
Жадно выпьют кровь ворóны,
Клювы вóроны запустят
В трупы мертвецов несчастных,
Понесут на камни кости,
На скалистые утесы.
Мать, бедняжка, знать не будет,
Мать несчастная, родная,
Где ее осталось тело
И где кровь ее сбегает:
На равнинах ли болотных,
Иль в сражении жестоком,
На хребте ль большого моря,
По обширному теченью,
На горе ль, где много сосен,
По дороге ли к кусточкам.
Ничего мать не узнает
О несчастнейшем сыночке:
Будет думать, что он умер,
Будет думать, что погиб он.
Мать тогда заплачет горько,
Причитать начнет старушка:
«Там теперь мой сын, бедняжка,
Там любимец мой несчастный:
Туонелы посев он сеет,
Боронует поле Калмы.
Дал мой сын теперь, бедняжка,
Дал сыночек мой несчастный
Отдыхать в покое луку,
Благородным дугам — сохнуть.
Птицы могут откормиться,

Куропатки жить в кусточках,
Без боязни жить медведи
И играть на поле лоси!»
   Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Мать несчастная, родная,
Ты меня в себе носила!
Кур ты выходила много,
Лебедей большую стаю;
Вдруг их всех развеял ветер,
Вдруг их всех рассеял Лемпо,
Ту сюда, туда другую
И загнал куда-то третью.
   Помню я былое время,
Помню дни, что были лучше:
Выступал цветком я дома,
Точно ягодка ходил я.
Кто на нас, бывало, взглянет,
Удивится, как растем мы.
Но совсем иначе стало
В это бедственное время:
Знаем мы теперь лишь ветер,
Видим мы теперь лишь солнце,
Но его скрывают тучи,
Дождь собою закрывает.
   Но все это мне не страшно,
А моя о том забота:
Хорошо ль живут девицы,
Как прекрасные играют,
И как женщины смеются,
Как невесты распевают,
И не плачут ли от горя,
Не страдают ли от скорби?
   Нет пока здесь чародейства,
Нет и против нас заклятий,
Чтоб мы умерли в дороге,
Чтоб в пути мы здесь погибли,
Чтобы юные свалились
И столь бодрые пропали.
   Коль чаруют чародеи,
Колдуны коль здесь колдуют,
Пусть их чары обратятся
На жилища их родные;
Пусть колдуют друг на друга,

На детей наводят чары,
Род свой быстро умерщвляют
И родных уничтожают!
   Никогда отец мой прежде,
Этот старец седовласый,
Колдунам не поклонялся
И не чтил сынов лапландских.
Так говаривал отец мой,
Так и я теперь промолвлю:
«Защити, могучий Укко,
Огради, о бог прекрасный,
Охрани рукою мощной
И твоей великой силой
От мужских коварных мыслей,
От коварства злобных женщин,
От злословья бородатых,
От злословья безбородых!
Будь мне вечною защитой,
Будь надежною охраной,
Чтоб дитя не заблудилось,
Чтоб сын матери не сбился
На пути благого Укко,
На дороге, богом данной!»
   Тотчас сделал Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Из забот коней рысистых,
Вороных коней из скорби,
А узду из дней печальных
И седло из тайных бедствий.
На спине коня уселся,
На лошадке этой пегой,
Едет он тяжелым шагом,
С ним и Тиэра едет рядом.
Он с трудом по взморью едет,
По песку едва плетется,
Едет к матери любезной,
К ней туда, к седой старушке.
   Я теперь бросаю Кауко,
Долго петь о нем не буду;
В путь отправил я и Тиэру —
Пусть на родину он едет,
Сам же пенье поверну я,
Поведу другой тропою.

РУНА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Унтамо начинает войну против своего брата Калерво, убивает Калерво вместе с его войском, оставив в живых из всего рода только одну беременную женщину; эту женщину он берет с собой, и у нее в Унтамоле родится сын Куллерво (1—82).— Куллерво еще в колыбели думает об отомщении Унтамо, а Унтамо пытается различными способами убить его, но это ему не удается (83—202).— Когда Куллерво вырос, он портит всякую работу, которую ему поручают, и рассерженный Унтамо продает его в рабство Ильмаринену (203—374)

Воспитала мать цыпляток,
Лебедей большую стаю,
Привела цыплят к насести,
Лебедей пустила в реку.
Прилетел орел, спугнул их,
Прилетел, рассеял ястреб,
Разогнал крылатый деток:
В Ка́рьялу унес цыпленка,
Взял другого он в Россию,
Дома третьего оставил.
Тот, кого он взял в Россию,
Вырос там и стал торговцем.
Тот, кого он взял к карелам,
Имя Калерво там принял,
А оставленный им дома
Унтамойненом был назван.
Он принес отцу несчастье,
Сердцу матери печали.
Ставит сети Унтамойнен,
Где у Калерво затоны.
Калервойнен видит сети,
В свой мешок берет всю рыбу.
Унтамо исполнен злобы,
Сильно сердится на брата.
В бой свои пускает пальцы
И в борьбу пускает руки
За остатки этой рыбы,
За окунью эту мелочь.
Оба бились и боролись,
Не могли побить друг друга:
Сильно бьет один другого,
Получая сам ответно.
Наконец, уже в другой раз,
На второй день иль на третий,

Калерво овес посеял
Рядом с Унтамо жилищем.
Унтамойнена овечка
Всходы Калерво поела,
Но у Калерво собака
Унтамо овцу пожрала.
Угрожает Унтамойнен
Калерво, родному брату,
Род весь Калерво прикончить,
Всех от мала до велика,
Уничтожить всех домашних
И пожечь у них жилища.
Он мужей снабдил мечами,
Храбрецам дает оружье,
Молодым на пояс копья,
Топоры дает красавцам,
И пошел он, чтоб сражаться
Против собственного брата.
Калерво сноха-красотка
У окна как раз сидела;
Вот в окно она взглянула,
Говорит слова такие:
«Дым ли это заклубился,
Туча ль темная находит
На краю вон той поляны,
На конце дороги новой?»
То не туча поднималась,
То не дым густой стелился:
Войско Унтамо поднялось,
Шло на Калерво с войною.
Вот пришли мужи с мечами,
Войско Унтамо явилось,
Всех у Калерво убили,
Все его большое племя,
И дотла весь двор спалили,
Весь с землей его сровняли.
Дева Калерво одна лишь
Там спаслась с плодом во чреве.
Люди Унтамо схватили,
Увели ее с собою,
Чтоб мела она там избы,
Пол почище подметала.
Мало времени проходит —
Родился малютка-мальчик,

Сын той матери несчастной.
Как теперь назвать малютку?
Куллерво,— так мать прозвала,
Вонн,— Унтамо промолвил.

Положили тут малютку,
Без отца того ребенка,
Чтоб качался в колыбели,
Чтобы двигался он в люльке.

Вот качается он в люльке,
Волосами повевает.
День качается, другой день;
Но когда настал и третий,
Вдруг толкнул ногами мальчик,
Взад, вперед толкнул он люльку,
С силой сбросил свой свивальник
И ползет на одеяло,
Люльку надвое сломал он,
Разорвал свои пеленки.

Обещает выйти мужем
И как будто будет храбрым.
В Унтамоле ожидают,
Что когда войдет он в возраст
И получит смысл и силу,
Будет мужем, как и надо,
Сотни он рабов заменит
Или тысячи, пожалуй.

Два, три месяца растет он,
Но уже на третий месяц,
Ставши ростом по колено,
Так раздумывать он начал:
«Если б вырос я побольше,
Получил бы в теле силу,
За отца я отомстил бы
И за скорбь моей родимой!»

Унтамо ту речь услышал,
Сам сказал слова такие:
«В нем семье моей погибель,
Новый Калерво растет в нем».

Размышлять мужи тут стали,
Стали женщины тут думать,
Мальчика куда бы спрятать,
Как бы вовсе уничтожить.

Вот его сажают в бочку,
Вот запрятали в бочонок,

Отнесли ребенка в воду
И на волны опустили.

Посмотреть потом приходят,
Как три ночи миновало,
Погрузился ль мальчик в воду,
Не погиб ли он в бочонке.

Но в воде не утонул он,
Не погиб в своем бочонке!
Из бочонка мальчик выполз,
На хребте волны уселся,
Удочку из меди держит,
Палку с шелковою леской;
Ловит мальчик в море рыбу,
Измеряет в море воду:
В море там воды немного,
На два ковшика, быть может;
Если ж все его измерить,
Хватит, может быть, на третий.

Унтамо тут думать начал:
«Деть куда теперь ребенка,
На него навлечь несчастье,
Чтобы смерть его настигла?»

Вот рабам своим велит он
Взять березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Чтобы сжечь на них ребенка,
Куллерво чтоб уничтожить.

Вот собрали, наложили
Там березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Тысячу саней бересты,
Ясеня сто сажен полных.
Был огонь в поленья брошен
И по куче разошелся;
В кучу бросили ребенка,
В пекла самого середку.

День там жгут его, другой день,
Жгут его еще и третий.
Вот пришли туда и видят:
До колен сидит он в пепле,
До локтей в золу зарылся,
Кочергу руками держит,

Увеличивает пламя,
Разгребает ею угли,
И волос он не лишился,
Ни единой даже пряди!

Рассердился Унтамойнен:
«Деть куда теперь ребенка,
На него навлечь несчастье,
Чтобы смерть его постигла?»
И на дерево повесил,
Притянул ребенка к дубу.

Вот проходит уж три ночи,
Столько ж дней проходит также.
Унтамо тут думать начал:
«Не пора ль пойти проверить,
Жив ли Куллерво на дубе,
На суку он не погиб ли».
И раба он посылает.
Так ответ слуга приносит:
«Куллерво и тут не умер,
Не погиб на этом дубе!
Он в коре рисунки режет,
У него в ручонках гвоздик,
Все стволы стоят в рисунках,
Ствол дубовый изрисован:
Он мужей с мечами сделал,
По бокам приделал копья».

Ничего не может сделать
Унтамойнен с тем ребенком!
Как бы смерть ни приготовил,
Как бы гибель ни измыслил,
Все не гибнет этот мальчик,
Нет погибели на злого.

Наконец, он утомился,
Погубить его желая:
Куллерво растить решил он
Как дитя своей рабыни.

Унтамо тогда промолвил,
Говорит слова такие:
«Поведешь себя пристойно,
Будешь жить как подобает, —
Так останься в здешнем доме
И рабом моим работай.
Будешь ты иметь и плату,
По заслугам ты получишь:

Поясок себе на тело
Или по уху удары».
Куллерво подрос побольше,
Он на четверть стал повыше,
Тут ему работу дали,
Чтобы он имел занятье —
Малого ребенка нянчить,
Крошку ростом только с палец:
«Ты смотри за ним прилежно,
Дай поесть и сам поешь с ним!
Постирай в реке пеленки,
Вымой платьице ребенка!»
Нянчит день, другой день нянчит:
Вырвал ручки, колет глазки,
А на третий день больного
Доконал совсем ребенка,
Побросал пеленки в реку,
Сжег дитяти колыбельку.
Унтамо тогда подумал:
«Вижу, что не будет годен
Куллервойнен нянчить деток
И качать ребенка с палец!
И на что он только годен,
И к чему его приставить.
Подсечет лесочек разве?»
Посылает в лес на рубку.
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Вот тогда я стану мужем,
Как топор дадут мне в руки,
Буду лучше я, чем прежде,
Посмотреть приятно будет:
Пятерых мужчин сильнее,
Шестерых я крепче буду».
К кузнецу пошел к горнилу,
Говорит слова такие:
«Ты, кузнец, послушай, братец!
Скуй получше мне топорик!
Как герою, мне секиру,
Мне железную по силам!
В лес иду я на подсечку,
Там хочу рубить березы».
Тут кузнец, что нужно, сделал,
Он топор сковал поспешно.

И топор по мужу вышел,
По работнику железо.
   Калервы сын, Куллервойнен
Свой топор железный точит;
Целый день топор готовит,
К ночи занят топорищем.
   В лес затем идти собрался
Старые рубить деревья,
Строевого ищет лесу,
Самых крепких из деревьев.
   Топором деревья рубит,
Лезвием их режет ровным:
Крепкий ствол одним ударом,
А похуже — в пол-удара.
   Пять деревьев повалил он,
Восемь там стволов огромных,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Пусть работает здесь Лемпо!
Пусть разрубит Хийси балки!»
   Он воткнул топор в колоду,
Поднял шум большой по лесу,
Засвистал по лесу громко,
Говорит слова такие:
«Пусть дотуда лес валится,
Лягут стройные березы,—
Голос мой докуда слышен,
Свист докуда раздается!
   Пусть ни веточка не выйдет,
Ни один не выйдет стебель,
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц,
Где сын Калервы рубил здесь,
Где молодчик новь расчистил!
   Коль ячмень посеют в землю,
Выйдут новые посевы,
Выйдут всходы молодые,
Всходы станут стебелиться,—
Пусть они не колосятся,
Никогда не выйдут в колос!»
   Унтамойнен, муж отважный,
Посмотреть тогда приходит,
Как у Куллерво подсечка,
Новый раб прилежно ль рубит:

Не годилась та работа,
И плоха была подсечка.
Вновь подумал Унтамойнен:
«И на это не годится!
Бревна лучшие испортил,
Строевые все деревья!
Для чего он только годен
И к чему его приставить,
Заплетет плетень, быть может?»
Заплести плетень велит он.
Калервы сын, Куллервойнен
Заплетать плетень собрался.
Взял стволы огромных елей
И как колья их поставил,
Сосны целые лесные
Для плетня жердями сделал;
А для этих кольев связки
Из рябин огромных сделал;
И плетень сплошной устроил,
Без ворот его оставил.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Кто летать не может птицей
И на двух подняться крыльях,
Тот сюда войти не сможет
Через Куллерво ограду!»
Унтамо из дому вышел,
Посмотреть сюда приходит,
Как тут Куллерво работал,
Раб его, в войне добытый;
Вот плетень сплошной он видит,
Без прорубок, без отверстий
На земле плетень поставлен
И до облака поднялся.
Говорит слова такие:
«И на это не годится!
Он плетень сплошной мне сделал
И поставил без калитки,
От земли довел до неба,
К облакам его он поднял:
Чрез плетень нельзя пройти мне,
Нет отверстия для входа!
Для чего он только годен,
Для какой такой работы?

Разве пусть мне рожь молотит?»
Молотить его заставил.
Калервы сын, Куллервойнен
По приказу рожь молотит:
В пыль он зерна обращает
И в мякину всю солому.
Вот приходит сам хозяин,
Посмотреть туда приходит,
Как сын Калервы молотит,
Как там Куллерво цепом бьет:
Рожь летит тончайшей пылью,
А солома вся трухою!
Рассердился Унтамойнен:
«Никуда слуга не годен!
Что ни дам ему работать,
Всю работу он испортит.
Отвести ль его в Россию
Или в Карьялу продать мне
Ильмаринену на кузню,
Чтоб там молотом махал он?»
Продал Калервы он сына,
Продал в Карьяле на кузню,
Ильмариненом он куплен,
Славным мастером кузнечным.
Цену дал кузнец какую?
Цену дал кузнец большую:
Два котла он отдал старых,
Ржавых три крюка железных,
Кос пяток он дал негодных,
Шесть мотыг плохих, ненужных
За негодного парнишку,
За раба весьма плохого.

РУНА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Жена Ильмаринена назначает Куллерво пастухом и со злости запекает ему в хлеб камень (1—32).— Хозяйка выпускает стадо на луг, провожая его заклинаниями (33—548)

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Стройный, золотоволосый,
В башмачках красивой кожи,

К кузнецу пришел в жилище;
У хозяина он просит
Тотчас на вечер работы,
У хозяйки же на утро:
«Мне бы надо дать работу,
Указать работу надо:
Что я должен здесь работать
И какое делать дело?»
Ильмаринена хозяйка
Размышлять об этом стала:
Что раба заставить делать,
Дать ему какое дело?
Пастухом его послала,
Сторожить стада велела.
   На смех сделала хозяйка,
Кузнечиха для обиды:
Пастуху готовит хлебец,
Хлеб печет довольно толстый,
Верх пшеничный, низ овсяный,
И кладет в середку камень.
   Мажет хлеб негодным маслом,
Мажет жиром корку хлеба
И слуге тот хлеб вручила,
Пастуху на пропитанье.
Так сама слугу учила,
Говорит слова такие:
«Этот хлеб ты ешь не раньше,
Чем ты стадо в лес загонишь!»
   Ильмаринена хозяйка
Выпускает скоро стадо,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«В лес коров я выпускаю,
Я гоню молочных в поле,
По осинам пряморогих,
По березам криворогих,
Чтобы жиру набирались,
Чтобы салом запасались
На лесных полянах чистых,
Посреди широких рощиц,
Средь березников высоких,
Средь осин, растущих туго,
В золотых лесах сосновых
И в серебряных дубравах.

Ты спаси их, добрый Укко,
Защити, о бог верховный,
Огради их от несчастья
И спаси от всяких бедствий,
Чтоб беда их не постигла,
Чтоб им не было позора!
Как ты дома охранял их,
Защищал их за оградой,
Так храни их на свободе,
Защищай их вне ограды,
Чтоб стада тучнели телом,
У хозяйки скот удался —
Добрым людям на отраду,
Злым же людям на досаду!
Пастухи, быть может, плохи
И пастушки не годятся —
Пастухом ты иву сделай
И ольху коровам стражем,
А защитником рябину;
Пусть черемуха их гонит
Раньше, чем хозяйка выйдет,
Прочий люд пойдет искать их.
Сторожить не будет ива,
За скотом ходить рябина,
Гнать ольха коров не станет,
Гнать черемуха их к дому,—
Так пошли кого получше,
Дочерей пошли творенья,
Чтоб мой скот они хранили
И все стадо защищали!
У тебя девиц ведь много,
Сотни их тебе послушны,
Что живут в воздушных странах,
Дочки чудные творенья.
Лета дочь, что всех прекрасней,
Ты, дочь юга, мать творенья,
Ты, дочь елочек, хозяйка,
Можжевельника дочь, прелесть.
Дочь рябины ты, малютка,
Дочь черемухи — дочь леса,
Миэликки — его невестка.
Теллерво, ты леса дева!
Вы мои стада храните,
Вы за ними присмотрите,

Вы об них заботьтесь летом,
Как весь лес зазеленеет,
Зашумит листва деревьев,
Заколышутся былинки!
   Лета дочь, что всех прекрасней,
Ты, дочь юга, мать творенья!
Платья мягкий край откинь ты,
Разверни передник белый
И покрой мое им стадо,
Защити моих малюток,
Чтоб злой ветер их не тронул,
Чтобы дождь не повредил им!
   Охрани их от несчастья,
Загради тропинки бедствий,
Эти зыбкие болота,
Эти бурные потоки,
Воду, полную движенья,
И глубокую пучину,
Чтоб несчастья не случилось,
Чтоб они не повредились,
Чтоб копытами в болота,
Чтоб в поток не погрузились;
Против дивной воли Укко,
Всемогущего решенья!
   Ты подай рожок пастуший
С высоты небес высоких,
Тот рожок медовый с неба,
Тот рожок со сладким звуком;
Ты подуй в рожок сильнее,
Затруби в рожок звучащий,
И пошли цветов на горы,
И укрась травой поляны,
Разукрась получше рощи,
Оживи лесные чащи,
Мед пошли во все болота,
Ты разлей в потоках сладость!
   Дай стадам побольше корму,
Напитай моих рогатых,
Накорми медовой пищей,
Напои питьем медовым!
Золотого дай им сена,
Трав с серебряной верхушкой,
Дай им сладостных потоков,
Дай источников бурливых,

Дай шумящих водопадов,
Дай им рек, текущих бурно,
Дай холмов, покрытых златом,
Серебристых дай лесочков!
  Ты ключи златые вырой
На лугу, с боков обоих,
Где стада могли б напиться,
Чтобы мед струился сладкий
В пышном вымени коровок
И в грудях их отягченных;
Чтоб сосцы их расширялись,
Молоко текло рекою,
Чтоб лилось оно ручьями,
Чтобы пенилось потоком,
Чтоб трубой бежало шумной,
Чтобы шло кипящим током,
Чтоб всегда оно стремилось,
Через край всегда бежало,
Избегая всяких бедствий,
Не пугаясь чародеев,
Чтобы к Мане не сбежало,
Не погиб бы дар прекрасный.
  Много есть на свете злобных,
Молоко гонящих к Мане,
Что дары коров бросают,
Их даянье истребляют.
Но не много есть хороших:
Молоко берут у Маны,
Простоквашу из запасов,
Свежее берут на поле.
  Не ходила мать, бывало,
На деревню за советом,
За умом к кому другому —
Молоко брала у Маны,
Простоквашу из запасов,
Свежее брала на поле.
Молоко брала далеко,
И оно прекрасно было:
Шло из Туонелы далекой,
Шло из Маналы подземной,
Приходило потихоньку,
В темноте являлось ночью,
Чтоб не слышали дурные,
Чтоб негодные не знали,

Не вредила б ему зависть,
Не губила его злоба.
   Так, бывало, мать промолвит,
Так сама, бывало, скажет:
Дар коров куда уходит,
Молоко куда стекает?
Лишь к чужим оно уходит,
На дворах оно в деревне,
На поляне у блудницы,
Там, в руках у непотребной.
Иль, попавши на деревья,
Там, в лесу, оно пропало,
Расползлось оно по роще,
Излилося на поляны?
   Не должно идти ни к Мане
Молоко, ни к посторонним,
Попадать в полу блудницы,
Быть в руках у непотребной
Иль деревьям доставаться,
Пропадать в лесу зеленом,
Расползтись широко в роще
Иль излиться на поляны.
Молоко ведь дома нужно
И всегда в употребленье:
Дома ждет его хозяйка,
А в руках ее подойник.
   Лета дочь, что всех прекрасней,
Ты, дочь юга, мать творенья!
Покорми ты Сюэтикки,
Попои ты Юотикки,
Хермикки ты молока дай,
Туорикки угости ты,
Майрикки не обнеси ты,
Омене дай посвежее,
Дай с верхушек трав прекрасных,
Трав, обильно орошенных,
С матери-земли подай ты,
Дай с медвяного лужочка,
С дерна, сластью облитого,
С почвы, ягодой обильной,
Через дев цветов в дубраве,
Через дев травы в поляне,
Через облачную деву,
Через деву высей неба.

Пусть молочное их вымя
Постоянно будет тучным,
Так, чтоб их доила даже
Слабосильная служанка!
   Выйди из долины, дева,
Из ручья ты поднимися,
О ты, кроткая девица
С телом стройным и прекрасным!
Ты возьми воды в потоке,
Чтоб стада мои омылись,
Чтоб стада получше стали,
Чтоб хозяйкин скот удался
Раньше, чем придет хозяйка,
Чем увидит их пастушка,
Та неловкая хозяйка,
Неумелая пастушка.
   Миэликки, хозяйка леса,
Попечительница стада!
Ты пошли рабынь повыше,
Ты пошли служанок лучших,
Чтоб смотрели за стадами,
За скотом чтоб наблюдали
Непрестанно этим летом,
Что творец дал на тепло нам,
Что дарует нам всевышний,
Что дает нам милосердный!
   Тапио красотка-дочка,
Теллерво, ты дочка леса,
В нежном платье из тумана,
С золотом кудрей прекрасных,
Ты, что стадо охраняешь!
Сохрани стада хозяйки
Среди Метсолы радушной,
Среди бдящей Тапиолы!
Охраняй стада получше,
Прилагай заботы больше!
   Охраняй рукой прекрасной,
Пальцами чеши и гладь их,
Пусть их шерсть блестит, как рысья,
Пусть блестит, как рыбьи перья,
Пусть блестит, как шерсть тюленя,
Словно шерсть овечки дикой!
Как стемнеет, свечереет,
Сумрак вечера настанет,

Проведи стада домой ты,
Подведи к очам хозяйки,
Чтоб вода была на спинах
И молочные озера!
   А домой уйдет лишь солнце,
Птичка к ночи защебечет,
Ты стадам тогда промолви,
Ты скажи им, криворогим:
«Ну, домой вы, рогоносцы,
Молоко домой несите!
Хорошо вам будет дома,
На земле вам спать там мягко;
По лесам блуждать вам страшно,
Топать шумно по прибрежью.
А когда домой придете,
Разведет огонь хозяйка
На траве, богатой медом,
На земле, где много ягод».
   Нюрикки, сын Тапиолы,
Ты, сын леса в синей куртке!
Ты поставь стволов еловых
И с верхушкой стройной сосен,
Постели на грязь мосточки,
По мосточкам неудобным,
По трясинам, жидким топям,
По трясущимся болотам
Проведи ты криворогих,
Погони ты двухкопытных
К облакам густого дыма
Без вреда и без блужданья,
Чтоб не вязли по болотам,
Чтоб в грязи не утонули!
   Не послушается стадо
И не будет дома ночью,
Ты тогда, рябины дева,
Можжевельника девица,
Срежь березовую розгу,
Прут березовый в кусточке,
Хлыст рябиновый в лесочке,
Можжевеловую плетку
Там, где Тапиолы крепость,
За черемушной горою.
Ко двору гони ты стадо,
Как топить начнут там баню,

Скот домашний — прямо к дому,
Скот лесной весь — в Тапиолу!
Отсо, яблочко лесное,
Гнешь медовую ты лапу!
Мы с тобою сговоримся,—
Вечный мир с тобой устроим,
Мир на время нашей жизни,
На года, что проживем мы:
Не губи ты двухкопытных,
Скот молочный ты не трогай
Во все время, долгим летом,
Что творец дал на тепло нам!
Коль услышишь колокольчик
И призыв рожка узнаешь,
Ты ложись тогда на дерне,
Ты улягся на лужайке
И уткни в былинки уши,
Головой уткнися в кочки
Иль беги оттуда в чащу,
В кучу моха удалися;
Убегай в места другие,
Убегай к другим холмочкам,
Чтоб бубенчиков не слышать,
Ни пастушьих разговоров!
Слушай, Отсо мой любезный,
Ты, краса с медовой лапой!
Я тебе не запрещаю
Там хвостом махать у стада;
Языком не смей лишь трогать,
Ртом не смей хватать противным,
Разрывать мой скот зубами
И душить своею лапой.
Обходи кругом лужайку,
Ту молочную поляну,
От бубенчиков же бегай
И страшись рогов пастушьих!
Если стадо на поляне,
Должен ты бежать к болоту;
Если стадо на болоте,
Должен ты бежать в дубраву;
На горе пасется стадо —
Ты останься у подошвы;
Ходит стадо под горою,—
Ты ходи там по вершине;

Если в поле выйдет стадо,
Удаляйся ты в лесочек;
Ходит стадо по лесочку —
Уходи оттуда в поле.
Ты стремись златой кукушкой,
Голубочком серебристым;
Как сижок, ходи сторонкой,
Точно рыбка водяная;
Ты катись клубочком шерсти,
Как льняной клубочек легкий;
В волосы попрячь ты когти,
Зубы спрячь поглубже в десны,
Чтобы стадо не пугалось,
Скот бы малый не страшился!

Ты оставь все стадо в мире,
Двухкопытных тех в покое.
Пусть они гуляют мирно,
Пусть в порядке выступают
По полям и по болотам,
По лесным полянам тихим;
Только ты их там не трогай,
Не хватай своею лапой!

Вспомни, как ты прежде клялся
Там, у Туонелы потока,
При шумящем водопаде,
Пред всевышнего коленом;
Там тебе ведь разрешили
Трижды в лето приближаться
К колокольчикам звенящим,
К месту, где звучит бубенчик.
Но тебе не разрешали,
Позволенья не давали
Продолжать дурное дело,
Им всецело заниматься.

Если злоба одолеет,
Если злость к зубам подступит,
Обрати на лес ты злобу,
Злость свою на зелень елок!
Их грызи стволы гнилые,
Ствол прогнивший у березы,
К водяным пойди растеньям
И к холмам, где много ягод!

Если ты поесть захочешь,
Пожелаешь что покушать,

То питайся ты грибами,
В муравейнике поройся,
Ешь стеблей ты красных корни,
В Тапиоле — мед кусками,
Но не ешь мою скотину,
Что питается травою!
И когда кадушка с медом
Зашипит, забродит бурно,
На холмах, покрытых златом,
На пригорках серебристых,
Там ты, алчный, напитайся,
Там ты, жаждущий, напейся;
Той еде конца не будет,
Тот напиток не иссякнет.
Так с тобой мы сговоримся,
Вечный мир с тобой устроим,
Чтобы жили мы в довольстве,
Чтоб все лето славно жили;
Вместе мы землей владеем,
И у нас прекрасны яства.
Если битвы пожелаешь,
Воевать со мной захочешь,
Воевать зимой мы будем,
На снегу сражаться станем!
А когда вернется лето,
Стают речки и болота,
Ты проваливай оттуда,
Где стада златые слышны!
Если ж ты сюда вернешься,
Подойдешь ты к этим рощам,
То тебя здесь встретят стрелы.
Если тут стрелков не будет,
То у нас они найдутся,
Да при доме есть хозяйка,
Что тебе пути испортит,
Что беду пошлет дороге,
Чтобы ты вреда не делал,
Не принес стадам погибель
Против божьей вышней воли,
Против божьего решенья.
О ты, Укко, бог верховный!
Слышишь, я прошу о важном:
Зачаруй моих коровок,
Преврати мое все стадо,

Милых всех моих в деревья,
Дорогих моих в каменья,
Коль чудовище пройдет там,
Эта глыба будет близко!
Если б я была медведем
И жила с медовой лапой,
Никогда б я не вертелась
Под ногами старой бабы.
Есть еще места другие,
Есть подальше загородки,
Где лентяй таскаться может
И прохаживаться праздный.
Наколи, пойди ты, лапы,
Чтоб сошло все мясо с икор
Средь синеющего леса,
В лоне чудного лесочка.
Ты иди по кочкам поля,
По песку, веселый, бегай:
Есть готовая дорога,
Чтоб тебе идти по взморью
К дальним Похъёлы пределам,
На лапландские пространства;
Там тебе прожить приятно,
Хорошо навек остаться:
Башмаков не нужно летом,
Ни носков не нужно в осень
Топать по просторным топям,
По широким днам болотным.
Если ж ты пройти не можешь,
Не найдешь туда дороги,
Так спеши другой дорогой,
Ты беги скорей тропою
В чащи Туонелы лесные,
Калмы дальние поляны!
Там найдешь себе болота,
Даже боры для прогулок;
Там и Кирьё, там и Карьё,
И других коров там много
В крепких путах из железа,
В десяти цепях на шеях;
Наживают жир худые,
Набирают мясо кости.
Будьте добры, лес и роща,
Благосклонна будь, дубрава!

Успокой мой скот рогатый,
Дай покой ты двухкопытным,
Дай им отдых долгим летом,
Что творец дал на тепло нам!
   Куйппана, властитель леса,
Ты, добряк седобородый!
Псов своих держи покрепче,
Брехунов своих отважных!
Вставь в ноздрю им по грибочку
И по ягодке в другую,
Не почуяли бы носом,
Не пронюхали бы стада!
Завяжи глаза им шелком,
Завяжи повязкой уши,
Чтоб не видеть им ходящих,
Чтоб не слышать им бродящих!
   Если ж этого им мало,
Если слушаться не станут,
То гони детей оттуда,
Прогони семью подальше:
Пусть уходят из дубравы,
Пусть бегут отсель, с прибрежья,
С луговинок нешироких
И с полей весьма обширных!
Спрячь собак своих в пещерах,
Брехунов свяжи проворных
Золотистыми цепями,
Серебристыми ремнями,
Чтоб не сделали злодейства
Иль бесстыдного поступка.
   Если ж этого все мало,
Если слушаться не станут,
Золотой мой царь ты, Укко,
Ты, серебряный защитник,
Ты услышь слова златые
И мои от сердца речи!
Дай рябиновые узы
На тупые эти морды;
Коль не сдержат эти узы,
Ты отлей из меди узы;
Если ж медь годна не будет,
Выкуй узы из железа!
Коль железо разорвется,
Коль оно не будет годно,

Ты продень златую палку
Чрез костлявые их морды;
Ты концы закуй покрепче,
Ты стучи по ним сильнее,
Чтоб не двигалися щеки,
Чтобы зубы не разжались,
Если цело то железо,
Коль его не режут сталью,
Ни ножом его не портят,
Топором его не рубят!»
Ильмаринена супруга,
Эта умная хозяйка,
Погнала коров из хлева,
Скот на пастбище пустила,
Пастуха ж пустила сзади,
Чтобы раб погнал скотину.

РУНА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Куллерво пасет стадо и вечером вынимает хлеб из сумки, начинает резать его ножом и ломает свой нож о камень, замешанный в хлеб. Особенно огорчило его то, что этот нож был единственной памятью, оставшейся ему от его рода (1—98).— Он решает отомстить хозяйке, загоняет стадо в болото, а вместо него собирает стадо волков и медведей, которых вечером пригоняет домой (99—184).— Хозяйка идет доить и гибнет, дикие звери разрывают ее на куски (185—296)

Калервы сын, Куллервойнен
Положил еду в котомку
И погнал коров болотом,
Их погнал сосновым лесом;
На ходу он так промолвил,
Говорил слова такие:
«Ах, я парень горемычный,
Самый жалкий я мальчишка!
И куда теперь попал я,
Лишь на праздную дорогу,
Сторожить хвосты бычачьи,
За телятами тащиться,
По болотам лишь влачиться,
По плохой земле лишь ползать!»
Он на кочке там уселся,
Сел, где солнышко пригрело,

Стал слагать он песнопенья,
Так запел свои он песни:
«Дай тепла мне, божье солнце,
Колесо господне, света
Пастуху пошли, бедняге.
Кузнецу стада пасу я;
Кузнецу же не свети ты,
Ни ему и ни хозяйке!
Хорошо живет хозяйка,
Хлеб печет себе пшеничный,
Пироги себе готовит,
Их намазывает маслом,
А пастух берет хлеб черствый
И сухую корку гложет,
Овсяной грызет он хлебец,
Хлеб с мякиной разрезает,
Хлеб съедает из соломы,
Хлеб жует с корой сосновой,
Воду черпает берестой,
Пьет ее из-под кореньев.
   Солнце, скройся ты, пшеничка,
Исчезай ты, божье время!
Уходи за сосны, солнце,
Ты, пшеничка, за лесочек,
Поспеши за можжевельник,
За ольховые верхушки!
Пастуха домой сведи ты,
На хлеба, где много масла,
Чтобы хлеб жевал он свежий,
В пирогах бы ел середку!»
   Ильмаринена хозяйка,
Шел покуда пастушонок,
Пел покуда Куллервойнен,—
Соскоблила масло с чашки,
В пирогах середку съела,
Ковырять взялась лепешки,
Уж сготовила похлебку,
Щей для Куллерво холодных,
Где весь жир собака съела,
Жир весь черная слизала,
Сыто пестрая поела,
Вдоволь серая наелась.
   Из леска запела птичка,
Из куста певец-малютка:

«Уж рабу поесть бы время,
Сироте бы пообедать».
Калервы сын, Куллервойнен
Посмотрел на тень от солнца,
Говорит слова такие:
«Да, уж время и поесть бы,
За обед пора приняться,
Поискать запас дорожный».
Отогнал коров на отдых,
Чтоб соснули на лужайке,
Сам на кочке он уселся,
На траве зеленой, свежей,
Со спины он снял котомку,
Вынул хлебец из котомки,
Повернул его и смотрит,
Говорит слова такие:
«Часто хлеб хорош снаружи
И гладка снаружи корка,
А внутри с корой сосновой
Да под ней еще мякина».
Из ножон он вынул ножик,
Чтобы хлеб себе разрезать:
И уперся ножик в камень,
Лезвием в голыш претвердый;
У ножа конец сломался,
На куски клинок распался.
Калервы сын, Куллервойнен
Увидал, что ножик сломан,
Увидав, он начал плакать,
Говорит слова такие:
«Этот ножик был мне дорог,
Он один был мой любимый,
От отца он мне достался,
Он был собственностью старца;
Вот сломал его о камень,
О голыш он разломался,
Здесь о хлеб дрянной хозяйки,
Испеченный злою бабой!
Как отмщу за осмеянье,
За насмешку злую бабы,
Отомщу за хлеб негодный,
Испеченный злобной тварью?»
С ветки каркает ворона,
Ворон каркает и кличет:

«Бедный, золотая пряжка,
Калервы ты сын единый!
Отчего ты так печален,
Что ты грустен так, бедняжка?
Ты возьми из лесу ветку,
Сук березовый из дола,
Загони коров в болото,
Грязноногих на трясину,
Дай медведям половину,
А волкам большим другую!
Собери волков по лесу,
Собери медведей стадо!
Обрати волков в коров ты,
Обрати в коров медведей
И на двор гони, как стадо,
Точно пестрый скот, гони их!
Отплати за смех хозяйке,
За насмешку скверной бабе».
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Подожди ж, блудница Хийси!
О ноже отца я плачу,
Ты сама побольше будешь
О своих коровах плакать».
Отломил он прут в лесочке,
Можжевеловую ветку;
И погнал коров в болото,
Всех быков в тальник он гонит,
Дал медведям половину
И волкам большим другую.
Из волков телушек сделал,
Обратил в коров медведей,
Стали волки как телята
И коровами медведи.
Солнце за полдень спустилось.
Уж идет оно на вечер,
На верхушки сосен сходит;
Уж пора доить подходит.
Калервы сын, Куллервойнен,
Тот пастух несчастный, в злобе
Подогнал медведей к дому,
Ко двору волков подводит.
И свое он стадо учит,
Говорит слова такие:

«Рвите вы хозяйке бедра,
Ей прокусывайте икры,
Лишь на вас она посмотрит,
Лишь доить она нагнется!»
Из коровьей кости дудку,
Из бычачьей рог он сделал —
Кости Туомикки для рога,
Бедра Кирьё взял для дудки.
Заиграл тогда на дудке,
Затрубил в свой рог пастуший
На горе близ дома трижды,
На конце прогона шесть раз.
Ильмаринена хозяйка,
Кузнеца жена-красотка,
Молока ждет не дождется,
Масла летнего желает.
Чу, играют на болоте,
Шум с зеленой луговины.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Будь прославлен, бог верховный!
Рог звучит, подходит стадо!
Где взял раб рожок пастуший,
Из чего он сделал дудку,
Он во что трубит так громко,
И трубит и дует сильно,
Звуком уши раздирая,
Шумом голову мне полня?»
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Раб нашел рожок в болоте,
Вынес дудку из трясины.
Стадо все уж на прогоне,
Уж коровы в загородке,
Разведи огонь дымящий,
Подоить коров отправься!»
Ильмаринена хозяйка
Позвала доить старуху:
«Мать, пойди-ка подои их,
Позаботься о скотине!
Мне же некогда, пожалуй,
Замесить мне надо тесто».
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:

«Ведь хорошая хозяйка,
Женщина с рассудком добрым,
Подоит сама коровок,
За скотом сама присмотрит».
Ильмаринена хозяйка
Тут сама огонь разводит
И идет доить коровок.
Стадо разом осмотрела,
Скот рогатый оглядела;
Говорит слова такие:
«Хорошо по виду стадо,
Цвет скота совсем не дурен,
Шерсть у стада — словно рысья,
Словно шерсть лесной овечки,
Вымя толсто и припухло,
Переполнились сосочки».
Тут коров доить нагнулась,
Молоко сбирать присела.
Потянула раз, другой раз,
В третий раз тянуть собралась:
Быстро волк ее кусает,
И медведь терзать принялся,
Волк хватает пастью икры,
И медведь кусает пятки,
Прокусили мясо в икрах,
У бедра сломали кости.
Калервы сын, Куллервойнен
Так отмстил насмешку бабы,
Смех ее и осмеянье,
Злобной женщины обиду.
Ильмаринена хозяйка,
Эта гордая, тут плачет,
Говорит слова такие:
«Злой пастух, ты что наделал?
К дому ты пригнал медведей
И волков на двор обширный!»
Калервы сын, Куллервойнен
Ей на это отвечает:
«Как пастух я сделал дурно,
Ты же дурно — как хозяйка!
Запекла ты в хлебе камень,
Голыша кусок в запасе;
Я ножом уперся в камень,
О голыш сломал я ножик —

От отца он мне достался,
Рода нашего железо!»
И хозяйка так сказала:
«О пастух, пастух мой милый!
Измени свои ты мысли
И возьми назад заклятье,
Ты избавь от волчьей пасти,
От медвежьих лап хозяйку!
Дам тебе рубашек лучших,
Дорогих штанов достану,
Хлеб пшеничный с свежим маслом,
Молока дам посвежее;
Год ты будешь без работы,
На другой кормиться даром.
Коль меня ты не избавишь
И не дашь сейчас свободы,
Я погибну злою смертью,
Обращусь в сырую землю».
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Умирать, так умирай уж,
Погибай ты поскорее!
Под землей тебе найдется
Место славное у Калмы:
Там сильнейшие в покое,
Там могучие в дремоте».
И сказала тут хозяйка:
«Ой ты, Укко, бог верховный!
Натяни свой лук великий,
Приготовь свое оружье,
Приложи стрелу из меди
К огневому луку сверху!
Целься огненной стрелою,
Что из самой твердой меди,
Пусть пройдет стрела под мышки,
Через мясо на лопатке,
Сына Калервы свали ты,
Пусть падет дрянной на землю
От стрелы с стальной головкой,
От оружия из меди!»
Калервы сын, Куллервойнен
Сам сказал слова такие:
«Ой ты, Укко, бог верховный!
Не меня рази стрелою!

Ильмаринена хозяйку,
Что всех женщин в мире хуже,
Бей, пока она на месте,
Не ушла пока отсюда!»
Ильмаринена хозяйка,
Кузнеца жена, упала
Мертвою на этом месте,
Как с котла спадает сажа;
У избы своей свалилась,
На дворе упала тесном.
Так та женщина скончалась,
Так красавица погибла,
А ее так долго ждали,
Ведь шесть лет ее искали
Ильмаринену на радость,
Кузнецу тому на славу.

РУНА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Куллерво убегает от Ильмаринена, скитается опечаленный по лесу и узнает от одной старушки, что его отец, мать, брат и сестра еще живы (1—128).— Он находит их, по указанию старухи, на границе Лапландии (129—188).— Мать говорит ему, что она считала Куллерво уже давно потерянным, как и свою старшую дочь, ушедшую по ягоды в лес и больше не вернувшуюся (189—246)

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Стройный, золотоволосый,
В башмачках красивой кожи,
Кузнеца собрался бросить,
Ильмаринена оставить
Раньше, чем кузнец узнает,
Что жена его скончалась:
Он вскипит великой злобой,
С Куллерво он станет биться.
Он, играя, шел оттуда,
Веселясь, от дома Ильмы,
По лесам трубил веселый,
Шел, играя, новой пашней,
Потрясал болота, земли,
И земля вся откликалась

Сына Калервы веселью,
Куллерво злорадным кликам.
   Стало в кузнице уж слышно;
Там кузнец работу бросил,
На дорогу вышел слушать,
Посмотреть во двор выходит,
Что там из лесу за звуки,
Кто там в рог в песках играет.
   Тут он истину увидел,
Без прикрас, что там случилось;
Видит он: жена уснула,
Там красавица упала;
На дворе она лежала,
Там на травушку свалилась.
   И кузнец стоял недвижим,
Тяжело ему на сердце;
Он провел всю ночь, рыдая,
Проливая долго слезы.
Мысль его чернее дегтя,
Не белее угля сердце.
   Куллерво идет все дальше,
Он блуждает где попало.
День идет он частым лесом,
По земле деревьев Хийси,
А как к ночи потемнело,
На земле он там уселся.
   На земле сидит сиротка.
Так покинутый размыслил:
«Кто меня, бедняжку, создал,
Кто родил на свет сиротку,
Чтоб по месяцам блуждал я
Здесь под воздухом пространным?
   Кто на родину стремится,
Кто идет в свое жилище;
Мне же родина — лес темный,
На полях — мое жилище:
Очагом мне служит ветер,
Дождик баней мне бывает.
   О ты, Укко, бог верховный,
Никогда на этом свете
Не твори дитя несчастным,
Чтоб дитя сироткой было,
Без отца бы проживало
И без матери осталось,

Как меня ты создал, Укко,
Сотворил меня, бедняжку,
Точно чайку в синем море,
Точно птицу на утесе.
Солнце ласточке сияет,
Воробью оно блистает,
Веселит воздушных птичек;
Только мне оно не светит,
Никогда не светит солнце,
Никогда мне нет веселья.
Кто родил меня, не знаю,
Кто носил меня во чреве;
Может, утка при дороге
Принесла меня в болото
И покинула на взморье
Там, в расщелине утеса.
Потерял отца я в детстве,
В раннем детстве мать родную;
Унесла их смерть навеки,
Весь погиб наш род великий.
Башмаки из льда мне дали
Да чулочки снеговые
И пустили в гололедку
На качающийся мостик,
Чтоб свалился я в болото,
Чтоб упал в гнилую воду.
Но в мои ли, право, годы
Мне лежать мостком в трясине,
Лечь мостом в болотной луже,
Как мосток в трясине зыбкой,
Не хочу упасть в болото:
Две руки ведь я имею,
Все пять пальцев я сгибаю
И ногтей имею десять».
Вот ему на ум приходит
И в мозгах засела дума
К Унтамо пойти в деревню,
Отомстить отцовы раны,
Слезы матери родимой
И свое несчастье злое.
Говорит слова такие:
«Подожди же, Унтамойнен,
Моего губитель рода!
Я приду с тобою биться,

Разорю твое жилище
И сожгу твой двор широкий».
Вот идет лесная баба,
В синем платье та старуха,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Куллерво, куда идешь ты,
Калервы сынок, спешишь ты?»
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«А вот мне на мысли вспало
И в мозгах засела дума
Отправляться на чужбину,
К Унтамо пойти в деревню,
Отомстить погибель рода,
Смерть отца, родимой слезы,
Разорить его жилище,
Обратить жилище в пепел».
Так промолвила старуха,
Говорит слова такие:
«Нет, ваш род не уничтожен,
Калерво еще не умер.
Жив еще старик-отец твой,
Мать твоя еще здорова».
«Ты, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Где отец мой проживает,
Мать моя живет родная?»
«Там отец твой проживает,
Там и мать твоя родная:
На земле живут лапландской,
Где пруды богаты рыбой».
«Ты, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Как мне той земли достигнуть,
Как найти туда дорогу?»
«Хорошо дойти ты можешь,
И совсем пути не зная:
Ты пройди сначала лесом,
Берегом реки отправься,
День пройдешь ты и другой день,
Так и третий день пройдешь ты;
Поверни потом на север,
Встретишь гору на дороге,

Ты иди ее подошвой,
Обогни налево гору
И придешь к реке оттуда.
Вправо будет эта речка;
Ты по берегу отправься,
К трем тогда придешь порогам,
На конце косы ты будешь
На довольно длинном мысе.
Там ты хижину увидишь,
На мыске рыбачью хату:
В ней живет отец доселе
И живет твоя родная,
Две твоих живут сестрицы,
Две прекраснейшие девы».
   Калервы сын, Куллервойнен
Собрался идти в дорогу.
День идет он и другой день,
И уже проходит третий;
Повернул тогда на север,
Гору встретил на дороге,
Он пошел ее подошвой,
От горы пошел налево,
Подошел тогда к потоку,
Берегом реки пошел он,
Левым берегом потока,
Подошел он к трем порогам,
На конец косы приходит,
К краю самому подходит;
Там он хижину увидел.
На мыске избу рыбачью.
   Он вошел в избушку эту,
И его там не узнали:
«С моря прибыл ты откуда,
Из какого ты семейства?»
   «Сына вы не узнаете?
Я дитя родное ваше.
Мужи Унтамо когда-то
Увели меня из дома,
Был я в пядь отца росточком,
Был не выше веретенца».
   Мать сперва ему сказала,
Так промолвила старушка:
«О мой бедный сын, мой милый,
Бедный, золотая пряжка!

Ты живой сюда явился,
Ты прошел чрез эти страны!
Как по мертвом я рыдала,
По тебе лила я слезы!
У меня два сына было,
Две прекраснейшие дочки;
Вот из них пропали двое,
Старших двое вовсе сгибли:
На войне пропал сыночек,
Дочка без вести пропала;
Вот сыночек возвратился,
Дочь еще не появлялась».
Калервы сын, Куллервойнен
Так спросил свою родную:
«Но куда ж она пропала,
Где сестра моя погибла?»
Мать ему сказала слово
И такие молвит речи:
«Вот куда она пропала,
Где сестра твоя погибла:
В лес за ягодой ходила,
Под горою за малиной;
Там-то курочка исчезла,
Птичка сгибла смертью тяжкой.
Там-то без вести пропала,
Как погибла — неизвестно.
Кто по дочери тоскует
Ведь никто, как мать родная!
Мать ее всех больше ищет,
Ищет мать и к ней стремится;
Так пошла и я, бедняжка,
Отыскать хотела дочку:
Как медведь, я мчалась лесом,
Точно выдра, мчалась рощей,
День искала и другой день,
Третий день еще искала,
Но когда прошел и третий,
Как неделя миновала,
На горе вверху я стала,
На холме весьма высоком,
Там звала я громко дочку,
Там ушедшую искала:
«Где ты, дочка дорогая?
Воротись домой скорее!»

Так звала я громко дочку,
О пропавшей горевала;
Мне в ответ сказали горы,
Так ответили дубравы:
«Не зови свою ты дочку,
Не зови ее так громко!
Не вернется больше дочка,
Никогда она не сможет
Быть у матери в жилище,
Быть у пристани отцовской».

РУНА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Куллерво пытается работать у своих родителей, но помощи от него мало, и отец отправляет его отвезти подать (1—68).— Отвезя подать, он встречает на обратном пути пропавшую сестру, но, не узнав, соблазняет ее (69—188).— Позже, когда оба узнали, кто они такие, сестра бросается в реку, а Куллерво спешит домой, рассказывает матери, что он обесчестил родную сестру, и хочет покончить с жизнью (189—344).— Мать запрещает ему покончить с собой и уговаривает уехать, найти спокойный уголок и тихо доживать жизнь. Куллерво приходит в голову мысль отомстить за все Унтамо (345—372)

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
С этих пор и поживает
Под родительскою кровлей;
Он не сделался умнее,
Не обрел рассудка мужа,
Ибо дурно был воспитан,
Глупо в люльке был укачан,
Воспитатель был неумный
И укачиватель глупый.
Начал юноша работать,
Брал он разную работу.
Рыб ловить он снарядился,
Расставлять снаряд для ловли.
Говорил слова такие,
Так с веслом в руках промолвил:
«Что есть сил тянуть мне невод,
Изо всей грести мне мочи,
Иль тянуть его не сильно
И грести, насколько нужно?»

Рулевой промолвил с лодки,
Говорил слова такие:
«Хоть тяни со всею силой,
Хоть греби по-молодецки,
Ты разбить не сможешь лодки,
Ей уключин не сломаешь».
Калервы сын, Куллервойнен
Стал грести со всею силой,
Приналег по-молодецки —
И сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновую лодку.
Калерво взглянуть приходит,
Говорит слова такие:
«Ты грести совсем не можешь!
Ты сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновую лодку!
Ты поди гнать рыбу в невод!
Может, в этом ты получше».
Калервы сын, Куллервойнен
Собрался гнать рыбу в невод.
Гонит рыбу, рассуждая,
Говорит слова такие:
«Со всего ль плеча работать,
Гнать ли рыбу с полной силой,
Иль работать осторожно,
Рыбу гнать, насколько нужно?»
И сказал тащивший невод:
«Что ж была бы за работа,
Если гнать не с полной силой,
Не работать молодецки!»
Калервы сын, Куллервойнен
Со всего плеча тут гонит,
Гонит рыбу молодецки:
Воду в кашу превращает,
Растрепал весь невод в паклю,
Рыбу сделал просто слизью.
Калерво взглянуть приходит,
Говорит слова такие:
«Рыбу гнать ты не годишься!
Растрепал весь невод в паклю,
Поплавки разбил в кусочки,
Разорвал на части сети!

Ты пойди плати-ка подать,
Поземельные налоги!
Ты в дороге, может, лучше,
На пути умнее будешь».
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Статный, золотоволосый,
В башмаках красивой кожи,
Уплатить поехал подать,
Поземельные налоги.
Уплатил, как нужно, подать,
Отдал зерна все, как надо,
И в своих санях уселся,
На сиденье занял место;
И домой оттуда едет,
Сам на родину стремится.
С шумом сани заскользили
И в дороге измеряли
Вяйнямёйнена поляны,
Прежде вспаханное поле.
Златокудрая девица
Едет, лыжней измеряя
Вяйнямёйнена поляны,
Прежде паханное поле.
Калервы сын, Куллервойнен
Останавливает сани;
Говорить девице начал,
Говорит и приглашает:
«Ты войди, девица, в сани,
Отдохни на этой шкуре!»
На бегу девица молвит,
Проскользнувши, отвечает:
«Смерть к тебе пусть в сани сядет
И болезнь на эту шкуру!»
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут коня кнутом ударил,
Бил коня жемчужной плетью.
Мчится конь, бежит дорога,
И скрипят по снегу сани.
С сильным шумом он понесся,
Спешно едет по дороге,
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдистым.

Вот девица повстречалась,
В башмаках идет хороших
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдистым.
Калервы сын, Куллервойнен
Удержал коня поспешно,
Рот сложил как мог красивей,
Молвил вежливо девице:
«Ты садись, красотка, в сани,
Красота страны, со мною!»
А девица отвечает,
В башмачках хороших молвит:
«Туони пусть в те сани сядет,
Маналайнен там с тобою!»
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут коня кнутом ударил,
Бьет его жемчужной плетью.
Мчится конь, бежит дорога,
И скрипят по снегу сани.
Шумно едет он дорогой,
И в пути он проезжает
Гладью Похъёлы песчаной,
Той Лапландии полями.
Едет девушка навстречу
В оловянных украшеньях
Гладью Похъёлы песчаной
И лапландскими полями.
Калервы сын, Куллервойнен
Удержал коня вожжами,
Рот сложил как мог красивей,
Молвил вежливо девице:
«Ты садись, девица, в сани,
Ляг под полостью, красотка,
В санках яблочков поешь ты,
Погрызешь моих орешков!»
Так ответила девица
В оловянных украшеньях:
«Я плюю тебе на сани,
На сиденье негодяя!
Мне под полостью морозно,
Мне в санях твоих противно».
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,

Подхватил девицу в сани,
Подтащил ее к сиденью,
На меху сажает в санках,
Тянет девушку под полость.
Зло промолвила девица
В оловянных украшеньях:
«Отпусти меня с сиденья,
Выпусти из рук малютку,
Чтоб мне слов дурных не слушать,
Не слыхать бы просьбы злого,
Иль я сани разломаю,
Выбью длинные брусочки,
На куски сломаю сани,
Разобью бока их в щепки!»
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут открыл сундук с деньгами,
Стукнул пестренькою крышкой,
Серебро ей показал он,
Расстелил платки цветные,
С золотой каймой чулочки,
Пояски посеребрены.
Манит золото девицу,
Ей платок меняет мысли,
Серебро несет ей гибель,
Портит золото ей думы.
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут ласкать девицу начал,
Увещает, обольщает,
Держит вожжи он рукою,
А другою грудь девицы.
Утомляет он девицу
В оловянных украшеньях
Там, под полостью расшитой,
На мехах прекрасных, пестрых.
Вот уж бог послал и утро,
День уж следующий выслал.
Говорит ему девица,
Увещает, вопрошает:
«Из какой семьи ты, смелый,
Из какого рода будешь?
Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный».

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Сын я Калервы несчастный,
Сын, лишенный разуменья,
Глупый, ни к чему не годный.
Ты сама откуда родом,
Из какой семьи, красотка,
Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный».
Так ответила девица,
Говорит слова такие:
«Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Калервы я дочь, бедняжка,
Неразумная я дева,
Я негодная девица.
Как была еще ребенком
В доме матери любимой,
В лес по ягоды пошла я,
Там у горки, за малиной,
Собирала землянику,
У холма брала малину;
Собирала день, заснула,
Собирала день, другой день;
Наконец, уже на третий,
Не нашла домой дороги:
Дальше в лес вела дорога,
В чащу все вели тропинки.
Там я плакала, сидела,
День проплакала, другой день;
Наконец, уже на третий,
Поднялась высоко в гору,
На горе высокой стала,
Там аукала, кричала.
Отвечал мне лес зеленый,
Мне в ответ холмы звучали:
«Дева глупая, не кликай,
Не кричи так безрассудно,
Твоего не слышно крика,
Он до дома не доходит».

Третий день я шла, четвертый,
Пятый день, шестой блуждала.
Умереть я покушалась
И погибели искала;
Но никак не умирала,
Не могла никак погибнуть!
Если б умерла, бедняжка,
Если б, слабая, погибла,
На другой бы год, быть может,
Иль на третье, может, лето
Зеленела бы я травкой,
Зацвела бы я цветочком,
Вышла б ягодкой на землю,
Вышла б красною брусничкой,
Этих ужасов не знала б,
Не узнала бы позора».
И едва она сказала,
Только вымолвила слово,
Как с саней вдруг соскочила,
Быстро бросилася в реку,
Прямо в пену водопада,
В эту огненную бездну.
Там нашла себе кончину,
Обрела себе погибель;
В Туонеле нашла забвенье,
Мир в потоках этих водных.
Калервы сын, Куллервойнен
Из саней поспешно вышел,
Начинает горько плакать,
Очень громко причитает:
«О, как я несчастен в жизни,
Как судьба моя ужасна!
Я сестру мою родную,
Дочь родимой обесчестил!
Горе батюшке родному,
Горе матушке-старушке!
Вы к чему меня вскормили,
Для чего на свет пустили?
Мне б гораздо лучше было
Не расти и не рождаться,
Не рождаться в этом мире,
На земле не появляться.
Смерть неверно поступила
И болезнь несправедлива,

Что меня не умертвила,
На вторую ж ночь от роду».
    Он хомут ножом разрезал,
Режет он ремни из кожи,
И на лошадь он садится,
На крестец у белолобой.
Он спешит, дорогой скачет
И в пути недолго побыл,
Ко двору отца приехал,
На поляну он домчался.
    На дворе там мать стояла.
«Мать родная, дорогая!
Если б ты меня, родная,
Только я на свет родился,
В дымной бане положила,
Двери крепко затворила,
Там бы в дыме задушила,
На вторую ж ночь от роду,
С одеялом и с пеленкой
Ты меня бы утопила,
Люльку бросила бы в печку,
На огне ее сожгла бы!
    На деревне бы спросили:
«Отчего в избе нет люльки,
Заперта так крепко баня?»
Ты тогда бы им сказала:
«На огне сожгла я люльку,
В печку бросила качалку.
В бане зерна прорастают,
Я из них готовлю солод».
    Мать тогда его спросила,
Седовласая старушка:
«Что с тобой, сынок мой, сталось,
О каком твердишь ты чуде?
Словно в Туонеле ты побыл,
Как из Маналы ты вышел!»
    Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Верно, что случилось чудо,
Совершилось злодеянье,
Я сестру мою родную,
Дочь родимой обесчестил!
    Как я выплатил всю подать,
Все зерно, как надо, отдал,

Повстречалась мне девица;
И ласкал я эту деву:
То была моя сестрица,
То — дитя моей родимой!
   Уж нашла она кончину,
Обрела себе погибель
В страшной глуби водопада,
В той пылающей пучине.
Не могу никак понять я,
Не могу никак постигнуть,
Где найду себе кончину,
Где я смерть найду, несчастный:
В пасти ль воющего волка,
В зеве ль страшного медведя,
У кита в огромном чреве
Иль в зубах свирепой щуки?»
   Мать на это отвечает:
«Не ищи, сыночек, смерти
В пасти воющего волка,
В зеве страшного медведя,
У кита в огромном чреве
Иль в зубах свирепой щуки!
Ведь обширен берег Суоми,
Широки пределы Саво,
Где преступный скрыться может,
Чтоб оплакать злодеянье,
На шесть лет укрыться можно,
Даже на девять лет сряду,
Время мир ему дарует,
Скорбь ему утишат годы».
   Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Не пойду я укрываться,
От стыда бежать не буду!
А пойду я к пасти смерти,
Я пойду к воротам Калмы,
На поля больших сражений,
Где храбрейшие воюют:
На ногах еще Унтамо,
Не погиб, не умер изверг,
Раны батюшки отмщу я,
Слезы матушки родимой,
Все страдания припомню,
Что я сам на свете вынес».

РУНА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Куллерво снаряжается на войну и покидает родных; одной только матери не безразлично, куда он пойдет, умрет ли, останется ли в живых (1—154).— Он приходит в Унтамолу, убивает всех и сжигает жилища (155—250).— Возвращается домой, но дом его пуст, в живых на месте оказывается только старая черная собака, с которой он идет в лес, чтобы добыть себе пищи (251—296).— По дороге он попадает на то место, где соблазнил свою сестру, и убивает себя своим мечом (297—360)

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Собрался идти войною,
Снарядился для сраженья,
Наточил клинок блестящий,
Навострил у пики кончик.
Мать ему тогда сказала:
«Не ходи, сыночек милый,
Не ходи туда войною,
Где мечей железных много!
Кто воюет без причины,
Сгоряча вступает в битву,
Тот и жизнь в войне теряет,
Тот в сраженье погибает,
От железа смерть находит,
От меча свою кончину.
На козе ль ты едешь в битву,
На козле ль сражаться едешь,
Та коза побита будет,
Упадет козел немедля,
На собаке ты вернешься,
На лягушке в дом ты въедешь».
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Не паду я на болоте,
На песках я не погибну,
Там, где ворона жилище,
Где вороны ищут пищу.
Я паду на поле битвы,
Я погибну в битве храбрых.
Хорошо погибнуть в битве,
Умереть под звон оружья!
На войне скончаться славно:
Жизнь герой кончает скоро,

Он отходит, не болея,
Не худея, свет бросает».
Мать ему сказала слово:
«Если ты умрешь в сраженье,
Кто отцу защитой будет,
Кто останется при старом?»
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Пусть умрет он на прогоне,
На дворе пусть жизнь окончит».
«Кто ж при матери защитой,
Кто останется при старой?»
«На снопе пусть погибает,
Задохнется в грязном хлеве».
«Кто ж останется при брате,
Чтоб помочь ему в несчастье?»
«Пусть в лесу он истомится,
Пусть он свалится на поле!»
«При сестре твоей кто будет
Утешать ее в несчастье?»
«У колодца пусть погибнет
Иль умрет, стирая платье!»
Калервы сын, Куллервойнен
Поспешил уйти из дома,
И отцу сказал он слово:
«Ты прощай, отец мой добрый!
Ты поплачешь ли о сыне,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»
И отец промолвил слово:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер:
Приживу другого сына,
Будет он тебя получше
И умней тебя намного».
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
Как услышу, что ты умер;
Сам себе отца устрою:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Борода — сухие стебли,

Ноги — ивовые сучья,
Мясо — сгнившие деревья».
Так потом промолвил брату:
«Ты прощай, мой милый братец!
Ты поплачешь ли о брате,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»
Брат ему промолвил слово:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер:
Я себе добуду брата:
Будет он тебя получше,
Вдвое будет он красивей».
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
Как услышу, что ты умер;
Я себе устрою брата:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса — сухие стебли,
Ноги — ивовые сучья,
Мясо — сгнившие деревья».
Он сестре потом промолвил:
«Ты прощай, моя сестрица!
Ты поплачешь ли о брате,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»
Так промолвила сестрица:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер;
Отыщу другого брата:
Будет он тебя получше
И умней тебя намного».
Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
О твоей узнавши смерти;
Я себе сестру устрою:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса — сухие травы,

Из цветов болотных — уши,
Из кленовых сучьев — тело».
Тут он матери промолвил:
«Мать родная, дорогая,
Ты в себе меня носила,
Ты ребенка воспитала!
Ты поплачешь ли о сыне,
Как услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»
Мать ему сказала слово,
Мать такие молвит речи:
«Ты не знаешь мыслей старой,
Сердце матери, бедняжки!
Горько, горько я заплачу,
Как умрешь ты, мой сыночек,
Из числа людей исчезнешь,
В нашем роде уж не будешь.
Я залью избу слезами,
На полу потоки будут,
Я на улицах поплачу,
Я от слез согнуся в хлеве,
Снег от слез обледенится,
Лед землею талой станет,
Порастет земля травою,
А трава от слез повянет.
Если плакать я устану,
Утомлюся я от воплей,
На глазах у всех рыдая,
В бане тихо я поплачу,
Так что лавки все и доски
Поплывут в потоках слезных».
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
На войну пошел, играя,
Шел он с кликами на битву,
Он трубил, идя болотом,
По лесу он громко топал,
По лугам шумел он громко,
С громом шел он по полянам.
По следам дошло известье,
До ушей достигла новость:
«Твой отец уже скончался,
Отошел навеки старый.

Приходи домой — посмотришь,
Как умершего хоронят!»
Калервы сын, Куллервойнен
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончался, так скончался;
Дома там найдется мерин,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы».
И трубит, идя болотом,
И гудит, идя пожогом.
По следам идет известье,
До ушей достигла новость:
«Братец твой недавно умер,
Сын родителей скончался;
Приходи домой — посмотришь,
Как умершего хоронят!»
Калервы сын, Куллервойнен
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончался, так скончался;
Жеребец найдется дома,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы!»
И гудит, идя болотом,
И трубит в свой рог по лесу.
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
«Умерла твоя сестрица,
Дочь родителей скончалась;
Приходи домой — посмотришь,
Как умершую хоронят!»
Калервы сын, Куллервойнен
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончалась, так скончалась;
Дома есть у нас кобыла,
Чтоб свезти ее в могилу,
Опустить в жилище Калмы!»
По жнивью идет, ликуя,
И гудит, идя лугами,
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
«Мать твоя уже скончалась,
Эта добрая старушка,
Приходи домой — посмотришь,
Как умершую хоронят!»

Калервы сын, Куллервойнен
Говорит слова такие:
«Горе бедному мне сыну!
Мать моя уже скончалась,
Что готовила постель мне,
Одеяло украшала,
Что пряла на прялке пряжу,
Что вертела веретенцем;
Я же не был при кончине,
Не видал души исхода.
Может, с холоду скончалась
Или с голоду погибла!
В доме мертвую обмойте,
Мойте самым лучшим мылом,
В шелк умершую оденьте,
Полотном ее прикройте,
Отвезите так в могилу,
Опустите в лоно Калмы,
Отвезите с скорбным пеньем,
Опустите с горьким воплем!
Не могу я возвратиться:
Унтамо мной не наказан,
Не погиб противник злобный,
Не сражен еще преступный».
Он идет, трубя на битву,
К Унтамо в страну победно,
Говорит слова такие:
«Ой ты, Укко, бог верховный!
Ты пошли мне меч получше,
Дай ты мне клинок прекрасный,
Чтоб он мог с толпой бороться,
Устоял бы против сотни».
Меч нашел себе по мысли,
Взял клинок из самых лучших,
Толпы он мечом сражает,
Род весь Унто истребляет,
Обращает избы в пепел;
Только пыль одна осталась,
Лишь остались в печке камни
Да рябина у забора.
Калервы сын, Куллервойнен
Повернул в страну родную.
Шел к отцовскому жилищу,
На поля родного старца;

Но пустой нашел избушку,
И вошел он, как в пустыню:
Ни обнять никто не вышел,
Ни руки никто не подал.
   Протянул он руку к углям:
В печке уголья остыли;
Потому-то и узнал он,
Что уж мать его скончалась.
   Приложил он к печке руку:
Холодны у печки камни;
Потому-то и узнал он,
Что отец его скончался.
   Пол тогда окинул взглядом:
Пол не подметен в избушке;
Потому-то и узнал он,
Что сестра его скончалась.
   Он пошел затем на пристань:
На катках не видно лодок;
Потому-то и узнал он,
Что и брат его скончался.
   Начинает горько плакать,
Плачет день, другой день плачет,
Говорит слова такие:
«Мать ты, добрая, родная!
Что оставила ты сыну,
На земле живя на этой?
   Но ты, мать, меня не слышишь:
На глазах твоих стою я,
На бровях твоих горюю
И на темени тоскую!»
   Мать во гробе пробудилась,
Из могилы отвечала:
«Черный пес тебе остался,
Чтоб ходил ты с ним по лесу,
Ты возьми его с собою,
И в леса ты с ним отправься
По ту сторону дубравы,
К дочерям лесным приблизься,
К синим девам, к их подворью,
На конце лесного замка;
Там поищешь пропитанья,
Там попросишь подаянья!»
   Калервы сын, Куллервойнен
В лес отправился с собакой,

Шел далеко по дороге
И прошел сквозь чащу леса;
Там прошел еще немного,
Очень малое пространство,
И пришел к тому лесочку,
На ужасное то место,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
Плачет там и луг прекрасный,
Плачет жалобно и роща,
Травки юные горюют,
На песках цветы тоскуют,
Что он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
Не взошла трава младая,
На песках цветы не вышли,
Не росли на этом месте,
Там, на месте преступленья,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
Калервы сын, Куллервойнен
Меч вытаскивает острый,
Повернул кругом железо;
У меча тогда спросил он,
Хочет знать его желанье:
Не захочет ли оружье
Мяса грешного отведать
И напиться злобной крови?
Понял меч его желанье,
Он учуял мысли мужа,
Говорит слова такие:
«Отчего же не желать мне
Мяса грешного отведать
И напиться злобной крови,
Коль пронзаю я безгрешных,
Пью я кровь у неповинных?»
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Рукояткой меч втыкает,
Глубоко вонзает в землю,
Острие на грудь направил,
Сам на меч он повалился,
Поспешил навстречу смерти
И нашел свою кончину.

Так скончался этот юный,
Куллерво погиб бесстрашный,
Такова кончина мужа,
Смерть несчастного героя.
Слышит старый Вяйнямёйнен
О кончине той известье,
Что так Куллерво скончался,
И такие речи молвит:
«Не давай, народ грядущий,
Ты детей на воспитанье
Людям глупым, безрассудным,
Не давай чужим в качалку!
Если дурно нянчат деток
И качают безрассудно,
То дитя не выйдет умным,
Не получит мудрость мужа,
Хоть окрепнет мощным телом
И состарится с годами».

РУНА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ильмаринен долго оплакивает свою жену, потом с большим трудом выковывает себе новую жену, неодушевленную, из золота и серебра (1—162).— Он проводит с ней ночь, но та сторона его тела, которою он касается золотой жены, становится холодной, как лед (163—196).— Ильмаринен предлагает золотую жену Вяйнямёйнену, но тот не берет ее и советует Ильмаринену выковать из нее другие предметы или отвезти ее в таком виде, как она есть, в другие страны и отдать ищущим золота женихам (197—250)

Каждый вечер Ильмаринен
О своей супруге плачет,
Все без сна проводит ночи,
Днем не ест, а только плачет;
Ранним утром причитает,
День начнется, он вздыхает,
Ибо нет его супруги,
Умерла его красотка;
Не берет он в руки молот,
Молот с медной рукояткой,
Не слыхать его кованья,
Не слыхать уж целый месяц.
Так промолвил Ильмаринен:
«Горе молодцу-бедняге,

Как мне быть теперь, не знаю.
Сплю ли, бодрствую ли ночью,
Ни о чем не в силах думать,
И от горя ослабел я.
Вечерами мне так скучно,
Мне тоскливо ранним утром,
Ночь еще того тяжеле,
А проснусь, так станет горше.
Я не жду, как прежде, ночи,
Поутру не жаль вставать мне,
День ли, ночь ли — все равно мне:
Я печалюсь о прекрасной,
Я тоскую по желанной,
Я грущу по чернобровой.
Часто в середине ночи,
На перине мягкой лежа,
Вижу милую во сне я,
Тщетно руки простираю,
Тщетно ощупью скольжу я
В обе стороны рукою».
Без жены кузнец страдает.
Постарел он без супруги.
Два-три месяца проплакал,
Но, когда настал четвертый,
Взял он золота из моря,
Серебра в морских теченьях;
Кучу дров нагромоздил он,
Тридцать раз за ними ездил;
Пережег дрова на угли,
Наложил углей в горнило.
Взял он собранное злато,
Серебра он взял обломок
В рост осеннего ягненка
Или зимнего зайчонка.
Бросил золото расплавить,
Серебро в горнило бросил
И к мехам рабов поставил
За поденную оплату.
Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Голыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли —

Изваяние из злата,
Из сребра невесту сделать.
Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо.
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки,—
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?
Вот овца из печки вышла,
Побежала из горнила,
Шерсть из золота, из меди,
Шерсть серебряная также.
Все любуются овечкой,
Но кователь недоволен.
И промолвил Ильмаринен:
«Это волку нужно только!
Я жены хотел из злата,
Ждал из серебра супруги».
И кователь Ильмаринен
Вновь овцу в огонь кидает,
Прибавляет больше злата,
Серебра еще бросает,
Вновь рабов к мехам он ставит
За поденную оплату.
Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Голыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли —
Изваяние из злата,
Из сребра невесту сделать.
Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо.
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз,
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки,—

Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?
Из огня бежит жеребчик,
И к мехам он подбегает,
Златогривый, среброглавый,
А копытца все из меди.
Все жеребчиком довольны,
Но кователь недоволен.
И промолвил Ильмаринен:
«Это волку только нужно!
Я жены хотел из злата,
Ждал из серебра супруги».
И кидает Ильмаринен
Вновь жеребчика в горнило,
Прибавляет больше злата,
Серебра еще бросает,
Вновь рабов к мехам он ставит
За поденную оплату.
Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Голыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли —
Изваяние из злата,
Из сребра невесту сделать.
Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо;
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз,
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки,—
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?
Из горнила вышла дева
С золотыми волосами
И с серебряной головкой,
С превосходным чудным станом,
Так что прочим стало страшно,—
Ильмаринену не страшно.
Стал трудиться Ильмаринен,
Сам кузнец над изваяньем,

Он ковал, не спавши, ночью,
Днем ксвал без остановки.
Ноги сделал этой деве,
Ноги сделал ей и руки,
Но нога идти не может,
И рука не обнимает.
Он кует девице уши,
Но они не могут слышать.
Он уста искусно сделал
И глаза ей, как живые,
Но уста без слов остались
И глаза без блеска чувства.
И промолвил Ильмаринен:
«Хороша была бы дева,
Если б речью обладала,
Дух и голос бы имела».
И повлек красотку-деву
На пуховую перину,
На покойные подушки,
На постель свою из шелка.
Вот кователь Ильмаринен
Истопил, напарил баню,
Приготовил в бане мыло;
Он связал ветвистый веник
Да воды принес три кадки,
Чтобы зяблица купалась,
Подорожничек омылся
От нагара золотого.
Вдоволь сам кузнец помылся,
С наслажденьем искупался.
Лег он рядом с этой девой
На пуховую перину,
На стальной своей кровати,
На подставках из железа.
Взял кователь Ильмаринен,
Взял он первою же ночью
Одеял число большое,
Да принес платков он кучу,
Две иль три медвежьих шкуры,
Одеял пять-шесть суконных,
Чтобы спать с своей супругой,
С золотой женою рядом.
Он с того согрелся боку,
Где покрыли одеяла;

Но с другого, где лежало
Изваянье золотое,
Только холод проникает,
Лишь мороз проходит страшный,—
Этот бок уж леденеет,
Уж твердеет, словно камень.
И промолвил Ильмаринен:
«Не годна такая в жены!
В Вяйнёлу ее свезу я,
Вяйнямёйнену в подарок:
Пусть ему подругой будет,
Сядет курочкой любезной».
В Вяйнёлу отвез он деву
И, придя туда, промолвил,
Говорил слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Вот возьми красотку-деву,
Эту видную девицу,
Рот ее широк не будет,
Не надуты будут щеки».
Старый, верный Вяйнямёйнен
То увидел изваянье,
Бросил взор на это злато,
Говорит слова такие:
«Ты зачем привез мне это,
Это чудище златое?»
Отвечает Ильмаринен:
«Чтоб тебе же было лучше,
Я привез тебе супругу,
Эту курочку в подарок».
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«О кузнец, мой милый братец!
Брось в огонь ты эту деву
И накуй вещей различных
Иль вези ту куклу к немцам,
Как диковинку, к венецам,
Пусть ее богатый любит,
Пусть к ней сватается знатный!
Неприлично в нашем роде,
Самому мне точно так же,
Брать невесту золотую,
Брать серебряную в жены».
Запретил тут Вяйнямёйнен,
Не велел Сувантолайнен

Поколениям грядущим,
Возрастающему роду
Перед золотом склоняться,
Серебру уступку делать.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Дети бедные, смотрите
Вы, растущие герои,
Будете ли вы с достатком
Иль совсем без достоянья,
Берегитесь в вашей жизни,
И пока сияет месяц,
Сватать деву золотую,
Брать серебряную в жены!
Блеск у золота холодный,
Серебро морозом дышит».

РУНА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ильмаринен отправляется в Похъёлу свататься за младшую сестру прежней своей жены, но слышит в ответ ругань; рассердившись, он похищает девицу и отправляется с нею домой (1—124).— По дороге девица оскорбляет Ильмаринена и доводит его до гнева; в ответ на оскорбления он превращает ее в чайку (125—286).— Затем он возвращается домой и рассказывает Вяйнямёйнену о беззаботной жизни Похъёлы, обладающей Сампо, а также о том, что с ним случилось во время сватовства (287—328)

Вот бросает Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Золотое изваянье,
Из сребра свою невесту.
На коня надел он сбрую,
Он коня запряг как надо,
Сел тут в сани расписные,
Поместился на сиденье.
Он отправиться решился,
И намеренье имел он
Снова в Похъёле посватать —
Похъёлы вторую дочку.
День проехал Ильмаринен,
И второй потом он мчится,
Наконец, уже на третий,
В Похъёлу во двор въезжает.

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
На дворе сама стояла.
Говорить тут начинает
И все выведать желает:
Хорошо ль ее дитяти,
Хорошо ль живется дочке
С мужем в доме у свекрови,
Как хозяйке и невестке?
И ковatель Ильмаринен
Головой поник печально.
Шапка на сторону сбилась.
Сам сказал слова такие:
«И не спрашивай ты, теща,
Не расспрашивай ты больше,
Хорошо ль живется дочке,
Хорошо ль живет родная!
Смерть ее уже схватила,
Был конец ее суровый;
В землю ягодку зарыли
И в песочек положили
Чернобровую под стебли,
Серебристую под травы.
Вот за дочерью второю
Я пришел, за младшей девой.
Ты отдай мне деву, теща,
Отпусти вторую дочку
В дом моей супруги первой,
На скамью сестрицы милой!»
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Плохо прежде поступила,
Дурно сделала я раньше,
Что дитя тебе вручила,
Отдала тебе ту дочку,
Чтобы юная скончалась,
Чтобы нежная погибла,
Точно в пасти злого волка,
В глотке страшного медведя.
Не отдам тебе вторую,
За тебя я дочь не выдам,
Чтоб с тебя смывала сажу,
Очищала бы от гари.
Я скорее брошу дочку,
Это детище родное,

В водопад, шумящий бурно,
В пасть пылающей пучины,
В страшный зев налима Маны,
В пасть зубастой щуки Туони».
Тут кователь Ильмаринен
Рот скривил, поник главою,
Волосы все набок сбились,
Головой махнул курчавой
И в избу прошел поспешно,
Сам прошел под кровлю быстро,
Говорит слова такие:
«Ты пойди ко мне, девица,
На скамью своей сестрицы,
В дом моей супруги первой,
Чтобы печь мне хлебы с медом,
Чтоб варить получше пиво!»
На полу запел ребенок,
Он запел и так промолвил:
«Уходи отсюда, лишний,
Уходи от нашей двери!
Повредил ты раньше дому,
Причинил ты дому горе,
Как пришел сюда впервые,
У дверей здесь появился.
Дева, милая сестрица!
Не влюбляйся в жениха ты.
Не смотри на ноги мужа,
На румянец уст не зарься:
У красавца — зубы волка,
Он припрятал лисьи когти,
Когти острые, медвежьи;
Нож его лишь крови жаждет,
Им он головы срезает,
Им, негодным, режет спины».
И промолвила девица,
Ильмаринену сказала:
«За тебя не выйду замуж,
За такого негодяя!
Ты убил свою супругу,
Погубил мою сестрицу,
И меня убить ты можешь,
Сам меня лишишь ты жизни,
Ведь заслуживает дева,
Чтобы муж ее был лучше

И имел бы рост хороший,
Чтоб поехать в лучших санках,
Ехать к лучшему жилищу,
К дому лучшему, побольше,
А не к кузнице с углями,
Не к огню дрянного мужа».
    Рассердился Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Рот скривил, поник главою,
Волосы все набок сбились;
Подбежал, схватил девицу,
Обхватил ее руками,
Из избы бежит метелью,
Подбежал к саням поспешно,
Посадил девицу в сани,
Бросил в сани расписные,
Собрался оттуда ехать,
Отправляется оттуда
И рукою держит вожжи,
А другою грудь девицы.
    Горько плакала девица,
Говорит слова такие:
«Я иду к болотной клюкве,
На прибрежную осоку;
Там я, курочка, погибну,
Там умру я, птичка, с горя.
    О кователь Ильмаринен!
Если ты меня не пустишь,
Разобью я эти сани,
Расщеплю их по кусочкам,
Их коленями сломаю,
Разобью я их ногами».
    Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Так кузнец устроил сани,
Что бока их из железа,
Чтобы их не повредила
Этим топаньем красотка».
    Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшеньях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,
Говорит слова такие:
«Если ты меня не пустишь,

Обращусь тогда я в рыбу
И сигом уйду под волны».
Но кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой пущусь я щукой».
Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшеньях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,
Говорит слова такие:
«Если ты меня не пустишь,
Убегу я в лес зеленый
Горностаем на утесы».
Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой пущусь я выдрой».
Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшеньях
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,
Говорит слова такие:
«Если ты меня не пустишь,
То я жаворонком стану,
От тебя я спрячусь в туче».
Но кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой орлом помчуся».
Лишь отъехали немного,
Небольшую часть дороги,
Начинает лошадь фыркать,
Вислоухая пугаться.
Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»
Отвечает Ильмаринен:
«Заяц здесь бежал дорогой».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, девице бедной!

Было б мне гораздо лучше,
Лучше, если б мне пришлося
Побежать за этим зайцем
И уйти за косолапым,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы у зайца лучше,
Рот у зайца покрасивей».
   Сам кователь Ильмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Едет шумно по дороге;
Но немного лишь отъехал,
Очень громко конь зафыркал,
Вислоухий испугался.
   Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»
Отвечает Ильмаринен:
«Здесь лисица пробежала».
   Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, девице бедной!
Мне жилось бы много лучше,
Лучше, если б мне пришлося
Ехать в саночках лисицы,
На сиденье лиски быстрой,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы лисицы лучше,
Рот лисицы покрасивей».
   Сам кователь Ильмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Шумно едет по дороге;
Но немного лишь отъехал,
Очень громко конь зафыркал,
Вислоухий испугался.
   Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»
Отвечает Ильмаринен:
«Это волк бежал дорогой».

Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, несчастной деве,
Мне жилось бы много лучше,
Если бы пришлось мне, бедной,
Побежать за этим волком,
Что всегда лишь в землю смотрит,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы у волка лучше,
Рот у волка покрасивей».
Сам кователь Ильмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Шумно едет по дороге
Ночью в новую деревню.
Здесь, усталый от дороги,
Он уснул тотчас же крепко,
А жена с другим смеялась
Над своим уснувшим мужем.
Как кователь Ильмаринен
Поутру тогда проснулся,
Рот скривил, главу понурил,
Волосы все набок сбились;
И промолвил Ильмаринен,
Вымолвил такое слово:
«Не приняться ль мне за пенье,
Не заклясть ли мне невесту,
Обратить в лесного зверя
Или в зверя водяного?
Если в лес ее пущу я,
То весь лес перепугаю;
Коль пущу ее я в воду,
Убегут оттуда рыбы;
Я возьму клинок мой острый,
И мечом я с ней покончу».
Чует меч его решенье,
Угадал клинок желанье,
Говорит слова такие:
«Не на то ведь я устроен,
Чтоб губить бессильных женщин,
Чтоб лишать несчастных жизни».
Вот кователь Ильмаринен
Начал сильные заклятья,

Громко начал заклинанья:
Обратил жену он в чайку,
Чтоб скакала по утесам,
Чтоб пищала по скалистым,
Чтоб вертелась по прибрежью
И носилась в непогоду.
Тут кователь Ильмаринен
Быстро вновь уселся в сани.
Шумно мчится по дороге,
Головой поник печально,
Едет к родине обратно,
На знакомые поляны.
Старый, верный Вяйнямёйнен
На пути его встречает,
Говорит слова такие:
«Брат, кователь Ильмаринен!
Отчего ты так печален,
Шапка на сторону сбилась?
Ты из Похъёлы вернулся?
Как же Похъёла живет там?»
Отвечает Ильмаринен:
«Что ж ей, Похъёле, не жить там!
Сампо мелет неустанно,
И шумит немолчно крышка,
Мелет день для пропитанья,
А другой день для продажи,
Третий мелет для пирушки;
Говорю я справедливо,
Повторяю это снова:
Сладко в Похъёле живется,
Если в Похъёле есть Сампо!
Там и пашни и посевы,
Там и разные растенья,
Неизменные там блага».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Брат, кователь Ильмаринен!
Где ж супругу ты оставил,
Знаменитую девицу,
Что один ты возвратился,
Без жены назад приехал?»
Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Обратил в морскую чайку
Я жену свою дрянную,

И теперь на море чайкой
Все кричит она, все кличет,
Все шумит там по утесам,
Оглашает криком скалы».

РУНА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вяйнямёйнен предлагает Ильмаринену отправиться вместе с ним в Похъёлу за Сампо; Ильмаринен соглашается, и герои отправляются на лодке в путь (1—330).— Лемминкяйнен встречает их и, услышав, куда они едут, просит взять его с собою, на что они охотно соглашаются (331—426)

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«О кователь Ильмаринен!
Едем в Похъёлу с тобою,
Чтоб добыть оттуда Сампо,
Крышку пеструю увидеть!»
Тут кователь Ильмаринен,
Отвечая, так промолвил:
«Невозможно взять нам Сампо,
Крышку пеструю похитить
Из той Похъёлы туманной,
Сариолы вечно мрачной!
Сампо в Похъёле убрали,
Крышку пеструю укрыли
В каменной скале высокой,
В медном Похъёлы утесе,
Там — за девятью замками;
И пошли от Сампо корни
В глубину на девять сажен;
И один проходит в землю,
На берег другой проходит,
Третий в гору, что при доме».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Брат, кузнец ты мой любезный!
Едем в Похъёлу со мною,
Чтоб добыть оттуда Сампо!
Мы корабль большой построим,
Чтоб на нем поставить Сампо,
Крышку пеструю похитить
В скалах Похъёлы туманной

Из горы, где много меди,
Из-за девяти замочков!»
Отвечает Ильмаринен:
«Путь по суше безопасней.
Лемпо морем пусть поедет,
Смерть пусть тащится по волнам!
Там нагнать их может ветер,
Может буря опрокинуть,
Как бы не пришлось грести нам
Там — как веслами — руками».
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Путь по суше безопасней,
Безопасней, но не легче,
Он извилистей и дольше.
Хорошо по морю в лодке,
В челноке приятно плавать,
По равнинам вод стремиться,
Ехать прямо по теченью:
Ветры лодочку качают,
Волны двигают кораблик,
Ветер западный качает,
Южный ветер подгоняет.
Но пусть будет как кто хочет,
Ты не хочешь ехать морем,
Так поедем мы по суше,
Мы поедем по прибрежью!
Только ты клинок мне выкуй,
Огневой мне меч устрой ты,
Чтоб собак я разогнал им,
Похъёлы народ рассеял,
Ибо я иду брать Сампо
В деревнях, морозом полных,
В Похъёле туманно-мрачной,
В той суровой Сариоле».
Стал у горна Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
На огонь железо бросил,
Бросил сталь на кучу углей,
Бросил золота пригоршню,
Серебра пригоршню тоже.
Раздувать рабов заставил
За поденную оплату.
Тут рабы мехи качают,
Раздувают сильно воздух:

Точно тесто, сталь размякла,
Точно кашица — железо,
Как вода, сребро блистает,
Как волна, струится злато.
И нагнулся Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки:
Там клинок образовался
С золотою рукояткой.
Смесь из пламени он вынул,
Положил металл прекрасный
Из горна на наковальню,
Чтоб стучал веселый молот.
Сделал меч, какой хотелось,
И клинок был самый лучший.
Меч он золотом украсил,
Серебром отделал славным.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Посмотреть туда приходит.
Огневой клинок берет он,
Взял его рукою правой.
Поворачивает, смотрит,
Говорит слова такие:
«А придется ль меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу?»
И пришелся меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу,
На конце сияет месяц,
Посредине светит солнце,
В рукоятке блещут звезды,
В нижней части ржет жеребчик,
Наверху кричит котенок,
На ножнах собачка лает.
Там и тут мечом он рубит
По железному утесу,
Говорит слова такие:
«Лезвием я этим мог бы
Горы твердые разрезать,
Расколоть на части скалы!»
Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Чем же я могу, несчастный,
Чем, отважный, защищаться,

Опоясаться, закрыться
От всех бед морей и суши?
Не в броню ли мне одеться,
Взять железную рубашку
Да стальной на чресла пояс?
Всякий муж в броне сильнее,
Богатырь в железе лучше,
Крепче в поясе из стали».
Вот пришла пора уехать,
Час приблизился отъезда.
Должен ехать Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен.
И пошли искать лошадку,
С колосистой гривой лошадь,
Обмотались поводами,
Сбруи на плечи взвалили.
Вот высматривают лошадь,
Морду лошади средь леса,
Смотрят пристально сквозь чащу,
По лесной опушке темной:
Наконец нашли в дубраве
Желтогривую лошадку.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен
На коня ремни надели,
Повод лошади на морду.
И, стуча, дорогой едут,
Оба едут по прибрежью:
Услыхали вопль на взморье,
Крики с пристани несутся.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Это девушка там плачет,
Это курочка рыдает!
Не подъехать ли поближе,
Посмотреть, что там такое?»
Сам подъехал он поближе,
Посмотреть, что там такое.
То не девушка там плачет,
То не курочка рыдает:
Это лодочка там плачет,
То челнок печально стонет.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Стоя сбоку этой лодки:

«Что ты плачешь, челн дощатый,
Ты, с уключинами лодка?
Иль груба твоя работа,
Тяжелы крюки для весел?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«В море выйти хочет лодка
С тех катков, смолой покрытых,
Точно в мужнино жилище
Хочет девушка из дома.
Вот я плачу, челн несчастный,
Лодка бедная, горюю:
Чтоб меня столкнули в воду,
Чтоб меня спустили в море.
Мне, как строили, сказали,
Как сколачивали, пели:
Быть мне лодкою военной,
Быть корабликом для битвы,
Чтоб возить на дне богатство,
Чтоб с сокровищами плавать:
На войне еще я не был,
За добычею не ездил!
А другие лодки, хуже,
Ездят все-таки на битву,
На войне они бывают,
Трижды в лето выезжают,
Возвращаются с деньгами
И на дне везут богатство.
Я ж, построенный прекрасно
Из досок, из целой сотни,
Здесь гнию на этих щепках,
На катках, смолой покрытых;
Земляные только черви
Подо мной живут спокойно,
Да противнейшие птицы
На моей гнездятся мачте,
Да лягушки из лесочка
На бока мои садятся.
Вдвое было бы мне лучше,
Вдвое лучше, даже втрое,
Если б я был горной елью,
На песочке был сосною:
Там по мне б скакала белка,
Подо мною пес скакал бы».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, челнок дощатый,
Ты, с уключинами лодка!
На войну пойдешь ты скоро,
Ты поедешь на сраженье.
Только создана ль ты, лодка,
Мастером своим искусно?
Боком сможешь ли проехать,
Стороною по теченью,
Чтоб тебя рукой не трогать,
Не касаться даже пальцем,
И плечом тебя не двигать,
Не тащить тебя руками?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Мой обширный род не ходит,
Челны, братья дорогие,
Не столкнут пока их в воду,
Не погонят их на волны,
Не дотронутся руками
И не сдвинут силой с места».
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Коль столкну тебя я в воду,
Побежишь ли ты без весел,
Чтоб не двигалися весла,
Руль тебе не помогал бы,
В паруса не дули б ветры?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Мой обширный род не ходит,
И никто из нас не едет,
Коль грести не будут пальцы,
Если весла не помогут,
Если руль служить не будет,
Не подуют в парус ветры».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Побежишь ли ты при гребле,
Если весла будут двигать,
Если руль тебя погонит,
В паруса подуют ветры?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:

«Весь обширный род мой ходит,
Челны, братья дорогие,
Если руки держат весла,
Если весла помогают,
Руль подвижный направляет,
Если дуют в парус ветры».
Оставляет Вяйнямёйнен
На песках свою лошадку,
Привязал к суку за повод,
К деревцу за недоуздок
И столкнул челнок на волны,
Пеньем гонит лодку в воду,
Так у лодки вопрошает,
Говорит слова такие:
«Челн, изогнутый прекрасно,
Ты, с уключинами лодка!
Так же ль ты пойдешь прекрасно,
Как ты выглядишь, дощатый?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Я могу ходить прекрасно,
Поместить на дне могу я
Сто мужей, держащих весла,
Или тысячу сидящих».
Начал старый Вяйнямёйнен
Напевать тихонько песни:
На одном боку той лодки
Молодцы-красавцы сели;
В кулаках их много силы;
На ногах у них сапожки;
На другом боку той лодки
Сели девушки в колечках,
В оловянных украшеньях,
В поясках блестящей меди.
Пел и дальше Вяйнямёйнен;
Занял все скамьи мужами;
Там, на дне, уселись старцы,
Что всю жизнь свою сидели;
Посадил их потеснее,
Молодежь расселась раньше.
Сам он сел в конце на лодке,
У кормы, что из березы,
Свой кораблик направляет,
Говорит слова такие:

«Ты беги, мой челн, по волнам,
По пространству без деревьев,
Ты беги, как пузыречек,
Как цветочек, по теченью!»
Молодцов грести заставил,
А девиц сидеть без дела:
Молодцы гребут прилежно,
Но пути не убывает.
Он девиц грести заставил,
Молодцов сидеть без дела:
И гребут девицы сильно,
Но пути не убывает.
Стариков грести заставил,
Молодых сидеть без дела:
Старики гребут усердно,
Но пути не убывает.
Наконец, уж Ильмаринен
Сам грести туда уселся;
Побежал челнок дощатый,
И дорога убывает.
Лишь звучат удары весел,
Визг уключин раздается.
Он гребет с ужасным шумом,
И качаются скамейки,
Стонут весла из рябины,
Ручки их как куропатки,
Их лопатки как лебедки,
Носом челн звучит, как лебедь,
А кормой кричит, как ворон,
И уключины гогочут.
Сам же старый Вяйнямёйнен
Лодку с плеском направляет,
На корме на красной сидя,
У руля занявши место.
Вдруг мысочек показался,
На мысочке — деревушка.
Ахти жил на том мысочке,
Кауко жил у этой бухты.
Плачет он, что нету рыбы,
Не хватает ему хлеба,
Больно мал амбар дощатый,
Что живется плуту плохо.
Он бока устроил лодке,
Челноку он дно приделал

На голодном этом мысе,
У несчастной деревушки.
Слух у Ахти превосходный,
А глаза того получше:
Осмотрел он север, запад,
Повернул на солнце взоры,
Видит радугу далеко,
А еще подальше — тучу.
Но не радугу он видит
И не тучу дождевую:
Это лодка проезжает,
Это челн дощатый едет
На хребте прозрачном моря,
По открытому теченью;
У руля сидит отважный,
Славный муж налег на весла.
Молвит юный Лемминкяйнен:
«Этой лодки я не знаю,
Челнока такой постройки,
Что из Суоми к нам стремится,
Весла воду бьют с востока,
Руль направился на запад».
Громким голосом он кличет,
Крик его раздался всюду;
Он кричит с конца мысочка,
Через воду громко кличет:
«Это чья на море лодка,
Чей кораблик здесь на волнах?»
Молодцы сказали с лодки,
Так девицы отвечали:
«Что за муж ты в этой роще,
Что за храбрый в этой чаще,
Коль не знаешь нашей лодки,
Лодки Вяйнёлы дощатой,
И не знаешь рулевого
И гребца того на веслах?»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Рулевого-то я знаю,
И гребца я знаю тоже:
Старый, верный Вяйнямёйнен
У руля сидит и правит,
А гребец — сам Ильмаринен.
Вы куда, мужи, плывете,
Направляетесь, герои?»

Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Едем прямо мы на север,
Против сильного теченья,
По волнам, покрытым пеной:
Мы себе добудем Сампо,
Крышку пеструю захватим
В скалах Похъёлы туманной,
В недрах медного утеса».
И промолвил Лемминкяйнен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Ты меня возьми как мужа
И как третьего героя,
Ибо ты идешь взять Сампо,
Крышку пеструю похитить!
Окажусь еще я мужем,
Если драться будет нужно:
Дам рукам я приказанье,
Поучу еще я плечи».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Взял с собой в дорогу мужа,
Молодца с собою в лодку.
Вот веселый Лемминкяйнен
Входит в лодку торопливо,
Поспешает легким шагом
И несет бруски с собою
Вяйнямёйнену для лодки.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Есть уж дерево на лодке,
Есть в челне моем брусочки,
Все устроено, как надо.
Ты зачем принес брусочки,
Бревна нам сюда на лодку?»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Не чрез помощь тонет лодка,
Тонет не чрез осторожность,
В море Похъёлы нередко
Бури сносят брусья лодок,
Ветры доски отрывают».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Для того в военной лодке
Выгиб сделан из железа
И обит он сверху сталью,
Чтобы ветры не вредили,
Бури лодку не разбили».

РУНА СОРОКОВАЯ

Охотники за Сампо приплывают к водопаду, и под водопадом лодка наскакивает на большую щуку (1—94).— Щуку убивают, втаскивают в лодку, варят и съедают (95—204).— Вяйнямёйнен делает из челюстей щуки кантеле, на котором многие пробуют играть, но ни у кого не хватает уменья (205—342)

Старый, верный Вяйнямёйнен
Направляет лодку дальше,
От конца большого мыса,
От несчастной деревушки.
По волнам он правит с пеньем,
Полный радости, по морю.
Смотрят с берега девицы,
Смотрят, слушают и молвят:
«Что за клики там на море,
Что за песни над волнами?
Эти клики лучше прежних,
Пенье лучше, чем бывало!»
Направляет Вяйнямёйнен
В первый день по речке лодку,
Во второй же по болотам,
В третий правит по порогам.
Вспоминает Лемминкяйнен,
Как он прежде слушал речи
Возле огненных потоков,
У святой речной пучины.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, порог, не пенься бурно,
Ты, вода, не колыхайся!
Дева рек, девица пены,
Сядь на камнях средь пучины,
На скале среди шипенья;
Захвати ты волны в руки,
Ты сожми прибой руками,
В кулаках сожми ты пену,
Не пускай на грудь нам брызги
И на головы шипенье!
Ты, старуха, в глуби моря,
Ты, что в пене обитаешь!
Ты всплыви наверх, на волны,

Поднимись над пеной грудью,
Ты свяжи покрепче пену,
Стереги получше волны,
Чтобы тот от них не сгинул,
Кто безгрешен и невинен!
Вы, среди реки каменья,
Опененные утесы!
Вы чело нагните ваше,
Головы склоните ниже
На дороге лодки красной,
На пути ладьи смоленой!
Если этого все мало —
Киви-Киммо, ты, сын Каммо!
Буравом ты щель проделай,
Пробуравь дыру побольше
Сквозь утес среди потока,
Сквозь подводный злобный камень,
Чтобы лодка не застряла,
Пробежала невредимо!
Если этого все мало,
Ты, хозяин вод текущих!
Обрати ты в мох каменья,
А челнок в дыханье щуки,
Как пройдет он через волны,
Через горы водяные!
О ты, дева водопада,
Что в реке живешь, девица!
Ты скрути помягче нитку,
Нить скрути-ка из тумана,
Протяни сквозь воду нитку,
Сквозь потоки голубую,
Чтоб по ней мой челн стремился,
Осмоленным дном проехал,
Чтоб неопытные даже
Здесь по ней нашли дорогу!
Мелатар, жена благая,
Руль возьми свой благосклонно,
Чем ты лодку направляешь
В зачарованных потоках
Мимо злобного жилища,
Мимо окон чародеев!
Если этого все мало,
О ты, Укко, бог верховный!
Проведи мечом ты лодку,

Ты направь клинком блестящим,
Чтоб бежал челнок дощатый,
Чтоб спешил челнок сосновый!»
    Старый, верный Вяйнямёйнен
Правит дальше через волны,
Меж подводными скалами,
Через пену с диким ревом.
Там челнок не зацепился,
Лодка мудрого не стала.
    Но когда она уж вышла
На открытое теченье,
Вдруг свой бег остановила;
Быстрый челн вперед не мчится,
На одном застрял он месте,
Он подвинуться не может.
    Сам кователь Ильмаринен,
С ним веселый Лемминкяйнен
Весла в море упирают,
Жердь еловую в теченье,
Напрягают все усилья,
Чтобы дать свободу лодке.
Лодка сдвинуться не может,
Челн не стронулся дощатый.
    Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Ты, веселый Лемминкяйнен,
Посмотри туда, нагнися:
Что такое держит лодку,
Что наш челн остановило
В распростершихся потоках,
В успокоившихся глубях?
Что там: пень какой, иль камень,
Иль другая там преграда?»

    Сам веселый Лемминкяйнен
Посмотреть туда нагнулся,
Смотрит вниз под лодку быстро,
Говорит слова такие:
«Не на пне сидит челнок наш,
Не на пне и не на камне:
На плече сидит он щуки,
На бедре морской собаки».
    Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:

«Все в воде возможно встретить:
Есть там пни, и есть там щуки.
На спине сидим у щуки,
На бедре морской собаки;
По воде мечом ударь ты
И разрежь на части рыбу».
Тут веселый Лемминкяйнен,
Молодец здоровый, ловкий,
Из-за пояса меч вынул,
Острый меч, что кости рубит,
По воде мечом ударил,
Да свалился с края лодки,
С борта в воду повалился
И упал руками в море.
Ильмаринен быстро тащит
Тотчас за волосы мужа,
Из потоков его поднял,
Говорит слова такие:
«Все повыросли мужами,
Бородатыми все стали.
И таких, пожалуй, сотня,
Даже тысяча найдется!»
Взял кователь с подпояски,
Меч свой выхватил из ножен,
Чтоб покончить с хищной рыбой;
Ударяет вниз под лодку;
Но клинок в куски разбился,
Щука же того не чует.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вы в полмужа не годитесь,
В вас героя нет и трети!
Если надобность есть в муже,
Если разум мужа нужен,
Тут ума и не хватает,
Исчезает ваш рассудок».
Сам клинок свой вынимает,
Вынул острое железо:
Он клинок вонзает в волны,
С края лодки вглубь вонзает,
В спину той огромной щуки,
В ребра той морской собаки.
Меч, однако, там остался
И застрял у рыбы в теле.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Рыбу вытащил наружу,
Из воды он щуку поднял,
Та на части развалилась:
Рыбий хвост на дно свалился.
Голова свалилась в лодку.
Снова мог челнок проехать,
Лодка стронулася с места.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Повернул челнок к утесу,
Лодку к берегу он гонит.
Повернулся он и видит
Щучью голову в обломках.
Говорит слова такие:
«Кто из юношей постарше?
Распластал бы мне он щуку,
Разделил на части рыбу,
Щучью голову разрезал!»
Отвечали с лодки мужи,
С борта женщины сказали:
«У ловца прекрасней руки
И его святее пальцы».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Ножик свой из ножен вынул,
Сталь холодную взял сбоку,
Чтоб разрезать эту щуку,
Распластать на части рыбу,
Сам сказал слова такие:
«Кто из дев здесь всех моложе?
Пусть мне сварит эту щуку,
Приготовит мне на завтрак,
Приготовит на обед мне».
И взялись варить девицы,
Десять дев на спор взялися,
И сварили эту щуку,
Приготовили на завтрак.
На скале остались кости,
Рыбьи кости на утесе.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Посмотрел на эти кости;
Он со всех сторон их смотрит,
Говорит слова такие:
«Что б могло отсюда выйти,
Из зубов огромной щуки

И из челюстей широких,
Если бросить их в горнило,
Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу?»
И промолвил Ильмаринен:
«Ничего из бесполезных
Рыбьих косточек не выйдет,
Если бросить их в горнило,
Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Из костей, однако, может
Выйти кантеле, пожалуй,
Веселящая услада,
Звонкий короб многострунный».
Где же мастер, чтобы сделать
Веселящую усладу,
Звонкий короб многострунный?
Начал старый Вяйнямёйнен
Сам скреплять те рыбьи кости,
Сам он мастером явился,
Кантеле он сам устроил,
Вещь на вечную усладу.
Короб кантеле откуда?
Он из челюсти той щуки.
Гвозди кантеле откуда?
Из зубов огромной рыбы.
Струны кантеле откуда?
Из волос коня у Хийси.
Создан короб многострунный,
Кантеле давно готово,
Короб тот из щучьей кости,
Кантеле из рыбьих перьев.
Собралися холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
С ними девочки-малютки,
И старухи и девицы,
Также с ними молодицы,
Чтобы кантеле увидеть,
Чтоб игру на нем послушать.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Дал и юным, дал и старым,

Людям средних лет дозволил,
Чтобы пальцами играли
На том кантеле из щуки,
Коробе из рыбьей кости.
Старики и молодые,
Люди средних лет играли:
У младых ломались пальцы,
Старых головы тряслися,
Но веселье не вскипало
И игра не разгоралась.
И промолвил Лемминкяйнен:
«Полоумные вы дети,
Тупоумные девчонки,
Вы — народ совсем негодный!
Вы играть ведь неспособны,
Извлекать искусно звуки;
Мне вы короб этот дайте,
Мне вы кантеле несите,
Мне поставьте на колени,
Под мои под десять пальцев».
Вот веселый Лемминкяйнен
Держит кантеле руками,
Ставит короб пред собою
И кладет на струны пальцы.
Вот он кантеле потрогал,
Так и сяк переставляет,
Не звучат, однако, струны,
Не дают они услады.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ни средь тех, кто помоложе,
Средь растущего народа,
Ни средь старцев не найдется,
Кто на кантеле сумел бы
Заиграть и дать усладу.
Может, в Похъёле найдется,
Кто на кантеле сыграет,
Извлечет из струн отраду,
Коль их в Похъёлу пошлю я?»
В Похъёлу послал он короб,
Кантеле туда направил.
Там и юноши играли,
Там и девушки играли,
И замужние играли,
И женатые мужчины;

Даже старая хозяйка
Поворачивала короб,
Крепко пальцами хватала,
Ноготками струн касалась.
В Похъёле все поиграли,
Люди возрастов различных:
Там веселье не вскипало,
Не была игра приятна.
Струны все перекосились,
Жалко волосы стонали,
Звуки грубо рокотали,
Дурно кантеле звучало.
Спал слепой, в углу свернувшись,
Там лежал на печке старый.
Вот на печке он проснулся,
Пробудился на лежанке,
Забурчал, на печке сидя,
Заворчал, в углу приткнувшись:
«Перестаньте вы играть там,
Прекратите шум несносный!
Вы мне голову разбили,
Мне в ушах продули щели
И сквозь волосы прорвались,
Сон мой надолго отбили!
Коль игра столь многих финнов
Не приносит нам отрады,
Не дает дремоты сладкой,
Сна приятно не наводит,
Кантеле вы бросьте в воду,
В глубину морей забросьте
Иль назад его снесите,
Положите эти струны
На создавшие их руки,
Их создателю на пальцы!»
Тотчас струны отвечали,
Кантеле в ответ сказало:
«Не хочу идти я в воду,
Погрузиться в глубь морскую;
Пусть на мне играет мастер
Сам своей рукой искусной».
Отнесли тихонько струны,
Осторожно положили
На создавшие их руки,
Мастеру их на колени.

РУНА СОРОК ПЕРВАЯ

Вяйнямёйнен играет на кантеле, и все, живущее в воздухе, на земле и в море, сбирается послушать его игру (1—168).— Игра за душу хватает слушающих — слезы выступают у них на глазах; из глаз самого Вяйнямёйнена падают на землю крупные слезы и, скатываясь в воду, превращаются в чудесные голубые жемчужины (169—266)

Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
Свои пальцы разминает,
Два больших смочил слюною,
На скалу отрады вышел;
Сел на камень песнопенья,
На серебряном пригорке,
На холмочке золотистом.
Кантеле берет он в руки,
Ставит выгиб на колени,
Держит кантеле руками,
Говорит слова такие:
«Приходи сюда послушать,
Кто еще не слышал раньше
Этих вечных рун усладу
Вместе с кантеле напевом!»
Под рукою старца Вяйнё
Издает искусно звуки
Этот короб многострунный,
Кантеле из рыбьей кости.
Плавно вскидывал он пальцы,
Высоко большой он поднял.
Шло веселье за весельем,
Радость с радостью сливалась;
Это было впрямь игрою,
Песня с песнею сплеталась,
Напевали рыбьи кости,
Тон давали щучьи зубы;
Струны толстые — звук сильный,
Конский волос — звук высокий.
Вот играет Вяйнямёйнен —
И в лесу не стало зверя
Изо всех четвероногих,
Кто скакать и бегать может,

Чтоб не шли туда послушать
И, ликуя, восторгаться.
Белка весело цеплялась,
С ветки прыгала на ветку;
Подбежали горностаи
И на изгороди сели;
Лось запрыгал на поляне,
Даже радовались рыси,
Волк проснулся на болоте,—
На песчанике поднялся
Сам медведь в сосновых чащах,
Средь густых зеленых елей.
Волк бежит широким полем,
По песку медведь несется
И садится у забора,
У калитки он уселся:
Повалил забор на камни,
На песок свалил калитку,
На сосну тогда влезает,
Он вскарабкался на елку,
Чтобы ту игру послушать
И, ликуя, восторгаться.
Бодрый Тапиолы старец,
Тот, кто в Метсоле хозяин,
С ним и Тапио народец,
Все, и девушки и парни,
Влезли на гору повыше,
Чтобы ту игру послушать.
И сама хозяйка леса,
Эта бодрая старуха,
Вышла в синеньких чулочках,
Подвязав их красным бантом,
На нарост березы села,
На изгиб ольхи зеленой,
Чтобы кантеле послушать,
Чтоб услышать эти звуки.
Все воздушные летуньи,
Все с двумя крылами птицы
Запорхали, прилетели,
Прилетели и уселись
Слушать радостные звуки
И, ликуя, восторгаться.
Вот орел услышал дома
Суоми дивную усладу;

Он птенцов в гнезде оставил,
Сам, собравшись, улетает,
Чтоб игру героя слушать,
Вяйнямёйнена напевы.
   С высоты орел спустился,
Из-за туч спустился ястреб,
Из потоков вышли утки,
Снялись лебеди с болота,
Даже зяблики-малютки,
Что так весело щебечут,
Сотни чижичков слетелись,
С ними жаворонки вместе
Тысячей вверху шумели,
На плечах возились старца.
Так играл отец почтенный,
Восхищал всех Вяйнямёйнен.
   Даже дочери творенья,
Девы воздуха явились
И, ликуя, восторгались,
Слыша кантеле звучанье;
И одна в небесном своде
Там на радуге уселась,
А на облаке другая,
На краю сияя красном.
   Дочь Луны, красотка-дева,
И прекрасная дочь Солнца
Берда, что в руках держали,
Ниченицы поднимали,
Золотую ткань тут ткали,
Ткать серебряную стали,
На краю румяной тучки,
На краю большого свода.
   Но как только услыхали
Звуки песни многострунной,
Берда выпали из ручек,
Ускользнул челнок из пальцев,
Нить из золота порвалась,
Нить серебряная тоже.
   И в воде не оставалось
Никого, кто шесть имеет
Плавников на теле рыбьем,
Не осталось рыбьей стаи,
Чтоб не шла туда послушать
И, ликуя, восторгаться.

Собрались, приплывши, щуки,
Псы нескладные морские;
Собрались от рифов семги,
Из глубин сиги приплыли,
Выплыл окунь красноглазый,
Корюшки приплыли стаей,
Вместе все в камыш уткнулись,
Стали в ряд, чтобы послушать
Вяйнямёйнена напевы
И игрою восторгаться.
Ахто, этот царь потоков,
С бородой из трав зеленых,
Выплыл тоже на поверхность,
На цветке морском он выплыл.
Слышит дивной песни звуки,
Говорит слова такие:
«Не слыхал ни разу в жизни
Ничего, что б так звучало,
Как играет Вяйнямёйнен,
Как поет певец чудесный».
Дочки-уточки у моря,
Тростниковые сестрицы,
На морском прибрежье сидя,
Волосы свои чесали,
Локоны свои ровняли
Гребнем, золотом богатым,
Серебром обитой щеткой.
Услыхали эти звуки:
Соскользнула щетка в воду,
Быстро в волны опустилась;
Так волос не расчесали,
Разве только вполовину.
Наконец, воды хозяйка,
Вся покрытая травою,
Поднялась из глуби моря,
Выплыла она из зыби:
Проползла в тростник прибрежный
И на риф облокотилась,
Чтоб послушать эти звуки,
Вяйнямёйнена напевы.
Звуки дивно раздавались,
И игра была чудесна,
Задремала вод хозяйка,
Вниз лицом она заснула

На спине скалы высокой,
На краю большого камня.
   Старый, верный Вяйнямёйнен
День играет и другой день.
Не осталось там героя,
Ни единого из храбрых,
Не осталось там ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто б от той игры не плакал,
Чье не тронулось бы сердце.
Плачут юноши и старцы,
Плачут люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачут также и девицы,
Плачут девочки-малютки,—
Так чудесны эти звуки,
Так играет дивно старец.
   Плачет старый Вяйнямёйнен,
Слезы катятся обильно,
Из очей сбегают капли,
Вниз жемчужные стекают;
Покрупней они брусники
И горошины потолще,
Покрупней яйца пеструшки,
Головы касатки больше.
   Из очей водица каплет,
Сильно каплями сбегает
И на челюсти стремится,
По щекам стекает книзу,
А со щек бежит прекрасных
На широкий подбородок,
С подбородка же струится
По груди высокой старца,
А с груди высокой старца
На крепчайшие колени,
А с колен крепчайших этих
На подъем ноги высокой,
А с ноги высокой старца
Уж на землю под ногами;
Через пять струится курток,
Шесть златистых подпоясок,
Через семь кафтанов синих,
Через восемь верхних платьев.

Так роняет Вяйнямёйнен
Водяные капли, старый,
На морское побережье,
А с морского побережья
В глубину воды блестящей,
На чернеющую тину.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Не найдется ль кто из юных,
Из цветущей молодежи,
В этом племени обширном
Из сынов его отважных,
Кто б собрал мне эти слезы
Из глубоких вод блестящих?»
Отвечали молодые,
И в ответ сказали старцы:
«Не найдется тут меж юных,
Средь цветущей молодежи,
В этом племени обширном
Из сынов его отважных,
Кто б собрал тебе те слезы
Из глубоких вод блестящих».
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Кто мои добудет слезы,
Водяные вынет капли
Из глубоких вод блестящих,
Дам тому из перьев шубу».
Подошел, закаркав, ворон.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Принеси мне, ворон, слезы
Из глубоких вод блестящих!
Дам тебе из перьев шубу».
Не достал те слезы ворон.
Утка синяя то слышит,
Утка синяя подходит.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Утка синяя, ты часто
В глубину ныряешь с клювом,
Любишь свежую водицу:
Собери пойди мне слезы
Из глубоких вод блестящих!
Будет славная награда:
Дам тебе из перьев шубу».

Собирать уходит утка
Эти слезы старца Вяйнё
Из глубоких вод блестящих.
Там на черном, темном иле
Собрала по морю слезы,
Принесла их в руки Вяйнё.
Слезы вид другой имели
И чудесно изменились:
Заблестели жемчугами,
Голубым сверкали блеском,—
Королевскою украсой
И могучего утехой.

РУНА СОРОК ВТОРАЯ

Герои прибывают в Похъёлу, и Вяйнямёйнен говорит, что они приехали поделить Сампо; если они не получат половины, то возьмут насильно все (1—58).— Хозяйка Похъёлы не соглашается отдать Сампо и поднимает против них всех жителей Похъёлы (59—64).— Вяйнямёйнен берет кантеле, начинает играть и погружает своей игрой в сон всех в Похъёле; затем вместе с товарищами он разыскивает Сампо, достает его из каменной горы и кладет в лодку (65—164).— Взяв Сампо в лодку, они отплывают из Похъёлы и счастливо плывут домой (165—308).— На третий день хозяйка Похъёлы пробуждается и, увидев, что Сампо похищено, насылает густой туман, большой ветер и прочие препятствия, чтобы задержать похитителей Сампо, пока она сама их не догонит; во время бури Вяйнямёйнен теряет в море свое новое кантеле (309—562)

Старый, верный Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен,
Третьим с ними Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
По морю спокойно едут,
По равнине вод открытых,
В ту холодную деревню,
В сумрачную Сариолу,
Где героев топят в море
И мужей уничтожают.
Кто ж гребет у них на лодке?
Первый был там Ильмаринен,
Он гребет на этой лодке,
Он гребет веслом передним,

А второй был Лемминкяйнен,
Он гребет веслом последним.
Старый, верный Вяйнямёйнен
На корме к рулю садится,
Направляет челн по морю,
Направляет чрез потоки,
Через пенистые волны,
По теченью с бурной пеной,
К пристани той Сариолы,
К тем знакомым перекатам.
Вот туда они подходят,
Путь окончивши далекий,
И челнок на сушу тащат,
Уставляют челн смоленый
На катках, обитых сталью,
На катках, богатых медью.
Челн поставив, входят в избу,
Быстро внутрь избы проходят.
И хозяйка Сариолы
Расспросила у прибывших:
«Что, мужи, пришли поведать,
Что расскажете, герои?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Дал в ответ слова такие:
«Речь героев здесь о Сампо,
Речь мужей о пестрой крышке.
Поделить пришли мы Сампо,
Крышку пеструю увидеть».
Но тут Похъёлы хозяйка
Говорит слова такие:
«Меж тремя не делят белку
И не делят куропатку.
Хорошо вертеться Сампо
И шуметь здесь пестрой крышке
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса.
Хорошо мне быть владыкой,
Обладательницей Сампо».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Если ты делить не хочешь,
Чтоб мы взяли половину,
Все тогда возьмем мы Сампо,
Унесем насильно в лодку».

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Очень сильно обозлилась,
Похъёлы народ сзывает,
Молодых людей с мечами,
Всех героев с их оружьем
Вяйнямёйнену на гибель.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Тотчас к кантеле подходит
И на нем играть садится.
Начал он играть прекрасно:
Все заслушалися люди,
Удивлялись чудным звукам,
Все мужи развеселились,
На устах у жен улыбка,
Влажны очи у героев,
На коленях все ребята.
Весь народ ослабил старец:
Все, уставши, повалились,
И, кто слушал, тихо дремлет,
Кто дивился, засыпает,
Детям, старцам — сон навеян
Вяйнямёйнена игрою.
Тотчас мудрый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
В свой карман полез поспешно,
Ищет в кожаном мешочке,
Вынул стрелы сна оттуда:
На глаза навел дремоту,
Крепко запер всем ресницы,
На замок он запер веки
Утомленному народу,
Погруженным в сон героям.
Крепкий сон на них навел он,
Чтоб они проспали долго,
Похъёлы все населенье,
Весь народ со всей деревни.
Он пошел тогда за Сампо,
Крышку пеструю увидеть
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса,
Где замков висело девять,
Десять где засовов было.
Начал старый Вяйнямёйнен
Тихим голосом напевы

Возле медного утеса,
Перед крепостью скалистой,
Покачнулись там ворота,
И крюки их затрещали.
Сам помазал Ильмаринен,
Мажут вместе с ним другие
Жиром те замки у входа,
Салом те крюки дверные,
Чтобы дверь не заскрипела,
Чтоб крюки не завизжали.
Повернул замок он пальцем,
Поднял он засов рукою,
Без труда замки он отпер
И легко открыл ворота.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«О веселый Лемминкяйнен,
Всех друзей моих ты выше!
Захвати пойди ты Сампо,
Крышку пеструю в утесе!»
И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без поощренья,
Устремился взять там Сампо,
Крышку пеструю в утесе,
И, идя туда, промолвил,
На ходу он похвалился:
«Говорит во мне мужчина,
Богатырь, что создан Укко;
Я собью в утесе Сампо,
Крышку пеструю сверну я
Только правою ногою,
Только пяткою я двину!»
Вот сбивает Лемминкяйнен,
Он сбивает, ударяет,
Ухватил руками Сампо
И упер колено в землю,—
Но не сдвинулося Сампо,
Крышка пестрая не сбилась.
Сампо корни запустило
В глубину на девять сажен.
В Похъёле бычище вырос.
Был он рослый и могучий,

С очень крепкими боками
И с хорошим сухожильем;
Каждый рог его был в сажень,
В полторы сажени морда.
  Взял быка с полей зеленых,
Взял он плуг с окраины поля,
Корни выпахал у Сампо,
Корешки у пестрой крышки,
И подвинулося Сампо,
Крышка пестрая качнулась.
  Взял тут старый Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен,
Третьим с ними Лемминкяйнен,
Взяли так большое Сампо
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса,
Отнесли его на лодку,
В корабле его укрыли.
  Наконец-то Сампо в лодке,
В лодке пестрая та крышка.
Челн мужи толкают в море,
На теченье — стодощатый.
С шумом в воду челн спустился
На течение боками.
  И спросил тут Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Но куда свезем мы Сампо
И куда его мы денем,
Чтоб его подальше спрятать,
Скрыть от злобной Сариолы?»
  Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вот куда свезем мы Сампо,
Крышку пеструю упрячем:
На туманный мыс далекий,
На покрытый мглою остров,
Чтоб всегда там счастье было,
Чтоб оно там вечно жило.
Там ведь есть еще местечко,
Там клочок земли остался
Невредимый и спокойный
И мечом не посещенный».
  Едет старый Вяйнямёйнен
Тут из Похъёлы суровой,

Едет он с покойным сердцем,
Едет к родине веселый,
Говорит слова такие:
«Отвернись от Сариолы,
Повернись ты, челн, к отчизне,
А к чужбине стань спиною!
Ветер, ты качай кораблик;
Ты, вода, гони мне лодку,
Окажи ты веслам помощь,
Легкость дай лопаткам весел
На равнинах вод широких,
По открытому теченью!
Коль малы у лодки весла,
Коль гребцы здесь малосильны,
Невелик на лодке кормчий,
Если дети правят лодкой —
Дай твои нам весла, Ахто,
Ты, хозяин, дай и лодку,
Весла новые получше,
Дай и руль, вполне пригодный!
Сам тогда садись у весел,
Сам иди, чтоб двинуть лодку;
Пусть челнок бежит скорее,
Пусть уключины гогочут
Средь прибоя волн шумящих,
Средь воды, покрытой пеной!»
Гонит старый Вяйнямёйнен
Свой челнок прекрасный дальше.
Сам кователь Ильмаринен
И веселый Лемминкяйнен
Там гребут на этой лодке,
Там гребут и поспешают
По волнам прозрачным, чистым,
По равнинам вод открытых.
И промолвил Лемминкяйнен:
«Сколько я ни греб, бывало,—
Заняты гребцы водою,
А певцы искусным пеньем.
А сегодня я не слышу
Ничего у нас такого:
Нету песен в нашей лодке,
Нету пения на волнах».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:

«Петь не следует на море,
Начинать в потоках пенье:
Пенье лишь приносит леность,
Песни лишь мешают гребле.
Свет златого дня исчезнет,
Темнота нас здесь застанет
На равнинах вод широких,
На открытом их теченье».
Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Все равно уходит время,
Исчезает день прекрасный,
Ночь торопится на море,
Набегает ночи сумрак,
Хоть бы ты не пел и вовсе,
Хоть всю жизнь не распевал бы».
Едет старый Вяйнямёйнен
По волнам на синем море,
Правит день, другой день правит,
Наконец, уже на третий,
Встал веселый Лемминкяйнен,
Говорит слова такие:
«Отчего же, Вяйнямёйнен,
Лучший муж, ты петь не хочешь,
Ты же завладел ведь Сампо
И уже домой стремишься?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Так разумно отвечает:
«Слишком рано петь нам песни,
Торжеству еще не время;
Лишь тогда запеть пристойно,
Торжеству тогда лишь время,
Как свои увидишь двери,
Заскрипит своя калитка».
Молвил юный Лемминкяйнен:
«Если бы сидел я кормчим,
Изо всех я сил запел бы,
Всею глоткой зашумел бы,
Даже вовсе не умея,
Напевая очень дурно.
Ты начать не хочешь пенье,
Сам я к пенью приготовлюсь».
Тут веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,

Рот сложил, как было надо,
И налаживает звуки;
Начинает сам он пенье,
Жалкий шум он поднимает:
Пел он голосом осипшим,
Напевал он горлом грубым.
Так веселый Лемминкяйнен
Расшумелся, Каукомъели.
Борода и рот трясутся,
Подбородок закачался,
Далеко несется пенье,
По волнам оно несется,
До шестой дошло деревни,
За семью морями слышно.
На пеньке журавль уселся,
На сыром холме зеленом;
В пальцах он считает кости,
Поднимает кверху ноги;
Он ужасно испугался
Лемминкяйнена напева.
Поднял крик журавль, услышав,
Испугался, страшно крикнул,
Полетел тотчас оттуда,
В Похъёлу он быстро мчится.
Прилетев туда, на север,
На болоте он остался,
Крикнул голосом противным,
Что есть силы закричал он:
Похъёлы народ он поднял,
Пробудил людей негодных.
Встала Похъёлы хозяйка,
От дремоты пробудилась,
В хлев пошла стада проведать
И к овину побежала,
Осмотрела в хлеве стадо,
Перечла зерно в амбаре:
Не потеряны коровы,
И зерна не уменьшилось.
Тут к скале она подходит,
К двери медного утеса,
И, придя туда, сказала:
«Горе, горе мне, несчастной!
Здесь была рука чужая,
Все поломаны замочки,

И открыта дверь твердыни,
Все крюки совсем разбиты:
Неужель исчезло Сампо
И похищено насильем?»
Уж похищено то Сампо,
Крышка пестрая исчезла
Там, из глыбы Сариолы,
Там, из медного утеса,
Где замков висело девять,
Десять где засовов было.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Вся от злобы распалилась,
Видит: власть ее слабеет,
Пропадает также слава.
Удутар она так просит:
«Дева мглы, тумана дочка!
Ты просей туман сквозь сито,
Ниспошли ты мглу густую,
С неба дай сгущенный воздух,
Ты пусти пары густые
На хребет морей блестящих,
По открытому простору,
Чтоб засел там Вяйнямёйнен,
Чтоб застрял Увантолайнен!
Если ж этого все мало,
Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Подними главу из моря,
Подними из волн макушку,
Калевы мужей низвергни,
Утопи друзей потоков,
Пусть те злобные герои
В глубине валов погибнут;
В Похъёлу верни ты Сампо,
Захватив его с той лодки!
Если ж этого все мало —
Ой ты, Укко, бог верховный,
Золотой мой царь воздушный,
Мой серебряный владыка!
Сделай бурю, непогоду,
Силу воздуха ты вышли,
Подними волненье, ветер
Против этой лодки в море,
Чтоб засел там Вяйнямёйнен,
Чтоб застрял Увантолайнен!»

Надышала дочь тумана,
Нагустила мглу на волны,
Плотно воздух мглой застлала,
Чтобы старый Вяйнямёйнен
Простоял подряд три ночи
Посреди морей широких,
Никуда не мог бы выйти,
Никуда не мог отъехать.
Простояв подряд три ночи
Посреди морских потоков,
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Даже муж совсем негодный,
Из героев самый слабый,
Не потонет средь тумана,
Не погибнет в испареньях».
Он клинком прорезал воду,
Он мечом ударил море:
Мед с клинка его струится,
Сладкий мед с меча сбегает,
Испаренья всходят к небу,
Поднимаются туманы;
Скоро воды стали чисты,
Прояснились все потоки,
Приоткрылись дальше воды,
И кругом все стало видно.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье,
Шум послышался ужасный
На волнах, у красной лодки;
Пена так и брызжет кверху,
Вяйнямёйнену на лодку.
Тут ковatель Ильмаринен
Очень сильно испугался,
Кровь со щек внезапно спáла,
Вниз с лица его сбежала,
С головою он накрылся
И с обоими ушами,
Закрывает обе щеки,
А еще плотнее очи.
Тотчас старый Вяйнямёйнен
Посмотрел на море с лодки,
Бросил в сторону он взоры,
Видит маленькое чудо:

Ику-Турсо, тот сын Старца,
Поднялся у бока лодки
Головой своей из моря,
Из воды своей макушкой.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Турсо за уши хватает,
Поднял за уши повыше
И спросил его сурово,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся
Пред очами человека,
Пред сынами Калевалы?»
Ику-Турсо, тот сын Старца,
Не обрадовался очень
И не очень испугался,
Но ответа так и не дал.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Во второй раз вопрошает,
В третий раз он молвит строго:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся?»
Ику-Турсо, тот сын Старца,
Отвечал при третьем разе,
Дал в ответ слова такие:
«Я затем из моря вышел,
Я затем из вод поднялся,
Что намеренье имел я
Калевы весь род прикончить,
Отнести на север Сампо.
Коль меня отпустишь в воду,
Жизнь мне жалкую оставишь,
Не явлюсь уже в другой раз
Пред очами человека».
Тотчас старый Вяйнямёйнен
Отпустил его обратно,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Выходить не смей из моря,
Никогда не поднимайся
Пред очами человека,
От сегодня и до века».

Никогда теперь не смеет
Выходить из моря Турсо
Пред очами человека,
Никогда, пока нам месяц,
Солнце, свет дневной и воздух
Радость светлую даруют.
Правит старый Вяйнямёйнен
Лодкой по морю все дальше.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Посылает Укко с неба,
Сам он, воздуха властитель,
Сильный ветер им навстречу
И бушующие бури.
Ветры сильные подули,
Бури страшно загудели,
Ветер с запада бушует,
С юго-запада пронзает,
Напирает он с восхода,
Воет с северо-восхода,
Воет с северо-заката,
Страшно с севера ревет он.
Он сорвал с деревьев листья,
Оторвал у сосен иглы,
Оборвал с лугов цветочки,
Оборвал у злаков стебли
И погнал пески земные
На просторы вод блестящих.
Сильно дули эти ветры,
Захлестали лодку волны,
Унесли тот короб щучий,
Это кантеле из кости,
На веселье всем у Ахто,
Всем у Велламо живущим.
Ахто ловит короб в волнах,
Дети Ахто — на потоках,
Взяли кантеле с собою —
Унесли с собою в воду.
Плачет старый Вяйнямёйнен.
На глазах у старца слезы,
Сам слова такие молвит:
«Вот исчезло, что я создал,
Сгибла вся души отрада,
Утонула радость старца!

Никогда теперь уж больше,
Никогда, пока живу я,
Не придет из зуба щуки,
Из костей моя утеха».
Сам кователь Ильмаринен
Очень сильно испугался,
Говорит слова такие:
«Горе мне, что я поехал,
Что я вышел в это море,
На открытое теченье,
На колеблющихся бревнах,
На ветвях, дрожащих сильно!
Волосы мои знавали
Ветры и большие бури;
Борода моя видала
Злые дни в пространствах водных;
Но видал я редко бурю,
Чтоб была подобна этой:
Страшны бурные потоки,
Эти пенистые волны.
Хоть бы ветер тут помог мне,
Пощадили волны моря».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут высказывает мненье:
«В лодке плакать не годится,
Горевать в челне не должно:
Плач в несчастье не поможет
И печаль в годину бедствий!»
И потом промолвил слово,
Говорит такие речи:
«Удержи сынов ты, море,
Чад своих, волна морская,
Вниз спусти ты, Ахто, волны,
Велламо, народ свой сбрось ты,
Чтоб он мой челнок не трогал
И не брызгал в ребра лодки.
Поднимись на небо, ветер,
Уходи туда на тучи,
В те места, где ты родился,
Где живут твои родные!
Не вали дощатой лодки,
Не крути мой челн сосновый —
Ты вали в лесу деревья,
Нагибай на высях ели!»

Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели
Говорит слова такие:
«Прилетай, орел турьянец,
Принеси мне тройку перьев,
Принеси мне пару, ворон,
Для защиты лодки малой,
Для боков ее негодных!»
На края бруски набил он,
Боковые делал доски,
Новые бока он делал,
Вышиной их сделал в сажень,
Чтоб чрез них большие волны
Не могли прорваться в лодку.
Хорошо челнок устроен,
Хорошо подправлен сбоку,
Чтоб его качать мог ветер,
Чтоб могли бросать и волны,
Если он средь пены моря
По волнам пойдет высоким.

РУНА СОРОК ТРЕТЬЯ

Хозяйка Похъёлы снаряжает военный корабль и отправляется за похитителями Сампо (1—22).— Когда она их настигает, на море между Похъёлой и Калевалой завязывается бой, в котором побеждает Калевала (23—258).— Однако хозяйке Похъёлы удается выхватить Сампо из лодки, оно падает в море, где разбивается на куски (259—266).— Большие куски тонут в море, но мелкие куски волны выбрасывают на берег, к великой радости Вяйнямёйнена, видящего в них основу будущего благоденствия (267—304).— Хозяйка Похъёлы угрожает уничтожить все счастье Калевалы, но угроз ее Вяйнямёйнен не боится (305—368).— Огорченная потерей своей власти, возвращается хозяйка Похъёлы домой, захватив с собою от всего Сампо только пустую крышку (369—384).— Вяйнямёйнен старательно собирает с берега обломки Сампо, сращивает их и желает своей стране вечного счастья (385—434)

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Северный народ сзывает,
Раздает тугие луки,
Собирает меченосцев,
Снаряжает челн военный,
Похъёлы корабль готовит.

На корабль мужей сажает,
Снаряжает их на битву,
Как птенцов выводит утка
И ведет детей в порядке:
Сели сотни меченосцев,
Тысяча державших луки.
Утверждает мачту в лодке,
Ставит парусные стеньги;
Парус к мачте прикрепляет,
Полотно на эти стеньги
Точно облако спустилось
Иль нависла туча в небе,—
Собралась оттуда ехать
И поспешно уезжает
Отбивать обратно Сампо,
Взять его из лодки Вяйнё.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Правит лодкой в синем море,
Говорит слова такие,
На корме поднявшись, молвит:
«О ты, сын веселый Лемпи,
Ты друзей моих всех лучше!
Ты взойди наверх, на мачту,
Влезь на парусные стеньги!
Посмотри вперед на воздух,
Посмотри назад на небо,—
Ясны ль воздуха границы,
Все ли ясны иль туманны!»
Влез веселый Лемминкяйнен,
Молодец здоровый, ловкий,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без поощренья.
Влез на верх высокой мачты,
Влез на парусные стеньги.
На восток, на запад смотрит,
Он на юг глядит, на север,
И на Похъёлу глядит он.
Говорит слова такие:
«Впереди нас воздух ясен,
Но за нами небо мутно;
Мчится с севера к нам тучка,
Облачко идет с заката».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ты сказал несправедливо!

Это вовсе там не тучка
И не облако несется:
Это — лодка с парусами.
Посмотри-ка ты получше».
Смотрит пристально второй раз,
Говорит слова такие:
«Там вдали как будто остров,
С юга будто остров в море;
Соколы там на осинах,
Глухари там на березах».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ты сказал несправедливо;
Соколов там не бывало,
Глухарей там вовсе нету:
Похъёлы мужи там едут.
В третий раз взгляни получше!»
Тут веселый Лемминкяйнен
В третий раз прилежно смотрит,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Лодка с Похъёлы подходит,
Сотней весел бьет по морю!
Сто мужей сидят у весел,
Тысячи сидят там в лодке!»
Тут-то старый Вяйнямёйнен,
Наконец, узнал всю правду.
Говорит слова такие:
«Налегай-ка, Ильмаринен,
Ты, веселый Лемминкяйнен,
Люди, побыстрей гребите,
Чтоб умчалась дальше лодка,
Чтоб челнок ушел подальше!»
Налегают Ильмаринен
И веселый Лемминкяйнен,
И гребут все люди с ними.
Ходит руль еловый с треском
И уключины со стуком,
И затрясся челн сосновый;
Нос его ревел тюленем,
А корма шумит, как омут,
Вся вода кипит волнами,
Пена движется клубами.
Что есть сил гребут герои,
Все мужи легли на весла,

Но напрасны их усилья,
Не ушел челнок дощатый
От той лодки с парусами,
Лодки с Похъёлы туманной.
Видит старый Вяйнямёйнен,
Что теперь беда приходит,
Что грозит ему несчастье.
Он подумал и размыслил,
Как же быть и что же делать,
Говорит слова такие:
«У меня исход найдется,
Знаю маленькое чудо».
Он полез в мешочек с трутом,
Он полез туда поспешно,
Взял в мешке кремня кусочек,
Взял он там немного трута;
Бросил тот кусочек в воду,
Чрез плечо налево бросил.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Из кремня возникни, отмель,
Появись, утес подводный,
Лодка Похъёлы, разбейся
С ста крюками об утесы
Средь морских прибоев диких,
Среди волн морских громадных!»
И подводный камень вырос,
Под водой утес поднялся;
Он в длину идет к востоку,
В ширину идет на север.
Лодка Похъёлы несется,
По волнам белеет парус;
Натолкнулась вдруг на отмель,
На подводный этот камень,
Раскололся челн дощатый,
Челн стореберный распался,
Мачта в воду повалилась,
Паруса упали в волны,
Их отнес далеко воздух,
Подхватил их резкий ветер.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Входит в воду по колено,
Хочет сдвинуть лодку с места,
Приподнять свой челн повыше,

Но поднять его не может
И не может лодку сдвинуть:
Ребра все переломались,
Все крюки ее распались.
Долго думала, гадала,
Говорит слова такие:
«Кто совет подать мне может,
Кто помочь мне в состоянье?»
Быстро облик свой меняет,
Принимает облик новый.
Старых кос пяток приносит,
Шесть мотыг, давно ненужных:
Служат ей они как пальцы,
Их, как горсть когтей, сжимает,
Вмиг пол-лодки подхватила:
Подвязала под колена;
А борты к плечам, как крылья,
Руль, как хвост, себе надела;
Сто мужей на крылья сели,
Тысяча на хвост уселась,
Села сотня меченосцев,
Тысяча стрелков отважных.
Распустила Лоухи крылья,
Поднялась орлом на воздух.
В высоте крылами машет
Вяйнямёйнену вдогонку:
Бьет одним крылом по туче,
По воде другое тащит.
Мать воды, жена-красотка,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Поверни глаза на солнце,
Обрати на запад взоры,
Посмотри назад немножко!»
Тотчас старый Вяйнямёйнен
Повернул глаза на солнце,
Обратил на запад взоры,
Посмотрел назад немножко:
Видит Похъёлы старуху,
Птицу страшную в полете,
Головою — словно ястреб,
На орла похожа телом.
Вяйнямёйнена настигла.
К самой мачте подлетела,

Уцепилася за стеньги,
На верхушке мачты села;
Уж грозит паденьем лодке,
Уж корабль склонила набок.
Прибегает Ильмаринен
К богу с жаркою мольбою,
Укко он усердно просит,
Говорит слова такие:
«Укко, защити, всесильный,
Огради, о бог прекрасный,
От погибели злой сына,
Чадо матери от смерти,
Защити свое творенье,
Охрани свое созданье!
Ой ты, Укко, всюду славный,
Ой ты, Укко, бог верховный!
Дай мне огненную шубу,
Дай горящую рубашку,
Чтоб я бился под защитой,
Под охраною сражался,
Голова б моя не пала,
Волосы б не повредились
В играх острого железа,
В столкновеньях злобной стали!»
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«О ты, Похъёлы хозяйка!
Хочешь, мы разделим Сампо
На краю земли туманной,
Там, на острове тенистом?»
Молвит Похъёлы хозяйка:
«Не хочу делить я Сампо,
Не хочу с тобой, несчастный,
Поделиться, Вяйнямёйнен!»
А сама хватает Сампо,
Тащит Сампо с лодки Вяйнё.
Тут веселый Лемминкяйнен
Меч свой с пояса хватает,
Тащит острое железо
С бока левого поспешно.
По когтям орла ударил,
По когтям ударил сильно.
Бьет веселый Лемминкяйнен,
Бьет мечом и прибавляет:

«Ну-ка, вниз, мужи, валитесь,
Вниз, мечи, и вниз, герои,
Сто героев с этих крыльев,
С коготочков по десятку!»
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит с вершины мачты:
«О веселый Лемминкяйнен,
Кауко жалкий, муж преступный!
Мать родную обманул ты:
Лживо клялся ей, старухе,
Что лет шесть, а то и десять
Не пойдешь ни с кем сражаться,
Хоть бы золота возжаждал,
Серебра хотя б желал ты!»
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Тут решил — настало время,
Наступил уж час удобный.
Тащит руль из глуби моря,
Руль дубовый из теченья;
Им чудовище ударил,
Отрубил орлице когти:
И все когти обломались,
Только маленький остался.
Все мужи упали с крыльев,
В волны падают герои,
С крыльев сотня повалилась,
С тела тысяча упала.
А сама орлица с шумом
На края свалилась лодки,
Точно с дерева тетерка,
Точно белка с ветки ели.
Ухватилася за Сампо,
Тащит пальцем безымянным,
Тащит Сампо прямо в воду,
Крышку пеструю роняет
Прямо с края красной лодки
В глуби синие потоков.
Так разбилось в море Сампо,
Крышка пестрая сломалась.
Потонули те обломки,
Те куски большие Сампо,
В глубине потоков синих,
В темной тине дна морского;

Там от них в воде богатство
И сокровища у Ахто.
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц
Не погибнет вод богатство
И сокровище у Ахто.
   Полегли куски другие,
Те обломки, что поменьше,
На хребте воды лазурной,
На волнах морских широких,
Чтоб морской качал их ветер,
Колыхало б их теченье.
   И качал их в море ветер,
Колыхало их теченье
На хребте воды лазурной,
На волнах морских широких;
Их на берег гонит ветер,
Их к земле несет теченье.
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Видит волны от прибоя,
Видит, как на берег моря,
На прибрежье волны гонят
И влекут обломки Сампо,
Те осколки пестрой крышки.
   Он обрадовался очень,
Говорит слова такие:
«Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало,
Выйдут пашни и посевы
И различные растенья!
Блеск луны отсюда выйдет,
Благодетельный свет солнца
В Соуми на больших полянах,
В Суоми, сладостной для сердца».
   Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«У меня найдется выход,
У меня найдется средство
Против пашни и посевов,
Против пастбищ и растений,
Против месяца сиянья,
Против солнечного блеска:
Заточу в утес я месяц,
Я в горе упрячу солнце;

Я морозом заморожу,
Застужу я сильной стужей
Все, что вспашешь и посеешь,
Все посевы и запасы.
Я направлю град железный,
Набросаю град из стали
На твои большие пашни,
На прекраснейшее поле.
  Вышлю из лесу медведя,
Редкозубого из чащи;
Пусть жеребчиков терзает,
Пусть кобыл он разрывает,
Пусть стада твои пожрет он,
Пусть коров твоих погубит.
Изведу народ твой мором
И весь род твой уничтожу,
Чтоб, пока сияет месяц,
Не было о нем и слуху».
  Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ни лапландские мне чары,
Ни турьянские не страшны!
Укко лишь — в погоде властен,
Он ключи судьбы имеет.
Не чудовищу иметь их,
Не врагу держать руками.
  Если я творцу доверюсь,
На благого понадеюсь,
Он червей с посевов сгонит,
Сгонит он злодеев с жатвы,
Чтоб не портили посевов,
Не губили бы растений,
Чтоб стеблей не истребляли
Ни от семени побегов.
  О ты, Похъёлы хозяйка!
Ты в скалу сажай лишь беды,
В гору прячь одну лишь злобу,
Заключай страданье в камни,
А не лунный свет прекрасный
И не солнце золотое!
  Ты морозь своим морозом,
Ты студи своею стужей
То, что ты сама посеешь,
Семена, что в землю бросишь!

Шли туда свой град железный,
Эти градины стальные,
Где твои же пашут плуги,
К пашням Похъёлы направь их!
    Вышли из лесу медведя,
Из чащобы злую кошку,
Косолапого из леса,
Редкозубого из рощи —
Выгон Похъёлы тревожить,—
Стаду Похъёлы угрозой!»
    Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Власть моя отныне гибнет,
И могущество слабеет:
Под водой мое богатство,
В глубине у моря — Сампо».
    Тут домой уходит с плачем,
В Похъёлу идет со скорбью;
Не пришлось ей взять от Сампо
Ничего, что было б ценно,
Но взяла с собой немножко
Безымянным только пальцем:
В Похъёлу приносит крышку,
В Сариолу лишь щепотку.
Бедность в Похъёле отсюда,
Мало хлеба у лапландцев.
    Старый, верный Вяйнямёйнен
Вышел сам тогда на берег,
Там нашел куски от Сампо,
Щепочки от пестрой крышки,
Он собрал на побережье,
На песчаном мягком месте.
    Посадил осколки Сампо,
Щепочки от пестрой крышки
На мысочке средь тумана,
Там на мглистом островочке,
Чтоб росли и умножались,
Чтоб могли преобразиться
В рожь прекрасную для хлеба
И в ячмень для варки пива.
    Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ой ты, Укко, бог верховный,
Дай нам счастьем насладиться,

Провести всю жизнь счастливо
И ее окончить с честью
На полянах Суоми светлых.
В этой Карьяле прекрасной,
Укко, защити, всесильный,
Огради, о бог прекрасный,
От мужей со злою мыслью
И от жен с недоброй думой!
Укроти земных злых духов,
Водяные злые силы!
Будь сынам своим защитой,
Будь для чад своих подмогой,
Ночью будь для них опорой,
Будь и днем для них охраной!
Пусть не светит дурно солнце,
Не сияет дурно месяц,
Пусть не веют злые ветры,
Пусть не льется вредный ливень.
Холода не повредят нам
Или злая непогода!
Ты поставь забор железный,
Выстрой каменную крепость
Вкруг того, чем я владею,
С двух сторон родного края,
Чтобы шли с земли до неба,
Чтоб с небес к земле спускались,
Были нашему жилищу
И защитой и охраной,
И злодей не смог бы тронуть,
Враг плодов не смог похитить
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц!»

РУНА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Вяйнямёйнен отправляется в море искать потерянное кантеле, однако не находит его (1—76).— Затем он делает из березы новое кантеле, играя на нем, восхищает все, что есть в природе (77—334)

Старый, верный Вяйнямёйнен
Так подумал и размыслил:
«Хорошо вот поиграть бы,
Хорошо б повеселиться

И пожить бы жизнью новой
В ослепительных палатах.
Только кантеле пропало,
Унеслась моя утеха
В те места, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги,
На утеху водяному
Да у Велламо живущим.
Мне она его не выдаст,
Не отдаст обратно Ахто.
   О кователь Ильмаринен!
Ты вчера ковал, работал,
Ты покуй еще сегодня,
Скуй мне грабли из железа,
Частозубые мне грабли,
Зубы с длинной рукояткой,
Чтоб я мог сгребать в потоках,
Чтоб сгребал я волны в кучу,
Чтоб тростник собрал я вместе
По всему прибрежью моря
И нашел утеху в море,
Взял бы кантеле обратно
Из глубин, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги!»
   И кузнец тот Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Сделал грабли из железа
С рукояткою из меди,
По сто сажен в каждом зубе,
Ручку впятеро длиннее.
   Принял старый Вяйнямёйнен
Эти грабли из железа
И прошел весьма немного,
Путь прошел весьма короткий
По каткам, обитым сталью,
По каткам, где много меди.
   Два челна там находились,
Две совсем готовых лодки
На катках, покрытых сталью,
На катках, где много меди.
И один челнок был новый,
А другой челнок был старый.
   Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал он новой лодке:

«Ты сойди на воду, лодка,
Поспеши, челнок, на волны,
Чтоб без рук тобою править
И большим не трогать пальцем!»
Тотчас лодка вышла в море,
Там спустилась на теченье.
Старый, верный Вяйнямёйнен
На конце уселся лодки,
И пошел он чистить море,
Подметать его теченье.
Смел цветочки водяные,
Смел весь мусор у прибрежья,
Тростника кусочки даже,
Водяных растений крохи.
Он сучок сгибает каждый,
Рифы граблями цепляет,
Но нигде найти не может
Кантеле из щучьей кости:
Навсегда его утеха,
Это кантеле, пропало.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут домой пошел обратно,
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась;
Он опять промолвил слово:
«Никогда уж не найду я
Прежних звуков в рыбьей кости,
Утешенья в щучьем зубе!»
Вот лесочек он проходит,
Вот идет опушкой рощи,
Слышит: плачет там береза,
Суковатая горюет.
Он подходит к ней поближе,
Близко к дереву подходит.
Спрашивает он березу:
«Что, краса-береза, плачешь?
Что, зеленая, горюешь?
Белый пояс, что ты стонешь?
Не ведут тебя на битву
И к войне не принуждают».
И березка отвечает,
Так неторопливо молвит:
«Может, многие наскажут,
Может, кто и насудачит,

Будто весело живу я,
Шелестя, смеюсь листвою.
Я ж, бедняжка, вся в заботах,
Только скорбь — мое веселье,
О себе в часы несчастья
Я печалюсь и жалею.
Плачу я от малосилья
И от бедности горюю.
Я, бездольная бедняжка,
Так несчастна без опоры,
На дрянном на этом месте,
Я на выгоне стою здесь.
У других так много счастья,
Много счастья от надежды,
Что вернется радость лета,
Время теплое наступит.
Я же, слабая береза,
Я должна терпеть, бедняжка,
Чтоб с меня кору сдирали,
Эти ветки обрубали.
Часто к бедненькой березе,
К этой нежной очень часто
Дети краткою весною
К белому стволу приходят,
Острый нож в него вонзают,
Пьют из сердца сладкий сок мой!
Злой пастух в теченье лета
Белый пояс мой снимает,
Ножны он плетет и чаши,
Кузовки плетет для ягод.
Часто под березкой нежной,
Часто под березкой белой
Собираются девицы,
Вкруг ствола красотки ходят,
Листья сверху обрезают,
Вяжут веники из веток.
Часто тонкую березку,
Горемычную частенько
При подсечке подсекают,
На поленья расщепляют.
Вот уж трижды в это лето,
В эту солнечную пору,
У ствола мужи стояли,
Топоры свои точили,

Чтоб головушку срубить мне,
Чтоб я с жизнью распростилась.
Вот и вся от лета радость,
Вся от солнышка отрада.
И зимою мне не лучше,
Время снега не милее.
Уж всегда кручина злая,
Горе облик мой изменит,
Низко голову наклонит,
И лицо мое бледнеет,
Лишь, бывало, только вспомню
День мой черный, время злое.
Тут и боль приносит ветер,
Иней — горькие заботы,
Вихрь уносит зелень шубы,
Иней — всю мою одежду,
И тогда-то я, бедняжка,
Я, несчастная береза,
Остаюсь совсем раздетой,
И стою я обнаженной,
И дрожу я в лютой стуже,
На морозе горько плачу».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ты не плачь, моя березка,
Не горюй, дружок зеленый,
Белый пояс, не печалься!
Ты еще узнаешь счастье
В жизни новой, наилучшей,
Ты от радости заплачешь,
Зазвучишь от наслажденья».

Сделал старый Вяйнямёйнен
Из березы той утеху,
Целый летний день строгал он,
За день кантеле устроил,
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке.
Короб кантеле он режет,
На утеху ящик этот,
Короб делает он прочный,
Весь в прожилках этот ящик.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Короб кантеле закончен,

Всем на радость этот ящик.
Где же гвоздиков достану,
Где возьму колков хороших?»
   На дороге дуб поднялся,
На дворе высоко вырос.
Ветви ровные на дубе,
С желудями были ветки,
И на желуде по шару,
И на шаре по кукушке.
   И кукушка куковала;
Пять тонов там раздавалось,
Золото текло из клюва,
Серебро текло обильно
На пригорки золотые,
На серебряные выси.
Взял для кантеле гвоздочки,
Взял он колки для утехи.
   Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Есть для кантеле гвоздочки,
Есть и колки для утехи.
Все же кантеле не полно,
Струн пяти в нем не хватает.
Где возьму я эти струны,
Где я звучные достану?»
   Он идет искать те струны
И проходит по поляне.
Видит: девушка в лесочке,
Видит — девица в долине.
Эта девица не плачет
И не очень веселится:
Просто так запела песню:
Поскорей бы вечер минул —
Поскорей бы друг явился,
К ней пришел ее желанный.
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Без сапог бежит поспешно,
Без чулок туда стремится,
Добежал он до девицы
И волос у девы просит,
Говорит слова такие:
«Дай волос своих, девица,
Дай кудрей твоих нежнейших,

Чтоб они пошли на струны,
Стали вечною усладой».
  И дала волос девица,
Подала волос тончайших,
Подала пять шелковистых,
Шесть и семь ему достала.
Струны кантеле явились,
Голоса отрады вечной.
  Было кантеле готово.
Сел тут старый Вяйнямёйнен,
Сел на самый нижний камень,
На ступеньку возле двери.
  В руки кантеле берет он,
Взял к себе свою отраду,
Повернул он выгиб к небу,
А основу на колени
И настраивает струны,
Он настроил их как надо.
  Вот настроил эти струны,
Музыки родник наладил.
Кантеле взял на колени,
Поперек его поставил;
Вот бегут по струнам пальцы,
Все пять пальцев пробегают,
Пальцы струны рвут с весельем,
Перепрыгивают быстро.
  Начал старый Вяйнямёйнен;
Он на кантеле играет.
Пальцы тонкие он выгнул,
Приподнял большие пальцы.
Зазвенела тут береза,
Тут зеленая запела,
Пела золото-кукушка,
Нежно пел девичий волос.
  Заиграл сильнее старец.
Струны кантеле ликуют,
Скачут горы, рвутся камни,
Скалы все загрохотали,
Рифы треснули морские,
Хрящ на волнах закачался;
Сосны с радости плясали,
Пни скакали на полянах.
  И все Калевалы жены
Тут работу побросали;

Как река, текут на звуки,
Как поток, туда стремятся.
Молодицы шли со смехом,
Шли веселыми хозяйки,
Чтоб игру его послушать
И, ликуя, восторгаться.
   Все мужчины, сколько было,
Все стояли снявши шапки,
Сколько ни было там женщин,
Все рукой подперли щеки;
Девушки все прослезились,
Парни стали на колени,
Звукам кантеле внимали,
Звону чудному дивились.
Как одни уста, все люди,
Как один язык, сказали:
«Мы доселе не слыхали
Здесь игры такой прекрасной,
Никогда в теченье жизни,
С той поры, как светит месяц».
Чудный звон летит далеко,
Мчится через шесть селений:
Никого там не осталось,
Кто б ни шел игру послушать,
Ту игру с прекрасным звоном,
Это кантеле звучанье.
   Все, как есть, лесные звери,
Когти подобрав, расселись,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.
И воздушные летуньи
Разместились все на ветках;
Разные морские рыбы
К берегам плывут поближе;
Из земли выходят черви,
Из земли ползут наружу,
Извиваются, чтоб слушать
Кантеле тот звон прекрасный,
Вечную его отраду,
Вяйнямёйнена искусство.
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Удивительно играет,
Издает он чудно звуки.
День играл он и другой день,

Он играл без передышки,
На заре поевши хлеба,
Подпоясанный все так же
И в рубашке той же самой.
Он в своем играл жилище,
В собственном сосновом доме:
И звучала кровля дома,
И дрожал весь пол жилища.
Потолок пел, пели двери,
Восклицали все окошки,
Каменная печь качалась,
Притолоки все звучали.
Он пошел еловым лесом,
Он побрел сосновой рощей —
Кланялись ему все ели,
И к земле склонялись сосны;
Шишки с них упали наземь,
Иглы их к корням упали.
И проходит ли по рощам,
Приближается ль к кусточкам,
Рощи весело играют,
И кусточки веселятся.
Все цветы с любовью смотрят,
Нагибаются сучочки.

РУНА СОРОК ПЯТАЯ

Хозяйка Похъёлы насылает на Калевалу ужасные болезни (1—190).— Вяйнямёйнен исцеляет народ мощными заговорами и мазями (191—362)

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Весть услышала однажды,
Весть о Вяйнёлы расцвете,
Калевалы процветанье
Через те обломки Сампо
И кусочки пестрой крышки.
Позавидовала сильно,
Стала думать неустанно,
Смерть какую уготовить
И наслать какую гибель
Людям, в Вяйнёле живущим,
Детям Калевы отважным.

Обратилась с просьбой к Укко,
Умоляет бога грома:
«О ты, Укко, бог верховный!
Калевы народ сгуби ты,
Погуби железным градом,
Стрелами с концом из стали!
Им пошли болезней лютых,
Уничтожь их род противный,
Чтоб мужи погибли в поле,
В хлеве женщины погибли!»
Дочка Туонелы слепая,
Ловьятар, старуха злая,
Гаже всех рожденных Маной,
Всех ее детей противней,
Бедствий всех была истоком,
Целой тысячи пороков,
Лик она имела черный
С кожей мерзковолосатой.
Дева Туонелы слепая,
Черноликая девица
На тропе постель постлала,
Ложе в месте неудобном,
И легла она под ветром,
Улеглась под непогодой,
На сквозном ветру холодном,
На ветру холодном, раннем.
Поднялся ужасный вихорь, —
От востока зашумел он,
Плод надул он глупой деве,
Чрево бременем наполнил
На полянах без деревьев,
На лугах, травы лишенных.
И носила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью;
Два, три месяца носила
И четвертый месяц, пятый
И седьмой, восьмой носила
И девятый также месяц,
А по счету старых женщин,
Пол десятого носила.
Вот истек девятый месяц,
И десятого в начале
Твердой сделалась утроба,
Мучит деву сильной болью;

Но родов не получалось:
Не зачатый — не рождался.
С места тут она уходит,
На другом ложится месте,
И пошла родить блудница,
Непотребная, от ветра,
Меж двух скал в средине самой,
Где пять гор сошлись в ущелье,
Но родов не получалось:
Не зачатый — не рождался.
Вновь подыскивает место,
Облегчить утробу хочет
Около болот зыбучих,
У источников ревущих:
Но найти не может места,
Чтоб от плода разрешиться.
Хочет скинуть порожденье,
Бремя выпустить желает
В пену бурного теченья,
В страшные водовороты,
В глубь пучины трех порогов,
К девяти крутым стремнинам,
Но родов не получалось:
Не зачатый — не рождался.
Стала скверная тут плакать:
Страшно чудище ревело,
И куда идти — не знала,
И куда бы ей деваться,
Чтоб свободным сделать чрево,
Чтоб детей родить скорее.
С облаков сказал всевышний,
Так создатель молвил с неба:
«Есть изба с тремя углами
У прибрежия морского,
В Похъёле, в стране тумана,
В Сариоле, вечно мрачной,
Ты туда родить отправься,
Там оставишь бремя чрева,
Там тебя уж поджидают,
Там детей твоих желают!»
Дева Туонелы слепая,
Маны скверное отродье,
К Похъёлы избе подходит,

Прямо к бане Сариолы,
Чтоб детей родить скорее,
Чтобы выпустить потомков.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Тотчас деву в баню вводит,
Тайно в банное строенье,
Чтоб деревня не узнала,
Не слыхала б ни словечка.
Натопила Лоухи баню,
Приготовила все быстро:
Двери вымазала пивом,
Брагою — задвижку в бане,
Чтобы дверь не заскрипела,
Не запела бы задвижка.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Дева древняя творенья,
С золотым красотка блеском,
Ты, старейшая из женщин,
Мать, древнейшая на свете!
По колени стань ты в море,
Ты войди по пояс в воду,
У ерша слюну возьми ты,
Собери ты слизь налима
И помажь ей меж костями,
Намочи бока ей слизью,
Женщину избавь от боли,
От родильных мук девицу,
От мучений, слишком сильных,
От жестокой боли чрева.
Если ж этого все мало,
Укко, ты, творец верховный!
Опустись сюда скорее,
Поспеши, к тебе взываю!
Есть здесь женщина в страданьях,
Есть девица с болью чрева,
Здесь она, средь дыма бани,
В этой бане деревенской.
Ты возьми рукою правой
В золотой оправе палку!
Устрани ты все преграды,
Сокруши столбы у входа,
И замок творца открой ты,

Поломай там все задвижки,
Чтоб пролез большой и малый,
Чтоб прошел и слабосильный!»
Выпускает та дрянная,
Дева Туонелы слепая
Полноту своей утробы.
Злых детей своих сложила
Под узорным покрывалом,
Под хорошей занавеской.
Всех сынов рождает девять
В продолженье летней ночи,
В продолженье топки бани,
Там, пока она купалась,
Родила их силой чрева
Из наполненного брюха.
Сыновьям дала названья,
Назвала она рожденных
Кличками по их деяньям,
По тому, что каждый делал:
И один был назван раной,
Колотьем другой был назван,
Ломотой был назван третий,
Звать четвертого сухоткой,
Пятый назван был водянкой,
Был шестой коростой назван,
Зван седьмой — гниющей язвой,
А восьмой — заразой чумной.
Был без имени девятый,
Что родился позже прочих;
Мать его тотчас послала
Заклинателем на воду,
Чтоб заклял он побережье
И везде посеял зависть.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Всех их вместе созывает
На мысочек, скрытый мглою,
На туманный островочек,
Посылает этих злобных,
Беспримерные болезни,
Против Вяйнёлы народа,
Роду Калевы на гибель.
В Вяйнёле народ болеет,
Калевы лежат герои
В неизвестных им болезнях,

Там неведомых дотоле,
Так что пол гниет под ними,
Потолок покрылся гнилью.
Вышел старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Чтоб их головы избавить,
Чтоб спасти болящих души.
В Туонелу идет он биться,
Сам с болезнями сражаться.
Нагревает жарко баню,
Накаляет в бане камни
Лишь чистейшими дровами,
Принесенными водою.
Воду он принес покрытой,
Чистых веников принес он,
Парит веники для бани,
Густолистые смягчает.
Сделал в бане жар медовый,
И медовый пар поднялся
От каменьев раскаленных,
От кусков каменьев жгучих.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«В банный жар сойди, создатель,
В теплоту, отец небесный,
Чтобы нам подать здоровье,
Чтоб спокойствие вернуть нам!
Затопчи здесь злые искры,
Погаси здесь тленье злое,
Уничтожь чрезмерность жара,
Жар дурной отсюда вышли,
Чтоб детей твоих не сжег он,
Не убил твоих творений!
Вот я прыскаю водою
На горячие каменья,
Пусть вода здесь станет медом,
Пусть стекает сладким соком!
Потечет рекой медовой,
Станет озером медвяным
На каменьях этой печи,
Посреди замшелой бани!
Пусть невинные не гибнут,
Пусть не гибнут без болезни,
Что пошлет на них создатель,

И без смерти, данной богом.
Кто ж губить нас, правых, будет,
Пусть от слов своих погибнет,
Пусть главу свою он сложит
От своих же злобных мыслей!
Коль не силен я настолько
И не столь герой могучий,
Чтоб избавить от несчастья,
Чтоб спасти от тяжких бедствий,
Пусть придет сюда сам Укко,
Тот, кто тучи направляет,
В облаках кто восседает,
Облачка по небу водит.
О ты, Укко, бог верховный,
Ты, на тучах высочайший!
Опустись сюда скорее,
Поспеши, к тебе взываю,
Отыми мученья эти,
Прогони ты эту хворость,
Отошли несчастья злые,
Уничтожь болезни эти!
Меч мне огненный даруй ты,
Огневой клинок пошли мне,
Чтоб сразил я этих злобных
И прогнал бы этих скверных,
На стезю ветров — болезни,
В поле дальнее — мученья!
Я туда сгоню болезни,
Я туда пошлю мученья,
В погреба внутри утесов,
В горы, полные железа,
Чтобы камни заболели,
Чтоб узнали муку скалы.
Не заплачут камни, скалы
От болезней и мучений,
Если их и много мучить,
Если их терзать безмерно.
Туони дочка, дева болей!
Ты живешь в горе болезней
При теченье трех потоков,
При разделе трех течений,
Ты вращаешь камни болей,
Крутишь скалами болезней!

Приходи, возьми болезни
К пасти камня голубого,
Иль сведи ты их на море,
Погрузи в морские глуби,
Где ни ветер не подует,
Ни луч солнца не заблещет!
Если ж этого все мало,
Болей дочь, душа-хозяйка,
Дочка ран, всех женщин краше,
Появись, приди скорее,
Чтоб вернуть нам здесь здоровье,
Даровать успокоенье!
Отними у болей силу,
Прогони от нас мученья,
Дай больным заснуть спокойно
И не знать заботы слабым,
Чтоб ослабший снова ожил,
Храбрый на ноги поднялся!
Заключи в бочонок боли,
В медный ящик все мученья,
Чтоб могла ты взять болезни,
Унести от нас мученья
На главу утеса болей,
В глубину горы болезней.
Там свари болезни эти
В самом малом котелочке,
Что никак не больше пальца
И куда войдет лишь ноготь!
Посреди горы есть камень,
Посреди ее отверстье.
Просверлил бурав отверстье,
Чрез него прошло железо:
Побросай туда болезни,
Брось туда все злые муки,
Ты сдави там диких тварей,
Ты сожми там все несчастья,
Чтоб в ночи они не вышли,
Чтоб и днем не появлялись».
Мажет старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Мажет все места больные,
Где болезни те засели,
Девятью из лучших мазей,
Восемью из средств волшебных.

Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«О ты, Укко, бог верховный,
Ты, древнейший небожитель!
Ты пошли с востока тучу,
Тучу с севера ты вышли,
Тучу с запада направь ты!
Капай медом, капай влагой,
Чтоб смягчить болезни эти,
Успокоить здесь мученья!
   С ними я один не слажу,
Если бог мне не поможет.
Ты, творец, приди на помощь,
Ты помочь, всевышний, должен,
Чтоб я видел то, что нужно,
Чтоб рукой, что нужно, трогал,
Чтоб, что нужно, говорил я
И творил своим дыханьем!
   Где моя рука не тронет,
Пусть рука творца коснется;
Где мои персты не тронут,
Пусть персты коснутся божьи!
Ведь персты творца нежнее
И способней руки божьи.
Приходи, творец, заклять их,
Заклинать явись, создатель,
Поглядеть сойди, могучий!
В ночь пусть люди исцелятся,
Днем найдут себе здоровье,
Голова чтоб не болела,
Чтобы тело не страдало,
Чтоб не знали страха в сердце,
Чтоб болезней не имели,
Ни малейшего страданья
Никогда, пока на небе
Золотой сияет месяц!»
   Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Так несчастье прогоняет,
Изгоняет все болезни.
Отвращает скорбь людскую,
Лечит тяжкие недуги,
От конца людей спасает,
Род весь Калевы от смерти.

РУНА СОРОК ШЕСТАЯ

Хозяйка Похъёлы натравливает медведя на стада Калевалы (1—20).— Вяйнямёйнен убивает медведя, и, согласно древнему обычаю, в Калевале устраиваются по этому случаю торжественные празднества (21—606).— Вяйнямёйнен поет, играет на кантеле и желает Калевале счастливой жизни на будущие времена (607—644)

Слышны вести в Сариоле,
Слышны новости в деревне:
В Вяйнёле все исцелились,
Калевала избежала
Наколдованных ей бедствий
И несчастий беспримерных.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Весть услышав, обозлилась,
Говорит слова такие:
«Знаю я другое средство,
Знаю я пути иные:
Выгоню из чащ медведя,
Косолапого из леса
К Вяйнёле на скот рогатый,
На богатства Калевалы».
Погнала из чащ медведя,
Косолапого из леса
К Вяйнёле на скот рогатый,
На поляны Калевалы.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Брат, кователь Ильмаринен!
Выкуй новую мне пику,
Сделай то копье трехгранным,
С рукояткою из меди!
Надо бы убить медведя,
Зверя с мехом драгоценным,
Чтоб кобыл моих не трогал,
Жеребцов не задирал бы,
Чтобы не валил мне стадо,
Не губил моих коровок».
И кузнец сковал ту пику:
Не мало копье, не длинно,

То копье размеров средних;
На рубце там волк уселся,
Острие медведь все занял,
Лось бежит по основанью,
Жеребец по рукоятке,
Сел олень там у головки.

Свежий снег поутру выпал,
Нежный снег устлал дорогу,
Белый снег, как зимний зайчик,
Как осенняя овечка.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Мне пришло одно желанье,
В Метсолу меня торопит;
Я пойду к девицам леса,
Ко двору девицы синей.

От мужей иду я к лесу,
От героев на работу;
Лес, прими меня, как мужа:
Тапио, хозяин леса,
Помоги, пошли мне счастье,
Чтоб красу лесов поймал я!

Миэликки, хозяйка леса,
Теллерво, дочь Тапиолы,
Удержи своих собачек,
Привяжи ты псов покрепче
На пути, где много веток,
Где навес стоит дубовый!

Отсо, яблочко лесное!
Красота с медовой лапой!
Слышишь ты, что я явился,
Что к тебе иду я храбро.
В мех густой запрячь ты когти,
Зубы деснами прикрой ты,
Чтоб они мне не грозили,
Чтоб и двинуться не смели!
Мой возлюбленный ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!
Ляг, усни в траве зеленой,
На прекраснейшем утесе,
Чтоб качались сверху сосны,
Над тобой шумели ели.
Там покатывайся, Отсо,
Там вертись с медовой лапой,

Как в гнезде на яйцах рябчик,
Как в гнезде своем гусыня!»
Слышит старый Вяйнямёйнен:
Лает вдруг его собака,
Пес его вдруг громко брешет
На дворах, где малоглазый,
На местах, где тупомордый.
Молвит он слова такие:
«Думал я — кукушка кличет,
Птичка милая распелась,—
Это вовсе не кукушка,
Это не распелась птичка:
То шумит моя собака,
То испытанный зверек мой
У дверей избушки Отсо,
На дворе красавца мужа!»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Видит логово медведя,
Опрокинул его ложе,
Ту постельку золотую,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Да прославится всевышний,
Да восхвалится создатель,
Даровал он мне медведя,
Дал мне золото лесное!»
Золотого старец видит,
Говорит слова такие:
«Мой возлюбленный ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!
Не сердись ты понапрасну —
Я не бил тебя, мой милый,
Сам ты с дерева кривого,
Сам ты ведь свалился с ветки,
Разорвал свою одежду
О кусты и о деревья:
Скользко осенью бывает,
Дни осенние туманны.
Ты, кукушечка лесная,
Что потряхиваешь мехом!
Брось холодное жилище
И оставь жилье пустынным,
Дом из веточек березы,
Свой шалаш из сучьев ивы!

Славный, ты пойди со мною,
Тронься, леса украшенье,
В башмаках своих легчайших,
В голубых своих чулочках,
Брось здесь малые пространства,
Эти узкие тропинки,
И пойдем к мужам, героям,
Поспешим к толпе огромной!
Там тебя не примут дурно,
Заживешь ты там не плохо:
Там медку дают покушать
И запить медком сотовым
Всем гостям, всем приходящим,
Всем бывающим там людям.
   Уходи отсюда с места,
Брось гнездо свое дрянное
И иди под балки крыши,
В превосходное жилище;
По равнине снежной двинься,
Как цветочек по прудочку,
Через эти ветки шмыгай,
Точно белка по сучочкам!»
   Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
По полям идет, играя,
По пескам он распевает,
Он ступает рядом с гостем,
С гостем в шубе волосатой:
Та игра несется к дому,
Слышно пенье у жилища.
   И в избе народ воскликнул,
В доме вся толпа сказала:
«Слышно, шум сюда несется,
Слышны звуки из дубравы,
Звон клеста из чащи сосен
И рожок лесной девицы!»
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Ко двору пришел поспешно;
Все навстречу побежали,
Люди добрые сказали:
«То не золото ль явилось,
Не пришло ли серебро к нам?
Мех ли ценный появился,
Золотая ли монета?

Лес дал лакомку до меда,
Рысь ли дал хозяин добрый,
Что приходите вы с песней,
С торжеством на лыжах мчитесь?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Выдру взял и воспеваю,
Божий дар я прославляю;
Оттого я прибыл с песней,
С торжеством на лыжах мчался.
Только здесь совсем не выдра,
Только здесь не рысь со мною —
Это прибыл знаменитый,
Красота лесов явилась,
Это старый появился,
Сам в кафтане из суконца.
Отворяйте-ка калитку,
Если люб вам чужеземец,
Если ж он вам не по нраву,
Вы калитку затворите!»

Так народ ему ответил,
И такие слышны речи:
«Здравствуй, с лапою медовой,
Здравствуй ты, медведь, прибывший
К нам на выметенный дворик,
На украшенное место!
Я всю жизнь надеждой прожил,
С молодых годов все ждал я,
Чтоб рог Тапио раздался,
Дудка леса зазвучала,
Показалось злато леса,
Серебро тут появилось
На дворе, в пространстве малом,
На дороге узкой в поле.
Ждал я, словно урожая,
Словно лета, ожидал я.
Так ждет лыжа первопутка,
Сани ждут дороги ровной,
Жениха так ждет девица,
Краснощекая ждет мужа.
У окна сидел я к ночи,
У ворот сидел я утром,
По неделям у калитки,

Ждал по месяцам при въезде,
У овина ждал зимою,
На снегу стоял я твердом,
Я стоял, когда он таял
И земля в комки свалялась,
А комки покрылись пылью,
Пыль на них зазеленела.
Утро каждое я думал,
В голове моей держал я:
Где медведь так долго бродит,
Где застрял любимец леса,
Иль в Эстонию ушел он?
Видно, Суоми он оставил?»
   Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Но куда ж вести мне гостя,
Проводить куда златого?
Отвести ль его к овину,
Поместить в жилье соломы?»
   Так народ ему ответил,
Люди добрые сказали:
«Отведи туда ты гостя,
Проведи-ка дорогого,
Под прославленную кровлю,
К нам в прекрасное жилище:
Там уж кушанье готово,
Там поставлены напитки,
Чисто выметены доски
И протерты половицы;
Там все женщины надели
Что ни есть прекрасней платья,
Головы их в украшеньях,
Белые на них платочки».

   Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Отсо, милая пичужка,
Красота с медовой лапой!
Есть земля тебе пройтися,
Есть поля тебе промерить.
Ты пройдись там, золотой мой,
По земле пройди ты, милый,
Ты пройди в чулочках черных,
Ты пройди в штанах суконных

По тропинке для синицы,
Воробьиною дорожкой,
Там, где пять стропил огромных,
Там, где шесть крепчайших балок.
Жены бедные, смотрите,
Чтобы стадо не пугалось,
Малый скот не разбегался,
Вся скотина не боялась,
Как в избу медведь полезет,
Как пойдет с косматой мордой!
Из сеней долой вы, парни,
От ворот долой, девицы!
Ведь герой в избу вступает,
Ведь краса мужей подходит!
Отсо! Яблочко лесное,
Ты, в дубраве ком красивый!
Этих девушек не бойся,
Не страшись прекраснокудрых,
Не пугайся ты и женщин,
Этих жен, чулки носящих!
Все вы, женщины в избушке,
Все скорей за загородку,
Коль в избу идут мужчины,
Молодец вступает гордый!»
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Боже, дай благополучье,
Ниспошли под эти балки,
Под прекрасной этой кровлей!
Но куда ж сведу любимца,
Где мохнатого оставлю?»
Люди старцу отвечали:
«Просим милости, пожалуй!
Пропусти свою пичужку,
Проведи ты золотую
На сосновое сиденье,
На железную скамейку,
Чтоб нам мех его потрогать,
Осмотреть всю шубу Отсо!
Отсо! Ты не беспокойся,
Не сердись на то нисколько,
Что осмотр начнется меха,
Шубу мы твою осмотрим.
Не погубим эту шубу
И твой мех не отдадим мы

Оборванцу на лохмотья,
Нищему на одежонку».
Тотчас старый Вяйнямёйнен
Шубу снял с того медведя,
Тут же спрятал в кладовую.
Положил в котел он мясо,
В золотистую посуду,
На котельное то донце.
На огонь котел поставлен,
В печке медная кастрюля,
Вся наполнена, набита
Мяса толстыми кусками
И обсыпанными солью,
Что из дальних мест везется,
Из земли идет немецкой,
С вод морских, что за Двиною:
По соленому проливу
В кораблях она приходит.
Как сварили это мясо,
Как котел с огня убрали,
Понесли тогда добычу
И поставили ту птичку
На сосновый стол огромный
В раззолоченной посуде,
Чтоб хлебнуть медку из кружки,
Получить бы в кружках пиво.
Этот стол был весь сосновый,
Блюда были все из меди,
Все серебряные ложки,
А ножи все золотые;
И все чашки были полны,
Переполнены все блюда
Тем богатым даром леса,
Золотою той добычей.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Златогрудый дед холмочков,
Ты, хозяин Тапиолы!
Метсолы краса, супруга,
Добрая хозяйка леса!
Сильный Тапио сыночек,
Сильный муж ты в красной шапке,
Теллерво, дочь Тапиолы,

Также Метсолы народ весь —
Приходите на пирушку,
К лохмачу на пир, на свадьбу!
Есть запасы, чтоб покушать,
Чтоб покушать здесь и выпить,
И останется довольно,
Чтоб раздать на всю деревню».
Тут народ промолвил слово,
Люди добрые сказали:
«Как медведь на свет родился,
Как он рос с прекрасным мехом?
На соломе ль он родился,
В бане ль он, косматый, вырос?»

Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Он рожден не на соломе,
Не в овине на мякине.
Вот где он, медведь, родился,
Где рожден с медовой лапой:
Возле месяца и солнца
И Медведицы небесной,
Около воздушной девы,
Возле дочери творенья.
Шла по воздуху, по краю,
Посредине неба дева,
На краю какой-то тучки,
Шла по самой грани неба,
Шла она в чулочках синих,
В башмачках гуляла пестрых,
И в руке был ящик с шерстью,
Короб, полный волосами.
Шерсть бросает дева в воду,
Волосы бросает в волны.
Их укачивают ветры,
По воде их движет воздух,
Их качает там теченье,
Гонят их к прибрежью волны,
К мысу сладкому на берег,
Там к медвяному лесочку.
Миэликки, хозяйка леса,
Леса мудрая супруга,
На воде клочки сбирает,
Шерсть мягчайшую на волнах.

   Быстро шерсть в комок скатала,
Спеленала, положила
В короб из коры кленовой,
В прехорошенькую люльку,
И цепями золотыми
Прикрепила эту люльку
К веткам, зеленью покрытым,
К сучьям прочным, очень крепким.
   Там качался этот милый,
Там баюкали младенца,
Под цветущею сосною,
Под развесистою елью.
Так медведя и взрастила:
Вырос он с прекрасной шерстью
Посреди лесов медовых,
Посреди медовой рощи.
   Там, в лесах, он жил прекрасно,
Он в хорошей жизни вырос,
Низконогий, косолапый,
Плоскомордый, тупоносый,
С головой весьма широкой
И с прекрасной, мягкой шубой;
Лишь не показались зубы
И не выросли лишь когти.
   Миэликки, хозяйка леса,
Говорит слова такие:
«Я дала б ему и когти,
Даровала бы и зубы,
Если б он их не на злое,
Не на вред употребил бы».
   Дал медведь большую клятву
У колен хозяйки леса,
Перед богом всемогущим,
Пред всезнающим владыкой,
Что он зла не будет делать,
Не свершит дурного дела.
   Миэликки, хозяйка леса,
Леса мудрая супруга,
Ищет зубы для медведя,
Хочет также когти сделать.
Смотрит плотную рябину,
Смотрит твердый можжевельник,
Смотрит корни попрочнее
И стволы как можно тверже,

Но найти когтей не может
И зубов там не находит.
Там росла сосна в лесочке,
Елка там была на горке,
Серебро — в ветвях сосновых,
Золото — в ветвях у елки.
Их берет она с собою,
Создает медведю когти,
Зубы в челюсти сажает,
Прямо в десны помещает.
Отпускает тут любимца,
Молодца-красавца гонит,
Чтоб бежал он на болота,
Чтобы бегал он по рощам,
Чтоб бродил опушкой леса,
Чтобы прыгал по полянам.
Но идти велит пристойно,
Подвигаться осторожно,
Жить в веселье постоянном,
Золотые дни лелея,
На полях и на болотах,
На полянках, полных жизни,
Башмаков не зная летом
И чулок не зная в осень,
Отдыхая в непогоду,
Укрываяся зимою
Под навесом из черемух,
Возле крепости иглистой,
У корней прекрасной ели,
В можжевельника объятьях:
Пять на нем одежд из шерсти
И плащей прекрасных восемь.
Там я взял свою добычу,
Там охота удалася».
Так сказали молодые,
Так промолвили и старцы:
«Как же лес таким был добрым
И как милостива роща,
Ласков так хозяин леса,
Тапио так благосклонен,
Что он дал тебе любимца,
Выдал лакомку до меда?
Иль за ним с копьем бежали,
Иль стрелою напугали?»

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Лес ко мне вполне был добрым,
Очень милостива роща,
Ласков был хозяин леса,
Тапио, хозяин рощи.
Миэликки, хозяйка леса,
Теллерво, дочь Тапиолы,
Та красотка, дева леса,
Та малюточка лесная,
Мне дорогу показали,
Мне готовили тропинки,
Метки делали дорогой,
Чтобы знал я направленье,
Знаки делали на горках
И зарубки на деревьях
К двери знатного медведя,
К месту, где его берлога.
И когда туда я прибыл,
Подошел к его границам,
Я копьем своим не бросил,
Не стрелял я там из лука:
Сам скользнул он с возвышенья,
Сам упал со скользкой ветви,
Сучья грудь ему порвали,
Ветки брюхо распороли».
И затем сказал он снова,
Сам такие молвил речи:
«Мой возлюбленный ты, Отсо,
Пташка милая, любимчик!
С головы сними одежду,
Хищной пастью не кусайся,
Зубы редкие отдай нам,
Подари свою нам челюсть!
И смотри, не рассердися,
Коль мы так с тобой поступим,
Что твоя головка треснет,
Заскрежещут сильно зубы.
Вот беру я нос у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру у Отсо ухо,
К прежде взятому в придачу:

Не беру для посрамленья
И беру не только это.
   Вот беру я глаз у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
   Вот беру я лоб у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
   Вот беру у Отсо морду,
К прежде взятой в добавленье:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
   Вот беру язык у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
   Назову того я мужем
И почту того героем,
Кто сочтет здесь эти зубы,
Кто весь ряд зубов повынет
Тут из челюсти железной,
Вынет крепкими руками».
   Никого там не нашлося,
Ни один храбрец не вышел.
Сам тогда считает зубы,
Сам ряды их вынимает;
Вынул крепкими руками,
Став коленом на медведя.
   Вынул зубы у медведя,
Говорит слова такие:
«Отсо, яблоко лесное,
Круглый шар в лесах зеленых!
Ты пройдись еще немного,
Прошуми еще немножко,
Из гнезда, что очень тесно,
Из жилища, что так низко,
Перейди ты в дом высокий
И в широкие покои.
   Выйди, золото, пройдемся,
Шубка милая, ступай-ка
По тропе, где свиньи бродят,

Где проходят поросята,
К соснам, ветками богатым;
Выйди к соснам стоветвистым,
На тот холм, покрытый лесом,
На высокую ту гору!
Там побыть тебе не дурно,
Там прожить тебе не плохо,
Где звенит бубенчик громкий,
Раздается колокольчик».
    Старый, верный Вяйнямёйнен
В дом ушел к себе оттуда.
Молодежь тогда сказала,
Так промолвили красавцы:
«Ты куда отнес добычу,
Ты куда свой лов доставил?
Не на льду ль его оставил,
Не в снегу ли закопал ты,
Иль сложил в болотной тине,
Иль зарыл в песках глубоко?»
    Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Ни на льду его не бросил,
Ни в снегу не закопал я:
Рвали б там его собаки,
Замарали б скоро птицы.
Не сложил его я в топи,
Не зарыл в песок глубоко:
Там его проели б черви,
Муравьи бы повредили.
    Вот куда я снес добычу,
Эту маленькую долю:
К золотой холма вершине,
На вершину горки медной,
Там на дереве повесил,
На сосне, на стоветвистой,
На ветвях ее крепчайших,
На верхушке на широкой,
Человеку на усладу
И прохожему на радость.
    Я к востоку пасть направил,
К западу глаза медведя.
Слишком высоко не поднял:
Если б высоко их поднял,
Повредил бы их там ветер,

Вихрь испортил бы воздушный;
Я к земле их не приблизил:
Если б их к земле приблизить,
Утащили бы их свиньи,
Своротили бы их рылом».
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут запел прекрасно, громко,
Чтобы вечер был украшен,
День весельем был закончен.
   Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ты свети, ставец с лучиной,
Чтоб я мог при пенье видеть;
Мой черед начать здесь пенье,
Зазвучат уста с отрадой».
   Так и пел, играл он долго,
Чтобы вечер был веселым,
И сказал, окончив пенье,
Под конец промолвил слово:
«Дай на будущее время,
Дай нам навсегда, создатель,
Чтобы мы справляли праздник,
Чтобы мы не забывали
Молодцу устроить свадьбу,
Пир мохнатому устроить!
   Подавай всегда, всевышний,
Подавай, благой создатель,
Знаки ясные в дороге
И пометки на деревьях
Молодцам геройски храбрым,
Молодецкому народу!
   Ты позволь всегда, всевышний,
Ты позволь, благой создатель,
Слышать рог лесного царства,
Слышать дудочку лесную
На дворе, пространстве малом,
На жилых местечках узких!
   Целый день пускай играют,
Вечерком пусть веселятся
На холмах и на полянах,
На больших просторах Суоми,
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе».

РУНА СОРОК СЕДЬМАЯ

Луна и солнце сходят с неба, чтобы послушать игру Вяйнямёйнена; хозяйка Похъёлы захватывает их, прячет в гору и похищает даже огонь из очагов Калевалы (1—40).— Верховному богу Укко тяжело без света, и он высекает огонь для новой луны и солнца (41—82).— Огонь падает на землю, и Вяйнямёйнен с Ильмариненом отправляются его искать (83—126).— Дочь воздуха рассказывает им, что огонь попал в озеро Алуэ и там его проглотила рыба (127—312).— Вяйнямёйнен и Ильмаринен отправляются ловить рыбу сетью из мочалы, но поймать ее им не удается (313—364)

Старый, верный Вяйнямёйнен
Все на кантеле играет,
Он поет, играет много,
Пеньем радость пробуждает.
Звуки к месяцу доходят,
Донеслись к окошку солнца.
Из избы тут вышел месяц,
На кривую влез березу,
Вышло солнышко из замка,
На сосновой ветке село,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Тут же солнышко схватила
И взяла руками месяц,
Унесла с березы месяц
И с сосны стащила солнце.
Унесла домой с собою,
В Похъёлу, страну тумана.
Дома прячет светлый месяц
В недра пестрого утеса,
Солнце,— чтобы не светило,—
В глубь горы, железом полной.
Говорит слова такие:
«Никогда светить не выйдет
Из горы на волю месяц.
Никогда не выйдет солнце,
Коли я не отпущу их,
Коль сама не дам свободы,
Жеребят доставя девять,
От одной рожденных матки!»

Только месяц был запрятан,
Только солнце было скрыто,
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах гор, железом полных, —
Похищает Лоухи пламя,
Вяйнёлы огонь очажный,
Чтоб лишить огня жилища,
Чтоб лишить жилища света.
Ночь настала без просвета,
Мрак густой и бесконечный.
В Калевале ночь повсюду,
Темны Вяйнёлы жилища,
Даже там, вверху, на небе,
Темнота в жилище Укко.
Жить без света очень трудно,
Без огня и вовсе тяжко.
Люди все затосковали,
Встосковался даже Укко.
Укко, этот бог верховный
И творец небесной тверди,
Очень сильно удивился.
Он подумал-поразмыслил,
Что там с месяцем за чудо,
Что там с солнышком случилось,
Что совсем не светит месяц,
Не сияет вовсе солнце.
Стал на край он темной тучи,
На границу неба вышел,
Он стоит в чулочках синих,
В башмаках прекрасных пестрых;
Смотрит — не найдет ли месяц,
Не видать ли света солнца,
Но найти не может месяц,
Увидать не может солнце.
Тотчас Укко выбил пламя,
Искру вышиб он живую,
Выбил огненным мечом он,
Тем клинком, горящим ярко;
Выбил он огонь ногтями,
Выпустил его из пальцев
В верхней области небесной,
В небе за оградой звездной.
И когда огонь он высек,
Спрятал огненную искру

В шитом золотом мешочке,
В среброкованой шкатулке.
Искру дал качать девице,
Дал ее воздушной деве,
Чтобы вырос новый месяц,
Солнце новое явилось.
    Дева в облаке уселась,
На краю высокой тучи,
Там огонь она качает,
Убаюкивает пламя
В золотой прекрасной люльке
На серебряных повязках.
    Серебра повязки гнутся,
Золотая ходит люлька,
В туче шум, движенье в небе,
Перегнулась крыша неба:
Так огонь качался в люльке,
Колебалось в небе пламя.
    Вот огонь качает дева,
Убаюкивает пламя
И огонь перстами гладит,
На руках то пламя нянчит.
Вдруг упал огонь у глупой,
Безрассудной этой девы,
Он упал из рук качавшей,
Из перстов его ласкавшей.
    Потряслось, расселось небо,
Двери воздуха раскрылись,
Искра огненная мчится,
Капля красная слетает,
И скользит сквозь крышу неба,
И шипит сквозь толщу тучи,
И небес прошла все девять,
Шесть покрышек этих пестрых.
    Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Брат, ковatель Ильмаринен!
Мы пойдем с тобой посмотрим,
Мы пойдем и разузнаем,
Там какой огонь спустился
И сошло какое пламя
С верхней области небесной
Вниз на области земные,
Может, месяца кружочек
Или солнца шар, быть может!»

В путь пошли герои оба.
Зашагали, стали думать,
Как туда попасть вернее,
Как туда пройти прямее,
Где упало это пламя,
Где огонь свалился с неба.
Вот шумит река пред ними,
Разлилась широким морем.
Начал строить Вяйнямёйнен,
Начал ловко ладить лодку,
Мастерить в лесу принялся.
Сам кователь Ильмаринен
Руль еловый к лодке сделал,
Из сосны он сделал весла.
Так была готова лодка
Вместе с веслами, с крюками;
Лодку на воду спускают,
Смастерили, опустили,
По Неве-реке поплыли,
По Неве вокруг мысочка.
Ильматар, краса-девица,
Дочка первая творенья,
Появилась им навстречу,
Говорит и слово молвит:
«Из каких мужей вы двое,
Как вас люди называют?»
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Оба мы — мужи морские,
Сам я — старый Вяйнямёйнен,
А со мною — Ильмаринен.
Ты сама откуда родом
И твое какое имя?»
Так им женщина сказала:
«Я — старейшая из женщин,
Первая из дев воздушных,
Мать древнейшая на свете,
Жен пяти не ниже честью
И шести невест красою.
Вы куда, мужи, идете,
Путь свой держите, герои?»
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Тут огонь пропал бесследно,
Пламя без следа исчезло,

Без огня мы долго жили,
Все во мраке оставались.
Потому и в путь мы вышли
Отыскать, где это пламя,
Что с небес сюда свалилось,
С края облака упало».
    Так им женщина сказала,
Молвит им слова такие:
«Нелегко найти то пламя,
Увидать его трудненько.
Принесло забот немало,
Зла наделало порядком!
Пламя это искрой пало,
Каплей красною скатилось
Из полей творца огромных,
Где ее сам Укко выбил,
Сквозь небесные равнины,
Сквозь воздушные пространства,
Сквозь отверстие для дыма,
На сухие на стропила,
В новое жилище Тури,
То, что Палвойнен построил.
    Как огонь туда свалился,
В новое жилище Тури,
Начал он дела дурные,
Принялся за преступленья:
Он хватает грудь девицы,
Разрывает груди девы,
Жжет он мальчику колено,
А хозяину бородку.
    Мать дитя свое кормила,
Крошку в бедной колыбели.
А туда огонь стремится,
Совершает преступленье:
Жжет дитя он в колыбели,
Груди матери спаляет.
Так ребеночек несчастный
Отошел в жилище Маны,
Ибо создан был для смерти,
Предназначен для кончины;
От огня, от мук ужасных,
В красном пламени погиб он.
    Мать имела больше знаний,
Не сошла мать в царство Маны;

Заклинать огонь умела,
Знала, как изгнать то пламя
Сквозь ушко иголки малой,
В топоре через отверстье,
Через дырочку в мотыге,
Подле паханого поля».
   Старый, верный Вяйнямёйнен
Быстро деву вопрошает:
«Но куда та искра делась,
Это огненное пламя,
В лес ли бросилось зеленый?
Или в море покатилось?»
   Так им женщина сказала,
Говорит слова такие:
«Искра бросилась оттуда,
Разнеслось далеко пламя
И сожгло поля сначала,
Жгло поля и жгло болота,
А потом упало в воду,
В волны Алуэ скатилось:
Это озеро вскипело,
В нем огнем блистают воды.
   По три раза летней ночью,
Девять раз осенней ночью
Это озеро вздымалось
От брегов своих до елей,
Бушевал огонь в нем дико,
Пламя жгло и клокотало.
   Рыб, кипя, бросали волны,
Малых окуней на скалы.
И обдумывали рыбы,
Окуньки там размышляли,
Как же быть и что же делать:
Рыбы плакали о доме,
Окунь — о своем подворье,
Ерш — о крепости скалистой.
   Вышел окунь-кривошея,
Искру огненную ловит,
Но догнать ее не может.
Вышел синий сиг, погнался,
Ловит огненную искру,
Проглотил он злое пламя.
   В берег Алуэ вступило,
Озеро с краев упало,

На привычное местечко
Опустилось летней ночью.
    Мало времени проходит:
Проглотивший испугался,
Съевший искру боль почуял,
Сиг, пожравший пламя, страждет.
    Шумно мечется повсюду,
День плывет он и другой день,
Где лежит сиговый остров,
Где стоят утесы семги,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Никого — убить беднягу,
Проглотить его, страдальца,
Уничтожить боль от жара,
От огня его страданья».
    Вот пеструшка это слышит,
И сига она глотает.
Мало времени проходит:
Рыбу съевшей стало страшно,
Проглотившая болеет,
От огня она страдает.
    Шумно мечется повсюду.
День плывет она, другой день,
Где стоят утесы семги,
Где стоят пещеры щуки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастную убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара,
От огня ее страданья».
    Щука серая то слышит,
Проглотила ту пеструшку.
Мало времени проходит:
Рыбу съевшей страшно стало,

Проглотившая болеет,
От огня она страдает.
Шумно мечется повсюду.
День плывет она, другой день
Возле скал морской вороны,
Около утесов чайки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастную убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара
И от пламени страданья».
Старый, верный Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен
Можжевельник тотчас режут,
Вяжут сети из мочалы;
Красят ивовой водою,
Ивовой корой скрепляют.
Старый, верный Вяйнямёйнен
К тем сетям поставил женщин.
Стали женщины у сети,
Сестры сети потянули.
И, гребя, уж едут с ними
Возле кос и островочков,
Возле скал и гротов семги,
У сиговых островочков,
Где камыш стоит, серея,
Где тростник разросся стройно.
Едут дальше, рыбу ловят,
Тянут невод, погружают,
Держат наискось порою,
Наклонивши его тянут:
Не поймали этой рыбы,
Несмотря на все старанье.
Тут вступили в воду братья,
Подошли к сетям мужчины.
Сети тянут и толкают,
Невод дергают и тащат
Возле рифов, по заливам,
Возле Калевы утесов:

Но поймать не могут рыбы
Той, что так была нужна им.
Щука серая не вышла
Из воды, из тихой бухты,
Из большой равнины водной:
Малой рыбе — петли крупны.
Стали жаловаться рыбы,
Щука щуке говорила,
Сиг сигу вопросы задал,
Семга спрашивала семгу:
«Или храбрые уж мертвы,
Калевы сыны погибли
Те, что сеть из льна вязали,
Невод делали из ниток,
Что баграми рыб пугали,
Палкой длинною стучали?»
Слышит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Храбрецы не умирали,
Калевы герои живы.
Мертв один, а два родятся,
И у них багры получше,
Ловят палкой подлиннее,
Сетью вдвое пострашнее».

РУНА СОРОК ВОСЬМАЯ

Сыны Калевы изготовляют сети из льна и отправляются ловить проглотившую огонь рыбу, которую и вылавливают (1—192).— Огонь находят в брюхе рыбы, но он быстро выскальзывает и сильно обжигает щеки и руки Ильмаринену (193—248).— Огонь распространяется по лесу, опустошает много земель и движется все дальше, наконец его вылавливают и доставляют в темные жилища Калевалы (249—290).— Ильмаринен оправляется от ожогов (291—372)

Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Вновь обдумал это дело,
Размышлять над ним он начал,
Как бы сеть связать льняную,
Невод свить во сто раз больше.
Наконец сказал он слово
И такие речи молвил:

«Ведь найдется же, кто вспашет,
Вспашет землю, лен посеет,
Чтоб я невод приготовил,
Сеть стопетельную сделал
И убил бы злую рыбу,
Уничтожил бы дрянную?»
Вот нашлось земли немного,
Не сожженное местечко,
По обширному болоту,
Меж двух пней посередине.
Корень был тотчас же вырыт:
Там нашли льняное семя,
Туонелы червем хранимо,
Спрятано червем подземным.
Там золы осталась кучка,
Пепла кучечка сухого
От сожженной как-то лодки,
Уничтоженного судна.
Здесь-то лен и был посеян,
Погружен в золу сухую,
Близко к Алуэ посеян,
В почву глинистую пашни.
Хорошо взошло растенье,
Лен богато там поднялся,
Неожиданно он вырос
Лишь в теченье летней ночи.
Ночью был тот лен посеян,
При луне запахан в землю,
Был очищен и разобран,
Был обобран и ощипан,
Очень сильно был отрепан,
Очень быстро был очесан.
Вот снесли его для мочки;
Был он вымочен поспешно
И затем поспешно вынут,
Очень быстро был просушен.
Принесли его в жилище:
Тут толкли его усердно,
Со старанием помяли,
Растрепали все волокна.
Расчесали лен поспешно,
Расчесали ранним утром,
Разложили весь по связкам,
После лен на веретена

Намотали летней ночью,
Меж двух дней одною ночью.
Вот прядут тот лен сестрицы,
Нитки делают невестки,
Связывают невод братья,
А отцы веревки вяжут.
Взад-вперед вертелись спицы,
Петли делали прилежно,
Так что сеть была готова,
Невод изо льна был связан
Лишь в теченье ночи летней,
Даже в ночи половину.
Наконец-то сеть готова,
Изо льна уж невод связан,
И в длину та сеть сто сажен
И семьсот вокруг по краю.
Прикрепили к сети камни,
Прикрепили к сети доски.
Стали к сети молодые,
Дома старшие гадали:
Можно ль будет этой сетью
Захватить в воде ту рыбу?
Потянули, потащили,
Погрузили сеть для ловли:
Вдоль воды прилежно тянут,
В ширину воды проходят.
Ловят маленьких рыбешек:
Ловят ершиков несчастных,
Ловят окуней костлявых
И плотиц, богатых желчью;
Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть связали.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«О кователь Ильмаринен!
Сами мы пойдем с тобою,
По воде потянем сети!»
И пошли вдвоем герои,
Тянут сеть в воде искусно
И один край повернули
Прямо к Вяйнёле на пристань,
А другою стороною
Повернули на мысочек
И бечевку натянули
Прямо к Вяйнёле на пристань.

Тянут сеть, вперед толкают,
Тянут, тащат этот невод,
Рыб достаточно поймали:
Окуней большую кучу,
И хорошеньких пеструшек,
И лещей, и разной семги,
Всяких рыб в воде поймали;
Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть вязали,
Невод в воду опустили.
К этой сети Вяйнямёйнен
Привязал еще другую;
И края к краям прибавил
В пятьсот сажен шириною,
С бечевою в семьсот сажен.
Говорит слова такие:
«Мы поглубже сеть оттащим,
Понесем ее подальше,
Через воду сеть потянем,
Мы опять потянем невод!»
Сеть к глубинам потащили,
Отнесли ее на волны,
Тянут дальше через воду;
Во второй раз тащат невод.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Велламо, воды хозяйка,
С тростниковой грудью в волнах!
Ты смени свою рубашку,
Свой кафтан смени скорее!
Ведь камыш — твоя рубашка,
Пена моря — покрывало,
Их дала тебе дочь ветра,
Дочка моря подарила;
Я же дам тебе льняную,
Полотняную рубашку;
Дочь Луны над ней трудилась,
Солнца дочь ее соткала.
Ахто, ты, глубин хозяин,
Сотни омутов владыка!
Ты возьми в пять сажен палку,
Кол возьми семиконечный,
По всему пройдися морю,
Перерой все дно морское,

В тростниках поройся палкой,
К нам гони ты рыбьи стаи,
К нам, туда, где тащим невод,
Поплавков волочим сотню,
Рыб гони ты из заливов,
Из лососьих ям гони их,
Из большой пучины моря,
Из его бездонной глуби,
Где совсем не светит солнце,
По песку никто не ходит!»
Поднялся из волн малютка,
Богатырь из моря вышел,
На волнах остановился,
Говорит слова такие:
«Нужен вам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Нужен нам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку».
Муж-малыш, герой-малютка
Тут срубил сосну большую,
Взял он длинную из леса,
К ней скалу вверху приделал
И, спросив, промолвил слово:
«Из всей силы гнать мне рыбу,
Со всего плеча работать
Или гнать насколько нужно?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут сказал слова такие:
«Будешь гнать насколько нужно,
Так и то довольно будет».
Муж-малыш, герой-малютка
Начал тут свою работу.
Гонит он насколько нужно:
Гонит рыб большие стаи
К месту, где тащили невод,
Поплавков тащили сотню.
У весла кузнец уселся;
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам повыше невод тянет,
Посильнее тащит сети.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Уж попала рыбья стая,

Где я невод кверху поднял,
Где пустил пониже доски».
Тут уж вытянули невод,
Подняли его повыше,
Вытрясли на лодке Вяйнё.
Поймана была та рыба,
Для которой сеть вязали,
Заготавливали невод.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Едет к берегу на лодке,
Едет к синему мосточку,
К красной пристани прибрежной.
Груду рыб из лодки вынул,
Взял он кучу рыб костлявых:
Щуку серую там выбрал,
Что давно поймать хотел он.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Взять ли рыбу мне рукою,
Без железной рукавицы,
И без каменной перчатки,
И без варежки из меди?»
Солнца сын услышал это,
Говорит слова такие:
«Распластал бы здесь я щуку,
Взял бы я ее рукою,
Если б здесь был нож отцовский,
Заповедный нож от предков».
С неба выпало железо
С череночком золоченым,
С лезвием посеребренным,
Прямо к чреслам сына Солнца.
Храбрый Солнца сын точас же
Этот нож берет рукою,
Разрезает тело щуки,
Тело той широкоротой;
Там, в утробе серой щуки,
Оказалася пеструшка;
У пеструшки этой в брюхе
Гладкий сиг уже нашелся.
Вот сига он разрезает:
Синий клуб оттуда тащит,
Из кишки сиговой тонкой,
Там, из третьего загиба.

Развернул клубочек синий:
А из синего клубочка
Выпал красненький клубочек.
Вскрыл он красненький клубочек:
Изнутри того клубочка
Вынул огненную искру,
Что упала с высей неба,
Что проникла через тучи,
Что с восьми небес упала,
Из девятого пространства.
Вяйнямёйнен думать начал,
Как теперь доставить искру
К избам, пламени лишенным,
К обиталищам без света,
А она вдруг ускользнула
Из руки у сына Солнца.
Вяйнё бороду спалила,
Кузнеца сожгла сильнее,
Опалив бесстыдно щеки,
Опалив ему и руки.
И бежит огонь оттуда,
В волнах Алуэ мелькает,
Можжевельник обжигает,
Опаляет всю равнину;
Поднимается на ели:
Сжег еловые лесочки.
И бежит все дальше, дальше,
Уж пол-Похъёлы пожег он,
Опалил пределы Саво
И Карелии пределы.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам идти за ним собрался,
Чрез леса он там проходит,
По следам огня стремится.
Наконец его нашел он
Между двух пеньков у корня,
Был огонь в дупле ольховом,
Там, в изгибе пня гнилого.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Ты, огонь, созданье божье,
Ты, светящее творенье!
В глубину идешь напрасно,
Вдаль идешь без основанья!

Лучше сделаешь, вернувшись
В избы, в каменные печки;
Там в своих ты ляжешь искрах,
Под свои укрывшись угли,
Чтобы днем ты пригодился
Для березовых поленьев,
Чтоб тебя скрывали на ночь,
В очаге тебя хранили».
Искру огненную взял он,
Положил на трут горючий,
На кусок сухой березы,
Положил в котел из меди
И в котле принес ту искру.
Он принес ее в бересте
На мысок, укрытый мглою,
На туманный островочек:
Получили пламя избы,
Получили свет жилища.
Сам кователь Ильмаринен
Побежал на берег моря,
Подошел к утесу быстро,
На скале остановился,
От огня терпел мученья
И от пламени страданья.
Пламя хочет он утишить,
У огня ослабить силу.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, огонь, созданье божье,
Сын небесного светила!
Чем разгневан ты так сильно,
Что мои обжег ты щеки,
Что ты бедра опалил мне
И бока обжег ужасно?
Как смогу унять я пламя,
У огня ослабить силу,
Сделать жар огня бессильным,
Это пламя обезвредить,
Чтоб не жгло меня сильнее,
Чтоб не мучиться мне больше?
Приходи, о дочка Турьи,
Из Лапландии девица,
В лед и в иней ты обута,
В замороженной одежде,

Носишь с инеем котел ты
С ледяной холодной ложкой!
Окропи водой холодной,
Набросай побольше льдинок
На места, где есть ожоги,
Где мне бед огонь наделал!
Если ж этого все мало —
Сына Похъёлы зову я.
Ты, Лапландии питомец,
Длинный муж земли туманной,
Вышиной с сосну ты будешь,
Будешь с ель величиною,—
У тебя из снега обувь,
Снеговые рукавицы,
Носишь ты из снега шапку,
Снеговой на чреслах пояс!
Снегу в Похъёле возьми ты,
Льду в деревне той холодной!
Снегу в Похъёле немало,
Льду в деревне той обилье:
Снега реки, льда озера,
Там застыл морозный воздух;
Зайцы снежные там скачут,
Ледяные там медведи
На вершинах снежных ходят,
По горам из снега бродят;
Там и лебеди из снега,
Ледяных там много уток
В снеговом живут потоке,
У порога ледяного.
Лед вези сюда на санках,
На возах доставь ты снегу,
Привези с вершины дикой
И с краев горы твердейшей!
Охлади холодным снегом,
Заморозь ты льдом холодным
Все, что мне огонь наделал,
Все, что здесь спалило пламя!
Если ж этого все мало,—
О ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты, что правишь в тучах,
Облаками управляешь,
Вышли тучу от востока,
А от запада другую

И ударь ты их концами,
Пустоту меж них наполни!
Ты пошли и лед и иней,
Дай ты мне хорошей мази
На места, что опалились,
Где мне бед огонь наделал!»
Так кователь Ильмаринен
Пламя грозное утишил,
У огня он отнял силу.
И кузнец стал вновь здоровым,
Получил обратно крепость,
Исцелившись от ожогов.

РУНА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Ильмаринен выковывает новую луну и новое солнце, но не может заставить их светить (1—74).— Вяйнямёйнен при помощи гадания узнает, что луна и солнце находятся в скале Похъёлы, он отправляется в Похъёлу, сражается с людьми Похъёлы и одерживает победу (75—230).— Он хочет увидеть луну и солнце, но не может попасть внутрь скалы (231—278).— Он возвращается домой, чтоб выковать оружие, с помощью которого можно было бы открыть скалу. Когда Ильмаринен принимается его ковать, хозяйка Похъёлы, в страхе, что ей придется плохо, выпускает из скалы луну и солнце (279—362).— Вяйнямёйнен, увидев луну и солнце на небе, приветствует их и желает, чтобы они всегда украшали небо и приносили счастье людям (363—422)

Не восходит больше солнце,
Золотой не светит месяц
Ни над Вяйнёлы домами,
Ни над полем Калевалы.
Охватил мороз посевы,
На стада болезнь напала,
Птицы все затосковали,
Люди чувствовали скуку
Без сиянья солнца в небе
И без лунного сиянья.
Щука ведала свой омут,
Знал орел дороги птичьи,
Ветер знал челна дорогу;
И не знали только люди,
Утро ль серое вернулось,
Ночь ли темная спустилась

На мысок, укрытый мглою,
На туманный островочек.
Совещались молодые,
Старцы также рассуждали,
Как без месяца прожить им,
Как без солнца сохраниться
В областях, несчастьем полных,
В бедных северных пространствах.
Совещались и девицы,
Девочки полны заботы.
К кузнецу пошли, к горнилу.
Так они ему сказали:
«Поднимись, кузнец, с постели,
Где лежишь у теплой печки,
Нам ты выкуй новый месяц,
Сделай круглое нам солнце!
Плохо, коль не светит месяц,
Тяжело прожить без солнца».
Поднялся кузнец с постели,
Где лежал у теплой печки,
Стал ковать он новый месяц,
Солнце новое стал делать,
Чтоб из золота был месяц
И серебряное солнце.
Вышел старый Вяйнямёйнен,
У дверей уселся кузни.
Говорит слова такие:
«О кузнец, любимый братец!
Что там в кузнице стучишь ты,
Что колотишь беспрестанно?»
Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Золотой кую я месяц
И серебряное солнце,
В небесах вверху повесить,
Выше, чем шесть пестрых крышек».
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«О кователь Ильмаринен!
Ты предпринял труд напрасный!
Злато месяцем не станет,
Серебро не будет солнцем!»
Сделал месяц Ильмаринен,
Также выковал и солнце,

Кверху снес их осторожно,
Высоко он их поставил:
На сосну отнес он месяц,
На вершину ели — солнце.
Пот со лба его катился,
С головы струилась влага:
Так трудна была работа,
Так подняться было трудно.
Вот наверх отнес он месяц
И отнес на место солнце,
На сосну повыше месяц,
На верхушку ели солнце:
Но сиять не хочет месяц,
И светить не хочет солнце.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Ворожбу начать придется
И по знакам вызнать надо,
Где теперь укрылось солнце
И куда исчез наш месяц».
Сам он, старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Из ольхи лучинки режет,
Ставит их сперва в порядке,
А потом вертеть их начал,
Поворачивать перстами,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«У творца прошу я знака,
Жду настойчиво ответа.
Божий знак, открой мне правду,
Знак всевышнего, скажи мне:
Где теперь укрылось солнце
И куда пропал наш месяц,
Отчего все это время
В небесах мы их не видим?
Знаменье, открой мне правду,
Не скажи по мысли мужа,
А скажи правдивым словом,
Знанье верное даруй мне!
Если знак меня обманет,
Брошу я его на землю;
Знак в огонь тогда закину,
Пусть в огне тот знак сгорает».

Правду знаменье открыло,
Знак мужей тогда ответил:
Что сокрылось с неба солнце
И с небес сокрылся месяц
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Если в Похъёлу пойду я,
Похъёлы сынов тропою,
Засияет снова месяц,
Заблестит как прежде солнце».
Он отправился поспешно
В землю Похъёлы туманной.
День идет он и другой день;
Наконец, уже на третий,
Земли Похъёлы открылись,
Видны каменные горы.
Вот кричит он очень громко
В Похъёле у переправы:
«Лодку мне сюда доставьте,
Чтобы реку переплыл я!»
Крик его услышан не был,
Лодки старцу не послали,
Он собрал деревьев кучу
И сухих еловых веток;
Он зажег их на прибрежье,
Так что дым большой поднялся,
Пламя к небу восходило,
Дым собой наполнил воздух.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Подошла сама к окошку.
На пролив, на устье смотрит,
Говорит слова такие:
«Что за пламя там пылает,
В устье этого пролива?
Для войны, пожалуй, мало,
Для костров рыбачьих много».
Житель Похъёлы выходит
Из избы на двор поспешно,
Чтоб увидеть и услышать
И получше все разведать:
«За рекой, на том прибрежье,
Виден мне герой могучий».

Крикнул старый Вяйнямёйнен,
Во второй раз молвил громко:
«Ты, сын Похъёлы, дай лодку,
Вяйнямёйнену челнок дай!»
Но сын Похъёлы промолвил,
Говорит слова такие:
«Нет незанятых здесь лодок.
Пальцы веслами ты сделай,
А рука рулем пусть будет
В Похъёлу доплыть водою».
Думал старый Вяйнямёйнен,
Так подумал и размыслил:
«Не сочтут того за мужа,
Кто с пути назад вернется».
И пошел он щукой в воду,
Он сигом пошел в потоки,
Переплыл пролив он скоро,
Перешел пространство быстро.
Сделал шаг, другой шаг сделал
И ступил на берег грязный.
Дети Похъёлы собрались,
Говорит толпа дрянная:
«В Похъёлы избу пожалуй!»
В Похъёле во двор он входит.
Дети Похъёлы сказали,
Говорит толпа дрянная:
«В Похъёлы избу пожалуй!»
В Похъёлы избу он входит;
Он ступил ногою в сени,
Взял рукою ручку двери
И тогда во внутрь проходит,
Проникает он под кровлю.
Мед в избе мужчины пили,
Сладкий сок они глотали,
Были все они с оружьем,
Все у пояса с мечами
На погибель старца Вяйнё,
Чтоб погиб Сувантолайнен.
Так пришедшего спросили,
Говорят слова такие:
«Что, негодный муж, ты молвишь,
Что, герой-пловец, расскажешь?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:

«Я о месяце скажу вам,
Чудеса скажу о солнце.
Где от нас укрылось солнце
И куда пропал наш месяц?»
Дети Похъёлы сказали,
Говорит толпа дрянная:
«Вот куда сбежало солнце,
Солнце скрылось, месяц скрылся
В грудь пятнистого утеса,
В грудь скалы, железом полной.
Уж не выйти им оттуда,
Не уйти, пока не пустят».
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Если месяц из утеса,
Солнце из скалы не выйдет,
Так и бой начать мы можем,
На мечах тогда сразиться!»
Вынул меч, открыл железо,
Из ножон меч грозный тащит:
На конце сияет месяц,
Солнца блеск на рукоятке,
И конек стоит на спинке,
На головке кот мяучит.
Вот померились мечами,
Лезвия их осмотрели:
Только малую толику
Подлиннее меч у Вяйнё;
На зерно он подлиннее,
На обхват стебля соломы.
Вот на двор наружу вышли,
На просторную поляну.
Ударяет Вяйнямёйнен
Так, что искры засверкали,
Раз ударил и другой раз:
Посрубил он, словно репы,
Головы, как льна головки,
Гордым Похъёлы потомкам.
И собрался Вяйнямёйнен
Поглядеть на светлый месяц,
Унести с собою солнце
Из груди скалы пятнистой,
Из горы, железом полной,
Из железного утеса.

Вот проходит он немного,
Небольшое расстоянье,
Видит там зеленый остров,
А на нем растет береза,
Под березой этой камень,
И утес стоит у камня,
А дверей в утесе девять,
На дверях задвижек сотни.
Видит трещину в утесе,
В камне узкую полоску.
Меч из ножен вынимает,
Острый меч в скалу вонзает,
Колет он клинком огнистым,
Колет пламенным железом
Так, что камень раскололся,
Быстро натрое распался.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Посмотрел чрез щели камня:
Змеи там хлебают сусло,
Пиво пьют в скале гадюки,
В недрах этого утеса,
Что похож на печень цветом.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«То-то бедная хозяйка
Мало пива здесь имела,—
Тут хлебают сусло змеи,
Пиво пьют в скале гадюки».
Змеям головы срубает,
Злым гадюкам рубит шеи.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Никогда в теченье жизни,
От сего дня впредь считая,
Да не пьют гадюки пива,
Не хлебают сусла змеи!»
Хочет старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Раскачать руками двери,
Силой слова снять задвижки:
Не открыл дверей рукою,
Слов не слушались задвижки.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:

«Баба тот, кто безоружен,
Тот без сил, кто без секиры».
Тотчас он домой вернулся,
Головой поник печально,
Что ни месяца не добыл,
Что ни солнца не достал он.
И промолвил Лемминкяйнен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Отчего меня не взял ты
Как товарища в заклятьях?
Я отбил бы все замочки,
Поломал бы я задвижки,
Я сиять пустил бы месяц
И светить я дал бы солнцу».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Не берут слова задвижек,
Не берут замков заклятья,
Кулаком их не подвинешь,
Не своротишь двери локтем».
К кузнецу пошел, к горнилу.
Говорит слова такие:
«О кузнец ты, Ильмаринен!
Выкуй мне трезубец твердый,
Выкуй дюжину мне копий
Да ключей большую связку,
Чтоб я месяц из утеса,
Из скалы достал бы солнце!»
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот ковнтель,
Все сковал, что было нужно:
Дюжину сковал трезубцев
И ключей большую связку,
Связку копий приготовил,
Не больших, не очень малых,
Сделал среднего размера.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
К бедрам крылья прикрепила
И на воздух вознеслася.
Возле дома полетала
И летит она подальше,
Море Похъёлы минуя,
К Ильмаринену на кузню.

Посмотрел кузнец в окошко,
Уж не буря ль там несется:
То не буря там несется,
То слетает серый ястреб.
И промолвил Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Что тебе здесь нужно, птица,
У окна зачем ты села?»
Так ответила тут птица,
Так промолвил этот ястреб:
«О кузнец ты, Ильмаринен,
Замечательный кователь,
Ты, по правде, славный мастер,
Ты — кователь настоящий!»
Так ответил Ильмаринен,
Сам сказал слова такие:
«Никакого тут нет чуда,
Что кузнец я настоящий,
Если выковал я небо,
Кровлю воздуха устроил».
И сказала эта птица,
Так промолвил серый ястреб:
«Что куешь ты здесь, кователь,
Не оружие ль какое?»
Так промолвил Ильмаринен,
Дал в ответ слова такие:
«Я кую ошейник крепкий
Этой Похъёлы старухе,
Приковать старуху надо
Там, у твердого утеса».
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Видит, к ней беда подходит,
Ей несчастье угрожает.
И летит, стремясь чрез воздух
Дальней Похъёлы достигнуть.
Из скалы пускает месяц,
Солнце выслала из камня.
А сама свой вид меняет,
В виде голубя явилась:
Запорхала, прилетела
К Ильмаринену на кузню.
Подлетела к двери птицей,
Голубком у двери села.

И промолвил Ильмаринен,
Сам сказал слова такие:
«Ты зачем сюда явился,
Прилетел к порогу, голубь?»
Из дверей ему ответил,
От порога этот голубь:
«Я затем здесь у порога,
Чтоб принесть тебе известье:
Из скалы уж вышел месяц,
Из утеса вышло солнце».
Сам кователь Ильмаринен
Посмотреть тогда выходит.
Он подходит к двери кузни,
Смотрит пристально на небо:
В небе вновь сияет месяц,
В небе вновь блистает солнце.
К Вяйнямёйнену идет он,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
Посмотри пойди на месяц,
Погляди пойди на солнце!
Ведь они уже на небе,
На своих местах привычных».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам на двор тогда выходит,
Поднял голову он кверху,
Посмотрел на небо быстро:
Месяц там стоял, как прежде,
И свободно было солнце.
Смотрит старый Вяйнямёйнен,
Говорить он начинает.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Здравствуй, месяц серебристый,
Вновь ты кажешь лик прекрасный,
Здравствуй, солнце золотое,
Снова всходишь ты, сияя!
Из скалы ушел ты, месяц,
Ты ушло из камня, солнце,
Как кукушка золотая,
Как серебряный голубчик,
На своих местах вы снова,
Прежний путь свой отыскали.

По утрам вставай ты, солнце,
С нынешнего дня вовеки!
Каждый день приветствуй счастьем,
Чтоб росло богатство наше,
Чтоб к нам в руки шла добыча,
К нашим удочкам шла рыба!
Ты ходи благополучно,
На пути своем блаженствуй,
В красоте кончай дорогу,
Отдыхай с отрадой ночью!»

РУНА ПЯТИДЕСЯТАЯ

У девушки Марьятты рождается сын от брусники (1—350).— Ребенок куда-то исчезает, и его наконец находят в болоте (351—424).— Для крещения приводят старца, но старец не крестит сына, у которого нет отца, до тех пор, пока не будет изучено и решено, должен ли он быть оставлен в живых (425—440).— Вяйнямёйнен приходит, чтобы изучить дело, и объявляет, что этот странный мальчик должен быть умерщвлен, однако младенец укоряет Вяйнямёйнена за несправедливый приговор (441—474).— Старец крестит младенца как будущего короля Карелии; разгневанный Вяйнямёйнен уходит, предсказывая, что он еще однажды понадобится своему народу для нового Сампо, кантеле и света; он уплывает на медной лодке туда, где сходятся земля и небо, но кантеле и свои великолепные песни он оставляет в наследство народу (475—512).— Заключительная руна (513—620)

Марьятта, красотка-дочка,
Выросла в отцовском доме,
При отце жила, при знатном,
И при матери любимой.
Пять цепочек износила,
Шесть колец она истерла,
Что с отцовскими ключами
На груди ее блестели.
Полпорога вовсе стерла
Славно вышитым подолом,
Полстропила перетерла
Тонким головным платочком
И полпритолки истерла
Рукавом из мягкой ткани,
Протоптала половицы
Башмаков своих подошвой.

Марьятта, красотка-дочка,
Эта девочка-малютка
Скромницей была отменной
И стыдливость сохраняла.
Рыбой вкусною питалась
И корой сосновой мягкой;
Никогда яиц не ела,
Так как с курицей петух жил;
От овцы не ела мяса,
Коль овца жила с бараном.
Мать доить ее послала,
Но она доить не хочет,
Отвечает ей словами:
«Никогда такая дева
Не возьмет коров за вымя,
Что с быками поиграли,
Молока же не бывает
У телят или у телки».
Жеребца отец запряг ей,
Но она на нем не едет.
Брат тогда привел кобылу,
А девица молвит слово:
«Не поеду на кобыле,
С жеребцом она играла,
Жеребенка запрягите,
Что лишь месяц как родился».
Марьятта, красотка-дочка,
Чистою жила девицей,
Кроткою, прекраснокудрой
И красавицей стыдливой,
Выгоняла стадо в поле,
За ягнятами ходила.
Раз на холм взошли ягнята,
Овцы на гору взобрались,
Дева ходит по поляне,
Между ольх в лесу играет,
А сребристая кукушка
Кличет, птичка золотая.
Марьятта, красотка-дочка,
Звуки слушая, уселась
На лугу, где много ягод,
На покатости пригорка,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:

«Кличь, кукушка золотая,
Пой, серебряная птичка,
Кличь ты, с грудкой оловянной,
Молви, ягодка-красотка!
Ты скажи: я долго ль буду
Незамужнею пастушкой
По лесным бродить полянам,
По просторам этой рощи!
Буду лето, буду два ли,
Пять лет буду или шесть лет,
Или десять лет, быть может,
Или ждать совсем недолго?»
   Марьятта, красотка-дочка,
Долго уж была пастушкой.
Не сладка пастушья доля,
А особенно девице:
По земле ползут гадюки,
В травах ящериц довольно.
   Но не ползают тут змеи,
В травах ящериц не видно —
Кличет ягодка с пригорка,
Слово молвила брусника:
«Ты сорви меня, девица,
Подбери меня, младая,
В оловянных украшеньях,
С подпояскою из меди!
Или съест меня улитка,
Иль червяк проглотит черный,
Уж меня видали сотни,
Тут вот тысячи сидели,
Женщин тысяча, дев сотня
И большой толпою дети,
Но никто меня не тронул,
Не сорвал меня рукою».
   Марьятта, красотка-дочка,
По тропе прошла немного,
Чтобы ягодку увидеть,
Выбрать красную со стебля,
Выбрать кончиками пальцев,
Нежными сорвать руками.
   Видит — ягодка на горке,
На полянке та брусника:
И на ягодку похожа,
Но стоит как будто странно,—

Брать с земли — высоко слишком,
С дерева — так слишком низко!
Прутик тут взяла девица,
Сбила ягодку на землю.
Прыгнула с земли брусника
На башмак ее прекрасный,
С башмака она вскочила
К ней на чистое колено,
С чистого ее колена
На оборочку от платья.
Прыгнула потом на пояс,
С пояса на грудь девицы,
А с груди на подбородок,
С подбородка прямо в губы;
А оттуда в рот скользнула,
На язык там покатилась,
С языка же прямо в горло
И затем прошла в желудок.
Марьятта, красотка-дочка,
От нее затяжелела,
Понесла от той брусники,
Полной сделалась утроба.
Одевалась без шнурочка
И без пояса ходила,
Удалялась тайно в баню,
В темноте там укрывалась.
Мать раздумывала часто,
Размышляла так старуха:
«Что-то с Марьяттой случилось,
С милой курочкою нашей,
Что шнурка не надевает,
Что без пояса гуляет,
Что украдкой в баню ходит,
Укрывается во мраке?»
И сказал один ребенок,
Он слова такие молвил:
«Видно, с Марьяттой случилось
Оттого такое горе,
Что бедняжка очень долго
Прожила со стадом в поле».
И носила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью
Так семь месяцев и восемь,
Девять месяцев носила,

По расчету старых женщин —
Даже девять с половиной.
Так как в месяце десятом
Дева вовсе заболела,
Отвердело вовсе чрево
И томило деву мукой.
Просит мать устроить баню:
«Мать моя ты дорогая!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,
Чтоб могла я на свободе
Там избавиться от болей!»
Мать промолвила ей слово,
Так ответила старуха:
«Прочь уйди, блудница Хийси!
Отвечай мне, с кем лежала?
Холостой ли он мужчина,
Молодец ли он женатый?»
Марьятта, красотка-дочка,
Ей в ответ сказала слово:
«Не была я с неженатым,
Ни с женатым я не зналась.
А пошла я на пригорок
И хочу сорвать бруснику.
Вижу — будто бы брусника,
На язык ее взяла я.
В горло мне она скользнула,
Проскочила в мой желудок:
От нее отяжелела,
Полноту я получила».
Так отца о бане просит:
«Дорогой отец любимый!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку!»
Ей отец промолвил слово,
Старый ей тогда ответил:
«Уходи ты прочь, блудница,
Ты, презренная, подальше,
На утес, в жилье медвежье,
К ворчуну в его пещеру.
Там родить, блудница, можешь,
Там погибнешь ты, дрянная!»

Марьятта, красотка-дочка,
Слово мудрое сказала:
«Я нисколько не блудница,
Не презренная нисколько.
Но великого героя,
Благородного рожу я,
Даже сильного сразит он
Вяйнямёйнена седого».
Дева бедная не знает,
Где, в какую дверь стучаться,
У кого просить ей баню?
Говорит слова такие:
«Пилтти, девочка-малютка,
Ты всех лучше из служанок!
Попроси в деревне баню,
Баню у речушки Сары,
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку!
Ты беги, помчись быстрее,
Это нужно очень скоро!»
Пилтти, девочка-малютка,
Говорит слова такие:
«Но кого просить я буду,
У кого искать подмоги?»
Молвит Марьятта служанке,
Говорит слова такие:
«Прямо к Руотусу отправься,
Где впадает речка Сара!»
Пилтти, девочка-малютка,
Тем словам ее внимает,
И без просьб она готова
И скора без приказанья,
Точно пар, она выходит
И, как дым, на двор стремится,
Подбирает свой передник,
Платье верхнее руками,
Побежала скорым шагом,
Прямо к Руотусу помчалась.
Затряслись от бега горы,
И качались тут пригорки,
Шишки по пескам скакали,
Камни скачут по болоту.
Вот и к Руотусу приходит
И вошла в его жилище.

Этот Руотус безобразный
Ест и пьет с большою спесью,
За столом сидит в рубашке
Из льняной отличной ткани.
Так сказал он за обедом,
Опершись на скатерть гордо:
«Что, негодная, ты скажешь?
Ты откуда прибежала?»
Пилтти, девочка-малютка,
Говорит слова такие:
«Я пришла просить о бане,
Баню я ищу у речки,
Где б покой нашла бедняжка,
Где б была несчастной помощь».
Тут жена его приходит,
Упершись в бока руками,
Переваливаясь, ходит,
Посредине пола стала
И расспросы начинает,
Говорит слова такие:
«Для кого ты баню просишь,
Для кого подмоги ищешь?»
Пилтти, девочка, сказала:
«Я для Марьятты прошу вас!»
И ответила старуха,
Руотуса жена дурная:
«Нету бани здесь на речке,
Для чужой у нас нет бани.
Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет:
Лошадь там надышит пару,
В том пару вы и попарьтесь».
Пилтти, девочка-малютка,
Поспешила возвратиться,
Что есть силы побежала,
Прибежавши, так сказала:
«Не нашлось в деревне бани,
Не нашлось у речки Сары,
Мне та Руотуса хозяйка
Слово молвила такое:
«Нету бани здесь на речке,
Для чужой у нас нет бани.

Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет:
Лошадь там надышит пару,
В том пару вы и попарьтесь!»
Так сказала эта злая,
Так она мне отвечала».
Марьятта, малютка-дева,
Начинает горько плакать.
Говорит слова такие:
«Вот должна теперь идти я,
Как поденщица какая,
Как наемная рабыня,
На спаленную поляну,
На траву в лесу сосновом!»
Вот берет руками платье,
Подбирает край подола
И несет в руках метелку,
Веником живот прикрывши.
Так идет она поспешно,
При жестоких муках чрева,
В темный хлев в лесу сосновом,
В домик Тапио на горке.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Снизойди, творец, на помощь,
Милосердный, будь защитой
В этом очень трудном деле,
В этот час, такой тяжелый!
Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева,
Чтоб от болей ей не сгибнуть,
От мучений не скончаться!»
И, когда дошла до места,
Говорит слова такие:
«Надыши, конек мой милый,
Надыши, моя лошадка,
Сделай теплый пар, как в бане,
Теплоты побольше дай мне,
Чтоб покой нашла бедняжка,
Чтоб была несчастной помощь».
Надышал конек тот добрый,
Надышал тот жеребенок

На страдающее чрево:
И, когда дышала лошадь,
Стало жарко, словно в бане,
И пары сгустились в капли.
Марьятта, малютка-дева,
Та стыдливая девица,
Покупалась там довольно,
В том тепле омыла чрево.
Родила на свет сыночка,
И невинного младенца
К лошади кладет на сено,
В ясли к ней, прекрасногривой.
А затем сынка обмыла
И в пеленки спеленала,
Положила на колени,
На своем укрыла лоне.
Скрыла милого сыночка
И питала дорогого,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый.
На руках своих кормила,
На руках своих качала.
Положила на колени,
На своем укрыла лоне,
Начала головку гладить
И волосики чесала.
Вдруг исчез с колен ребенок,
Вдруг пропал тот мальчик с лона.
Марьятта, малютка-дева,
Та стыдливая девица,
Собралась искать ребенка,
Сына милого, родного,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый.
И под жерновом глядела,
Под полозьями у санок,
И под грохотом искала,
Посмотрела под ушатом,
Меж деревьев, между злаков,
Травы мягкие раздвинув.
Долго, долго ищет сына,
Ищет милого сыночка.
На горах и в роще ищет,
На песках, в полянах смотрит,

Смотрит каждый там цветочек,
Разрывает каждый кустик,
Можжевельник рвет с корнями,
У деревьев ломит ветки.
   Собралась искать и дальше,
Отправляется поспешно:
Ей звезда идет навстречу.
Пред звездой она склонилась:
«Ты, звезда, созданье божье!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко златое?»
   Так звезда ей отвечает:
«Если б знала, не сказала б.
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы в эти дни плохие
Я на холоде блистала,
В темноте бы я мерцала».
   Собралась идти подальше,
Отправляется поспешно:
Месяц ей идет навстречу.
Перед месяцем склонилась:
«Месяц, ты, созданье божье!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко златое?»
   Говорит в ответ ей месяц:
«Если б знал, так не сказал бы.
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы в эти дни плохие
По ночам ходил я стражем,
А в теченье дня я спал бы».
   Собралась идти подальше,
Отправляется поспешно:
Солнце ей идет навстречу.
Солнцу дева поклонилась:
«Солнце, созданное богом!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко златое?»
   Мудро солнце отвечает:
«Знаю я сынка девицы!
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы я по дням прекрасным

В светлом золоте ходило,
Серебром блистало чудным.
Знаю милого малютку!
Твоего сынка, бедняжка!
Вот где твой сынок-малютка,
Это яблочко златое,
Он увяз по пояс в топях,
Он в песке увяз по плечи».
Марьятта, малютка-дева,
Ищет сына по болоту,
Там в болоте и находит
И домой сынка приносит.
Вырос Марьятты сыночек,
Вырос мальчиком прекрасным.
Как назвать его, не знали,
Рос без имени малютка.
Мать звала его цветочком,
А чужие звали праздным.
Окрестить его хотели,
Окропить его водою.
Для крещенья прибыл старец,
Для моленья Вироканнас.
И промолвил старец слово,
Сам сказал такие речи:
«Бедный мальчик заколдован,
Я крестить его не стану,
Прежде чем его осмотрят,
И осмотрят и одобрят».
Кто же мальчика осмотрит,
Кто осмотрит и одобрит?
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Осмотреть его приходит,
Осмотреть его, одобрить!
Старый, верный Вяйнямёйнен
Приговор свой изрекает:
«Так как сын в болоте найден
И от ягоды явился,
То он должен быть оставлен
На лугу, где много ягод,
Или пусть ему в болоте
Разобьют головку палкой!»
Полумесячный ребенок,
Двухнедельный так промолвил:

«О ты, старец безрассудный,
Безрассудный старец, слабый,
Приговор изрек ты глупо,
Объяснил законы ложно!
Ты за большие проступки,
За дела глупее этих
Отведен в болото не был,
Головы ты не лишился,
А пожертвовал когда-то
Твоей матери дитятей,
Чтобы жизнь свою спасти им,
Чтоб себя от бед избавить.
Отведен тогда ты не был,
Да и позже, на болото,
А ведь в молодости давней
Заставлял девиц топиться
В глубине морских потоков,
В черном иле дна морского».
   Крестит мальчика тот старец
И дитя благословляет:
«Карьялы король да будешь,
Власти всей ее носитель!»
   Рассердился Вяйнямёйнен,
Рассердился, устыдился,
Собрался идти оттуда
И идет на берег моря.
Распевает громогласно,
Там в последний раз запел он:
Пеньем медный челн он сделал,
В медь окованную лодку.
   На корме челна уселся,
В море выехал оттуда
И сказал он при отъезде,
Так промолвил на прощанье:
«Вот исчезнет это время,
Дни пройдут и дни настанут,
Я опять здесь нужен буду,
Ждать, искать меня здесь будут,
Чтоб я вновь устроил Сампо,
Сделал короб многострунный,
Вновь пустил на небо месяц,
Солнцу снова дал свободу:
Ведь без месяца и солнца
Радость в мире невозможна».

Едет старый Вяйнямёйнен,
Едет с парусом шуршащим
На челне, обитом медью,
На богатой медью лодке,
Едет он туда, где вместе
Сходятся земля и небо.
Там пристал с своею лодкой,
С челноком остановился.
Только кантеле оставил,
Суоми чудную усладу,
Радость вечную — народу,
Своим детям — свое пенье.

* * *

Я уста теперь закрою,
Завяжу язык свой крепко,
Прекращу я эту песню,
Распевать не буду больше.
Отдыхать должны и кони,
Если много пробежали,
И само железо слабнет,
Покосивши летней травки,
Опускаются и воды,
Коль бегут они рекою,
И огонь погаснуть должен,
Коль пылал он долго ночью;
Почему ж напев не должен,
Не должна ослабнуть песня,
Если пелась целый вечер,
С самого заката солнца?
Так, я слышал, говорили,
Очень часто повторяли:
«Водопад, и тот в паденье
Не всю воду выливает,
Точно так же песнопевец
Не споет всех песен сразу.
Лучше вовремя их кончить,
Чем прервать на середине».
Так бросая, так кончая,
Заключая, оставляя,
Я в клубок мотаю песни,
Их в одну вяжу я связку,
Как запас, в амбар слагаю,

За замок из крепкой кости,
Не уйдут они оттуда
Никогда в теченье жизни,
Коль замок не будет отперт,
Коли кость не отомкнется,
Не разжаты будут зубы
И язык не повернется.
Что бы было, если б пел я,
Распевал я очень много,
Пел бы я в долине каждой,
Пел бы в каждой синей роще!
Мать моя уже скончалась,
На земле уж нет старушки,
Золотая уж не слышит,
Дорогая уж не внемлет:
Здесь меня лишь сосны слышат,
Ветви ели мне внимают,
Клонятся ко мне березы
Да приветствуют рябины.
Мать меня еще ребенком
Здесь покинула, родная,
Я, как жаворонок, вырос,
На камнях, как дрозд, остался,
Чтобы жаворонком пел я,
Щебетал дроздом в лесочке,
Под надзором у чужой мне
И под мачехиной лаской.
Прогнала она бедняжку,
Нелюбимого ребенка,
К той стене, где дует ветер,
К стенке северной жилища,
Чтоб сгубил жестокий ветер
Беззащитного ребенка.
Я, как жаворонок, вышел,
Я блуждал, бедняжка, птичкой,
Я с трудом едва влачился,
Тихо шел своей дорогой,
И узнал я всякий ветер,
Познакомился я с бурей,
Стал дрожать я на морозе,
Научился плакать в стужу.
Нахожу теперь я многих,
Часто я людей встречаю,
Что меня ругают злобно

И меня словами колют,
За язык мой проклинают,
Заглушают криком голос;
Говорят, что я трещу лишь,
Что мое не нужно пенье,
Что пою я часто плохо
И не знаю лучших песен.
  Люди добрые, прошу вас,
Не сочтите это странным,
Что пою я, как ребенок,
Щебечу я, как малютка!
Не был отдан я в ученье,
У мужей могучих не был,
Слов чужих не приобрел я,
Не принес речей с чужбины.
  Ведь другие обучались,
Я ж не мог уйти из дома —
Бросить матушку родную,
С ней одной я оставался.
Я учился только дома,
За своим родным забором,
Где родимой прялка пела,
Стружкой пел рубанок брата,
Я ж совсем еще ребенком
Бегал в рваной рубашонке.
  Как бы ни было, а все же
Проложил певцам лыжню я,
Я в лесу раздвинул ветки,
Прорубил тропинку в чаще,
Выход к будущему дал я,—
И тропиночка открылась
Для певцов, кто петь способен,
Тех, кто песнями богаче
Меж растущей молодежью,
В восходящем поколенье.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, НАИМЕНОВАНИЙ и т. п.

Айникки — сестра Лемминкяйнена (руна 12).
Айно — сестра Еукахайнена (руны 3—5).
Алуэ — озеро (руны 47, 48).
Анникки — сестра Ильмаринена (руна 18).
Антеро — другое имя Випунена (руна 17).
Ахти — другое имя Лемминкяйнена (руны 11, 12 и др.).
Ахто — морское божество (руны 5, 41 и др.).

Велламо — морская царица (руны 5, 42, 44, 48).
Випунен — великан, лучший знаток заклинаний (руны 1, 17).
Вироканнас — 1) мясник, умертвивший быка (руны 20, 22); 2) старец, приглашенный для крещения сына Марьятты (руна 50).
Виру — область в Эстонии и древнее название самой страны (руна 11).
Вуокса — река (руны 3, 17, 30).
Вуоя — страна (руна 13).
Вяйнёла — страна Вяйнямёйнена (руны 3, 5 и др.).
Вяйнямёйнен, Вяйнё — главный герой рун «Калевалы» (руны 1, 2 и др.).

Двина — река Северная Двина (руна 46).

Еукахайнен — соперник Вяйнямёйнена в пении (руны 1, 3, 6).
Еукола — место жительства Еукахайнена (руны 5, 7).

Ику-Турсо, он же, по-видимому, **Турсас** — морское чудовище (руна 42).
Ильмаринен, Ильма — чудесный кузнец (руны 1, 7 и др.).
Ильматар — дочь воздуха, мать Вяйнямёйнена (руны 1, 47).
Ильпотар — другое имя Лоухи (руна 27).
Иматра — водопад (руны 3, 30).

Ингрия — местность, которая располагалась около современного Ленинграда (руна 11).

Иордан — река в Палестине (руна 17).

Каве — иное имя Ильматар (руна 2).

Калева — родоначальник героев (руны 2, 7 и др.). Калевайнен — сын Калевы, а также — калевалец.

Калевала — страна Калевы (руны 1, 3 и др.).

Калеватар — дочь Калевы (руны 20 и др.).

Калерво, он же Калервойнен — отец Куллерво (руны 31—36).

Калма — божество смерти (руны 13, 17 и др.).

Каммо — божество ужаса (руна 40).

Капо — дочь Калевы (руна 20).

Карьё — кличка коровы (руна 32).

Карьяла — Карелия (руны 3, 20, 31 и др.).

Катракоски — водопад (руна 3).

Каукомъели, Кауко, Кауколайнен — иные имена Лемминкяйнена (руны 1, 11, 12 и др.).

Кауппи — делатель лыж (руна 13).

Кейтолайнен — злой дух (руна 26).

Кеми — река в Финляндии (руна 20).

Киви-Киммо — божество подводных камней (руна 40).

Киммо — кличка коровы (руна 1).

Кирьё — кличка коровы (руны 32, 33).

Куйппана — другое имя Тапио (руна 32).

Куллерво, уменьшительное: Куллервойнен — сын Калерво, юноша с трагической судьбою (руны 31—36).

Кура — товарищ Лемминкяйнена (руна 30).

Кюлликки — жена Лемминкяйнена (руны 11—13, 15).

Лапландия (руны 3, 5 и др.).

Лемминкяйнен — один из основных героев «Калевалы» (руны 1, 11, 12 и др.).

Лемпи — отец Лемминкяйнена (руна 11).

Лемпо — другое имя Хийси (руны 6, 8 и др.).

Ловьятар — дух, мать болезней (руна 45).

Локка — мать Ильмаринена (руна 25).

Лоухи — хозяйка Похъёлы (руны 1, 7 и др.).

Луотола — другое название места жительства Еукахайнена (руна 7).

Люликки — другое имя Кауппи (руна 13).

Майрикки — кличка коровы (руна 32).

Мана, Маналайнен — божество подземного мира (руны 4, 6 и др.).

Манала — подземный мир (руны 6, 14 и др.).

Марьятта — девушка, зачавшая от ягоды (руна 50).

Мелатар — богиня бурных течений (руна 40).
Метсола — другое название Тапиолы, царство лесов (руны 15 и др.).
Мимеркки — другое имя Миэликки (руна 14).
Миэликки — дух, царица леса (руны 14, 32, 46).
Мурикки — кличка коровы (руна 1).

Нева — река (руна 47).
Немецкая земля (руны 18, 21, 37, 46).
Нюрикки — сын лесного царя (руны 14, 32).

Омена — кличка коровы (руна 32).
Осмо — другое имя Калевы (руны 2, 4, 10, 20).
Осмойнен — сын Осмо, Вяйнямёйнен (руна 4).
Осмотар — дочь Осмо (руны 20, 23).
Отсо — прозвище медведя (руны 32, 46).

Палвойнен — 1) другое имя Тури (руны 15, 47); 2) другое имя Вироканнаса (руна 20).
Пану — божество огня (руна 48).
Пеллервойнен — другое имя Сампсы (руны 2, 16).
Пилтти — прислужница Марьятты (руна 50).
Пиментола — другое название Похъёлы, страна мрака (руны 6, 7 и др.).
Пиру — злой дух (руна 23).
Писа — гора (руна 3).
Похъёла — страна севера (руны 1, 2 и др.).

Россия (руны 20, 22, 31, 37).
Руотус — злой человек (руна 50).
Рутья — другое название Лапландии (руны 12, 17).

Саари — место жительства Кюлликки (руна 11).
Саво — часть восточной Финляндии (руны 35, 48).
Сампо — чудесная мельница (руны 1, 7 и др.).
Сампса — помощник Вяйнямёйнена в сеянии, см. Пеллервойнен (руны 2, 16).
Сара — речка (руна 50).
Сариола — другое название Похъёлы (руны 7, 8 и др.).
Сувантола — место жительства Вяйнямёйнена (руна 6).
Сувантолайнен — другое имя Вяйнямёйнена (руны 6, 18, 19, 49).
Суовакко — старуха в Похъёле (руна 18).
Суоми — Финляндия (руны 18, 19 и др.).
Суонетар — божество (руна 15).
Сюэтар — злое водное существо (руны 15, 26).
Сюэтикки — кличка коровы (руна 32).

Таника-замок — Таллин (руна 25).
Тапио — лесной царь (руны 14, 32, 41, 46).
Тапиола — страна Тапио, лес (руны 14, 15, 20 и др.).
Теллерво — дочь Тапио, дева леса (руны 14, 32, 46).
Терхенетар — дева тумана (руна 19).
Тиэра — другое имя Куры (руна 30).
Туликки — дочь Тапио, дева леса (руна 14).
Туомикки — кличка коровы (руна 33).
Туонела — страна Туони, подземный мир (руны 9, 12 и др.).
Туонетар — женское божество подземного мира (руна 16).
Туони — другое имя Маны (руны 12, 14 и др.).
Туорикки — кличка коровы (руна 32).
Тури — владелец жилища в чудесной местности (руны 15, 47).
Турсас, он же, по-видимому, Ику-турсо — морское чудовище (руна 2).
Турья — по-видимому, другое название Лапландии (руны 12, 20 и др.).

Увантолайнен — другое имя Вяйнямёйнена (руны 7, 16, 18, 42).
Удутар — дева тумана (руна 42).
Укко — бог неба, грома и молнии (руны 1, 2 и др.).
Унтамо — 1) божество сна (руна 5); 2) брат Калерво (руны 31, 34—36); 3) владелец чудовищного медведя (руна 26). Унтамойнен — то же, что Унтамо 2 (руны 31, 34).
Унтамола — страна Унтамо 2 (руна 31).

Хермикки — кличка коровы (руна 32).
Хийси — злой дух (руны 6, 8 и др.).
Хорна — гора (руна 3).
Хялляпюёря — озеро (руна 3).
Хяме — страна (руна 3).

Швеция (руна 20).

Эстония (руны 11, 25, 46).

Юотикки — кличка коровы (руна 32).
Ютас — злой дух (руны 13, 17).

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 12

КАЛЕВАЛА

*

Редактор
Н. Щербакова
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
Н. Замятина и Л. Коншина

*

ИБ № 451

Сдано в набор 28/IX 1976 г. Подписано к печати 13/I 1977 г. Бумага типогр. № 1. Формат $60\times84^1/_{16}$. 36 печ. л. 33,59 усл. печ. л. 35,96 +5 нак.=36,35 уч.-изд. л.
Тираж 303 000 экз.
(1-й завод 1—153 000). Заказ 781.
Цена 4 р. 19 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28